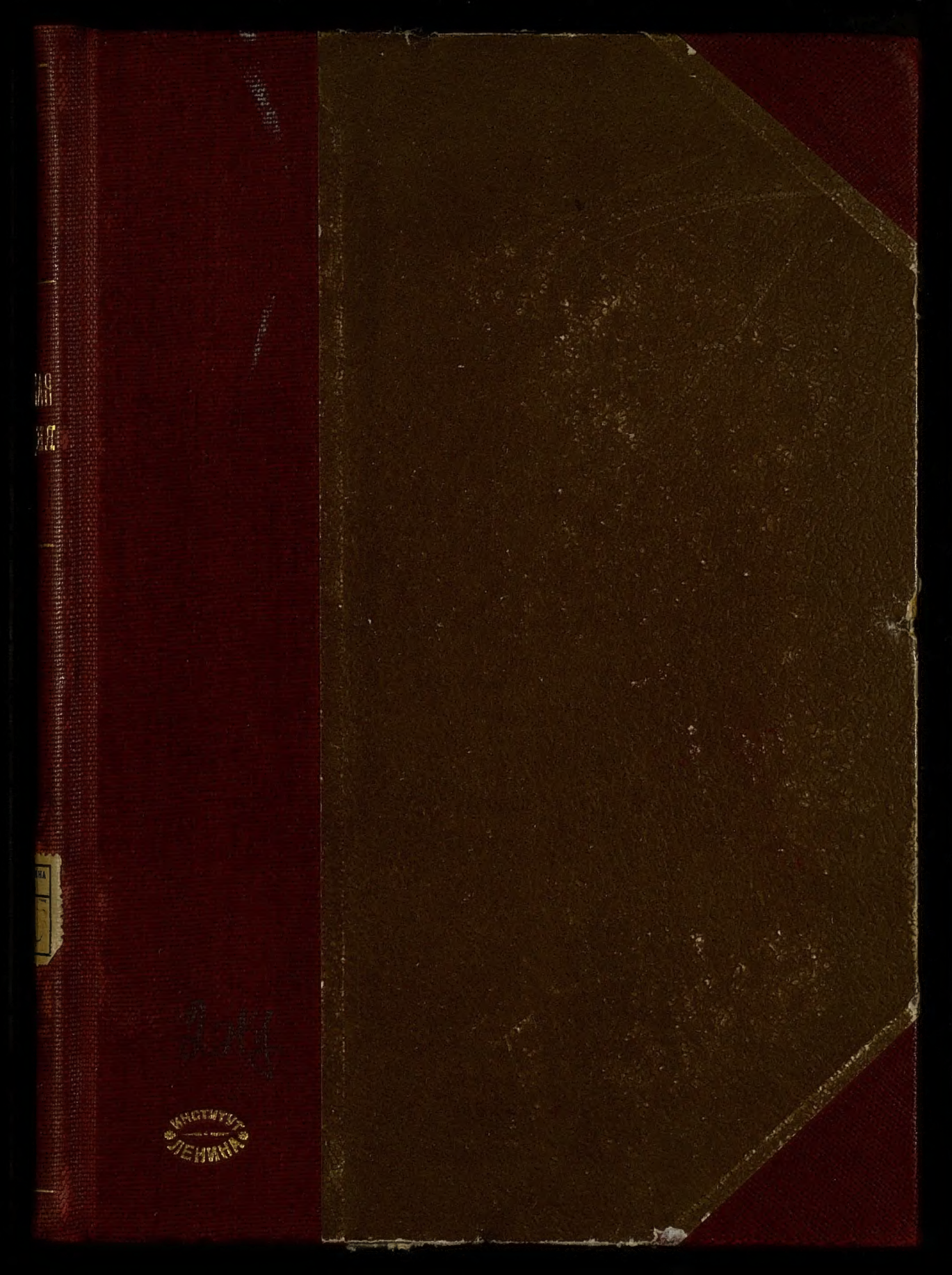
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

КАРЛ РАДЕК

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В 23 15
Гр 253

ТОМ II

Государственное издательство
1925

Карл Радек

ЕН161
Г392

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Том II

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

2к3

ЕН161
Г392
ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 520
БИБЛИОТЕКА
СФ
9350
25
1058511

Главлит № 36,106 Тираж 1[illegible]000 экз.

Типография „Красный Пролетарий", Пименовская ул., дом 1/16.

ОГЛАВЛЕНИЕ*).

	Стр.
Вступление:	
Создание компартии Германии	III
4-е августа 1914 года	1
I. Сила империализма и бессилие Интернационала	—
II. Победа и поражение германского империализма	13
III. От правительства Людендорфа к правительству Шейдемана	29
IV. Правительство Либкнехта	39
V. Международное положение и наши задачи	44
Русская и германская революции и международное Положение	55
I. Привет от русского пролетариата	—
II. Правительство Эберта-Шейдемана в Германии и правительство Керенского в России	56
III. Опыт русской пролетарской революции	59
IV. Гражданская война в России	60
V. Разрушение производительных сил в России	63
VI. Борьба против мирового капитала	68
Коммунистическая революция, война и мир	77
I. Большевистское втравливание в войну	—
II. Лига Наций, учредительное собрание и мир	78
III. Мировая революция пролетариата и мир	82
IV. Защита рабочей революции против капиталистических контр-революционных государств	85
V. Союз освобожденных народов	90
Центральному Комитету Германской Коммунистической партии	93
Германская революция и польский вопрос	96

*) В печатающемся III томе „Германской революции“ будут даны предметный и именной указатели ко всем трем томам.

	Стр.
Уроки гражданской войны в Берлине	101
I. Победа социал-патриотического правительства	—
II. Январская неделя в Берлине	115
III. Путь к победе	130
Развитие германской революции и задачи коммунистической партии	148
I. Политическое положение	—
II. Различие в темпе развития русской и германской революций	158
III. Политические задачи коммунистической партии	163
IV. Профессиональные союзы, коммунистическая партия и крушение капитализма	174
V. Фабрично-заводские советы и борьба за социализм	187
VI. Собирание пролетариата	193
VII. Наши обязанности перед Интернационалом	207
VIII. Коммунистическая партия	212
К тактике коммунизма	217
Внешняя политика германского коммунизма и гамбургский национальный большевизм	233
I. Манифест гамбургской оппозиции	—
II. Опыт внешней политики русской революции	235
III. Внешняя политика контр-революции и революции в Германии	243
IV. Революционный гражданский мир	249
Диктатура рабочего класса и коммунистической партии	254
I. „Долой партийных бонз!“	—
II. Массы и вопрос о вождях перед войной	255
III. Сущность пролетарской диктатуры	258
IV. Коммунистическая партия и рабочие массы в борьбе за власть	259
V. Коммунистическая партия и массы после завоевания политической власти	262
VI. Организация коммунистической партии	267
Германская коммунистическая партия в дни капповской авантюры	275
I. Бездеятельность	—
II. „Лойяльная оппозиция“	281
III. Против опасности коммунистического поссибилизма	290
Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Лео Иогихес	293
Роза Люксембург	295
Карл Либкнехт	325
Лео Иогихес	336

ТОМ II

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

ВСТУПЛЕНИЕ.

Создание компартии Германии.

В этом томе собраны статьи и речи, посвященные созданию коммунистической партии Германии и ее работе во время ноябрьской революции. Перепечатывая их, мне хочется подвести итоги этих лет борьбы и ответить на некоторые вопросы, касающиеся ее истории, к которым возвращается мысль германских коммунистов в связи с их теперешними трудностями и задачами.

Когда разразилась германская революция 9 ноября 1918 года, германские коммунисты представляли собой не политическую организацию, а только идейное направление в германском рабочем движении. Роза Люксембург и Либкнехт, мобилизуя в эти дни силы своих приверженцев для создания собственного органа „Rote Fahne", опирались в Берлине на несколько десятков людей. В Берлинском совете рабочих и солдатских депутатов не существовало даже особой коммунистической фракции. В Гамбурге наша партийная организация насчитывала 70 человек. Но на улицах Берлина вскоре начали демонстрировать сотни тысяч рабочих против правительства народных уполномоченных, во главе которого стоял не только Шейдеман и Эберт, но и независимые социал-демократы Дитман и Гаазе. Я помню, как приехав в Берлин в декабре 1918 года, я убедился в том, что наша организация находится в самом эмбриональном состоянии. Но вышедши из Бюро ЦК на улицу, я натолкнулся на крупную демонстрацию против правительства и спросил Либкнехта: кто эти демонстранты?—он отве-

тил мне: это независимые рабочие социал-демократы, которые демонстрируют против собственного правительства. В этом факте выражалось все противоречие положения. Союз Спартака, возникший в 1915 году, как нелегальная организация крайнего левого крыла германской социал-демократии, вел геройскую борьбу против войны, социал-патриотов и каутскистского центра; но когда в 1916 году произошел раскол германской социал-демократии, Союз Спартака не решился основать особую коммунистическую партию и вошел в состав Независимой социал-демократии, несмотря на настойчивые требования северной группы левых радикалов и ее органа, „Рабочая Политика", основать особую партию. Причины такого решения вождей Союза Спартака не надо искать в неясности насчет глубочайших принципиальных противоречий, существующих между Союзом Спартака и Независимыми. Достаточно взять в руки протоколы съезда в Галле в 1917 г., на котором оформилась Независимая социал-демократия, и прочесть кореферат по вопросам об основной линии партии, произнесенный членом Союза Спартака тов. Геккертом. Тов. Геккерт отстаивал в своем докладе всю принципиальную позицию левых радикалов с такой остротой, что Курт Эйснер упрекнул его в том, что он защищает даже не линию Союза Спартака, а более радикальную позицию журнала „Рабочая Политика". Практические руководители Союза Спартака убеждали тогда рабочих, идущих за ними, в необходимости войти в независимую социал-демократию, — причины этого надо искать в неслыханных гонениях на молодую, неокрепшую, непривыкшую к нелегальной борьбе группу спартаковцев, которая ставила под знак вопроса их связь с массами. Легальная массовая организация независимцев должна была, по мнению Иогихеса, главного организатора Союза Спартака, дать возможность спартаковцам действовать на широкие рабочие массы. Но Роза Люксембург, как видно из ее статей в дюссельдорфском легальном журнале „Борьба", кроме того, недооценивала корней каутскианства в массах. Она видела неоформленность позиций центра и недостаточно понимала, что в этой неоформленности и сила каутскианской позиции,

как выражения отчасти настроения масс, надеющихся, что удастся окончить войну без революции. Недооценивая значения централизованной организации с ярко очерченной политической линией, Роза Люксембург надеялась, что спартаковцы, как более революционная и определенная часть независимой партии, сумеют завоевать ее. Поэтому, когда началась революция, Союз Спартака не имел собственной массовой организации. Перед ним встал вопрос: не ждать ли еще с организацией самостоятельной коммунистической партии, несмотря на вхождение вождей независимых в совместное правительство с шейдемановцами. На этой точке зрения стоял Иогихес, который считал, что самостоятельную коммунистическую партию, как массовую партию, можно будет создать только тогда, когда практика вождей независимой социал-демократии в правительстве оторвет их от их масс. Но настроение членов Союза Спартака, который в первые недели революции собрал уже 20—30 тысяч рабочих, не мирилось с дальнейшим оттягиванием. Эти рабочие выражали стремление наиболее радикально настроенных масс стремление развернуть боевое знамя коммунизма, безоговорочно солидаризироваться с Советской Россией и бросить в народные массы боевой клич диктатуры пролетариата. Коммунистическая партия была основана в декабре 18-го года, накануне возникновения кризиса в Независимой социал-демократии. Она была, таким образом, основана, с одной стороны, чересчур поздно, а с другой, — чересчур рано. Последствием этого было то, что в ней происходили все процессы, происходящие и в массе независимых рабочих, но отдельно от них.

В чем состояли эти процессы? Весь 1919 год прошел в борьбе по двум вопросам. Первый вопрос, это—был вопрос о преждевременных боевых выступлениях партии. Второй вопрос—вопрос о роли коммунистической партии. В окончательном счете первый вопрос сводился ко второму. Коммунистическая партия была маленьким авангардом пролетариата, отделенным организационно от арьергарда, от независимых социал-демократических рабочих. Она не могла оставлять этих рабочих одних, если они шли в бой даже с

неравными силами, ибо нельзя пропагандировать коммунизм, стоя вне действительной борьбы рабочего класса. Но благодаря ее оторванности от рабочих независимых социал-демократов она рисковала, что всякое ее поражение кончится при ее слабости разгромом. В январском движении 1919 года принимали участие сотни тысяч рабочих независимых социал-демократов, но за январское поражение расплатилась коммунистическая партия головой своих вождей Люксембург и Либкнехта, разгромом своей легальной организации. В мартовские дни снова принимали участие в боях громадные массы рабочих-некоммунистов, но за мартовское поражение партия расплатилась снова головой своего лучшего организатора Льва Иогихеса и новым разгромом своей воссозданной организации. Это создавало в ней, с одной стороны, боязнь перед преждевременным выступлением, перед так называемым путчизмом, а с другой стороны, тягу к объединению с левыми рабочими социал-демократами. Как их завоевать—вот это был главный вопрос. Ответ на этот вопрос состоял в работе во всех массовых организациях пролетариата, в первую очередь в профсоюзах. Вопрос роли партии встал перед молодой коммунистической партией Германии во всю ширину, когда в ее рядах возникло течение, которое стремилось заменить коммунистическую партию бесформенными массовыми революционными организациями, т. н. заводскими организациями, которые пропагандировали Лауфенберг, Вольфгейм, Шредер, Юнг, Аппель. Если теперь тов. Маслов пишет, что партия тогда не ставила вопроса о роли партии, то достаточно прочесть перепечатанные в этом томе статьи против Лауфенберга и Вольфгейма, чтобы видеть всю необоснованность этого утверждения. Равно необоснованным является упрек, что руководство коммунистической партией стремилось к объединению с правыми элементами рабочего движения в лице независимцев, жертвуя в Гейдельберге связью с левыми, хотя мало сознательными рабочими элементами. Гейдельбергский раскол был просто преступлением против партии и ее развития. И если Маслов утверждает, что за этот шаг и я несу ответственность, хотя я в последний момент высказался против

раскола—ибо, по его мнению, я теоретически инспирировал Леви,—то это утверждение объясняется и незнакомством с историей партии (т. Маслов, только что примкнувший к компартии Германии, во время Гейдельбергского съезда занимался работой среди русских военнопленных), и непониманием значения борьбы партии в вопросе о профсоюзах и парламентаризме, которую пришлось вести против так называемых левых. До конца августа 1919 года моя связь с партией из тюрьмы была неслыханно затруднена. Леви не умел занять коммунистической позиции в вопросе о профсоюзах и в письмах ко мне высказывался за создание особых профсоюзов. Мне еле удалось убедить его в ложности этой позиции, когда я получил от тов. Бронского сведения о подготовляющемся расколе. В тот момент улучшились мои тюремные условия, и я смог послать обширное письмо Леви, в котором самым решительным образом высказывался против раскола с левыми, выдвигая те же самые аргументы, которыми теперь Маслов доказывает вредность взятой на раскол линии. Я указывал Леви, что нельзя производить раскола, не попытавшись раньше продолжительной и терпеливой кампанией убедить левых рабочих в правильности нашей линии. Если Леви мог ошибаться в вопросе о профсоюзах еще месяц назад,—писал я ему,—то нельзя требовать от рабочих ясности в этом вопросе. Леви скрыл это письмо от партийной конференции, заявляя позже, что он его получил чересчур поздно. Что же касается теоретической подготовки этого раскола, то это утверждение было бы правильным только в том случае, если Маслов считает, что такой подготовкой являлась борьба за идеи завоевания профсоюзов, революционного использования парламента и роль партии, как руководителя революции. Насколько смешным является утверждение, что дело шло о расколе с левыми рабочими и объединении с правыми, в лице независимцев, показывает факт, что большинство независимых рабочих социал-демократов и в вопросе о профсоюзах, и в вопросе о парламентаризме было точно также настроено, как левые рабочие, с которыми Леви в Гейдельберге порвал. Ведь теперешняя руководящая левая в

Германской компартии опирается, в первую очередь, на рабочих, бывших независимцев, пришедших к нашей партии в 1921 году. Леви, стремясь тогда к расколу с левыми рабочими-коммунистами и к объединению с независимцами, исходил из предпосылки, что именно потому, что и независимые рабочие страдают детской болезнью левизны, коммунистическая партия должна итти на соглашение с ними, предварительно выкристаллизовав твердую позицию и приведя собственные ряды в порядок. Это была плохая политика, ибо положение указывало только на то, что время еще не созрело для такого выяснения и выкристаллизовывания политики, что оно будет возможно только в общей массовой коммунистической партии и что незачем производить раскол раньше предварительной, настойчивой агитационно-пропагандистской работы. Но плохо ли, хорошо ли, эта работа была сделана; если сравнить ответы, данные на все вопросы движения в статьях, собранных в этом томе, с решениями II конгресса Коминтерна, то компартии Германии не приходится стыдиться за линию, принятую в 1919 году. Как показал II конгресс Коминтерна, она вполне совпала с его линией. И если после объединения с рабочими-независимцами компартии Германии пришлось еще раз проделать эту работу с этими широкими массами, пришедшими к нам в 1921 году, то это доказывает только, что установление коммунистической практики не является единичным актом, что коммунистическую идеологию надо завоевывать всегда заново, когда коммунистическая партия завоевывает новые массы, или когда меняется обстановка борьбы. Тов. Маслов признает, что без Союза Спартака не было бы коммунистической партии, к этому надо добавить: без борьбы коммунистической партии в 1919 году, борьбы идеологической и борьбы с оружием в руках, рабочие-независимцы не сделались бы коммунистами или сделались бы ими значительно позже.

Уже этот период, который находит отражение в этом томе, поставил перед партией твердо вопрос о том, что

власть можно завоевать, только являясь выражением чаяний и воли к борьбе большинства пролетариата. Он поставил вопрос о том, что, не бросаясь в бой за власть без поддержки громадных масс рабочих, партия не может заниматься только пропагандой, она должна поддерживать всякое революционное выступление пролетариата и стремиться использовать всякое революционное положение. Моя статья об ошибках партии в капповские дни, напечатанная в этом томе, как и статья об опыте венгерской революции (напечатана в I томе сборника „5 лет Коминтерна"), показывает, насколько ясными мне были опасности, происходящие из нашей необходимой борьбы против преждевременных выступлений, опасности перегиба палки к политике голого выжидания, к политике зрительства и разумничанья.

После объединения 21-го года, когда компартия Германии выросла в массовую партию, имеющую больше 300.000 членов, все эти вопросы только обострились: и вопрос о завоевании масс, и вопрос об опасности выжидательной политики, и вопрос о роли партии,—они обострились, конкретизировались, благодаря поражению в марте 1921 года, благодаря возникновению тактики единого фронта, благодаря приближению вопроса о захвате власти. Но об этом расширенном воспроизводстве вопросов периода 1919—1920 года в 1921 — 1924 г.г. мы будем говорить в следующем томе этого сборника.

Карл Радек.

7 ноября 1924 года.

4-е августа 1914 года.

Когда в августе 1914 года разразилась военная гроза, перед нами открылось ужасное зрелище, которого не ожидал никто из социалистов. Во всех странах рабочие приняли участие в войне, в той войне, о которой они знали, что она ведется в интересах капитала, в той войне, которую предсказывал Интернационал на всех своих конгрессах за последнее время, в той войне, которую он заклеймил, как грабительскую войну, как войну, ведущуюся в интересах капитала, как войну против народов. Интернациональное братство народов рассыпалось в прах. Интернационал рухнул. И каждому, кому пришлось видеть в те дни, как шли на войну рабочие Германии, авангард Интернационала, хотя бы он был убежденнейшим защитником идеи интернационализма, приходила мысль: не являются ли мечтой или иллюзией все наши мысли об интернациональном братстве пролетариата? Ведь, немецкие рабочие пошли на войну без всякого сопротивления, они пошли с песнями, как пьяные, они пошли с победным кличем.

I. Сила империализма и бессилие Интернационала.

В те дни мы были свидетелями полного триумфа империализма. Он созрел в эпоху девяностых годов, в эпоху II Интернационала, и превратил интернациональную социал-демократию, II Интернационал, в карточный домик, опрокинутый в решительный момент тяжелой поступью истории. И ныне, когда мы стоим перед фактом крушения германского империализма, мы в первую очередь должны остановиться на вопросе о причинах могущества германского импе-

риализма и о причинах падения, позорного крушения II Интернационала.

II Интернационал и современный империализм—порождение одной и той же эпохи. II Интернационал возник благодаря тому обстоятельству, что в течение трех последних десятилетий XIX века чрезвычайно развился международный капитал и создал в рабочем классе всех стран чувство общности интересов. На почве этого процесса капиталистического развития, во всех странах обострившего противоречия между рабочим классом и капиталом, объединившего в единый организм все капиталистические страны, вырос II Интернационал. Но это капиталистическое развитие, вызвавшее к жизни II Интернационал, вместе с тем создало высшую форму капитализма,—современный империализм.

Впервые этот современный империализм проявился в войне между Соединенными Штатами и Испанией, затем последовала англо-бурская война, русско-японская война, революции в Турции, Персии, Китае и, наконец, балканский кризис, предшествовавший международной войне. Все эти явления показали, в каком направлении развивается капитализм. Но большинство рабочего класса не поняло их смысла. Социалистическая агитация рассматривала империализм, как дело узкой клики капиталистов, военных поставщиков и капиталистических династий, и хотя социалистическая теория указывала более глубокие корни современного империализма, но сознанию народных масс империализм представлялся вовсе не тем, чем он является на самом деле, т.-е. серьезнейшим врагом рабочего класса.

Современный империализм ни в коем случае не является политикой узкого круга капиталистов, наподобие политики торгового капитала XVII—XVIII в.в. Современный капитализм—порождение новейшей металлургической промышленности, больших трестов и картелей, которые не удовлетворяются внутренним рынком и устремляются за моря, горы и равнины, в чужие страны, в страны, еще неразвитые капиталистически, чтобы там, за счет народных масс этих стран, прокладывать железные дороги и строить порты, сооружать за их счет броненосцы, чтобы с их помощью защищать капита-

листическую прибыль. Но металлургический капитал, оттеснивший, начиная с девяностых годов, на второй план текстильный капитал, который был продуктом раннего капитализма, с каждым годом захватывал в свои руки все большее количество рабочих, приобретал с каждым годом все большие состояния и является теперь первой и самой мощной отраслью современного капитала; с ним неразрывно связан угольный капитал и все те отрасли промышленности, которые следуют за ним, когда он строит в чужих странах железные дороги, порты и города.

Если одним из источников современного империализма является стремление финансового капитала, в руках которого как-раз сосредоточена металлургическая промышленность, захватить в свои руки весь новый мир, путем порабощения экономически неразвитых стран, путем производства средств производства и транспорта, тот мир, к развитию которого именно и стремится капитал, то одновременно с этим то же самое стремление приводит к другим следствиям для всех остальных отраслей промышленности. В настоящее время во всем мире ведется борьба за источники сырья, и в этом сырье нуждаются даже те отрасли современного капитала, которые предпочли бы развиваться по старому методу свободы торговли; поэтому они поддерживают стремление металлургического капитала к захвату все новых и новых стран, чтобы получать оттуда необходимые для них запасы сырья. Современный империализм является политикой всей буржуазии в целом и, во всяком случае, играет в ее политике решающую роль.

Но он был больше, чем экономической политикой,—он был религией современного капитала. Когда капитализм появился на арене истории, он выдвинул всеобщие принципы, определяющие внутренний строй жизни человечества. Перелистывая сейчас классический труд молодого капитализма „Богатство народов“ Адама Смита, в нем можно заметить глубокую уверенность этого капитализма, что он несет миру покой, обеспечивая человечеству свободу развития и всеобщее благосостояние. Адам Смит с гордостью указывает на тот факт, что в XVIII веке последний поденщик живет не

хуже, чем в XII веке жил король. Юный капитал заявлял, что он несет с собой покой, свободу и обеспечивает неограниченные возможности развития. Но вскоре затем настали сумерки кумиров раннего капитализма. Его идеология, идеология либерализма, разложилась; уже в 50-ые годы либерализму пришлось лицом к лицу встретиться с новым миром возникающего рабочего движения и социализма, этой новой религии человечества, и ему пришлось пройти сквозь огонь социалистической критики, в нем самом убившей веру, будто он несет с собою новый строй. За этим временем упадка идеалов и веры среди буржуазии последовала эпоха империализма. Он привел с собой мощные боевые отряды капитала, проникшие в отдаленные страны, повсюду неся с собой железо и электричество, повсюду создавая и пробуждая к жизни новые производительные силы. Стремление к этой созидательной деятельности стало религией буржуазии. Буржуазия, уже потерявшая надежду на выполнение своих задач у себя дома, переносит их в отдаленные страны, и достаточно прочесть главные труды империалистической литературы, чтобы найти в них на первом месте уверенность империализма, выполнившего в Европе свою задачу создания капиталистической культуры, в его новой миссии—направиться в другие страны, к дремлющим народам, пробудить их энергию, заставить их взять топор в руки, принудить их проникнуть в недра земли и создать новые миры. Читая биографии великих вождей современного капитала, пионеров империализма, биографии Сесиля Родса, Джоэ Чемберлена или недавно умершего немецкого пионера империализма Карла Петерса, легко заметить, какая глубокая вера воодушевляла этих людей. Они были убеждены, что империализм—новый мессия, призванный поведать умирающему миру новые идеи, новые слова. И вместе с тем им присуще глубокое презрение к рабочему движению. Они полагают, что рабочее движение, социализм, является стремлением к дележу того, что имеется налицо, между тем как империализм ставит своей задачей творчество нового мира.

Религия империализма стала религией буржуазии в целом именно благодаря тому, что империализм воплощал в себе стремления крупно-капиталистических руководящих кругов.

Кроме того, известную роль здесь сыграла внутренняя борьба между рабочим классом и капиталистами. Мелкая буржуазия, низвергнутая с престола крупным капиталом, стала служебным классом, лакеем империализма, слугой крупной буржуазии и ненавидит рабочих, пожалуй, даже больше, чем когда бы то ни было ненавидел их крупный капитал. Когда мощные тресты заставили мелкую и среднюю буржуазию, попавшую в зависимость от них, служить своим целям, то рабочие, благодаря борьбе, ведущейся профессиональными союзами, и завоеванному ими социальному законодательству, заставили мелкую буржуазию погрузиться еще глубже на дно. Эта борьба между рабочими, с одной стороны, и мелкой и средней буржуазией, с другой, укрепила в ней веру в насилие, хотя завоевательные походы в Азию и Китай вовсе не вытекают из их интересов. То же самое правительство, которое строило броненосцы, чтобы посылать их для покорения буров, для уничтожения боксеров, одновременно, благодаря тем же орудиям насилия, получило возможность подчинять и принуждать к покорности рабочих. И поэтому мелкая буржуазия, конечно, задумывавшаяся над тем, что империализм обходится слишком дорого, что, благодаря ему, растут цены, что он затрудняет борьбу с классом крупных капиталистов, увидела в империализме единственную силу, при помощи которой можно держать в страхе рабочих, сдерживать их поступательное движение и, в случае нужды, привести их в состояние покорности. Таким образом, во всех капиталистических странах империализм стал политикой господствующих классов, политикой всей буржуазии.

Все те социалисты, которые в интересах популяризации, чтобы облегчить агитацию, представляли империализм, как политику капиталистических династий и узких клик, не только совершали теоретическую ошибку, но грешили против рабочего класса, потому что скрывали от глаз рабочих надвигающуюся международную войну. Интернационал теоретически признал ужасающую опасность империализма. Его конгрессы принимали резолюции, призывающие рабочих к борьбе с империализмом, но каждый, кому приходилось в повседневной работе в рядах социалистических партий Запада подымать вопрос об империализме, постоянно отме-

чая его исключительную важность для рабочего класса, наталкивался на противодействие, и его слова встречались с недоверием. За последние пять лет перед войной внутри самого радикального и революционного течения германской социал-демократии велась ожесточенная борьба, сосредоточенная именно на вопросе об империализме. На одной стороне стояла кучка так-называемых левых радикалов, доказывавших, что необходимо мобилизовать рабочий класс для непосредственной борьбы против империализма, заявлявших, что парламентскими средствами нельзя обуздать это чудовище, нельзя связать и заковать его в железные цепи, и что этого можно добиться только массовой революционной борьбой рабочего класса.

Во главе другого направления, так-называемого центра, стоял Карл Каутский. Это направление утверждало, что, с одной стороны, конечно, существуют мощные империалистические течения, но, с другой стороны, среди буржуазии можно заметить другое сильное течение, стремящееся к миру и враждебное империализму, и именно сотрудничество с мирными элементами,— конкретно говоря, с либералами,—является лучшим средством преодоления империализма посредством пацифизма, международных договоров о мире и разоружениях. Левые радикалы составляли небольшую кучку и могли только подготовить идеологию, которая теперь господствует в Интернационале, но они не в состоянии были внушить рабочему классу ясное представление о страшной опасности империализма.

Глубокие причины этого явления коренились во внутренней жизни самих рабочих. Перед войной кругозор рабочих был ограничен в лучшем случае рамками государства. Закованные в цепи капитализма, они работали на фабриках до полного истощения сил и, возвращаясь домой после десятичасового рабочего дня, думали, самое большое, о расходах по домашнему хозяйству, о выборах в городское управление, чтобы с его помощью добиться разрешения жилищного вопроса, улучшить жилищные условия. В лучшем случае, они думали о приближающихся выборах, о подаче избирательного бюллетеня, чтобы провести в парламент социалистов, задача которых—бороться против новых нало-

гов и военных расходов. В рамках повседневности, находясь во власти фабрики, рабочий не в состоянии был охватить одним взглядом весь мир, чтобы заметить надвигающуюся опасность. Он не мог даже представить себе в своем воображении миллионов людей, сражавшихся на арене мировой войны. Когда мы, работая в Германии, касались вопросов, связанных с империализмом, мы сталкивались с чрезвычайно ограниченным географически кругозором. Когда мы говорили немецким рабочим, что им, быть-может, придется сражаться у Багдада за Багдадскую железную дорогу, они смеялись. Убогое воображение прикованных к фабрике людей не в состоянии было подняться до представления о том, что вот явится капитал и погонит их за моря и реки, в далекий мир, на берега Евфрата и Тигра, знакомых им только из Библии. Рабочий класс должен был пройти сквозь огонь международной войны, должны были мчаться по всей Европе эшелоны,—сегодня сражаясь у Северного моря, завтра у Евфрата, послезавтра в Финляндии, — чтобы он понял призыв Чемберлена, вождя английского империализма, говорившего английской буржуазии: „Думайте обо всем мире!“

Ограничиваясь теоретической пропагандой и агитацией, невозможно было убедить рабочий класс в существовании грозящей ему исполинской опасности. Эта связанность местными условиями усиливалась II Интернационалом, возникшим в „мирную эпоху“ развития капитализма. В то время войны велись лишь на окраинах капиталистического мира, и международный капитал только готовился к международной войне. Старое революционное учение Маркса было превращено Интернационалом в учение о ближайших этапах, в учение о завтрашнем дне, и он просто не был в состоянии вызывать подъем рабочего движения. До глубины своих корней Интернационал был разъеден оппортунизмом,—течением, которое единственной задачей рабочих считало борьбу за повышение заработной платы на пять копеек или сокращение рабочего дня на полчаса, объявляя романтизмом и фантастикой выявление перед рабочими великих мировых революционных задач. И поэтому, когда разразилась война, оказалось, что международный пролетариат не имеет боевой подготовки и не в состоянии выступить. Он был скован по

рукам и ногам своей собственной идеологией законности, — идеологией, которая учила, что борьбу надо вести только в рамках законности, только за самые ближайшие задачи пролетариата, и которая похоронила веру пролетариата в его собственные силы. Отчетливей всего это проявилось в истории германской социал-демократии в тот момент, когда русская революция 1905 года вдохнула в рабочие массы Германии новую душу, когда передовая часть немецких рабочих масс начала готовиться к массовой стачке, к борьбе революционными средствами, а фальсификаторы марксизма стали удерживать ее от этого. Из теории активности, из теории борьбы марксизм превратился в учение, доказывающее рабочим, что скачки невозможны, что капитализм не делает скачков, но развивается постепенно. Такова история марксизма в эпоху II Интернационала; он не занимался только одним вопросом,—только вопросом о тех скачках, которые совершал в своем развитии сам капитализм. В тот момент, когда эти марксисты сами себя утешали тем, что капитализм в случае войны сам рискует потерей своих огромных богатств, которые могут быть разрушены ею,— они не понимали, что развитием капитализма нельзя управлять при помощи логических доводов, что политика капитала всегда была политикой исторической необходимости, что крупный капитал, в своей погоне за высшими прибылями, не замечает опасностей и неудержимо стремится вперед, хотя бы при этом ему пришлось раздавить на своем пути мелкую буржуазию.

В то время, как разбавленные водицей марксисты и II Интернационал успокаивали рабочий класс и старались усыпить его болтовней, совершенно лишенной воли к действию, к борьбе, империализм продолжал свое дело, дело подготовки великой мировой войны, такой войны, подобной которой не было со времен Наполеона I.

Капиталистическое развитие за последние 40 лет имело своим следствием создание нескольких гигантов капитализма в Средней Европе. Германия, капиталисты которой всего 60 лет назад, по выражению Энгельса в его работе „Значение силы и экономики в образовании Германской империи“, стояли перед английскими капиталистами, держа шляпы

в руках,—и о том же можно прочесть в прекрасном описании Макса Эйдта, наблюдавшего тот же самый процесс, когда он был молодым инженером,—эта Германия за последние сорок лет стала руководящим капиталистическим государством. Она создала на Рейне, в Вестфалии и Силезии исполинскую железоделательную и угольную промышленность, с которой может сравниться только промышленность Северо-Американских Соединенных Штатов. Она развивалась быстрее, чем Англия, это старое капиталистическое государство, именно потому, что она моложе, что крупная промышленность, возникшая только после 1871 года, сумела использовать новые методы производства. Она опиралась на новые специальные науки, на великие технические науки, стоявшие выше соответствующих научных отраслей в Англии. Она применила научные методы к развитию промышленности и в конце XIX столетия пришла к убеждению, что не в состоянии ограничиваться внутренним рынком. Само собой разумеется, что германская промышленность со своими прекрасными изделиями в состоянии была бы выдержать конкуренцию на всех рынках старых капиталистических государств, если бы она захотела довольствоваться обычными прибылями; но немецкие капиталисты с завистью глядели, как английские капиталисты ежегодно присваивали новые области в Южной Африке, как они там из ничего создавали новые города, как они перебрасывали грандиозные мосты через водопады, проводя по ним железнодорожные пути, как они носились с мыслью соединить Капскую колонию с Каиром. Они видели, что английский капитал получает от этих предприятий сверхприбыль, как его промышленность добивается величайших выгод; они созерцали расцвет калифорнских золотых приисков, видели начало развития Китая. Наблюдая все это, они стали размышлять о том, что мир, в сущности, уже поделен, и тогда представители мощного германского капитала заявили: „Мир уже разделен. Хорошо! В таком случае мы его переделим заново. Мы переделим его в свою пользу". Германский капитал начал строить могучий флот, стал прокладывать большой канал, соединяющий Киль с Вильгельмсгафеном, чтобы флот имел возможность непосредственно пройти из Балтийского в германскую

часть Северного моря и обрушиться на Англию в тот момент, когда этот старый разбойник, этот старый мировой пират, окажется слабым. Немецкий капитал знал, что происходит в Турции, знал этого „больного человека", просившего помощи у капиталистов всего мира. Чтобы сдержать железными скрепами развалившийся турецкий дом, турецкие султаны нуждались в поддержке европейского капитала. И тут-то германский капитал напал на мысль, впервые высказанную еще в пятидесятых годах великим теоретиком германского империализма Листом,—о постройке великого железнодорожного пути от Константинополя до Багдада, пути, на постройке которого германский империализм мог бы заработать миллиарды, выполнив попутно еще одну задачу: превратить месопотамскую пустыню в плодородные поля для производства хлопчатой бумаги, необходимой немецким капиталистам, потому что пока что им приходится покупать хлопчатую бумагу в Америке и таким образом платить дань американским биржевикам.

Германскому капиталу казалось, что уже близок день, когда по этому пути помчатся немецкие поезда к Индийскому океану и в Персию; представлялось, как они создадут новую великую „Imperium Germanicum", германское мировое владычество, способное сравняться по своему могуществу с детищами англо-саксонской расы, как они сумеют перерезать их неимоверно огромные владения, пересечь ту черту, о которой пророк английского империализма Гомер Ли сказал: „Если бросить взгляд на английскую карту, то легко заметить, что красная английская черта проходит по всему миру, что она весь мир, всю Европу, Азию и Африку делает предметом английской эксплоатации, объектом английской политики". Германский капитал видел, что великая Китайская империя, насчитывающая приблизительно 400 миллионов жителей, уже не в состоянии отгородиться от капиталистического мира китайской стеной. В 1895 году Япония пробила своими пушками брешь в этой китайской стене. Англичане простерли руки из своих старых владений у Кантона в глубину Китая, и у немецких капиталистов руки дрожали от зависти, жажды обогащения и желания вырезать для себя тоже кусок мяса из этого исполинского тела. Они использо-

вали борьбу, которая велась между величайшими империалистическими державами, между Россией и Англией, они пытались использовать англо-французский спор из-за раздела Северной Африки, повсюду они старались сделать первый шаг, за которым должны были последовать новые шаги. В переписке императора Вильгельма с бывшим царем, в письмах, которые на-ряду с другими реликвиями старой Европы находятся в руках первого европейского революционного правительства, есть трогательные места. Император Вильгельм рассказывает о своем путешествии в Иерусалим. Он рассказывает, что отправился туда, как паломник: ведь он христианин, верующий человек, а каждый верующий должен совершить паломничество в Иерусалим, ибо это святой подвиг перед богом и людьми. Но когда император Вильгельм направился по стопам верующих и прибыл в Иерусалим, поднялся крик на весь мир, что этим паломничеством прикрывается какое-то коварство немецкой политики. И вот император уверяет царя, что это неверно. Но вслед за этим выясняется, что император отправился в Иерусалим уже не под влиянием побуждений своей религиозной совести, а потому, что его толкает туда „Немецкий банк". „Немецкий банк"—это огромное банковое предприятие, сосредоточивающее в своих руках большую часть германских состояний. Во главе „Немецкого банка" стоят прекрасные руководители, среди этих добрых людей есть евреи, но интересы „Немецкого банка", заставившие германского императора поехать в Багдад для устройства коммерческих дел с турками, волновали сердце императора не менее глубоко, чем его религиозные чувствования. Из дальнейших писем мы узнаем, что он уже не старается убедить царя словами веры и христианскими чувствами, а просто говорит: „При содействии своего банка я построю в Турции дорогу, великолепную железную дорогу. По этой железной дороге ты сможешь послать в Персию свою армию, если какая-либо другая держава (здесь повсюду упоминается не Англия, но исключительно только „другая держава") будет тебе препятствовать". Мы видим, как германский империализм постепенно вовлекал немецкий народ в международный империалистический конфликт, разразившийся в 1914 году

войной. Когда идеологи англо-французского империализма говорят о могучем росте германского империализма, они применяют почти марксистский анализ. Они не верят в христианские чувства императора Вильгельма и вообще ни в какие другие его чувства. Они указывают, что Германия, в интересах своего мощного молодого капитализма, простирает руки в трех направлениях: через Турцию в Средней Азии, к Индийскому океану; от Киао-Чао, занятого немцами в 1898 году, в глубину Китая, и от германских колоний в Африке—с намерением создать Центральную Африканскую империю. Когда идеологи союзников изображают этот процесс роста германского капитализма, они кричат о немецких разбойниках, кричат о том, что Германия является виновницей войны. В первую очередь Германия начала войну не с китайцами, не с неграми и не с турками,—война вспыхнула потому, что лакомое блюдо, на которое засматривалась Германия, точно так же соблазняло наших доблестных бывших союзников, этих перворазрядных идеалистов. Именно союзники,—и во главе их Англия,—создали империю, которая теперь держит весь мир в своих стальных руках. Трагедия германского империализма в том, что этот молодой хищник, обладавший огромным аппетитом, явился в мир слишком поздно, когда все остальные уже насытились и легли отдыхать со словами Фафнера из „Зигфрида“ Вагнера: „Я сыт, оставь меня в покое“. С точки зрения капитализма, Германия ничего не сделала исключительного. Французский капитал, в десять раз более слабый, и проявляющий меньше жизненной энергии, чем германский, награбил во всем мире так много колоний, что уже не в состоянии содействовать их развитию, и право говорить о германских грабительствах, о ликвидации германского империализма принадлежит, во всяком случае, не тем, кто может его упрекнуть только в том, что он стал на их пути и хочет вырвать у них из рук жирный кусок. Этот грабительский германский империализм могут поставить в вину Германии только те, кто вообще отрицает империалистическую политику, кто ведет борьбу против империализма, только те, кто противопоставляет ему свободное развитие всех народов, без грабительств, без эксплоатации, без угнетения и рабства. Теперь,

когда вся союзническая печать оглашается громким криком радости: „Цивилизация побеждает, побеждает честность, побеждает демократия!"—так как старому хищнику удалось отогнать от добычи молодого хищника; мы должны заявить всему капиталистическому миру, что это мир продажности, мир, который ко всему подходит с двойственным мерилом готтентотской морали, ибо он кричит: „Распни его!" лишь потому, что это ему выгодно, а своих собственных разбойников, живущих в его доме, он причисляет к народным героям. Давид Юм, великий философ молодого английского капитала, просто и ясно охарактеризовал такую политику словами: „Преступно то, что нам невыгодно". Причинять затруднения английскому империализму,—значит совершать преступление. Быть для него полезным,—значит быть добродетельным. Однако, это философское определение добродетели и преступности покоится, хотя оно и выдвигается великим философом, только на основании того критерия, что приятно грабить и неприятно быть ограбленным, в особенности тому, чей кошелек набит доверху. Весь этот триумф союзнической печати вызывает в нас такое же отвращение, как триумф немецкой печати в годы немецких побед, когда германский империализм возвещал, что Германия несет миру новое слово. Германия принесла миру меч. В течение первых трех лет этот меч одерживал победы. Теперь игра повернулась не в его пользу.

II. Победа и поражение германского империализма.

Вспомните головокружительный взлет германского коршуна. Вспомните, как пала его жертвой маленькая Бельгия. Мы ни в коем случае не намерены идеализировать ее капиталистов и, наверное, не стали бы гарантировать нейтралитетом ее трезвого благоразумия, но ее гибель вызвала чувство глубокого сострадания в сердцах народных масс всех стран. В ней видели маленький народ, через труп которого хотел пройти немецкий гренадер-великан, ибо этот маленький народ преграждал ему путь к уничтожению другого

большого народа—Франции. Нам пришлось быть свидетелями уничтожения германской армией маленькой Сербии, видеть, как армии Ковеча и Макензена стерли с лица земли несчастное крестьянство Сербии, как на Коссовом поле снова погиб цвет сербской молодежи, однажды уже истребленной там в XII столетии, как разбойник Петр Карагеоргиевич погнал на войну крестьян сначала в 1912 году, а затем в 1913 году усеял их костями Коссово поле, связанное великими легендами с их историей. Многим казалось, что там, где прошло чудовище германского империализма, народ уже не возродится. Так думали, когда Германия опустошила Румынию, крестьянство которой было вовлечено в войну боярами, помещиками и кликой продажных дельцов, продававших его обеим враждующим сторонам. Вспомните, как германская армия одну за другой громила французские крепости, разгрызая их, словно ореховую скорлупу. Вспомните этот могучий взлет германского коршуна, казалось, не имеющий границ, ибо, когда он не в состоянии был победить своих врагов в Европе, он стал обдумывать возможность использовать старый наполеоновский путь через Турцию в Египет, чтобы там вонзить свои когти в спину английского империализма, своего главного противника. Мало того, он замышлял даже прорваться на Кавказ через Россию,—это было уже после заключения Брест-Литовского мира,—через Кавказ направиться в Туркестан, чтобы там, в конце-концов, нанести поражение Англии. Перед вашими глазами живо стоит еще весь германский поход против России. Вспомните, как Германия уничтожала одну за другой русские армии, как она гнала перед собой русских крестьян.

Чем же побеждала Германия? Тем, что это было самое сильное капиталистическое государство. Называя эту войну империалистической, войной высоко развитого капитализма, мы тем самым объясняем, почему побеждала Германия: именно потому, что в Германии сильнее всего был развит капитализм. Современная война требует огромного аппарата, точно работающего механизма, где все предметы мирового производства, снаряжение, железные дороги,—все объединено в одно целое, и господам золотопогонникам из генерального штаба достаточно

нажать кнопку, чтобы отовсюду послать в безграничную даль поезда с самыми разнообразными предметами производства, чтобы привести в движение продовольствие, снаряжение и боевые отряды. Но империалистическая война является капиталистической еще и в другом отношении. Этот империалистический аппарат может обслуживать только такой человек, который долго варился в капиталистическом котле. Необходимость для этого аппарата неслыханно правильной работы, с точностью до одной минуты, сама по себе показывает, что такой аппарат может обслуживаться только людьми, привыкшими работать за своей конторкой с правильностью механизма. В большой капиталистической конторе люди научились рассчитывать время, и эту привычку, эту способность может им дать только капитализм. Современное вооружение требует стальных нервов от людей, которые стоят у орудий, обслуживают пулеметы и винтовки, роют окопы, работают как саперы. Еще во времена суворовских походов русские генералы называли русского крестьянина „серой скотинкой". Они говорили: „Он все вынесет". Фридрих Великий, как передают, выразился даже, что надо три раза выстрелить в русского солдата, пока он упадет. Но эта выносливость русских солдат, безвольно подчинявшихся приказам своих генералов, привыкших повиноваться старшему и беспрекословно исполнять, что он прикажет, была недостаточным качеством для современной войны. Уже перед войной все военные писатели, представители милитаризма, например, генерал Бернгарди, указывали, что современная война требует неслыханной самодеятельности во время разведки, стрельбы, похода и при исполнении других работ. Всего этого деревня не могла дать нашему крестьянину. В деревне он работает так, как в течение целых столетий работали его предки, он не чувствует нужды ни в каких новых приемах, он сам себе хозяин на своем жалком клочке земли, и это обстоятельство не может воспитать в нем достаточно сильной духовной энергии и не вырабатывает в нем стальных нервов. Когда сын крестьянина приходит в город и попадает на фабрику, эта колоссальная работа оглушает его. Фабричные гудки, грохот станков, весь темп машинной работы, электричество,—вся эта оживленная деятельность

не для крестьянских нервов. Отчетливей всего наблюдается это, когда славянский рабочий или крестьянин попадает в Америку. Нам случалось видеть, как в самом начале он оказывается побежденным в борьбе с темпом фабричной работы. Американским врачам знакома даже специальная болезнь,—перенапряжение нервов у славянских крестьян, прибывших в Америку для работы. Читая книгу Эптона Синклера о жизни эмигрантов, работающих на американских фабриках, вы встретите в ней литовских, польских и русских крестьян, выжатых как лимон и выброшенных фабричными машинами. На войне имеет место то же самое, что происходит в процессе капиталистического производства с народными массами земледельческих государств. Крестьянин мужественно и с песнями переходил от одной атаки к другой, никто не мог упрекнуть его в трусости, если не считаться с клеветой, в которой виновата по отношению к нему русская буржуазия, ибо он не хотел сражаться за ее интересы. Но он был не в силах вынести удары капиталистического молота в современной войне. Обрушиваясь на него, эти удары расшатывали его организм, расслабляли энергию и уничтожали русскую армию.

1917 год был свидетелем высшего кульминационного пункта германских побед. Русская армия вышла из рядов сражающихся, у нее больше не было сил противостоять натиску немецкой армии, победоносному шествию германского империализма. Русская армия перестала быть военным фактором, она распалась, открыла фронт, при чем, само собой разумеется,—да мы и не отрицаем этого,—русская революция сыграла большую роль. Революция освободила солдата, она освободила крестьянина и дала ему землю. Он хотел видеть эту землю, которую обрабатывал в течение многих лет, но обладание которой до сих пор оставалось для него мечтой. Он хотел видеть ее собственными глазами, прикоснуться к ней, вернуться к ней и обрабатывать ее. Крестьянин не доверяет тому, чего он не видит, и революция, давшая ему землю, уже не могла удержать его на фронте. В ее распоряжении не было таких сил, которые могли бы заставить его остаться. Революция, убившая в нем веру в капиталистическую войну, не в состоянии была удержать его на

фронте даже после того, как рабочий класс захватил власть, и оборона России перестала быть обороной капитала, но отождествилась с обороной земли, перешедшей в руки крестьян, с обороной фабрик, ставших собственностью рабочих; даже тогда это можно было объяснить передовой части рабочих, но не крестьянину. Для крестьянина это была та же самая война; должно было пройти некоторое время, он должен был собственными глазами увидеть землю, понять, что на нее посягают чужеземцы, и только после этого его можно было послать на борьбу и на защиту революции, как мы делаем это теперь и как будем делать с каждым месяцем все более успешно.

1058511
Института В. И. Ленина

Германский империализм достиг вершины своего могущества. Могучая империя, перед которой трепетали когда-то прусские короли, империя, заставлявшая Бисмарка видеть кошмары во сне, бывшая в глазах Германии ее главным врагом, ибо она могла выставлять исполинские армии,—эта империя лежала в развалинах. Господа немецкие дипломаты совместно с немецкими генералами решили распять Россию на кресте Брест-Литовского мирного договора, они решили показать русскому народу, что значит освобождаться от ига собственного капитала, не имея в руках достаточно силы для обороны против чужеземных хищников. Германские дипломаты и германские генералы считали Россию своей легкой добычей. Они хотели показать другим народам, что случится с ними самими, если они откажутся добровольно подчиниться воле германского империализма. Когда союзники предательски отклонили предложение русского правительства принять участие в мирных переговорах, немцы, сначала провозгласившие формулу всеобщего мира на основах соглашения, торжественно объявили на заседании в Брест-Литовске, что их предложение недействительно с того момента, когда союзники отклонили приглашение приступить к переговорам о мире. Германский империализм был убежден, что, подобно тому, как он продиктовал насильственный мир русскому народу, как он растерзал Россию на части, как он накинул России веревку на шею, обрек ее на голод, отрезав от житниц,—что точно таким

же образом он сумеет поступить и с другими народами. Сейчас же после Брест-Литовских переговоров, после принуждения России к этому неслыханному миру, заклейменному нами перед лицом всех наций, как насильственно навязанный мир, как грабительский мир, в момент подписания его, в германском империализме взяли верх все старые тенденции. Снова поднялись крики о том, что нельзя выпускать из рук Бельгию, что надо удержать за собой Северную Францию. Это происходило в момент, когда коршун был настолько увлечен своим триумфом, что не заметил, как приближается к нему охотник с метким ружьем, и не слыхал свиста пули, пущенной в него, чтобы поразить насмерть. В то время, когда германский империализм подводил итоги своим победам за три года, из Америки пришла его смерть. Смерть совершала свое шествие по окровавленным полям битв во Фландрии, где не осталось камня на камне. Она шествовала не в таком виде, как ее изображают со времен Дюрера, не в виде скелета с косой в руках. Она явилась на современнейших пароходах, каких еще не видел мир. Американцы построили из железа и бетона новые легкие суда, на которых переправили в Европу сотни тысяч солдат. Стоило капитализму топнуть ногой, и из-под земли вышли миллионы. Американский капитализм бросил свое могущество и свой меч на чашку весов истории, и от этого меча погиб германский империализм. Американский капитал сначала оставался нейтральным. Его нейтралитет по отношению к Германии поясняется словами одного сатирического американского журнала: „Мне все равно, кто бьет Германию"... Американские капиталисты сначала использовали войну для того, чтобы наживать на ней миллиарды. Они развернули гигантскую промышленность, которая в течение двух лет производила исключительно орудия и снаряды, еще раз орудия, снаряды и броненосцы и снова орудия и снаряды, которыми были наводнены союзнические государства. Американский капитализм делал это с двойным намерением. С одной стороны, он наживал на этом миллиарды. Все американские ценные бумаги, находившиеся в Европе, были выкуплены. Таким образом, он сбросил с себя зависимость от капитала Англии и Франции. С другой стороны, он пре-

следовал собственные политические цели. До этой войны Америка совершенно не имела армии. Создать армию было трудно, потому что Америка—страна без королей, без аристократической олигархии, и ее население, бежавшее от гнета европейского милитаризма, вовсе не хотело надевать на себя ярмо милитаризма. Американский капитализм создал большие заводы, работавшие для войны и давшие заработок миллионам рабочих, и ждал момента, когда война начнет приближаться к концу, чтобы обратиться к своему народу со словами: „Мы создали исполинские заводы, работающие на армию, но у нас нет армии; вам придется голодать, если мы закроем эти заводы, если все это пойдет прахом". Американский капитал поставил перед собой цель—основать в течение этой войны, ведущейся под лозунгом борьбы с Германией, собственную большую армию и флот, которые сделают Америку такой страной, которая на другой день после войны начнет борьбу с Японией за обладание Китаем, этой страной неограниченных возможностей, способной обеспечить американскому капиталу сотни миллионов прибыли. Для всего этого были необходимы армия и исполинский флот. Чтобы помешать перевозке солдат и орудий, отправляемых американцами союзникам, Германия начала подводную войну. Подводная война должна была отрезать Англию от подвоза к ней из Америки хлеба, снаряжения и орудий. Тогда американский капитал решил выступить. Во имя человечности, он потребовал для себя права посылать орудия истребления, при чем человечность заключалась в том, что немецкие рабочие в Америке производили орудия, истреблявшие их братьев. Германский капитал уже не мог отступить и прекратить подводную войну. Это означало бы, что он заранее сдается, отказывается от победы, что он спокойно будет ждать, пока Америка одержит победу, не подымая меча. Германский капитал играет ва-банк, рискуя опасностью объявления Америкой войны. И Америка объявила войну, а германские подводные лодки не в состоянии были преградить дорогу прибывающим в Европу транспортам с американской миллионной армией, ибо океан велик и сторожить все океанские пути вообще невозможно. Не обращая внимания на подводные лодки, Америка каждый месяц пере-

брасывает все новые войска. Когда, после Брест-Литовска, немцы сосредоточили все внимание на западном фронте и там перешли в наступление, которое должно было обеспечить им победу, начальник германского генерального штаба Людендорф заявил в комиссии Рейхстага, что к сентябрю Франция будет разбита. В то время немцы шли на западный фронт, чтобы разбить Францию, вывести ее из строя. И вот тогда-то американская смерть стиснула их своими стальными руками: американские машины начали крошить Германию.

Снова немцы предприняли большое наступление. Один из наших товарищей, имевший возможность беседовать с солдатами в оккупированной области, рассказывал мне, что на вопрос: „Почему вы так радуетесь, что Париж находится под обстрелом?"—он получил от немецких солдат ответ: „Мы жаждем мира, мира во что бы то ни стало, мы хотим вернуться домой, но с нами не хотят вести переговоров, и поэтому мы должны сами взять мир, хотя бы окровавленными руками".

И они, действительно с окровавленными руками, бросились в бой; сотни тысяч наших немецких классовых братьев остались на полях битв во Франции. Германская армия дрогнула. Она не в состоянии была довести до конца наступление на Париж. Она не в состоянии была доставить германскому империализму удовольствие, чтобы германский сапог в третий раз в истории раздавил Париж, этот город, который был очагом мировой революции, пока империализм не превратил его в военный лагерь. Истории человечества не было угодно, чтобы германский империализм, не признававший для себя границ, вступил в этот город, связанный с воспоминаниями о Парижской Коммуне, перед которой в глубине своего сердца чувствовал себя униженным Бисмарк. Германская армия не в состоянии была разбить союзников. Она остановилась не перед стальной стеной, выкованной на американских заводах руками американских рабочих. Там возвышалась другая стена, не замеченная близорукими немецкими генералами. В Брест-Литовске мы сказали торжествующим немецким генералам: „Вы хотите распять народ, преступление которого заключается в

том, что он сбросил с себя ярмо, что он больше любит плуг, чем меч. Берегитесь! Вы пробуждаете во всех народах ужас перед возможностью германской победы, когда говорите России: „Горе побежденным!“ Этот возглас как вихрь пронесется по полям Фландрии и Франции, он объединит народные массы Франции, Англии и Бельгии вокруг их преступных правительств, потому что подскажет этим массам: „Горе тому, кто сидит за одним столом с германскими империалистами-дипломатами, если только переговоры ведет не победитель, а более слабый“. Мы сказали: „Вы выпустили на свободу демонов новой международной бойни, вы пробудили такую ненависть в народах, что мы обращаемся к вам, сегодняшним победителям, с возгласом: „Берегитесь! Горе вам!“ Когда представитель Советской России, наш товарищ Троцкий, сказал им это, они только посмеивались. Германский империализм знал только одно,—знал победоносный меч; но он не думал о словах: кто поднимет меч, от меча погибнет. Он не знал, что теперь этот меч держат в своих руках народные массы, и настанет момент, когда рабочие Германии будут достаточно сильны, чтобы поднять этот меч против своего правительства, ибо в течение четырех лет оно перебрасывало этот меч с одного фронта на другой и довело Германию до разорения, а народ—до обнищания. Настанет момент, когда эти массы уже не в состоянии будут подымать меч на защиту короны и императора, или—когда они не захотят. На полях Фландрии победила не только техника американского капитала: там победил дух народных масс, все еще шедших рука-об-руку со своими правительствами, доверивших защиту интересов своей страны преступной банде, ни в чем не уступающей банде Кюльмана и Гофмана, победителей в Брест-Литовске, дух народных масс, укрывшихся под защиту империализма только потому, что они сами видели, как умеет терзать живое тело человечества коршун германского империализма. Германское наступление было отбито. Началось германское отступление. Оно пробудило большую тревогу в рядах германских капи-

талистов. Эти великие патриоты, сидевшие дома и, срезая купоны военного займа, певшие „Гром победы, раздавайся!“, кричавшие немецким рабочим: „Вперед! мало победить Россию, вы должны еще захватить Туркестан и Египет!“, гнавшие немецких солдат в сражения, а их жен и детей лишавшие хлеба,—теперь затрепетали. За четыре года они ограбили немецкий народ военным займом, по которому он теперь, если сохранится капитализм,—но этого не будет!—должен будет ежегодно выплачивать миллиардные проценты. Они разграбили Бельгию, они, уже после Брест-Литовского мира, грабили занятые области России. И теперь, когда этим капиталистам стала грозить опасность, они испугались за свои кошельки. Они рассчитывали одним ударом победить союзников и сказать: „Верните с лихвой то, что вы награбили!“ И они набросились на германскую дипломатию: „Мерзавцы! Заключайте мир! С помощью римского попа, королевы голландской, с помощью бога и чорта, но заключайте мир!“ Руки германских дипломатов были связаны, потому что германский генеральный штаб, как вообще военщина всех стран, никогда ничему не умел научиться из истории. Немецкие генералы думали, что достаточно подтянуть людей, достаточно еще сильней нажать на армию, еще беспощадней гнать ее в бой, не давая передышки. Однако, германский министр иностранных дел г-н фон-Кюльман, тот самый брест-литовский Кюльман, пытавшийся заключить с нами выгодную сделку, в которой представители Советского правительства должны были сыграть роль простаков и сказать: „Кюльман—честный человек, и германское правительство заключает с нами мир, основанный на соглашении“,—этот Кюльман, когда мы отвергли предложение замаскировать его разбойничью политику, вынужден был во время отступления на западном фронте сознаться в рейхстаге: „Военными средствами, господа, невозможно положить конец этой войне“. Немецкое наступление, которое должно было начаться как-раз в тот день, когда Кюльман выступал в рейхстаге, было отложено на две недели, ибо признание Кюльмана, что Германия не в силах победить, внесло ужас в ряды немецкой армии. За это Кюльман поплатился политической смертью, но это

не уменьшило паники. Один из немецких империалистических писателей, граф Ревентлов, вояка, каких мало,—на фронте, между прочим, он даже не побывал—провозгласил в своей газете: „К чему беспокоиться, господа? Не надо тревожиться, ведь, мы можем встревожить наших союзников". Граф Ревентлов оказался хорошим пророком. Союзники, в первую очередь Австрия, мгновенно превращаются в развалины, и австрийская дипломатия, как и австрийское правительство, не так удивится тому, что в Австрии разразится революционная гроза, как тому, что она еще не разразилась. В Австрии железные дороги буквально остановились. У фронта образовались пробки в десятки тысяч вагонов. Правительство не в состоянии их вывезти оттуда, потому что солдаты предпочитают жить в вагонах, чем в окопах. Как обстоит там дело с продовольствием, хорошо известно. Тяжелые продовольственные условия жизни в России, в сравнении с тем, что переживает Австрия—ничто, одно удовольствие, хотя бы вы его очень мало чувствовали. В Венгрии совершенно нет хлеба. Чешские крестьяне и кулаки отказываются давать Австрии хлеб. Венгрия тоже совершенно не дает хлеба, потому что немецкие спекулянты дают за него больше и вывозят массами. Чешские крестьяне решительно отказываются продавать хлеб городам, потому что они на ножах с городским населением, где большинство составляют немцы. Национальный вопрос еще более запутан, чем экономическое положение.

Национальная борьба разрушила армию, и это можно себе ясно представить, ибо если в заседании парламента в опаснейший для государства момент депутаты вступают в рукопашную схватку, и немцы бьют чехов по физиономиям, а чехи отвечают тем же, то можно вообразить, что делается в армии. Ведь, армия тесно связана с партиями, с депутатами, со всей политической жизнью страны. Австрийское правительство—это разлагающийся труп, который еще не погребен по одной простой причине: народы Австрии не бросили его в помойную яму, а грызутся из-за него. Австрийский рабочий класс еще не вмешался, не взял этот гниющий труп за ноги и не спустил его в Дунай. Таково положение дел в Австрии. Нет ничего удивительного, если австрийское

правительство, не считаясь с Германией, предложило союзникам приступить к мирным переговорам. Союзники ответили возгласом удивления: „Этот труп еще шевелится и даже хочет вести переговоры!“ Тем самым австрийское правительство вынуждено было продолжать войну. Точно так же австрийское правительство не хочет само умирать, оно не может само выйти из войны. Только тогда оно сумеет выступить из войны, когда подымется рабочий класс, и австрийскому императору придется искать для себя опоры исключительно в немецком меньшинстве Австрии. Если он разорвет с Германией, то немецкая буржуазия в Австрии покинет его, и он останется в одиночестве лицом к лицу со славянскими демократическими народностями, призывающими положить конец черно-желтой монархии. Перед этими народами встанет историческая задача: создать свободный союз народов, живущих на Дунае, потому что экономически они тесно связаны друг с другом; но в настоящий момент они похожи на развалины исторического памятника, наподобие уничтоженного нами памятника императору Александру III. Прежде чем Австрия решилась выйти из войны, это сделала Болгария, во главе которой стоял Фердинанд Кобургский, которого европейская дипломатия считает лучшим дипломатом. Репутация лучшего дипломата приобретена им потому, что он всегда примыкает к тому, кто сильней. Этот Фердинанд Кобургский, дипломатические дарования которого можно оценить уже по одному тому обстоятельству, что он происходит из той семейки, которая дала Европе величайших капиталистических коронованных прохвостов, в частности короля Леопольда бельгийского,—этот Фердинанд Кобургский примкнул к Германии, когда ему казалось, что близка победа. Болгарские патриоты, до этого времени сохранявшие нейтралитет, потому что они брали деньги как от немецкой, так и от французской биржи, перестали соблюдать нейтралитет, получили деньги из Берлина и построили „теорию“ о том, почему Болгария должна выступить на стороне Германии.

Эта теория доказывала, что от Гамбурга до Багдада человечество образует одну цельную семью, сплоченную единством интересов. Но за Гамбургом или к северу и югу от

Багдада нет связанной в одно целое семьи человечества. Люди объединились в единую семью только там, где проходят германские железнодорожные линии, с тем расчетом, чтобы от венгерской до турецкой границы эта линия не прерывалась. Поэтому Болгария должна заключить союз с Германией, а в награду за это Германией обещано ей все, чем Германия не владеет и чего не хочет пожрать сама: половина Сербии с городом Нишем; другая половина предоставляется Габсбургам, старым друзьям сербского народа.

Такова философия болгарских патриотов, когда они перестали получать деньги от обеих сторон. Но вскоре в них вколотили новую теорию. Чтобы вести войну, надо иметь армию; на четвертом году войны болгарское правительство потеряло ее. И здесь повторилась та самая история, которая обеспечила Германии победу на Востоке. Болгарский крестьянин сделан из того же материала, что и русский. Осенью прошлого года один мой друг, вождь болгарских большевиков Кирков, сказал мне: „Они увидят, что поскольку дело идет о Болгарии, война окончится через несколько месяцев простейшим способом: наши крестьяне разойдутся по домам". Пророчество товарища Киркова оправдалось, и весной 1918 года болгарские крестьяне решили разойтись по домам, чтобы повидать своих жен. Они воевали шесть лет. Их погнали на войну даже не в 1914 году, а еще в 1912 г., и теперь они заявили: „Довольно!" Как известно, крестьяне не устраивают революций для захвата власти. Они не умеют создавать объединенное руководство своими действиями, не умеют вырабатывать политическую программу. Когда мужику что-нибудь очень надоест, он останавливается, подумает немного и затем, тяжеловесно ступая, уходит, перекрестившись и поблагодарив бога, что удалось вырваться от этого дьявола. Болгарский мужик не спрашивал, какие векселя подписали Фердинанд Кобургский и генералы Савов и Жеков, те самые народные герои, которых пришлось посадить в тюрьму за их привязанность к государственным деньгам, чтобы затем, когда вспыхнула война, сделать их генералиссимусами армии. Мужик не спрашивает об этом, а просто уходит домой. Немцы воображали, что если они постараются скрыть это от своих врагов, то враги ничего

не узнают. Но у врага была на фронте контр-разведка, были глаза, которые видели. Враг не ждал, пока Германия пошлет вспомогательные войска, но прорвал слабые заграждения на болгарской границе и перешел в наступление. Сербская армия стояла у Ниша, а болгарская армия сражалась с германской в пяти километрах от Софии. И Фердинанд, этот мудрый дипломат, понял, что ему надо снять корону, если он хочет спасти голову. Он передал корону своему сыну Борису, уверенный, что ему простятся отцовские грехи. Король Фердинанд отрекся от престола. Таким образом Советская республика потеряла три миллиона, полученные Фердинандом от царя незадолго до войны в виде займа. Но это не так важно. Важней, что таким образом был прорван южный германский фронт. Союзники получили возможность бросить на Австрию свою македонскую армию. Они быстро проникли в Албанию, и когда уже находились у Дьякова, когда перешли границу, только тогда австрийское правительство увидало отряды союзнической армии во главе с теми самыми несчастными сербскими крестьянами, которых гнали на бой в далекие страны в интересах не Сербии, а английской биржи. Австрия почувствовала, что приближается момент, когда начнется итальянское наступление, потому что победа союзников дала им возможность послать часть своей армии в Италию и таким образом снова гнать на бойню усталых, измученных, истекающих кровью итальянских рабочих. Германии угрожала опасность заключения Австрией сепаратного мира. Но эта опасность осталась вопросом завтрашнего дня. Сегодня вышла из боя Турция.

Турция еще не порвала союза с Германией, турецкий посол все еще сидит в Берлине и даже делает попытки выкарабкаться из бакинского котла, в котором Турция завязла как-раз в тот момент, когда ее армия бежала с палестинского фронта. Эта армия уже не в состоянии была сражаться. Несколько недель назад превосходно осведомленный корреспондент голландской газеты „Neuwe-Courant“ опубликовал интересное интервью с самым сильным человеком Турции, с Талаат-пашой, который сказал: у нас значительно увеличились банды, солдаты бегут с фронта, но мы наведем

порядок и удержим их в строю". Однако Талаат-паша не выполнил своего обещания. Они открыли палестинский фронт, и англичане проникли вглубь Сирии. В таком положении германский империализм должен был решиться на новый шаг. Он обратился к Вильсону с нотой, в которой объявляет о своей готовности приступить к мирным переговорам на основе 14-ти пунктов, опубликованных в вильсоновской программе, и просит, во избежание дальнейшего кровопролития, объявить перемирие на всех фронтах, уведомляя, что он готов пойти на все уступки, поскольку они совместимы с достоинством германского народа. Об этих уступках я буду говорить в следующей части моего доклада. Сейчас я намерен только в нескольких словах обрисовать ужасающее зрелище, открывающееся перед нашими взорами. Великий могущественный капитал, капитал, который не довольствуется тем, что он эксплоатирует семидесяти-миллионный народ, что он наводняет своими товарами весь мир, что он в торговой войне победил старую Англию,—этот капитал с оружием в руках начинает войну, с намерением проложить себе путь к господству над частью света; он хочет быть равным среди равных, а сравняться с ним может только могущественнейший англо-американский капитал, властвующий на морях, поделивший мир, диктующий всему миру свои законы, заявляя: „Мне так угодно!" и которому должны повиноваться миллионы и миллионы. Своим неслыханно великим могуществом он внушает народным массам чувство бессилия. Он так велик и могуч, что рабочие массы, создавшие своим трудом все богатство этого гиганта, кажется, не посмеют и подумать о том, чтобы поразить его пулей из того ружья, которое он сам дал им в руки; они не осмеливаются и подумать о том, чтобы восстать против него, и когда их гонят на войну, они идут в бой тяжелыми шагами, без песен. Но после первой же победы они начинают думать о победителе: „Он даст нам кусок хлеба, он будет бросать нам крохи от своего богатства" и поют: „Слава тебе, венценосный победитель!"

Потускневшими глазами, без слез, они глядят, как им приказывают поработить рабочие массы Европы, своих собратьев по классу, они глядят, как польских рабочих

высылают в Германию на принудительные работы, как гонят на германские рудники беззащитного бельгийского рабочего, как загоняют на фабрики детей, как их жены превращаются в простой придаток машины. Они не смеют бороться против этого, но с проклятьем думают: „Мы бессильны поднять руки, чтобы положить конец этим ужасам". Это чудовище беспощадно гонит их с одного фронта на другой, пьет их кровь, кладет под Верденом четверть миллиона немецких солдат, что у г-на Фалькенштейна называется „высасыванием сил Франции". Оно снова гонит их в Турцию, затем обратно во Фландрию; и они идут шаг за шагом, и шаг за шагом их движения становятся все медленней. У них нет больше сил, они плохо питаются, им нехватает снаряжения, нехватает одежды, они страдают от холода и голода, они повинуются гипнозу Гинденбурга, его высокой, могучей, повелительной фигуре, гипнозу Людендорфа и его холодному взгляду, Макензену с глазами ястреба. Они идут вперед, но их силы приходят к концу. Они уже не в состоянии подчиняться своему правительству. Они еще не осмеливаются поднять против него оружие. Они еще не решаются крикнуть: „Довольно!" Но силы отказываются служить им. Они терпят поражения, и гигант, которого они не решались поразить, падает под ударами англо-американского капитала. Перед нами величественное историческое зрелище. В глубоком раздумьи стоит германский рабочий. В эти дни, в дни низвержения Германии, когда кончается и обречена навсегда сойти с исторической сцены одна эпоха истории Германии, в эти дни, когда близится двенадцатый час германского капитала, те самые массы, которые завтра станут во главе революционного движения, сейчас остаются неподвижными. И это в Германии, в нации, насчитывающей 70 миллионов народонаселения, в нации, обладающей высшей технической и духовной культурой! Если бы нам пришлось иметь дело с Китаем, то и там переворот не совершался бы быстрее. Пока народные массы молчат; и это молчание—последнее эхо, последний отголосок всемогущества германского империализма. Это последний отзвук его сил, эхо, которое, как

всякое эхо, исчезнет. Через несколько мгновений наступит тишина, и затем разразится буря, подобной которой еще не видала история.

III. От правительства Людендорфа к правительству Шейдемана.

Крушение могущества германского империализма механически должно было повлечь за собой крушение старого правительства, которое можно назвать правительством Людендорфа, начальника штаба германской армии, бывшего по своему существу правительством коалиции помещиков и представителей финансового капитала. Оно выросло и пало на полях сражений во Фландрии и должно было уйти в отставку под впечатлением выхода из войны Болгарии и поражений на Востоке. Это правительство было империалистическим правительством.

Это правительство воплощало в своем составе старую Германию, где властвовали дворяне-помещики, генералы и бюрократы, представители юнкерства, приспособившегося к современному капитализму. Это было правительство, стоявшее во главе Германии с 1871 года, правительство, основным стремлением которого было держать народные массы в повиновении при помощи полицейских мероприятий. Эта Германия помещиков, до сих пор признающая действующим законодательство XVIII века, на основе которого в Мекленбурге доныне помещики имеют особое представительство в сословном парламенте, только из милости допускала существование буржуазии. Эта Пруссия, разрешающая своим юнкерам подвергать дворовую челядь телесным наказаниям, эта Германия имела помещичье правительство, служившее, однако, не только интересам помещиков. Оно служило интересам буржуазии и ее финансового авангарда, интересам финансового капитала. В литературе и печати союзников, как и в русской литературе и печати, немецкая реакция изображается в виде чисто-феодальной реакции. Это бессмыслица. Это абсолютно неверно. Немецкий юнкер приспособился к капиталистическому развитию. Немецкий помещик сам стал капиталистом. Он занимается производством сахара и

водки, он держит акции промышленных предприятий. Он вовсе не является вымирающим классом, наподобие русских дворян-помещиков. Он служит капиталистической прибыли. Только этим обстоятельством можно объяснить, почему класс капиталистов в Германии никогда не делал попыток взять власть в свои руки. Ведь юнкера, генералы и бюрократы сидящие за одним столом в правительстве, исполняют волю высоко-развитого капитала, волю банков.

Старое правительство вовсе не было средневековым правительством. Впрочем, когда выступал с речами император, он говорил о Нибелунгах, о легендарных средневековых рыцарях, о Христе и о божьей милости. Но все это было только парадным зрелищем, декорацией. Позади средневековых кулис сидели разные Мендельсоны рядом с другими, необрезанными представителями капитала. Эти господа в костюмах рыцарей благословенных времен, в костюме Зигфрида, прекрасно понимали толк в делах современного, совсем не средневекового общества. Если они пытались удержать Германию на политической ступени развития средневекового государства, если они не давали прав рабочим, как до сих пор имело место в Пруссии, где доныне рабочие имеют меньше политических прав, чем содержатели публичных домов, если они по отношению к рабочим применяют меры грубейшего полицейского насилия, если они позволяют себе перед всеми народами открыто унижать Германию, доводя ее до положения нового Китая, то это вовсе не говорит о том, что Германия стоит на ступени феодального средневекового государства, но является доказательством совсем другого факта. Это указывает на то обстоятельство, что немецкие капиталисты понимают, насколько стал силен рабочий класс и насколько приходится бояться его. Известно, что дрессировщик не боится обезьяны в клетке, — она ему не опасна, он забавляется ею; но льва он старается терроризовать всеми средствами, чтобы этот лев не осмелился и подумать о том, как бы растерзать своего укротителя. Германская политическая система отражает в себе тот факт, что, с одной стороны, вырос могущественный капиталистический класс, а с другой стороны, сложился могучий рабочий класс, в высшей степени организо-

ванный и интеллигентный, но которому не хватает только одного: чувства, что он сильней, чем буржуазия, что он ее может низвергнуть, что он может взять на себя руководство судьбами немецкой нации. Правительство Людендорфа было правительством финансового капитала, правительством угольных, железных и банковых королей, в первую очередь служившим крупному, высоко развитому капиталу. Это правительство низвергнуто. Оно пало, хотя не было движения народных масс. Германское правительство поняло, что народные массы не забыли, как представители юнкерства, некоронованные короли Пруссии—фон Гейдебранд и Лазе, являясь представителями капитала, национал-либералами, партией милитаризма, приветствовали эту войну, как они во время войны отказывали народным массам в самых ничтожных правах. И поэтому правительство было вынуждено выбросить за борт лишний балласт. Ему пришлось, по крайней мере, спрятать за кулисами юнкеров.

Новое германское правительство сделало попытку появиться на сцене, как правительство мира. Оно спрятало грандиозные военные фигуры Гинденбурга, Макензена и Людендорфа, удалило юнкеров из поля зрения. Оно старается уговорить рабочих, будто здесь есть какая-то новизна, будто старая Германия больше не существует. Но в этом правительстве будут сидеть представители национал-либеральной партии. Что представляет собой национал-либеральная партия? Национал-либералы это партия, которая была политическим представительством германского империализма со дня его рождения. Это партия Багдадской железной дороги, это партия эксплоатации Китая, это партия войны 1914 года. Представители этой партии вошли в новое правительство. Было время, когда эта партия отказывалась принимать участие в правительстве, а может быть ей и не предложили этого, боясь, что как только рабочие массы увидят эту партию, они сейчас же воскликнут: „Это то же самое правительство, только переодетое“. Прошло несколько дней, рабочая революция не совершилась и господа, из которых составилось новое правительство, решили, что теперь можно рискнуть. И еще одно обстоятельство. Они боялись выбросить за борт эту старую и влиятельней-

шую капиталистическую партию, чтобы к оппозиции юнкерства не присоединилась оппозиция крупного капитала и чтобы правительство не повисло в воздухе в буквальном смысле этого слова. Это было бы правительство бедствия, правительство, не знающее, для чего оно существует. Поэтому национал-либеральная партия была принята на борт, и этот поступок показал всему миру и рабочим Германии, что произошла только перемена декорации, что новое правительство—то же самое старое правительство, но под новым знаменем, правительство обанкротившегося империализма, правительство банкротства, но ни в коем случае не демократического мира. И когда это правительство поднимает знамя демократии, это не больше, как мошенничество. Германией до сих пор правил не парламент. Парламент не выбирал министров. Представители государств, входивших в состав Германии, представители нескольких десятков королей, имели решающие голоса в Союзном совете. Министров назначал император. Теперь он образовал новое правительство, согласившись на так-называемую парламентаризацию правительства. Это значит, что в будущем правительство должно зависеть от парламента. Практически совершенно ничего не изменилось, потому что все органы правительства остались в руках старой клики. Армия остается под кнутом тех же генералов, бюрократия—в руках тех же ландратов-юнкеров. Правительство, которое будет выступать на сцене, на трибуне рейхстага, остается по прежнему декорацией. Дела будут решаться представителями финансового капитала, представителями милитаризованной олигархии. Но хотя старое правительство божьей милостью должно было капитулировать, хотя император, до сих пор не позволявший юнкерам дать рабочим демократическое избирательное право, принужден был объявить, что нация сама будет решать свою судьбу через посредство собственных представителей, однако, этот факт доказал, что правительство убедилось в нежелании нации в дальнейшем подчиняться его руководству, что старик Гинденбург, которому они молились, как богу, что Люден-

дорф, которого они изображали как доброго гения немецкого народа, лишились народного доверия. Смена правительства доказала это. Но это новое правительство отличается от старого еще одной особенностью. Хорошо известно, какое отношение к рабочему движению установилось в Германии. Памятны слова императора о государственных изменниках, сказанные им насчет социал-демократии. Известно, что в Германии социал-демократ не мог стать даже профессором физики, хотя законы физики не имеют ничего общего с эрфуртской программой. Известно, что в Германии социал-демократу нельзя было получить самого ничтожного местечка в бюрократической иерархии. Мне вспоминается сцена в германском парламенте, когда один очень умный господин, представитель морской власти, беседовал, сидя в библиотеке, с социал-демократическим депутатом Носке. Когда вошел представитель консервативной партии граф Вестарп, он вскочил, взял газету и сделал вид, будто читает: с социал-демократом неудобно было даже разговаривать. В минувшее воскресенье мы могли прочесть напечатанную в „Известиях" выдержку из письма императора к своему старому другу царю Николаю. В этом письме император говорит: „Мой парламент хватил через край. Он колеблется между социалистами, которых поддерживают евреи, и ультрамонтанскими католиками Если бы от меня зависело, я приказал бы их всех повесить" Император сказал это о тех именно партиях, которым он теперь передал власть. Теперь представители рабочего класса приняты в состав правительства. Вы знаете, какого мы мнения о шейдемановцах. Это люди, на руках которых засохли пятна крови всего человечества, потому что они не вели борьбы против этой войны. Это люди, которых в день мировой революции потребует к ответу пролетариат всего мира. Это люди, которых мы презираем, как презирают их подлинные представители немецкого рабочего класса. Но эти факты ничего не изменяют в безнадежности положения, при котором германское правительство вынуждено против собственной воли обратиться к помощи людей, с которыми оно до сих пор так обходилось, и сказать им: „Господа, спасайте меня!" Имперский канцлер, принц Макс Баденский,

заявил в своей речи, что он, между прочим, принимает на себя тяжелую ответственность, питая уверенность, что участие в правительстве представителей рабочего класса может дать этому правительству силы и способность разрешить труднейшие задачи.

Правительство, которое в настоящий момент выступило на первый план исторической сцены,—это только временное правительство. Это правительство не в состоянии будет решить ни одной задачи. Этому правительству угрожают враги и справа, и слева. Когда царское правительство сменилось правительством князя Львова, Гучкова и Керенского, то это случилось после того, как солдаты отказались служить царю. Это произошло вследствие революции, и, несмотря на то, что первые месяцы революции еще более углубили пропасть между старой царской и новой Россией, генералы продолжали держать армию в повиновении, могли распоряжаться ею, могли, в лице Корнилова, сделать попытку взбунтовать ее против нового правительства. В Германии пока не произошло никакой революции. Революция означает переход власти из рук одного класса в руки другого. Старое германское правительство было правительством финансового капитала. Новое—тоже. Разница лишь в том, что старое открытым насилием держало рабочий класс в подчинении, при помощи юнкеров, а новое иногда пытается одурачить рабочих при содействии мелко-буржуазных демагогов вроде Шейдемана или Эрцбергера.

Если германскому правительству не удастся в ближайшие месяцы остановить наступление союзников, — а пока еще есть возможность остановить его, — если оно будет продолжать войну и попутно укрепит свое положение, то не подлежит никакому сомнению, что Гинденбург и Людендорф не станут подчиняться правительству Шейдемана. И раньше они не подчинялись ни правительству Бетман-Гольвега, ни правительству графа Гертлинга. Они всегда навязывали свою волю старому правительству. В каждом заседании рейхстага происходили сцены борьбы между кликой милитаристов, которые были орудием в руках финансового

капитала, и бюрократией, которая старалась затушевать эту политику из страха перед народными массами. Эту борьбу выносил на своих плечах рабочий класс, и она готовила буржуазии много неприятностей. Можно было бы представить себе, что эти люди сами себя старались устранить со сцены истории, если бы они не стояли перед полной катастрофой, когда мы видим, как они даже не сделали попытки положить конец этому шейдемановскому правительству. В дальнейшем будут иметь место конфликты с правыми течениями, и, может быть, тогда шейдемановцы попытаются опереться на народные массы против генералов? Но этого они не сделают. В течение всей войны шейдемановцы играли в очень простую игру, публично разглашенную депутатом Ленчем, членом шейдемановской фракции, ренегатом революции. Он сказал приблизительно следующее: „Если массы голодают и требуют мира, должна выступить парламентская фракция, которая действует от их имени и отражает в себе их настроения. Массы видят, что кто-то говорит за них, и успокаиваются". И действительно, все время Шейдеман кричал, чтобы не начали говорить рабочие. Если сейчас он вступил в конфликт с Людендорфом, то он начнет кричать вдвое громче. Но теперь положение изменилось. В то время Шейдеман мог сказать: „Мы протестуем, мы кричим, мы разоблачаем, но они не желают уступать". Он мог бы просто сказать: „Мы не правительство, а оппозиция". Теперь этот самый Шейдеман находится в составе правительства, и рабочие должны будут спросить его: „Что ты сделал? Ты всегда только кричал, но что же ты теперь сделал? Удалось ли тебе обуздать нашу военную клику? Дал ли ты нам право свободно высказывать свои мнения? Дал ли ты нам, по крайней мере, хоть кусок хлеба, между тем как у богачей есть все, чего нехватает нам?" В ближайшем будущем Шейдеман окажется банкротом. Правительство, принявшее в свой состав Шейдемана, начнет разлагаться, потому что, вопреки своей собственной воле, шейдемановцы вынуждены будут разоблачить это правительство, как старое правительство, и в этом старом правительстве они засвидетельствуют свое бессилие.

Собираемся ли мы разрешить вопрос о мире? Германское правительство заявило Вильсону, что оно готово принять 14 пунктов его программы. Но эти пункты вовсе не составляют конкретной программы, это — линия, которую по произволу можно перегнуть в ту или другую сторону. Это вовсе не программа, и поэтому немецкое правительство, которое гнет спину перед Вильсоном, воображает, будто ему удалось сделать выгодное дело. Это не очень вероятно, но возможно. Не очень вероятно, потому что союзнический капитал имеет возможность продиктовать Германии мир и, должно-быть, не согласится даже на компромисс, но, как я сказал, это возможно. Если германское правительство безусловно отвергнет программу Вильсона, то оно будет вынуждено продолжать войну в отчаянном военном положении, недавно охарактеризованном генералом Арденном в словах: „Мы окружены врагами". Им придется защищаться на немецкой земле, не имея надежды предотвратить выход из войны Австрии. Или они будут вынуждены сказать Австрии: „До свиданья!",— и тогда союзническая армия хлынет в Германию через Австрию, или удастся подавить революцию в Австрии, перебросить все ее силы на Западный фронт и там истечь кровью.

Как поступят шейдемановцы? Внушить народу, что он должен обороняться, если его хотят ограбить? Но рабочий класс, повиновавшийся, пока он надеялся на победу, скажет: „Кто же нас может ограбить? Разве фабрики и заводы в наших руках? Разве мы обратились с предложением мира к рабочим и работницам других стран, и эти рабочие отклонили наши предложения? Войну, которая была начата с грабительскими целями, нельзя превратить в справедливую оборонительную войну до тех пор, пока у кормила правления стоят виновники войны". Если шейдемановцы будут вынуждены продолжать войну, они не смогут сдержать народные массы. Они не сумеют внушить им волю к победе, как не могли этого сделать наши Керенский и Церетели, не пользовавшиеся доверием народных масс, те самые люди, которые, как Церетели, только-что вернулись с каторжных работ, которые, как тот же Церетели,

имеют в своем прошлом героическую борьбу, которые в глазах массы и даже их собственных противников являются честными людьми. Шейдемана, которому рабочие пять лет назад дали депутатские полномочия, теперь освистывают в его избирательном округе, в Золингене, потому что немецкие рабочие знают его, как мошенника, — а теперь эти шейдемановцы сидят в правительстве, отказались освободить Карла Либкнехта, посадили в тюрьму Розу Люксембург, и им нехватает нравственной силы, чтобы оказывать влияние на народные массы. Народные массы потребуют у них хлеба. Шейдемановцы ответят: „Хлеба нет". Но шейдемановцы не осмелятся сказать, что хлеба вообще нет, так как хлеб можно получить только при условии союза рабочих Германии с рабочими России. Если шейдемановцы говорят, что и русские рабочие тоже не имеют хлеба, то они забывают об оккупации германским правительством Украины, житницы России: оно не в силах вывезти хлеб из Украины, а мы сможем сделать это, ибо крестьяне ждут нас, как освободителей. Шейдемановцы не смеют утверждать, будто буржуазия голодает так же, как рабочие, ибо при новом правительстве германская буржуазия питается нисколько не хуже, чем при старом. И это новое правительство ничего не осмелится отнять у буржуазии.

Вопроса о мире, так же, как и вопроса о хлебе, новое правительство не разрешит. А вопрос о свободе? Каждый рабочий в состоянии понять, что если у власти стоят представители рабочих, то они прежде всего должны направить свою деятельность на освобождение рабочего класса от цепей, что рабочие, которых безжалостно терзали в течение всей войны, которым запрещено было издавать газеты, которых сажали в тюрьму за малейшую попытку вести агитацию, что этим рабочим внутри страны должна быть обеспечена свобода. Нельзя посылать рабочих на войну, если они сознают, что защищают только цепи. А в состоянии ли немецкие генералы, немецкий капитализм освободить народ от рабства, если война будет продолжаться? В таком случае рабочие массы узнают многое, что до сих пор оставалось для них тайной. Станут ли народные массы, которым дадут право собраний, сидя дома

и приставив палец к носу, размышлять над вопросом, что такое империалистическая война? Они выйдут на улицы для борьбы, начнут устраивать демонстрации. Пойдет ли на все это германское правительство? И поэтому новое правительство, свергнувшее правительство Людендорфа, это новое правительство немецких Гучковых, Керенских, Церетели и Черновых, недолго выживет. Когда германский посол г-н Гельферих стал готовиться к отъезду, наше правительство уполномочило меня вступить с ним в переговоры и выяснить, что означает его отъезд. Он настойчиво заявлял, что современное положение в России и самое правительство считает только временным. На это я возразил: мы — марксисты, ученики великого немецкого философа, и хорошо знаем, что все преходяще. Гельферих пристально поглядел на меня, — но я сомневаюсь, сумел ли он тогда правильно понять мой намек, смысл которого теперь, наверно, сумели ему открыть совершившиеся события. Принц Макс Баденский, новый канцлер, в своей первой речи упомянул, что считает свое правительство длительным; если уже в первом своем выступлении он находит повод возражать против самой мысли о временности своего правительства, то это доказывает, что в его душе шевелится сомнение, способен ли он справиться со своими задачами. Он не справится,—это не подлежит никакому сомнению. Но существующее положение дел не оставляет никакого иного выхода. Допустим, что правительство заключит мир. В таком случае перед ним вырастут огромные затруднения, с какими до сих пор не приходилось сталкиваться ни одному капиталистическому правительству. Миллионы солдат покинут фронт, чтобы работать на внутренний рынок, — но повсюду чувствуется нехватка сырья, и в кратчайший срок, хотя бы в течение года, его не удастся добыть. Что же думает предпринять это правительство? Некоторые советуют распускать солдат из казарм постепенно, по мере того как промышленность будет переходить на мирные рельсы. Иначе промышленный кризис неотвратим, а вместе с ним явится целая армия безработных. Другие возражают: солдаты тоскуют по своим семьям, и никакая сила не сможет их удержать. Следовательно, солдатский бунт или рабочая

революция,—третьего выхода нет. Затянется ли война, или будет заключен мир, все равно, это правительство — временное, неспособное стать хозяином положения.

Еще 24 сентября, за несколько дней до „измены" Болгарии, бывший министр иностранных дел Гинце сказал в рейхстаге, что он считает положение в России неопределенным, а коммунистическое правительство — временным, но по его мнению, желательно жить с ним в мире. Мы не обиделись. Но теперь, — нравится это германскому правительству или оно почувствует себя обиженным, все равно,— мы с полной откровенностью заявляем: в это правительство мы не верим, мы считаем его временным. Однако, мы готовы жить с ним в мире и согласии, пока немецкий народ терпит его. Но в один прекрасный день он перестанет терпеть его.

IV. Правительство Либкнехта.

Мы определенно можем предсказать это, если измерим, взвесим и сравним действующие силы. Перед Германией и, пожалуй, перед всем миром стоит задача, неразрешимая для нынешней коалиции капитала, мелкой буржуазии и рабочей аристократии, предателей рабочего класса. Вне этого союза стоит только рабочий класс, пролетариат; и мы глубоко убеждены, что в ближайшем будущем нынешнее правительство будет свергнуто избранниками рабочего класса с Карлом Либкнехтом во главе.

В эти дни исторических переворотов, долгожданного помрачения всех империалистических кумиров, перед нами во всей своей величественной мощи встает образ этого вождя германского рабочего класса. Он одинок до тех пор, пока этот класс находится в состоянии упадка, после распада старой германской социал-демократии, пока она валяется в крови и грязи. Он станет знаменосцем в час, когда восстанет германский рабочий. Я живо вспоминаю ноябрьские дни 1914 года, в самом начале войны. Тогда впервые возникли небольшие нелегальные рабочие кружки, стремившиеся объединиться, чтобы начать борьбу. Уже в то время

во главе их стоял Карл Либкнехт... Я вспоминаю день накануне второго заседания рейхстага, когда он телеграфно вызвал меня в Берлин, чтобы я убедил своего друга, левого депутата рейхстага, голосовать вместе с Либкнехтом против военных кредитов. „У меня на руках восемь человек детей; если я подам голос против, меня выбросят на мостовую... Легко вам говорить". Так заявил этот депутат. Либкнехт стиснул зубы и с высоко поднятой головой вошел в зал заседаний рейхстага. У этого малодушного „левого" депутата были в голове революционные мысли, но ему не хватало сил пострадать за них. В последний момент он все-таки попытался подставить Либкнехту ножку и сломить его духовное мужество: „Вы, во всяком случае, не осмелитесь в единственном числе голосовать против всего рейхстага". Либкнехт даже не удостоил его ответа... Когда началось голосование, все взоры напряженно впились в него: когда все без исключения встали, он, гордо выпрямившись, продолжал сидеть в своем кресле, и даже веки его не дрогнули, когда все, не исключая его ближайших товарищей, бросились к нему: „Либкнехт, встать!" Это не был бой на баррикадах,—один человек не может сражаться на баррикадах,—но это был первый решительный шаг в героической борьбе, геройский поступок, совершенный сыном солдата революции Либкнехта. Вокруг сомкнулась беспросветная ночь реакции.

Рабочий класс Германии лежал на самом дне социальной пропасти. Массы потеряли веру в своих вождей и сбились с пути. И в это безнадежное время выступил их новый знаменосец Карл Либкнехт: один против всех своих противников, один против всего мира, он проповедует свою веру в идеал рабочего класса, в идеал пролетариата и в грядущую победу его благого дела. Рабочий класс, временно изменивший своим собственным интересам, поднялся с земли и развернул старое знамя, на котором сияли вечные слова: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Хотя германский империализм уже опрокинут, но невозможно с полной точностью предсказать, когда настанет день рабочего восстания. Только одно достоверно и определенно: если подымутся миллионы немецких пролетариев, они последуют призыву Либкнехта; уже теперь их десятки тысяч.

Подумайте о рабочих, томящихся в немецких тюрьмах! Знайте, что и в Германии есть коммунисты, которые заодно с нами; и если они еще не образуют большинства,—в марте 1917 года и у нас коммунизм был еще слаб,—то, поверьте мне, коммунизм в Германии окрепнет и охватит народные массы гораздо скорей, чем в России. Русский народ еще поддавался увещеваниям: продержитесь немного, Англия и ее союзники обеспечивают нам победу. Но как может германское правительство сбить с толку народ, требующий хлеба и мира? И притом этот народ в своем большинстве состоит не из крестьян, а из рабочих. Скоро он сведет счеты с нынешним правительством.

В своих ожиданиях мы руководимся не голосом чувства, но делаем вывод, с необходимостью вытекающий из современного положения: рабочий класс Германии последует примеру своих русских товарищей. За несколько дней перед переворотом в Германии седой теоретик II Интернационала Каутский издал брошюру о „Диктатуре пролетариата", в которой он выступает против коммунистической революции, против нашей диктатуры рабочих. Этот труп, эта мумия II Интернационала, пытается убедить германских рабочих в том, что диктатура рабочих над буржуазией является не чем иным, как просто продуктом русской дикости, между тем как рабочий класс Германии шествует к победе с избирательным бюллетенем в руках. Допустим, что за этим лозунгом идет большинство германского народа; но в тот день, когда немецкий рабочий потребует хлеба и мира, неужели немецкие генералы, предусмотрительно запасшиеся штыками и орудиями, подчинятся вотуму парламента; неужели они склонят перед ним свои упрямые шеи? Допустим, что рабочие потребуют введения классовых хлебных карточек, о которых, между прочим, немецкая цензура запрещает писать, так неужели вы полагаете, что немецкая буржуазия, если только рейхстаг решится на это, скажет: „Мы преклоняем голову и готовы голодать, лишь бы был сыт рабочий класс". Германская буржуазия вложила миллиарды в военный заем; неужели вы думаете, что в случае, если немецкий народ откажется платить военные долги, германская буржуазия выпустит из рук

эту добычу? Так может думать ученый старец, боящийся даже призрака революции, нарушающего покой его кабинета. В действительности же, философия мировой истории творится необразованными и грубыми народными массами, на улице, с оружием в руках, а вовсе не памфлетами Каутского. Еще никогда ни один класс не сложил оружия без борьбы; до тех пор, пока буржуазия еще вооружена и опирается на сочувствие значительной части народных масс, вопрос о хлебе и мире, об экспроприации земли и фабрик, может быть решен только с оружием в руках. Я повторяю: именно поэтому мы убеждены, что германский рабочий класс будет вынужден пойти по стопам русских рабочих: прежде всего он должен будет уничтожить проржавевший механизм старого правительства, постоянную армию и всю капиталистическую бюрократию, он повсюду создает Советы рабочих и солдатских депутатов, несмотря на сопротивление буржуазии, прежде всего для целей борьбы против буржуазии, а в дальнейшем, когда они окрепнут, сделает их органами власти немецкого рабочего класса. Наш старший брат, немецкий рабочий, вероятно, сумеет, благодаря своему пятидесятилетнему опыту, скорее преобразовать весь государственный механизм и внести порядок в хаос. Очень возможно, что да. Но заранее можно сказать, что и он не избегнет упрека в том, что идет навстречу анархии, не считается с демократическими правами, беспощаден в борьбе, бросает в тюрьму предателей рабочего класса, в те самые камеры, из которых он только-что освободил своих лучших вождей. Для меня это не подлежит никакому сомнению. Если же революция в Германии и Австрии пойдет по пути дезорганизации, хаоса и разрушения, если это единственный возможный путь создания нового мира, то не падет ли она в борьбе с американским, английским и французским капиталом? Не ожидает ли немецкого рабочего та же самая участь, какая постигла нас в Брест-Литовске?

Наш Брест не привел нас к гибели, как вы сами видите, сегодняшний день является свидетелем заявления германского правительства о том, что мировая история еще не сказала

в Бресте своего решительного слова. Но этим я не хочу утешать ни себя самого, ни немецких рабочих: дело идет о том, чтобы хладнокровно выяснить возможности, открывающиеся перед германским рабочим классом. Я убежден, что если он восстанет, то искры пожара полетят во все стороны, во Францию и Италию, в страны, находящиеся слишком далеко, чтобы вспыхнуть от нашего пламени. Что объединило французские и итальянские массы с их правительствами и заставило их подчиниться плети своих генералов? Страх перед победоносным германским империализмом, который идет на них, ощетинившись оружием, распространяя смерть и истребление! Но если пролетариат захватит власть в свои руки, если он действительно станет хозяином в своем доме и докажет, что поднялся во имя свержения ига капитализма, но ни в коем случае не для того, чтобы обречь на него народные массы других стран,—я убежден, что рабочие Франции, всегда стоявшие в авангарде мировой революции, рабочие, в чьих сердцах тлеет пламя воспоминания о Парижской Коммуне, герои, зарывшиеся в окопы перед натиском немецкого капитала, даже там лелеяли мысль о восстании и выжидали, пока вспыхнет пожар в Германии. И с ними—рабочие Италии, еще хранящие свежее воспоминание о прошлогоднем восстании в Турине, уже покинувшие фронт и на последнем конгрессе высказавшиеся за коммунистическую революцию, пролетарии, приветствовавшие русскую революцию, несмотря на травлю капиталистической печати,—они восстанут. В Англии и Америке, напротив, революция еще не у дверей. Возможно, что и там капитал не в состоянии держать в узде массы. В таком случае эти государства бросятся на Германию, но вовсе не для того, чтобы одержать победу над императором, а для того, чтобы спасти европейский капитализм и подавить германскую революцию. Возможно, что этот момент близок; этого мы не хотим ни замалчивать, ни затушевывать. Дело в том, что эта возможность налагает на Россию особые обязательства, открыто

провозглашенные рабочим классом России устами его правительства 3 октября в заседании Центрального Комитета Советов.

V. Международное положение и наши задачи.

Мы не заключали Брестского мира. Он был нам навязан с револьвером в руках. До настоящего времени мы были только жертвой германского империализма. Внешняя политика нашего правительства была, по своему существу, отступлением, необходимым для спасения центральной России, этого очага мировой революции. Необходимость вести такую политику отравила нам всем существование. Об оскорблении, конечно, не может быть и речи, потому что германский империализм не в силах нас оскорбить; мы чувствовали себя выше его козней, даже когда он принуждал нас сгибаться перед ним до последней крайности. Но мы переживали невыносимые страдания оттого, что были лишены возможности оказать помощь красной Финляндии или броситься на помощь нашим украинским товарищам. Скованные, бессильные оказать помощь, мы все свои надежды сосредоточили на мысли о том, как бы продержаться, дожить до момента, когда восстанут наши братья, когда восстанет наш старший брат, придет нам на помощь и начнет действовать совместно с нами. Но, даже находясь в этом состоянии одиночества, русское правительство установило твердые границы своей уступчивости, оплеванное сверх-патриотами не только из среды буржуазии, но из числа так-называемых социалистов: оно сознательно отклоняло соблазн стать орудием германского империализма даже ценой возвращения Украины, даже под угрозой опасности отказаться от власти и во мраке подполья содействовать организации рабочего класса для борьбы против германского империализма и даже против мирового империализма. Это правительство никогда не обращалось за помощью к германским штыкам. Оно не запятнало себя патриотизмом Церетели или Чхенкели, на демократическом совещании произносивших речи, от которых становилось дурно, но затем опиравшихся на немецкие штыки против Турции. Мы были далеки от того, чтобы обращаться

за помощью к немцам. Когда после покушения на Мирбаха германское правительство пыталось осчастливить нас своей военной охраной, когда нам грозила участь Украины, когда мы могли стать прикрытием господства в России германского империализма, мы решительно заявили: до сих пор, но не дальше! И германское правительство это поняло. Когда впоследствии оно пыталось вмешаться в экономическую жизнь России, мы заявили о своей готовности платить, но сказали: никакого вмешательства во внутренние дела России! Мы действовали так вовсе не потому, что относились лучше к империализму союзников, ибо и с ним разорвали союз. Мы поступали так потому, что стать союзником грабительской императорской политики означало для революции потерять всякий смысл: в глазах французских, итальянских и английских товарищей мы приняли бы тогда на себя ответственность за преступления германского империализма. Теперь, когда эти преступники с трепетом видят перед собой свой близкий конец, нам грозит опасность впасть в противоположную крайность. Со всех сторон нам нашептывают: „Надо использовать положение и броситься на германский империализм. Бывшие союзники ведут с вами войну только потому, что считают вас вооруженной охраной германского империализма. Восстаньте против него, и они помогут вам, в ближайшем будущем Брестский мир будет ликвидирован, и Россия освободится". На это мы отвечали: в этой политике вы руководитесь теми же самыми интересами, на страже которых стоял и Керенский, гороховый шут революции; этими интересами было продиктовано наступление 18 июня. В конечном результате он только помог Гинденбургу одолеть военной силой русскую революцию и таким образом разрушить доверие к ней со стороны рабочих масс. Пусть германские рабочие сами погребают своих мертвецов; мы не станем помогать их правительству, которое, чтобы завоевать доверие политически незрелых масс, будет нашептывать им: „Смотрите, коммунистическое правительство продалось правительству союзников;

защищайтесь, ибо русская революция обманула вас; она не принесла с собой ни мира, ни братства"!

Мы не собираемся таскать для союзников каштаны из огня. Мы не станем помогать им душить германскую революцию. Напротив того, мы им заявляем: до сих пор мы сражались против вас во имя спасения русской революции; отныне мы удесятерим свою энергию, чтобы поддержать возникшую германскую революцию. Если рабочий класс возьмет в Германии власть в свои руки, и если вы на него нападете, мы напряжем все свои силы, чтобы оказать в этой борьбе деятельное содействие нашим братьям. Мы выражаем благодарность союзникам за пересмотр Брестского мира. Но подумайте только, как они кричат во все горло о германских насилиях! Что означает программа Вильсона, этого пророка нью-йоркской биржи, этого учителя, принесшего мир человечеству? Господин Вильсон не спрашивает польских рабочих, хотят ли они отделиться от русских рабочих. Он провозглашает независимость Польши, при чем эта независимость заключается в том, что он собирается с помощью американского золота поставить на ноги опустошенную и разоренную Польшу, и независимая Польша отныне попадет в зависимость от Америки. Разве господин Вильсон спрашивал наших латышских товарищей, хотят ли они отречься от коммунистической России, когда устами Бальфура провозгласил независимость Прибалтийского края? Что означает все это? Господа союзники рассчитывают, что таким же точно образом они сумеют решить судьбу некогда императорской, а теперь и на вечные времена коммунистической Великой России, великой, как союз рабочих всех народностей, живущих вместе и вместе намеренных ковать свою судьбу,—подобно тому, как пытались решить ее судьбу германские империалисты, опираясь на результаты германских завоеваний на Востоке. Германский капитал намеревался создать могущественную капиталистическую империю, от Гамбурга до Багдада, от Рейна до Двины, создать огромный молот, чтобы обрушить его на

наковальню всего мира. Американский капитал — такой же молот, готовый раздробить Европу на куски, чтобы тем легче проглотить ее.

Мы так же мало доверяем союзникам, как и германскому империализму, и ликвидации Брестского мира ожидаем только от усилий международной революции. В дни нашего поражения один из представителей Германии спросил меня: „Что может вам помочь?" Я ответил ему: „Мы ждем, к чему приведет вас ваша судьба". В Брест-Литовске мы не заключали мира: это был не договор, а грубое насилие, которое можно ликвидировать не взаимными уступками, а уничтожением германского империализма. Если Германия, и в дальнейшем связанная войной на Западе, будет принуждена очистить Украину, то „ясновельможный" гетман с тремя тысячами своих оборванных офицеров не в состоянии будет продержаться. Уже и сейчас одним глазом он смотрит на немецкую комендатуру, где еще сидят германские генералы, а другим—через бинокль турецкого посланника в Киеве—на Дарданеллы: нет ли в поле зрения английского крейсера, чтобы послать восставшей Одессе железный привет. Как только исчезнут немецкие штыки, исчезнет гетман и с ним вместе банды генерала Алексеева, которые по недосмотру немцев, поддерживали через Ростов связь с генералом Красновым, являвшимся на юге застрельщиком Антанты. Все эти банды вновь поклонятся старым богам, т. е. союзникам. По крайней мере, гетман рассчитывает на это. Но мы думаем, что расчет сделан без хозяина, без рабочих и крестьян Украины, которых светлейший гетман одолел не кулаками своих гайдамаков, а немецкими штыками. В тот день, когда уйдут немцы, рабочие и крестьяне начнут пересмотр Брестского мира. И в высшей степени вероятно, что это произойдет не за столом, покрытым зеленым сукном, не с помощью немецких знатоков малороссийской этнографии, которые усмотрели настоящих украинцев даже в древнем московском роде князей Трубецких. Пересмотр будет происходить повсеместно: в Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве, во всех украинских деревнях, где беглые крысы русского помещичьего класса искали своего спасения.

Не знаю, успеют ли эти беглецы поесть весь виноград и все фрукты в Крыму, так необходимые нашим больным. Я надеюсь, что и без нашей помощи Брестский мир будет основательно пересмотрен на Юге. Разумеется, мы, с нашей стороны, будем придерживаться условий этого мира, как и раньше, пока существует другая договаривающаяся сторона. Но правительство гетмана объявило, что не подписывало его и не считает себя связанным им. Вместе с тем падает и наше обязательство считаться с ним.

Вероятно, настанет момент, когда господин Скоропадский будет каяться, что он первый заявил о недействительности Брестского мира, ибо не подписывал его. Брестский договор будет пересматриваться шаг за шагом. Он будет пересматриваться благодаря отступлению германского империализма и наступлению рабочих масс, тех самых рабочих масс, которые теперь в занятых областях в момент крушения германского империализма чувствуют то же самое, что чувствуют крестьяне, когда они застигают волка, пробравшегося в стадо, и, колотя его по голове дубинами, приговаривают: „Это тебе за лошадь, которую ты похитил, это тебе за корову, которую ты растерзал, это тебе за теленка, которого ты утащил у меня!“ Само собой разумеется, что мы, как правительство, не питаем таких чувств. Правительство заключает договоры, чтобы выполнять [их, и оно не должно отдаваться во власть своих чувств... Но мы понимаем, что народные массы оккупированных местностей не могут не питать таких чувств, и уверены, что эти чувства оказывают большое влияние на пересмотр дипломатических актов, на Брест-Литовский договор.

Мы заявили рабочему классу России, что, хотя мы видим, как ослабел германский империализм, но не намерены пускаться ни в какие авантюры, не намерены поступать, как люди, потерявшие головы. Опасность потерять голову в политическом, если не в физическом смысле слова, угрожает сейчас не Советской России, а представителям некогда могущественного класса, когда-то высоко державшего голову. Мы не бросаемся ни в какие авантюры; но возможны авантюры с другой стороны. То, что мы говорим о современном положении, это, как всем понятно, не представляет никакой

тайны. Каждый, кто умеет считать по пальцам, знает, что мы, если революция в Европе будет разрастаться, и если она окажется в опасности, не сложим руки на груди, не станем ждать и не сможем даже сделать этого, ибо нашим долгом будет пойти на помощь рабочим других стран, и мы исполним свой долг, хотя бы пришлось принять на себя весь риск, вплоть до опасности временного подавления русской революции, и мы не станем думать о своем собственном доме, если придется ставить вопрос о победе рабочей революции во всей Европе. То, что случится на Рейне или Сене, имеет к нам такое же отношение, как то, что происходит на Немане или Днепре. Наши сердца будут биться в такт с победным шагом немецких и французских рабочих, в такт шествия под красными знаменами. Даже наши противники знают это, и это может внушить им мысль натравить на нас Японию или спасти германский империализм и укрепить его, чтобы он мог раздавить нас. Даже банкроты германского империализма могут дойти до отчаянной мысли,—броситься на нас, чтобы растоптать очаг мировой революции.

Мы вступаем в такой период, который выдвигает перед нами величайшие задачи и вместе с тем требует от нас огромных сил, необходимых, чтобы быть готовыми к великим деяниям. Советское правительство подписало Брестский мир, несмотря на сильную оппозицию в своих собственных рядах, несмотря на глубокие сомнения, разделяемые даже частью правительства. Это доказывает, что оно преследует политику, основанную на холодном подсчете сил, и Троцкий в последнем заседании Центрального Исполнительного Комитета сказал относительно правительства, выступившего в защиту подписи Брест-Литовского мира, то же самое, что говорим и мы, представители левого крыла партии: „Ленин был прав, когда настаивал на подписании Брестского договора“. И это говорим не только мы, но и честные, прямодушные представители враждебного лагеря, наши враги из рядов бывших социалистических партий. Но то же самое правительство, которое умело быть предусмо-

трительным, когда полагало, что еще не пришло время, своим заявлением от 3 октября доказало решимость этого правительства поставить русскую революцию на карту европейской революции, ибо одна всегда будет связана с другой. Без победы рабочих в Европе мы не можем организовать свою жизнь, не в состоянии добиться окончательной победы. Наша страна—сельскохозяйственная страна; она пришла в состояние неслыханного разорения; в нашем распоряжении нет достаточного количества опытных техников, не хватает организаторских сил, чтобы восстановить наше хозяйство. Рабочие Германии, европейские рабочие могут притти к нам на помощь, довести до конца наше дело, без них мы не победим, мы в силах победить только с поддержкой, и, следовательно, их долг помочь нам. И поэтому мы вступаем в самый великий и опасный период русской революции.

Перед рабочим классом России стоит в настоящее время задача вооружиться и быть наготове. Мы сами должны достать для себя оружие, и притом в большом количестве; мы должны организовать тех, кто будет готов с оружием в руках стоять на-страже европейской революции, чтобы в решительный момент явиться на помощь, если империализм обрушится на один из больших отрядов этой революции. Будет ли эта попытка задушить революцию исходить от империализма собственной страны или от чужеземного империализма, все равно; рабочие всех остальных стран будут смотреть на нас, как на тех, кто уже организовался, кто уже объединил, собрал свои силы. И было бы преступлением по отношению к ним, как и по отношению к нам самим, если мы в этот момент окажемся неготовыми.

Но для этого недостаточно развернуть в полной мере нашу агитацию среди рабочего класса, недостаточно каждого рабочего сблизить с Советской властью, необходимо показать всем слабым и колеблющимся, бедноте всего государства, что мы теперь сильней, чем когда бы то ни было, что изнутри никто не может нас свергнуть, что мы несем мир всему миру, что мы защищаем всех голодных и обездоленных, что мы являемся партией не только фабрично-заводского пролетариата, но намерены перестроить жизнь

всей России на новых основаниях, на принципах, обеспечивающих счастье всем трудящимся и обездоленным. Мы должны научиться с последним рабочим и батраком говорить не книжным, а жизненным языком. Мы должны показать им, как они до сих пор жили, как они до сих пор, будучи рабами капитала, прозябали в грязи, невежестве и нищете, и что целью нашей борьбы сейчас является не благо собственников, но счастье всех, которое мы создадим, когда построим новую жизнь на обломках старого мира, разрушенного революцией здания. Настал момент, когда мы должны окончательно преодолеть сопротивление честной демократической интеллигенции, если только она существует. Меньшевики всегда говорили, будто они только потому против диктатуры пролетариата, что пролетариат России не в состоянии создать социалистический строй без помощи европейской революции, ибо новый храм свободы человечества не может быть воздвигнут в одной только России. Но теперь мы стоим перед фактом европейской революции, мы теперь—ее стража, и мы должны обратиться к совести каждого честного меньшевика,—рабочего и интеллигента; если он не верил в силу рабочего класса, то он должен признать, что теперь эта сила велика, что она должна слиться в один могучий поток с европейским рабочим движением, и не только объективно, но и субъективно является преступником тот, кто раньше говорил о международной социальной революции, а в данный момент вставляет палки в колеса единственного рабочего правительства, которое, как ни клеветали на него эти партии бывших социалистов, тем не менее, сумело создать пролетарскую армию, армию, сражающуюся не из-под кнута, но самоотверженно, героически, которое взяло на себя обязательство повести эту армию, этот цвет рабочих масс, это детище рабочего класса на борьбу за интересы рабочего класса, а не за интересы европейского капитализма; эта армия, о которой бывшие социалисты говорят, будто она обращается в бегство с поля сражения, но о которой мы говорим, что она родилась на полях битв из крови рабочего класса, что она родилась, как рождались легендарные греческие герои,—железной, могучей, несокрушимой. Интеллигенция, всю свою жизнь мечтав-

шая о революции, в тюрьмах читавшая книги о революции и молившаяся богу истории, чтобы он ей позволил пережить муки каторги, вернуться в ряды рабочего класса и вместе с ним итти на борьбу, теперь испугана революцией, о которой мечтала, о которой читала в книгах; и ныне, когда она пришла, железная, безжалостная, напоенная кровью, ибо всегда в крови рождается дитя,—теперь она охвачена ужасом. Многие продались буржуазии, но многие впали в добросовестное заблуждение, и теперь мы, русские, должны заставить их дать ответ перед лицом международной революции,—стали они трупами, или это живые люди, совершившие ошибку, но способные вступить в ряды борющихся, готовые начать вместе с русским рабочим классом борьбу за освобождение всего рабочего класса?

В ближайшее время будут решаться вопросы, определяющие судьбу целых десятилетий. С одной стороны, поднялись капиталисты всего мира. Если у них еще осталась хоть капля рассудка,—а мы должны это допустить у своего противника,—то возможно, что они вступят в союз, чтобы, под именем союза народов, образовать союз капитала против международного рабочего класса, с целью задушить революцию, поделить весь мир между властителями международных капиталистических трестов, которые заставят рабочих всех стран десятилетиями своего труда оплачивать издержки этой войны и ковать оружие для новой войны, а, с другой стороны, развернется фронт международной рабочей революции. Это уже перестало быть фразой, это—действительность. Наши бывшие союзники нападают на нас с севера и востока, чтобы задушить русскую революцию. Германия отправила армию против своих собственных союзников, против Болгарии. Завтра, должно-быть, Англия попытается задушить итальянскую революцию, а Германия—революцию в Австрии, и мы, как единственный уже организованный авангард, должны будем принять на себя всю тяжесть борьбы, на нашу долю выпадает задача стоять на-страже революции в этой новой войне, стоять в первых рядах на этом новом фронте.

В этот момент мы должны бить в набат, стать колоколом, о котором поэт сказал, что он скорбит о мертвых, зовет

живых на борьбу и заглушает громы; русский рабочий класс должен стать таким колоколом, пробуждающим всех живых не только в России, но далеко за ее пределами, указывая путь рабочим Германии, Австрии, Франции и Италии, сзывающий всех живых, еще находящихся в России вне наших рядов. Он должен создать такую моральную атмосферу, в которой человек, теперь называющий себя социалистом, в то же время ведущий борьбу против рабочего правительства и не умеющий вступить в ряды борющихся, должен навсегда умереть политически.

Если мы сумеем все это сделать, то выполним стоящую перед нами великую задачу. Рабочий класс в России обладает огромным запасом энергии, и наш великий вождь, Ленин, который велик потому, что с холодной головой он сочетает верящее и любящее сердце, был прав, тысячу раз был прав, когда он сказал, что русские рабочие будут бороться в тысячу раз с большей энергией, если перед ними будет стоять задача помочь мировому пролетариату в его освободительной войне.

Приближается годовщина нашего Октября, который ученые люди, знающие каждую букву в сочинениях Маркса, объявили авантюрой одной недели. Приближается первая годовщина этого Октября, в котором трезвыми политиками оказались мы, а не они. И мы встретим эту годовщину под знаменами не только русской революции, не только под знаменами рабочих и крестьянских Советов России, а под знаменами международной пролетарской революции, под знаменами Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всего мира, под знаменами революции; ее можно пытаться задушить, подавить, но нельзя победить.

Оценивая современное положение в России, я вспоминаю слова одного немецкого писателя. Изображая судьбу германской социал демократии, он привел древнюю готскую легенду: готы, переходя через Дунай, чтобы напасть на Рим, оставили дома своих богов, и эти боги плакали, жалуясь, что их покинули. Этот писатель сказал, что когда он смотрит на оппозицию против войны, он вспоминает этих старых богов, плачущих, потому что их покинули. Но теперь

плачут не старые боги социализма, ибо они уже умерли, и рабочий класс повесит их на фонарях за то, что они предали рабочий класс. Теперь настало время плакать богам буржуазии, ибо подымается юный бог революции, чтобы свергнуть их с Олимпа, как христианство свергло с этой легендарной горы старых богов.

1914 год сказал: „Революция умерла". Мы теперь говорим: „День 4-го августа, день крушения Интернационала, был днем последней великой победы буржуазии. Теперь наступает новый день, день III Интернационала, и он станет днем не пустых фраз, а днем вооруженного восстания рабочего класса, который прошел школу беспощадной борьбы, который не знал пощады, кровь которого лилась ручьями, и который будет теперь действовать с той самой беспощадностью, какой он научился у буржуазии, чтобы все взять в свои руки, вырвать с корнем капитализм и построить новое здание, здание братства и свободы.

Германский империализм находится накануне крушения, он доживает свои последние дни, и международный империализм, пытающийся занять его место, не должен и не может победить.

Русская и германская революции и международное положение.

(Приветственная речь на учредительном съезде германской коммунистической партии 30 декабря 1918 года).

I. Привет от русского пролетариата.

Товарищи! Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет послал на съезд германских советов рабочих и солдатских депутатов делегацию в составе шести человек. Дружественный прием со стороны генерала Фалькенгайма и правительства Эберта—Гаазе,—в Молодечно мы были встречены пулеметами,—помешал нам принять участие в работах съезда. Мне удалось добраться сюда, чтобы передать вам сердечное поздравление с днем основания коммунистической партии и от имени рабочей России выразить свою полную солидарность с вами.

Когда к нам пришла весть о революции в Германии, русские рабочие были охвачены буквально безумной радостью. Дело не только в том, что победа русской революции нанесла последний смертельный удар германскому империализму, разорвала кольцо империалистических держав и, таким образом, спасла русскую революцию от удушения; но имеет значение и глубокая уверенность гораздо более молодого и обладающего меньшим запасом организационных навыков рабочего класса России в том, что без социалистической революции в Германии русская пролетарская революция, предоставленная самой себе, не обладает достаточными силами для возведения нового здания на развалинах, оставшихся в наследство от империализма. Сердца

русских рабочих наполнились глубокой радостью, ибо они чувствуют близость своего старшего брата, который теперь вместе с нами берется за дело освобождения и, таким образом, волна революции хлынула из России через западную границу. Позорная политика так называемого социалистического правительства Германии, направленная против социалистического правительства России, ни в коем случае не вызвала в массах нового разочарования. Когда правительство Эберта—Гаазе отвергло хлеб, от чистого сердца посланный русскими рабочими, которым самим приходится голодать, германским рабочим, чтобы засвидетельствовать свою готовность разделить с ними все и совместно всеми средствами вести борьбу за общее дело освобождения, русские рабочие сказали: „Мы послали хлеб не господам Эберту и Гаазе, без затруднений покупающих его у спекулянтов, но тем немецким рабочим, которые готовы приложить все усилия к тому, чтобы эта посылка хлеба стала символом будущего оживленного обмена всего, чем богат русский народ, на то, что есть у немецкого народа, во имя общности борьбы, во имя оборонительно-наступательного союза с рабочими Германии. И близок момент, когда предложенная русским рабочим классом помощь не будет отвергнута с насмешкой, но ее примут братски и радостно.

II. Правительство Эберта—Шейдемана в Германии и правительство Керенского в России.

Поведение Эберта—Гаазе не было для русских рабочих неприятной неожиданностью, ибо то, что теперь они наблюдают в Германии, им самим пришлось пережить в России год назад. В быстрой смене событий и неясных тенях, волнующихся на поверхности немецкой жизни и разыгрывающих из себя руководителей немецкого народа, перед нами встают образы старых знакомых. У нас тоже было правительство, которое заявило, что рабочий класс не в состоянии собственными силами совершить дело освобождения от бедствий войны, от ужасающей нищеты, оставленной в наследие потерпевшим крушение капита-

лизмом. Он, будто бы, должен обратиться за помощью к буржуазии.

Сущность политики наших мелкобуржуазых социалистов заключалась в том, что они путь к освобождению рабочего класса видели в сотрудничестве с буржуазией, Эберт и Гаазе с первого дня революции руководятся такой же точно политикой недоверия к рабочему классу и доверия к буржуазии, представители которой допускались ими в качестве „сведущих лиц" ко всем ответственным постам. Таким образом, создается причудливое положение: императорский надсмотрщик над рабами г-н Сольф руководит внешней политикой германской революции, между тем как Карл Каутский, теоретик II Интернационала, словно молодой подмастерье, под его руководством берет уроки государственной мудрости [1]).

В России соглашательская политика продолжалась восемь месяцев. Предатели социализма искали среди буржуазии „живых сил", чтобы воспользоваться их услугами в деле освобождения пролетариата, и с каждым днем отталкивали от себя все более широкие массы рабочего класса. Чтобы сломить оппозицию рабочего класса, их вожди сделали попытку опозорить в их глазах русских коммунистов, как немецких шпионов. Когда это не помогло, они попытались подавить оппозицию вооруженной силой. Пролилась драгоценная кровь рабочего класса, но зато не прошло и восьми месяцев, как за нами стояло подавляющее большинство всех, кто терпел нужду, всех, кто стонал под игом войны и капитализма. Как это произошло? Коалиция рабочего класса и буржуазии не в состоянии была положить конец войне, не в состоянии была повести народ по пути освобождения от всякой нищеты, от всех бедствий, оставшихся в наследие после войны, потому что буржуазия, на которой лежала ответственность за войну и которая вызвала войну своей ограниченной корыстолюбивой политикой, хотела, несмотря на революцию, продолжать эксплоатацию народных масс, как продолжала его среди кровавого военного

[1]) В дальнейшем Каутские и им подобные должны были очистить место, и высшие правительственные посты были братски поделены между правительственной коалицией, состоявшей из шейдемановцев, демократов и центра.

хаоса. Когда война будет ликвидирована, перед народными массами встанет вопрос об огромных военных долгах, вопрос,—в состоянии ли будут рабочие массы, не желавшие войны, нести на себе бремя военных издержек? Когда война придет к концу, перед нами станет вопрос, как восстановить хозяйство, дошедшее до полной разрухи? Должен ли обнищавший народ попрежнему кормить паразитов? Или же он, именно вследствие своего обнищания, должен использовать все, чем он владеет, чтобы утереть слезы вдов, чтобы прокормить миллионы сирот и калек, чтобы среди развалин проложить себе путь к новой жизни, когда узкая клика уже не в состоянии будет повергать народ в нищету, эксплоатируя его? Рабочие сознавали, что это „сотрудничество" с буржуазией только осложнит их страдания.

До тех пор, пока промышленность оставалась в руках буржуазии и экономической жизнью управляла жажда прибыли, а не стремление удовлетворить потребности народа, неизбежно должно было продолжаться расхищение народных сил, и хозяйственная разруха продолжала бы возрастать. Пока велась совместная работа с буржуазией, нечего было и думать об освобождении от военных долгов. До тех пор, пока шли рука-об-руку с буржуазией, нельзя было положить конец войне, ибо она затягивала войну, сохраняя союз с капиталом Антанты и ожидая от него спасения. Рабочие и крестьянские массы все более приходили к убеждению, что это так называемое сотрудничество с буржуазией означает закрепощение капитализму, и в ноябре 1917 года они разорвали опутывавшие их сети. „Небольшая кучка" предостерегавших против буржуазии сама стала у власти.

Здесь, в Германии, положение дел во многом было совершенно иное. Буржуазия готова покориться капиталу Антанты, лишь бы заручиться его помощью против пролетариата. Хищники Антанты согласны были ограничиться захватом лишь известной части ее капиталистической собственности, и она утешает себя тем, что сумеет, сама оставаясь в полной безопасности, резать ремни из кожи германского народа. Но рабочие протянули руку для захвата всего капиталистического богатства, ибо оно создано их руками.

Вопрос о мире станет в Германии фактором изживания коалиции социал-патриотов с капиталистами, но не будет играть такой роли, как в России. Народные массы восстанут против этой коалиции, как только обнаружится, что Эберты являются полицейскими псами на службе угольных и железных баронов, защитниками юнкеров, наживающихся на хлебе. Это произойдет скорей, чем многие думают: развитие событий в Силезии, Рейнской области и Вестфалии свидетельствует об этом. Продовольственный вопрос и безработица скоро выдвинут перед рабочими вопрос о непримиримой борьбе против буржуазии; иллюзия „сотрудничества" исчезнет, как дым, и учредительное собрание, имеющее целью объединить все классы народа для совместной работы, будет ежедневно демонстрировать выросшую между ними пропасть. Те самые Советы рабочих депутатов, которые ныне выродились до того, что стали фиговым листком, прикрывающим диктатуру Эберта, диктатора, защищающего интересы капитала, будут вынуждены взять власть в свои руки.

III. Опыт русской пролетарской революции.

Опыт, пережитый нами в течение года, когда власть находится в руках рабочего класса, имеет величайшее историческое и практическое значение для германского пролетариата, как и для всех остальных стран. Дело не в том, что надо копировать русскую революцию. В разных странах отношения складываются своеобразно. Социальное и политическое устройство отдельных стран различно. Пути рабочего класса в отдельных странах могут отклоняться друг от друга. Тем не менее, год пролетарской диктатуры в России, год русской революции, является великой проверкой на опыте вопроса о господстве рабочего класса. Германская буржуазная печать, которая теперь подняла вой вместе с печатью Антанты, и вообще не видит и не знает худшего и опаснейшего врага, чем большевики, т.-е. коммунистическая пролетарская революция, печать предателей социализма, разыгрывающих из себя знатоков вопросов, связанных с социализмом, ибо они

попрали все его принципы, объявляет, что русская революция дает пример, как не следует вступать на путь революции, ибо она является только разрушительной силой и повергла Россию в бедствия. Поэтому надо предостеречь германских рабочих от этого пути. То же самое утверждает и Вильсон, глава американской финансовой олигархии, это же повторяет Клемансо и о том же самом твердит и третий друг рабочих—Ллойд Джордж. Эти господа, никогда не думавшие ни о чем другом, как лишь о том, чтобы помочь страдающему пролетариату спастись от тяжелых испытаний, придерживаются того же самого мнения, что Шейдеман, Эберт, Каутский. Каждый рабочий, который вспомнит, как эти господа, пекущиеся о его благе, до сих пор думали только об эксплоатации и запугивании рабочего класса, и как шейдемановцы, старающиеся перекричать их, не пожертвовали ни одной каплей крови, когда рабочие рекой проливали свою кровь за интересы капиталистов, должен сказать себе: „Надо остерегаться добрых советов этих коварных данайцев". Но для нас дело идет не только о том, чтобы внушить недоверие к этим новым „друзьям рабочих, а также и о том, чтобы дать ясный ответ на их предостерегающие вопли. Первый их вопль: „Берегитесь гражданской войны!"

IV. Гражданская война в России.

Когда, всего две или три недели назад, мы обратились к немецким солдатам, чтобы разъяснить им этот вопрос, нам приходилось разъяснять его теоретически, ссылаясь на факты русской действительности. Теперь, когда господа Вельс и Шейдеман проявили себя, как стратеги гражданской войны, теперь, после 6-го и 24-го декабря, нам не приходится говорить об этом теоретически, ибо рабочий класс уже получил первые практические уроки гражданской войны. Сегодня вся буржуазная печать кричит, что надо накормить свинцом верхне-силезских горнорабочих, ибо эти парии капиталистического общества, которые до сих пор добывали из шахты миллионы для угольных баронов, поняли, что революция

в первую очередь является способом улучшить их жалкое положение, и, таким образом, немецким рабочим легко ответить на вопрос, что такое гражданская война: это вооруженная защита денежных мешков буржуазии! Никогда еще в истории человечества господствующий класс не отказывался от своих привилегий без ожесточеннейшей борьбы. Кто утверждает, будто имущий класс при каких бы то ни было условиях подчинится решению большинства, тот заведомо лжет. Если теперь слова „социалистическая республика" уже не являются простой фразой, убаюкивающей народ, то они означают, что рабочий класс тем или другим путем стремится взять в свои руки производство, и если дело обстоит именно так, то перед нами открывается величайший переворот, когда-либо имевший место в истории, и он не может развиваться мирно. Все революции до настоящего времени означали, что производство переходит из рук одного меньшинства в руки другого. Теперь впервые в истории дело идет о полном уничтожении господствующих классов. А этой цели нельзя достигнуть путем парламентских переговоров и постановлений. Русский опыт ясно показал это.

Правительство Керенского даже не было свергнуто: оно само рухнуло. Если вы прочтете воспоминания Малянтовича, министра юстиции при Керенском, то вы увидите перед собой кучку людей, которых никто не поддерживает, приказов которых не слушаются даже их шофферы. Такое правительство не надо было даже свергать. В последнем бою против Керенского почти не было жертв. Правительство просто было покинуто народом на произвол судьбы. Съезд Советов, представлявший подавляющее большинство русского народа, создал новое правительство, Совет Народных Комиссаров, представители буржуазии и помещиков первые не подчинились ему и подняли против него оружие. Именно, генерал Краснов, которому рабочие в октябре 1917 года, в первом опьянении свободой, дали возможность убежать, после того, как он дал честное слово офицера не поднимать против них оружие, идет теперь против нас с донской армией и расстрелял 16 тысяч горнорабочих.

Гражданскую войну начала буржуазия, хотевшая вернуть себе фабрики, офицеры, тосковавшие о тех временах, когда можно было обращаться с солдатами, как с рабами, крупные землевладельцы, хотевшие отнять у крестьян землю. Если у нас проповедуют против гражданской войны, то русские рабочие отвечают: „Господа убийцы, сами сначала сложите оружие". До тех пор, пока имущие классы не сделают этого, русские рабочие тоже не положат оружия. Завоевания революции добыты рабочей кровью, и пролетариат не расстанется с ними, хотя бы пришлось вести войну против всего мира. Кто хочет вырвать власть из рук фабрично-заводских рабочих, землю—у крестьян, власть—у народа, пусть явится и попробует взять, что может.

Гражданская война велась с крайним ожесточением, далеко превосходящим империалистическую войну. Эксплоататоры всех стран могут вступить в компромисс между собой: они делят добычу и совместно сдирают шкуру с рабочих. Но между эксплоатируемыми и эксплоататорами не может быть никакого компромисса: только победа или гибель. Побежденные классы, обвиняющие нас во всевозможных ужасах, ведут гражданскую войну с кровожадностью, достойной диких зверей. Когда украинская буржуазия захватила Киев с помощью немецких войск, она расстреляла без всякого суда полторы тысячи рабочих: расстреливали каждого, кто попадался на улице в день вступления победителей и у кого были мозолистые рабочие руки. Победоносная финляндская буржуазия истребила до 30 тысяч рабочих, Краснов на Дону—16 тысяч. Лишенный власти господствующий класс жестоко мстит за унижение своего достоинства, как только ему удается вернуться к власти. Рабочий класс еще не развил в себе таких чувств. У него слишком много чувствительности, его могут смутить вопли буржуазной печати. „Дикари большевики" в течение всего периода борьбы, окруженные опасностями, умертвили пару тысяч буржуа. Дело не в том, что они старались щадить человеческую жизнь, а в том, что их стремление к преобразованию социальных учреждений вовсе не проявляется

в истреблении людей. И даже эта пара тысяч убитых в открытом гражданском бою против контр-революции состояла из тех, кто хотел поработить русский народ, опираясь на чужеземные штыки. Если представители этих штыков, господа Шейдеманы, лакеи германского империализма, кричат об убийствах по поводу большевистского террора, то мы им говорим: „У вас самих, у противников большевистского террора, руки запачканы кровью, и не только кровью миллионов людей, павших в этой войне, но и кровью десятков тысяч латышских, финских, украинских и русских рабочих, истребленных теми самыми генералами, которым вы предоставили военные кредиты. Вы, противники оборонительной борьбы рабочего класса, противники гражданской войны за социализм, вы уже начали избиение немецких рабочих во имя интересов капитала. Опираясь на исключительно прочную организацию германского капитала, на исключительно хорошо организованных юнкеров, вы сами подготовляете гораздо более кровавую гражданскую войну, чем та, какая когда бы то ни было имела место во время русской революции, и одновременно вы стараетесь усыпить внимание своих будущих жертв воплями негодования против гражданской войны, чтобы ваши жертвы не могли подготовиться к самозащите! Но это вам не удастся!“

V. Разрушение производительных сил в России.

Предатели социализма заявляют, что гражданская война разрушила производство, таким образом, уничтожила необходимые предпосылки социализма, и рабочий класс в результате победоносной гражданской войны окажется среди пустыни. Тяжелая и требующая больших жертв гражданская война в течение целого года не стоила в России стольких человеческих жизней и не уничтожила так много ценностей, как за один день „великая война“, в которую шейдемановцы не перестают вовлекать рабочих. Мы не закрываем глаза на тот факт, что война влечет за собой большие

разрушения, что она затрудняет и задерживает творческий процесс созидания нового коммунистического общественного строя. Но мы стоим перед фактом неотвратимости гражданской войны, и рабочий класс всех стран находится в таком положении, что он одной рукой вынужден защищаться против врага, стремящегося к уничтожению всякой творческой деятельности, и только другая рука остается свободной для созидательного творческого процесса. Мы убеждены в том, что дальнейшее развитие мировой революции докажет возможность систематической созидательной работы в полном объеме только при условии, если рабочий класс нанесет врагам окончательное поражение, так что чужая преступная рука уже не в состоянии будет вносить замешательство в этот творческий процесс. И, несмотря на это, мы можем с гордостью окинуть взором работу, какую до сих пор нам удалось выполнить.

Вчера в „Форвертсе" было напечатано воззвание против большевиков, где говорится, что немецкие рабочие сами должны отправиться в Россию и посмотреть на оставшиеся там от нее развалины. От имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета я могу заявить, что он будет только приветствовать представителей германского правительства и Центрального Исполнительного Комитета, если они явятся в Россию, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Не наша вина, если до настоящего времени между русскими и немецкими рабочими существовала преграда, будто бы имеющая целью покрыть мраком неизвестности ужасную российскую действительность. Скорее наоборот. Пулеметы в Молодечно имели целью помешать нашему доступу в рай германских рабочих. Русский рабочий класс овладел фабриками и заводами. Хозяева заявили: „В таком случае вы не получите ни угля, ни железа!" Фабрики остановились. Это звучит очень хорошо в устах представителей той партии, которая поддерживала старое империалистическое правительство в его грабительском набеге на Украину, где находится 70 процентов русского угля и железа, как и хлеб, необходимый, чтобы прокормить

русских рабочих. Несмотря на то, что, благодаря грабительскому набегу империалистической Германии, мы были отрезаны от главных источников сырых материалов, несмотря на то, что в настоящее время Антанта старается отрезать нас от другой части источников нашего сырья, русская промышленность частично еще работает и самым решительным образом доказывает, что после революционного уничтожения прежней капиталистической, принудительной дисциплины революция создает новую, добровольную дисциплину. На наших фабриках во время работ не происходит митингов, наши рабочие выполняют максимум заданий, установленных центральной властью для данной отрасли промышленности. Если бы представители нынешнего германского правительства посмотрели, как идет работа на русских фабриках, они сказали бы немецким рабочим: „Русские рабочие поддерживают порядок, а у вас все идет вверх дном". Они забыли бы при этом только об одном, а именно о том факте, что русские рабочие сами себе хозяева в своей стране и знают, что если бы они нарушили порядок, они зарезали бы самих себя. От слепого повиновения они сознательно перешли к свободной, добровольной дисциплине, к творчеству новой жизни. Если бы этого не было в действительности, то оставалось бы необъяснимым, как возможно, что Россия, разоренная германским империализмом, а затем вновь—капитализмом Антанты, оказалась в состоянии поддерживать деятельность жизненно необходимых для существования общества предприятий, железных дорог и т. п. Мы говорим нашим обвинителям: „Россия истекает кровью от ран, нанесенных ей мировым капиталом, и если не истечет кровью окончательно, то лишь благодаря работе социализма".

В деревне совершается глубокий процесс социального расслоения. Русский крестьянин, создавший историю России, начал сознательно творить собственную историю. Деревенская буржуазия ведет против нас борьбу за частную собственность на землю. Мы сумели за один год нашей власти мобилизовать миллионы бедняков, идущих заодно с город-

ским пролетариатом, чтобы завоевать хлеб для себя и для голодных детей рабочих. Эти бедняки, лишенные инвентаря и сельскохозяйственных машин, помогли нам организовать коммуны. Жажда частной собственности, коренящаяся в крестьянине и не поддающаяся влиянию агитации, уступает языку фактов, говорящих бедняку-крестьянину, что только путем общественного хозяйства в состоянии он обеспечить себе достойное существование. Классовая борьба в деревне, борьба за хлеб для голодающих, организация бедноты, все, что капиталистическая печать изображала, как грабеж и насилие, является на деле культурным фактором огромного значения: он пробуждает крестьянина от его безразличия, вырывает его из состояния тупой местной ограниченности, пробуждает в нем жажду знания. Россия покрывается сетью школ, более многочисленных, чем в какой бы то ни было другой стране. Русский рабочий класс, русские крестьяне, правда, уничтожили многочисленную лживую печать буржуазии, но создали свою собственную печать, проникающую в отдаленнейшие деревни, чтобы доносить туда весть обо всех событиях борьбы, революции, о великой освободительной борьбе пролетариата. Если бы вам случилось провести вечер с рабочими в одной из больших бывших оперных зал, в ресторанах, где русские капиталисты пропивали народное добро, и где теперь лучшие художественные силы России дают рабочим возможность приобщиться ко всему прекрасному и великому, что оставил в наследство разрушенный старый мир, то все предостерегающие против большевизма вопли утратили бы всякое значение, перестали бы производить какое бы то ни было впечатление. Германские военнопленные, работающие совместно с нами, хорошо изучили эту Россию и признали, что она достойна того, чтобы пролить за нее кровь. Я не хочу этим сказать, будто рабочие массы в России находятся в прекрасном положении. Их положение в высшей степени тяжело: не так легко на развалинах выстроить из ничего обитаемый дом одним магическим заклинанием. Мы стоим только в самом начале строительства. Народ живет под гнетом огромной нужды, нередко ему грозит полная катастрофа. Я хочу

сказать только, что рабочий класс борется с величайшим упорством, ибо понимает смысл борьбы, ведущейся не во имя интересов кучки фантазеров, но за собственное его будущее.

Внутри страны мы победили все контр-революционные силы. Только на Дону, на Украине и на Кавказе мы встречаем сопротивление, организованное под покровительством Антанты. С ними ведет борьбу дисциплинированная армия, страна лихорадочно вооружается, после трудового дня рабочие обучаются военному искусству. Однажды в Москве я имел удовольствие взять с собой на одно собрание представителя берлинского дисконтного общества г-на д-ра Гольмера. Когда к десяти часам вечера мы возвращались домой, представитель германского банкового мира с изумлением и испугом увидел отряд, идущий в боевом порядке, но без оружия. Он спросил меня, что это такое. Я сам не знал, и осведомился у одного из идущих. И мы узнали, что рабочие этого предместья, возвращаясь с собраний, идут военным строем, чтобы учиться походному маршу. Что это значит? Говорят, будто большевистское владычество опирается на штыки. Но эти штыки находятся в руках людей. Почему же эти люди не свергают нас, если мы превратили их страну в пустыню? Число членов большевистской партии не очень велико, и все же мы в состоянии своей моральной силой объединять вокруг себя огромные массы. Это — важнейший вопрос, на который должен уметь ответить каждый рабочий. Насильственное владычество состоит в том, что рабочие массы понимают, — и понимают это превосходно, — что свержение большевистского владычества будет означать не что иное, как истребление рабочего класса контрреволюцией, отнятие у него фабрик, унижение до уровня рабов капитала, принятие на себя военных издержек. Русские крестьяне, которым мы предоставили возможность впервые в истории человечества сознательно возвыситься до уровня культурной жизни, понимают, что низвержение большевизма повлечет за собой возвращение земли помещикам с помощью штыков

Антанты. Вокруг вожаков контр-революции объединяется вся сволочь, которая сотни лет эксплоатировала русский народ. Рабочие и крестьяне понимают, что коммунизм—великое учение и что оно дает нам силы для борьбы. Мы вернули Самару и Казань, освободили Волгу от хорошо организованной контр-революционной чехо-словацкой армии, которая объединяла вокруг себя все контр-революционные силы. Теперь мы находимся накануне новой и еще более великой войны.

VI. Борьба против мирового капитала.

Огромная опасность, угрожавшая русской революции, заключается в том, что международному капитализму могло удасться закончить войну соглашением. Если бы германские и английские империалисты заключили мир, основанный на соглашении, то принц Баденский и шейдемановцы, менее благородного происхождения, без колебания записались бы в число наемных палачей Антанты, чтобы задушить русский народ. Изгнание из Берлина русского посольства должно было очистить путь к такого рода соглашению, жертвой которого стали бы русские рабочие. Но эти планы рухнули в тот момент, когда они только созревали в божественной мудрости Шейдемана и Эберта. Немецкие рабочие и солдаты схватили германский империализм за шиворот, и это обеспечило нам возможность смотреть в будущее с полной уверенностью. В марте 1918 г. мы были вынуждены заключить унизительный мир с германским империализмом, потому что мы только недавно взяли власть в свои руки и не в состоянии были оказать противнику достаточно сильное вооруженное сопротивление. Чтобы насытить это чудовище, столь опасное для нас своею близостью и организованностью, мы из собственного тела вырывали кровавые куски мяса и бросали ему. Затем мы в неустанной работе организовали свои силы, чтобы предпринять с ним борьбу, когда он ослабеет, а мы усилимся. Главные свои надежды мы возлагали на германский рабочий класс, доверия к которому не потеряли даже в самые тяжелые дни, надеясь увлечь

его с собой не словами, а действием. Мы не обманулись в своих надеждах. Германский рабочий класс снял с нас бремя борьбы против германского империализма, устранил опасность его примирения с Антантой для заключения союза против русского рабочего класса. Теперь Антанта остается нашим единственным внешним врагом, потому что хотя лакеи Антанты—господа Эберт и Шейдеман—охотно помогли бы ей уничтожить большевистский очаг революции, но им все равно не хватило бы сил совершить столь похвальное дело. Антанта поставила нас вне закона. Мы ответили насмешливой улыбкой. Капиталисты вообще никогда не считались ни с какими законами в борьбе против рабочего класса. В 1848 и 1871 г.г. они перебили и перестреляли побежденных парижских рабочих, и даже независимо от того, внушают ли нам отвращение Ллойд-Джордж, Клемансо и Вильсон, представители владычества маммоны, мы хорошо знаем, что нас ожидает, если они одержат верх. Но этого не случится. Сегодняшние победители завтра станут жертвами поражения, подобно тому, как победитель в Брест-Литовске ныне покоится под свежим могильным холмом. Армия Антанты состоит не только из машин, не только из танков. Танки победили немецкую армию, когда Германия показала в Брест-Литовске европейским народам голову Медузы, и этот позорный Брест-Литовский мир заставил каждого французского рабочего собрать последние силы для сопротивления германскому империализму. Рабочая Россия не совершит насилия ни над одним народом. Она признала право каждого народа на самоопределение. Пусть ведется теоретический спор о формуле самоопределения. Она означает одно: мы не хотим навязывать что бы то ни было народным массам какой угодно нации; они должны сами решать, с нами они или против нас. Теперь, когда литовцы и латыши снова в наших руках, мы предоставляем рабочему классу этих стран свободу выбора, хотят они, или нет, заключить с нами союз на жизнь и на смерть. И мы гордимся тем, что они высказались в нашу пользу, хотя Антанта грозила им адскими муками. Трудящиеся массы России несут весть освобождения всем угнетенным народам, и если

Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон говорят своим солдатам: „Истребляйте большевиков, ибо они совершают насилия!“, то теперь каждый рабочий в Америке знает, что социалисты, если они не лакеи поджигателей войны, а бунтовщики, казнятся на электрическом стуле, и каждый рабочий во Франции знает о ненасытном зверстве Клемансо. Мы узнали от французских солдат, что они называют „убийцей“ генерала Франше, командовавшего французскими войсками на юге России. Они рассказывали нам, как этот генерал приказывал солдатам отдавать честь своему автомобилю, даже если он был пуст, и тот генерал Франше д'Эспэре,— воплощение кровожадной французской солдатчины, должен внушить французским солдатам отвращение к насильственному владычеству, которое, однако, поддерживает весь рабочий класс. Если эти люди намерены натравить на нас солдат под лозунгом „порядка“, то рабочие должны оглянуться вокруг и спросить, что это за порядок, при котором истребляются миллионы людей, а вернувшиеся домой остаются без работы и их разгоняют, если они требуют хлеба. В случае, если Антанта пошлет свои войска в южную Россию, они разложатся, как и немецкие войска. Если революция не пришла к ним, то они сами придут в школу революции, в Россию. Мы сумеем хорошо обработать их. Возможно, что Антанта сделает попытку расправиться с нами при помощи мертвых созданий человека, при помощи машин. В таком случае мы выйдем из борьбы победителями. Если вы изучите военную историю, начиная с победы над карфагенянами, то увидите, что мертвый материал никогда не в состоянии победить человеческого духа, не желающего порабощения. И русский рабочий класс не позволит поработить себя. Если Эберт—Шейдеман рассчитывают, будто мы скоро протянем ноги, то я сегодня же беру на себя обязательство перед вами, что мы в полном здравии и разумении дольше будем руководить судьбами русского народа, чем герои с Вильгельмштрасе в состоянии будут угнетать немецкий народ. Меньшевики, которых мы свергли в Октябре, ис-

пользовавшие бедствия рабочего класса для натравливания против нас, хотя превосходно знали, что крушение нашей власти будет катастрофой для рабочего класса, теперь вынуждены обратиться к рабочему классу всего мира с призывом, в котором заявляют, что борьба Антанты направлена не против большевиков, а против всего рабочего класса России и против его завоеваний. Это означает откровенное признание в том, что рабочее правительство, названное этими людьми насильственным владычеством, на самом деле является орудием самозащиты русского народа. Это означает признание, что теперь эти люди вынуждены призывать к защите русского Советского правительства. Отсюда мы сделали свои выводы. Мы преследовали их, когда они служили интересам контр-революции; как только они стали на службу революции, как бы они ни колебались, мы их выпустили из тюрем и легализовали их печать и организации. Я говорю вам это не для того, чтобы изобразить в ярких красках нашу терпимость. Мы вовсе не считаем себя терпимыми. Мы—борцы за социализм, не скрываем, что, в случае попытки снова начать борьбу против революции, эти люди вернутся туда, откуда они вышли. Мелкая буржуазия колеблется между двумя лагерями. Но они извлекли урок из того факта, что мы не позволили свергнуть себя. Они поняли, что освобождение от большевизма означает контр-революцию. Это сознание привело остатки мелкобуржуазной социал-демократии к убеждению, что третьего выхода нет, что надо или стоять за большевизм и вести борьбу за революцию или перейти на сторону насильственно вторгающихся чужеземцев и вести борьбу против революции. Они знают, какой выбор сделали большевики. Это доказывает, что мелкая буржуазия понимает неизбежность нашей победы в этой борьбе. Мелкая буржуазия становится на сторону более сильных. Борьба будет страшно тяжелой. Наша промышленность, производящая военное снаряжение, работает полным ходом, но, конечно, не может сравняться с довоенным производством Англии и

Америки. Мы испытываем недостаток во всем. Наши армии часто страдают от голода. Но мы убеждены, что будем бороться, защищая социалистическую Россию, до тех пор, пока Антанта окажется вынужденной или начать борьбу со всем европейским пролетариатом или вообще отказаться от всякой борьбы.

Главный довод шейдемановцев против германской коммунистической партии сводится к обвинению, будто она открывает Антанте путь в Германию. Никогда среди народных масс не распространялась более гнусная ложь. Если сегодня Антанта вздумает явиться, она не встретит никакого сопротивления со стороны германского народа. Если же германские рабочие станут хозяевами на фабриках и заводах и начнут борьбу с нищетой, если они почувствуют себя хозяевами в стране,—они поймут, что эта борьба является защитой не денежного мешка, но их собственного домашнего очага, их собственной будущности. Нет никакого иного средства сделать Германию способной к обороне, к защите против чужеземного ярма, которое стремится наложить Антанта, как только превратить немецких рабочих в хозяев Германии. Та самая русская армия, которая еще в марте, когда наша революция только-что родилась, не имела глубоких корней в народных массах и панически разбегалась по домам, те же самые рабочие и крестьяне теперь мужественно сражаются и умирают, зная, что им есть, что защищать. Хозяева Антанты ничего не боятся в такой степени, как установления близости между ее войсками и рабочими, которые понимают, чего они хотят. Если французские войска явятся в Германию, встретит ли их там что-нибудь, способное возбудить их к войне против собственного правительства? Они найдут здесь республику, которая не называет себя социалистической, но в которой бастующих рабочих подчуют свинцом. Если бы французские рабочие увидали развевающееся над Германией красное знамя социалистической революции, если бы они увидали, что германские рабочие действительно хозяева в своем доме, то

они сказали бы: „Неужели мы, победители, должны оставаться рабами?“ Это противоречие между победой рабочего класса в побежденной стране и его рабством в странах победоносных сыграет роль динамита для планов правительств Антанты. Лучшая защита состоит в том, чтобы помочь немецкому рабочему классу захватить власть. Кто утверждает иное, тем самым говорит германскому народу: „Вы должны стать лакеями германской буржуазии, чтобы Антанта сказала: „Эти люди безопасны“, и пощадила вас“.

Никогда ни одна разбойничья система не щадила людей, сгибавшихся перед нею. Она подчиняла их своему ярму. Поэтому мы убеждены, что путь, избранный вами по тем же самым основаниям, по каким мы выбрали свой путь, вовсе не обессиливает германский народ, а приведет его в состояние боевой готовности, чтобы вы стали носителями будущего германского народа, но не той культуры, при которой одни живут в подвалах, а другие—в первых этажах, а такой, когда немецкий рабочий впервые окажется в состоянии понимать и использовать все великое, что́ создано творчеством германского духа.

Вас объявят подражателями русской революции. Вас представят агентами Советской России. Что касается подражания, то именно русская революция бесконечно многому научилась от германских трудящихся масс. То, что́ мы теперь осуществляем в Советской России, есть не что иное, как великое и свободное от искажений учение немецкого коммунизма, представителем которого для рабочего класса всего мира был Маркс. Наша ориентация, идея советской системы, выросла на почве опыта, но великие споры о формах будущей борьбы рабочего класса, волновавшие перед войной германский рабочий мир, питали нашу мысль, и русская коммунистическая партия гордится тем, что некогда она работала в ближайшем сотрудничестве с вашим духовным вождем, с Розой Люксембург. Если на вас будут клеветать, будто вы—агенты большевистской России, то надо иметь в виду, что все мы—агенты единого великого

дела, стоящего выше нас всех, дела освобождения трудящегося народа от ига капитализма. Если теперь никто из великих государственных людей капитализма уже не чувствует себя спокойным в своем дворце перед призраком большевизма, то не потому, что этот дух провозится в багаже русского посольства. Наших посольств больше не существует, капиталистический мир старается герметически закупориться. Но тщетно. Не только потому, что мы, солдаты революции, проникнем повсюду, куда призывают нас интересы мировой революции, но и потому, что большевизм есть не что иное, как слезы вдов и сирот, скорбь о погибших, убитых и отчаяние уцелевших. И этого духа они не смогут убить. Этот дух объединит международный рабочий класс в одну армию. Мы вовсе не предлагаем Шейдеману и Эберту боевого союза. Эти господа ошибаются, полагая, что мы можем вступить с ними в боевое сотрудничество. С нашей точки зрения, такие люди не годятся для союза и не могут противиться капитализму по тому простому соображению, что они—его лакеи. Что же касается вас, то с вами нам не приходится заключать союза. Мы объединены союзом с первых дней войны, когда Либкнехт бросил в мир с трибуны германского рейхстага свои слова: „Я обвиняю!". Но в тот момент, когда вы достигнете власти, круг замкнется, и тогда германские и русские рабочие будут сражаться рука-об руку. Ничто не вызывает такого энтузиазма у русских рабочих, как наши слова, что настанет время, когда немецкие рабочие позовут их на помощь и им вместе с вами придется сражаться у Рейна, как вы, в свою очередь, будете сражаться на нашей стороне на Урале.

Мы убеждены, что мировая революция идет быстрыми шагами, мы убеждены, что неверно, будто большевизм—это болезнь побежденных народов. Это означало бы, что рабочий класс победоносных наций навсегда останется рабом. Мы убеждены, что международная гражданская война освободит нас от войн между народами. Но никто не в состоянии определить темпа ее развития. Германской революции пришлось ждать целый

год. Мы вооружались, вели борьбу, мы сами защищали себя, и нам пришлось пережить великий день, когда исполнилось сказанное товарищем Либкнехтом в его телеграмме съезду Советов: „Товарищи, мы идем!“ Когда мы на съезде прочли его телеграмму, нам уже было известно, что вы пришли. Мы убеждены, что то же самое произойдет с французами и итальянцами, и на этом потерпят крушение планы капитала Антанты об удушении русской и германской революций. Но до тех пор, пока этого не случилось, будьте уверены, что мы стоим с оружием в руках и не позволим отнять у нас завоеванную нами почву. Мы убеждены, что в течение этого времени и вы останетесь на-страже германской революции, что совместно с вами мы переживаем день, когда здесь в Берлине будет заседать интернациональный съезд рабочих депутатов, когда никто уж нам не помешает обмениваться опытом новой жизни с народами всего мира.

Мы возлагаем большие надежды на ваш съезд. Мы знаем, что вы вовсе не так слабы. В апреле прошлого года мы были еще слабей. Уверенность в нашей победе, в том, что вы станете у власти, вокруг которой сплотятся все германские рабочие, мы черпаем в той духовной отваге, с какой вы порвали с прошлым и организовали самостоятельную коммунистическую партию. Страх перед большевизмом будет расти. Против вас организуют все, что́ возможно. Но никогда не случалось, чтобы партия, которая представляет в себе интересы всего пролетариата, которая идет вперед без колебаний, твердо и не оглядываясь, с бо́льшим правом и уверенностью глядела в будущее, чем вы. Вашей партии выпало на долю счастье быть рожденной в эпоху величайшего мирового кризиса, когда срываются все маски и революционные истины становятся рабочим массам нужнее хлеба. Германская социал-демократия умерла. Ее авторитет во всем рабочем мире был велик. Авторитет померк, и никакая партия, ни одна часть Интернационала уже не будет иметь такого значения, как раньше немецкая. Интернационал станет союзом рабочих классов, где каждый знает, за что он бо-

рется, где каждый идет своим собственным путем и вместе с тем остается тем же, что́ и каждый другой. Мы сплотимся в этом союзе, и настанет день, когда мировая революция освободит рабочие классы, и социализм станет не предметом борьбы, но основой нашей работы, уверенной в своих целях. Русская революция отрезана от вас, но дух ее живет в вас. Ваш дух воодушевляет массы русского рабочего класса, дух рабочего класса, стремящегося вперед, которому надоело быть в истории наковальней, и он теперь хочет стать молотом.

Коммунистическая революция, война и мир.

I. Большевистское втравливание в войну.

Моя речь на учредительном съезде германской коммунистической партии вызвала в буржуазной и социал-патриотической печати бурю негодования: Бернгард, сторонник партии Людендорфа, в „Vossische Zeitung", Ревентлов, сторонник партии Тирпица, в „Deutsche Tageszeitung" подняли вопль о большевиках, накликающих войну, при чем „Vorwärts" не отставал от них. На столбах появились плакаты, возвещающие о том, что „Радек и Либкнехт хотят новой войны". И все это из-за того, что я в своей речи, между прочим, настаивал на защите революции от нападения капитала Антанты. Воинственные вопли храбрых патриотов только подтверждают тот факт, что социал-патриоты вместе с буржуазными патриотами держатся мнения, будто немецкие пролетарии должны умирать, если этого требуют капиталистические патриоты, но если дело идет о защите пролетарской революции против международного капитала, то они должны позабыть слова: самозащита есть дело чести! Одно это утверждение свидетельствует об обогащении сознания немецкого рабочего класса, ибо с полной отчетливостью доказывает, что отношение социал-патриотов к войне вполне соответствует словам Библии: „бог дал, бог взял, да будет благословено имя его". Они не сражались за революцию; наоборот, они боролись против нее до последнего момента, до

ее победы, и поэтому ничего не имеют против того, чтобы,—так замечательно они использовывают доводы об опасности со стороны Антанты,—наемные палачи капитала Антанты пушками научили немецких пролетариев уму-разуму. Впрочем, вопрос о внешней политике германской революции только ставится, но не решается этим утверждением. Необходимо внести ясность в эти вопросы, потому что они являются одной из важнейших составных частей революционной политики вообще.

II. Лига Наций, учредительное собрание и мир.

Война закончилась блестящей победой капитала Антанты. Британская империя достраивает свои укрепления и проводит последние коммуникационные линии. Благодаря завоеванию немецких колоний,—и в первую очередь Восточной Африки,—установлена связь между Южной Африкой и Египтом. Линия господства проходит от Каира через Аравию и Месопотамию, отделенную от Турции, и через южную Персию, которая находится всецело в английских руках,—в Индию. Таким образом, английские владения в Африке и Азии скованы железным кольцом, и Индийский океан превратился в английское море. Ламанш, Гибралтар, Суэцкий канал находятся в руках английского флота, который на своем пути нигде уже не встретит немецких броненосцев. Благодаря тому, что отвоевана Эльзас-Лотарингия, французский империализм получил возможность отделить Юг Германии от Севера. Если удастся сделать Рейн пограничной линией между Германией и Францией, непосредственно или путем превращения долины Рейна в нейтральную область, французский меч повиснет над головой Германии. Если лотарингская руда и, может быть, саарский уголь перейдут в руки французов, то французский империализм приобретет мощный экономический базис. Соединенные Штаты Северной Америки впервые стали обладателями исполинского флота, и та самая страна, которая в своей юности проповедывала Европе доктрину Монроэ, заклиная не вмешиваться в американские дела, теперь стала верховным судьей во всех европейских спорных вопросах. Между северо-аме-

риканским капиталом, непомерно усилившимся, и японским империализмом неизбежно начнется борьба за Тихий океан. Все заокеанские источники сырья находятся в руках англо-американского капитала. Если при таком положении, при этом соотношении сил возникнет союз наций, который постановит произвести всеобщее разоружение при условии передачи мировой полицейской власти в руки победителей, в союз наций, где постановления большинства будут безоговорочно обязательны для меньшинства, то это будет означать не только подчинение, но прямое порабощение Центральной и Восточной Европы, тем более, что предполагается образование между Россией и Германией зависимой от капитала Антанты Польши и Чехо-Словацкого государства, обязанных стоять на страже интересов Антанты.

Германская буржуазия временно примирилась с таким исходом войны, ибо в данный момент она обезоружена и, что еще важней, больше боится народных масс, способных носить оружие, чем капитала Антанты. Она утешает себя тем, что победители, если они хотят добиться экономической оплаты своих счетов, если они хотят выжать из немецкого народа контрибуцию, должны будут пустить в ход заводы и рудники Германии, и что немецкий буржуа в этом деле окажется полезным, пригодится как опытный надсмотрщик над рабами. „Кредитор заинтересован в платежеспособности своего должника; государство, которое обанкротится в экономическом и, следовательно, финансовом отношении, окажется неспособным удовлетворить предъявленные к нему непомерные требования". Так заявил национал-либеральный министр Шиффер в своей речи о финансовом положении и налоговой политике Германии, произнесенной 9 декабря 1918 года в берлинской торговой палате. И если, следовательно, внешняя политика буржуазной немецкой контр-революции состоит в том, чтобы не только не выдвигать затруднений перед победоносным капиталом Антанты, но даже обращаться к

победителям за помощью против немецкой пролетарской революции, то было бы совершенно ошибочно считать эту политику окончательно установленной. Нельзя надолго поработить семидесятимиллионный народ. Если же экономические и политические силы этого народа находятся в руках имущего господствующего класса, то рано или поздно он попытается с оружием в руках отвоевать потерянные позиции.

Сделать это тем труднее, что в политике капитала Антанты коренятся противоречия, которые в будущем повлекут за собой новые войны. Мы уже отметили американско-японскую вражду. Англо-американские отношения, несмотря на все стремление к объединению англо-американского капитала, заключают в себе зародыши мировых политических противоречий. Национально-государственные тенденции капитала к обособлению имели силу в то время, когда каждая национальная капиталистическая группа при содействии аппарата государственного могущества стремилась захватить для себя долю в эксплоатации мира, соответственно своему экономическому могуществу. Перед капиталистическим союзом народов постоянно вставал при разделе добычи вопрос о том, каким мерилом надо определять добычу, приходящуюся на долю каждого участника. Государство, не ограничивающееся тем, что оно сводит концы с концами, постоянно будет проявлять стремление пустить в ход собственную силу. Эта всеобщая тенденция является причиной существования обособленных капиталистических государств в эпоху мирового хозяйства и мировой политики и ни в коем случае не устранена войной. Что касается Англии, то уничтожение немецкого конкурента, чудовищное расширение могущества Британской империи стало источником самостоятельной английской политики, находящейся в противоречии с интересами Соединенных Штатов Америки, и следовательно,—конфликтов между ними. Полное раздробление Центральной, Восточной и Южной Европы, к которому стремится англо-американский капитал, чтобы тем легче эксплоатировать народы между Уралом и Рейном, между Финским заливом и Эгейским морем, порождает тысячи причин для трений и возможностей кон-

фликтов между вновь образованными карликовыми государствами.

Союз народов есть не что иное, как союз победоносных капиталистических государств с целью продолжительного угнетения и эксплоатации побежденных народов; в социальной структуре руководящих государств не произошло никаких коренных перемен, и если их политика и в дальнейшем будет основана на эксплоатации человека человеком, то конец мировой войны 1914—1918 г.г. послужит исходным моментом для новых войн. Если прежние господствующие классы останутся у кормила правления, то народные массы всего мира откажутся от новых жертв во имя империалистической войны, во время которой немецкий капитал, после того как он отдохнет, сделает снова попытку стать на ноги, пользуясь противоречиями между нынешними победителями, временно объединившимися в союз. В то время как социал-патриоты, вопреки их фразам о постепенном мирном переходе к социализму по демократическим рельсам, помогают немецкой буржуазии снова утвердить свое господство, воссоздать органы своей власти, то этим самым они подготовляют возможность новой войны и под лозунгом мира готовятся вновь превратить народные массы в пушечное мясо на грядущих мировых бойнях. Их вопли, что учредительное собрание несет мир, а коммунизм—войну, означают не что иное, как отвратительное лицемерие. Учредительное собрание, которое при данных условиях будет по своему большинству буржуазным, по внешнему виду создаст социал-патриотически-буржуазную коалицию, но в действительности оно восстановит власть буржуазии, ибо с помощью буржуазии нельзя вести никакой иной политики, кроме буржуазной, и ни в коем случае невозможна политика социалистическая. Тем самым учредительное собрание откроет эпоху новой мировой борьбы,—если только пролетариат Германии не возьмет власть в свои собственные руки и не начнет эры международного мира.

III. Мировая революция пролетариата и мир.

Старая социал-демократия всегда учила тому, что только полное уничтожение мирового капиталистического хозяйства, основанного на эксплоатации одного класса другим, может положить конец борьбе между нациями, ибо эта борьба в эпоху господства капитализма является, по существу, только борьбой между конкурентами, борьбой господствующих классов друг против друга,— и это старое учение настолько же правильно теперь, насколько оно было правильно в начале XIX века, когда было возвещено утопистами и чартистами. Впервые в истории человечества рабочий класс стоит перед фактом осуществления этого учения, перед осуществлением социализма.

Во всех странах мировая война возложила на народные массы огромное бремя и вместе с тем привела к большим переменам в социальном строении всех государств. Не только пролетаризовалась повсюду мелкая буржуазия, но раздавлены и средние капиталистические предприятия. Процесс картелирования и синдицирования промышленности повсюду пошел вперед гигантскими шагами. Англия, страна, где было меньше всего картелей, Франция, как мелкобуржуазная страна, где левиафаны промышленности имеются только на севере и северо-востоке,—все они теперь обладают картелированной промышленностью, находящейся под командой финансового капитала. Недостаток сырья, недостаток рабочих сил ускоряют после войны этот процесс концентрации и централизации промышленности. Военные издержки, которых никакими контрибуциями нельзя переложить на плечи побежденных, принуждают все правительства к огосударствлению большей части хозяйственной жизни, чтобы косвенным путем, посредством усиления способов эксплоатации, найти источники, из которых крупно-капиталистическим собственникам будут оплачены их военные издержки. Народные массы, разоренные огромными косвенными налогами, подвергаются на фабриках непосредственной эксплоатации со стороны

капиталистического государства, и социальные противоречия становятся тем значительней, а одновременно все тяжелей становится политический гнет, ибо политическая свобода является средством уменьшения социального угнетения. Поэтому имущие классы, одновременно с увеличением социального гнета, стараются лишить пролетариат всякой политической свободы, чтобы она не могла послужить для него оружием самозащиты.

Мировая война открыла собой эру социальных революций, т.-е. революционной борьбы рабочего класса против его растущего порабощения и эксплоатации. В конце-концов, эти революции должны привести к борьбе за политическую власть. Дело в том, что если завоевание власти не может привести к уничтожению нищеты на следующий же день, то, во всяком случае, оно означает систематическое возрождение хозяйства в интересах трудящихся масс.

Революция прежде всего победила в государствах, потерпевших поражение в войне, потому что поражение на полях битв подорвало силу буржуазного аппарата власти в этих странах и уничтожило его авторитет в глазах народных масс. В этих странах социальное содержание революции все более выступало на первый план; в России рабочий класс взял власть в свои руки, а в Германии и Австро-Венгрии его стремление к этому растет в процессе гражданской войны.

Победа временно укрепила положение буржуазии в Англии, Франции и Италии,—не говоря уж о Соединенных Штатах Америки и о Японии, меньше всего пострадавших от войны. Проверка всех фактов приводит к выводу, что это усиление имеет чрезвычайно преходящий характер, замедляющий, но не устраняющий процесс революционизирования народных масс. Контрибуции, наложенные победителями на побежденных, не в состоянии, по крайней мере в пределах исторически обозримого периода, уменьшить тяжести, лежащие на народных массах стран-победительниц. Побежденные страны экономически разрушены, и свирепствующая в них гражданская

война усиливает их бедствия. Представление, будто можно отнять у них сколько-нибудь значительную часть так называемого национального имущества, совершенно бессмысленно, ибо это „национальное достояние", главным образом, состоит из недвижимого имущества, земли, лесов, рудников, фабрик, домов, которых нельзя вывезти. Правда, можно обложить налогами, но не в таком размере, чтобы привести должника к полному разорению. Частичная выплата, распределенная на многие десятилетия, нисколько не уменьшит тяжестей, ложащихся на пролетариат стран-победительниц. Завтра же, изнемогая под их гнетом, рабочие массы в странах-победительницах поставят вопрос: неужели они для того одержали победу, чтобы лишиться ничтожных политических прав, т.-е. своих ничтожных оборонительных средств против растущей нищеты, между тем как пролетарии побежденных стран с мечом революции в руках прокладывают себе путь к освобождению от нищеты и бедствий? Что пролетарии победоносных стран задают себе такой вопрос, это видно по результатам выборов в Англии, о которых буржуазная печать кричала, как о победе империализма. Но на самом деле, империализм потерпел значительное поражение, поскольку вопрос ставится о рабочем классе: хотя у него нет ни одной ежедневной газеты, он все же единодушно голосовал против кандидата империалистической коалиции Ллойд-Джорджа. Во Франции рабочий класс стоит в оппозиции к правительству, хотя эта оппозиция очень слаба, еще прячется за спину Вильсона и иногда выражается только в поддержке внешне умеренного американского империализма против французского, открыто кричащего о рынках Во всяком случае, самый факт этой оппозиции свидетельствует о том, что, несмотря на победу, среди французских рабочих масс вовсе не преобладает ура-патриотическое настроение, что они относятся к своим имущим победоносным классам с величайшим недоверием. В Италии господствующий класс обнаруживает все признаки растущего страха перед итальянской радикальной социал-демократией. Когда армия будет демобилизована, когда солдаты вернутся в свои

семьи, где их, победителей, ждет нищета и бедствия, тогда настанет день расплаты для победоносных государств.

Силы мировой революции пробуждаются, будут расти с каждым днем, и, одержав победу, она даст народам подлинный всеобщий мир, такой всеобщий мир, при котором ни один народ не станет рабом другого народа; напротив, народные массы всех стран освободятся от гнета своей и чужеземной буржуазии и объединят силы для общего труда, который единственно только будет в состоянии раз навсегда залечить раны, нанесенные войной, и построит новое здание объединенного человечества.

IV. Защита рабочей революции против капиталистических контр-революционных государств.

Господство буржуазии означает новую мировую войну в еще большем масштабе, чем та, которая заканчивается. Победа мировой пролетарской революции означает мир, когда впервые раздастся голос народных масс, уже не подвергающихся эксплоатации. Но пролетарская революция не во всех странах развивается с одинаковой быстротой, не побеждает одним ударом, не представляет единичного акта, но становится длительным изменчивым процессом, и поэтому она не может внезапно закончиться миром. Наоборот, после того как противоречия между империалистическими государствами после четырехлетней войны привели к известным результатам, к победе капитала Антанты, он видит перед собой новые угрозы: добыча ускользает от него.

Четыре года он боролся, победил, чтобы подчинить весь мир своей эксплоатации, и вдруг в побежденных странах появляется новая сила, угрожающая отнять у него добычу, и даже собирается напасть на него в его собственном доме, в его старом рабовладельческом хозяйстве, напоминая его рабочим об их старых целях, о старой борьбе и побуждая их к борьбе за власть. Победоносный капитал Антанты, как ни старался он заигрывать с идеей революции в Германии накануне крушения германского могущества, более того, как ни старался он ускорить революцию в Германии посредством нот Вильсона, выдвинувших лозунг: „Не

заключать мира с Германией, пока во главе ее стоит кайзер,"—теперь глядит на нее с величайшим ужасом, потому что германская революция, после начала русской, означает передовой бой пролетарских отрядов, их наступление на Запад. Ясно, что Антанта является ожесточенным врагом германской революции и что она воспользуется всеми средствами для ее подавления. Простейшей формой империалистической контр-революции, наиболее соответствующей сущности империализма, является подавление вооруженной военной силой. Но подобно тому, как не в состоянии был германский империализм, несмотря на свою победу в Брест-Литовске, несмотря на свое военное превосходство, прорваться, без дальнейших рассуждений, военной силой по всему фронту в глубину Советской республики, так и Антанта не в состоянии действовать вполне свободно. Германскому империализму мешала подавить русскую революцию тяжелая борьба, которую ему приходилось вести с империализмом Антанты. Ему пришлось дать ей передышку, и он хотел использовать ее, надеясь окружить Россию так, чтобы в результате оставалось только захлопнуть западню и захватить благородную дичь. Это не удалось. Срок его жизни оказался короче, чем жизнь Советской республики, о кончине которой ежедневно извещали немецкие газеты в течение целого года. Что помешало империализму Антанты немедленно приступить к подавлению германской революции вооруженной силой? Ведь, она сейчас совершенно обезоружена, а он стоит перед ней, как победитель, вооруженный до зубов. Чтобы подавить германскую революцию, империализму Антанты пришлось бы оккупировать всю Германию. Германии пришлось держать на одной только Украине целых 800 тысяч солдат, и все-таки ей не удалось усмирить и организовать эту страну с относительно слабым в процентном отношении рабочим населением. Там, как и повсюду, революция была следствием хозяйственной и политической дезорганизации государственного аппарата вследствие войны.

Чтобы победить революцию, требуется прежде всего преодолеть дезорганизацию социальной жизни. Германия не в состоянии была сделать этого, и потому ее контр-револю-

ционные задачи на Украине потерпели крушение. Чтобы подавить германскую революцию, капитал Антанты не имеет в своем распоряжении иных средств, как только восстановить немецкое хозяйство, обескровленное и дезорганизованное, лишенное сырья, лишенное продовольствия, с изношенными машинами. Но Антанта, которая сама должна решать задачу, как устранить военную дезорганизацию хозяйства в своих собственных странах, и считает эту задачу очень трудной, хочет получить для этой цели необходимые средства из Германии, но вовсе не стремится к ее возрождению, как побежденной страны, на свой собственный счет. Однако даже в том случае, если бы Антанта преследовала дальнозоркую политику и понимала опасности, грозящие ей со стороны германской революции, если бы она решилась отказаться от порабощения и эксплоатации Германии и не щадить никаких жертв, чтобы возродить немецкое хозяйство и таким образом вырвать революцию с корнем, то эта цель вовсе не была бы достигнута оккупацией Германии. Она прекрасно знает, что ей будет гораздо трудней осуществить организацию германской хозяйственной жизни, чем немецкой буржуазии, разумеется, более осведомленной в условиях германской жизни, чем лучшие знатоки Германии в странах Антанты. Вследствие этого капитал Антанты вынужден будет снабдить германскую буржуазию сырьем, продовольствием, машинами, предоставив ей для этого долгосрочный кредит, должен будет помочь ей укрепить ее собственную власть, между тем как победа Антанты именно и привела к разрушению этой власти. Такого рода дальновидная политика, не только отказывающаяся от военной добычи, захваченной в результате четырехлетней исполинской мировой войны, но даже оказывающая помощь своему противнику, вовсе не свойственна какому бы то ни было капиталистическому государству. Открытая военная оккупация Германии, сопровождаемая политикой экономического грабежа, не в состоянии подавить германскую революцию, но, наоборот, перенесла бы революцию в страны Антанты. Правительствам Антанты это хорошо известно не только из опыта, проделанного Германией и ее солдатами в оккупированных областях России, но и из своего собственного опыта: английскому

и американскому военному командованию пришлось интернировать на судах часть своих войск, в Венгрии французские командиры вынуждены были в нескольких местах лечить свинцом от революционной заразы своих собственных солдат. К тому же надо принять во внимание ужасающую усталость от войны, повсеместно охватившую в странах Антанты народные массы и усиливающую оппозицию против дальнейших военных авантюр.

При таких условиях политика капитала Антанты поневоле становится в высшей степени нерешительной и противоречивой; это обнаруживается хотя бы из политики Антанты в России. После победы Октябрьской революции Антанта поклялась уничтожить большевиков; она мобилизовала против них все контр-революционные силы в России. После Брестского мира она пыталась сблизиться с Советской Россией, чтобы запрячь ее в свою боевую колесницу для войны против германского империализма. Когда это не удалось, она вновь мобилизовала все контр-революционные силы, и, наконец, когда они оказались недостаточными, высадила в России свои собственные силы. После победы над германским империализмом, Антанта объявила, что пришел конец Советской республике. Но прошло три месяца, оппозиция против этой политики в странах Антанты росла день-ото-дня, и Антанта была вынуждена начать переговоры с Советским правительством, стараясь доказать своим народам, что эту войну не так-то легко довести до конца. Но сейчас эти переговоры во всяком случае не облегчат ей ведения войны, и Советская республика может совершенно спокойно пойти на переговоры, убежденная в том, что выигранная передышка послужит на пользу не Антанте, а русской и мировой революции.

Не менее противоречива была политика Антанты по отношению к германской революции. С одной стороны, капиталисты Англии и Франции пытались разграбить Германию, а с другой стороны, Ллойд-Джордж и Вильсон вдруг вспомнили, что ограбление и расхищение ни в коем случае не могут считаться средствами восстановления порядка в этой стране и подавления революции. Руководясь этой точкой зрения, они снова принялись толковать о снабжении Герма-

нии продовольствием, после того как перед этим разрушили в Германии транспорт и обострили продовольственный кризис. Однако, в тот самый момент, когда господин Вильсон додумался до понимания того факта, что революцию невозможно подавить насилием, но что с ней надо бороться продовольственным снабжением, в лагере Антанты берет верх другая клика, клика простых грабителей; они требуют от Германии выдачи сельскохозяйственных машин, а в вознаграждение за продовольствие, доставки которого нельзя откладывать, чтобы спасти от смерти больных и детей, милосердные самаритяне Антанты требуют от Германии не больше, не меньше, как выдачи на неопределенный срок всего торгового флота. Ясно, что политика Антанты по отношению к русской и германской революции лишена всякой последовательности. Она руководится то грубейшей капиталистической жаждой наживы, то попытками дальновидной политики, то грубой звериной жаждой военной расправы, то боязнью занять Германию. Это положение накладывает на так называемую мирную политику правительства Шейдемана—Эберта отпечаток контр-революционного утопизма. Когда Шейдеман был в правительстве принца Баденского, он стремился к заключению мира, основанного на компромиссе, предлагая к услугам Антанты последние силы издыхающего германского империализма для подавления пролетарской России. Но смерть уже стояла в это время над бедным рыцарем. Германский империализм приказал долго жить. Теперь социал-патриотическое правительство Германии умоляет Антанту помочь ему продовольствием и сырьем, чтобы иметь возможность восстановить господство буржуазии и подавить рабочий класс. „Если ты не поможешь мне, дьявол большевизма набросится на меня и, слопав меня, примется за тебя". Антанта понимает благие намерения шейдемановскаго правительства, но, во-первых, она не может оказать достаточной помощи, а во-вторых, если бы и могла, то не решилась бы на это. Жалобные стоны шейдемановцев показывают только, что и сейчас, как в прекрасный месяц сентябрь, их можно взять в качестве наемных убийц на службу контр-революционного мирового капитала. Если бы их план удался, он означал бы восстановление власти буржуазии при помощи капитала Антанты

для целей будущего военного реванша. Шейдемановцы восхваляют эту политику, выставляя ее, как политику мира, в надежде, что невероятно измученные четырехлетней войной рабочие за жалкую корку хлеба готовы отдаться в рабство на ближайшее время и покориться войне в неопределенном будущем.

Но бог истории, проведший рабочий класс через чистилище четырехлетней войны, не дает ему отдыха и сейчас, пока он, пробужденный к действию невероятными жертвами, подгоняемый голодом и нуждой, не возьмется за строительство нового лучшего мира. В ближайшие месяцы экономическое положение Германии не только не улучшится, но скорей ухудшится.

V. Союз освобожденных народов.

Как ни стремится пролетариат перековать меч на плуг и молот, он не может выпустить из рук меч, пока против него выступает целый мир вооруженных врагов. Ему необходимо оружие, чтобы победить свою собственную буржуазию, оно необходимо ему, чтобы защитить свои собственные достижения против чужеземной контр-революции. Тот, кто, спекулируя на его усталости и жажде мира, замалчивает эти задачи, и тот, кто ссылается на них, как на подстрекательство к новой войне,—одинаково относятся к числу его врагов. Это делается или по глупости, уверенной, будто можно совершить великий переворот в человеческой истории, сражаясь только фразами, или с контр-революционным умыслом, имея в виду предать измученный пролетариат мировому капиталу, пользуясь его изнеможением. Коммунисты—не мечтатели: они знают, что такие факты, как усталость от войны, нельзя устранить просто фразами; они не высказываются против заключения мира, хотя бы на самых тяжелых условиях, ибо при существующем положении вещей он абсолютно необходим, чтобы залечить раны германского народа. Но одновременно с этим они откровенно говорят германскому народу: если ты хочешь одержать победу, если ты хочешь защитить себя от чужеземной контр-революции, которая, быть может, поспешит на помощь твоей собствен-

ной буржуазии, ты должен создать красную пролетарскую армию: она пригодится тебе; ибо, если даже капитал Антанты, благодаря росту сил революции в его собственных странах, не в состоянии будет напасть на тебя на твоей собственной территории, то он попытается подвергнуть тебя экономической блокаде, отрезать тебя от мировых источников сырья. Единственным источником сырья останутся степи Туркестана и Сибири, богатства Украины и Кавказа, откуда придется получать хлеб, нефть, хлопчатую бумагу, жиры. Тогда вам придется послать своих отважнейших бойцов на помощь русской революции, чтобы одолеть контр-революционные банды, которые попытаются отрезать социалистические страны от абсолютно необходимых им продуктов. Вы сражались на Балканах, на Украине, на Кавказе, в Финляндии во имя интересов капитала. Вам опять придется выйти на бой с оружием в руках, но на этот раз, чтобы содействовать победе своего собственного дела.

Шейдемановцы рассчитывают, что рабочие подымутся против коммунизма, как только он развернет свое знамя, на котором написано: „Мир хижинам, война дворцам! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Однако, коммунизм всегда выигрывает в борьбе за освобождение пролетариата, если он ясно открывает перед рабочими их цели и освещает путь, следуя которым, они достигнут в борьбе обетованной страны. Пусть болтуны уговаривают пролетариат, доказывая, что он устал от войны, что только на коленях перед победоносным капиталом Антанты он вымолит свое благоденствие и получит его из рук Вильсона, как раньше они пытались уговорить его, что, только лакействуя перед империализмом, он добьется счастья и покоя. И уже рождается новая иллюзия, будто в ближайшем будущем капитал сознается в своих заблуждениях и выяснится, что вера в Вильсона была заблуждением, и тогда, побуждаемый железной необходимостью, рабочий класс найдет в себе силы начать борьбу за окончательное освобождение. История всех революций показывает, что народные массы научались защищать свои социальные завоевания только в борьбе за них. Завоеванное ими для самих себя отечество они наверное сумеют лучше защищать собственными силами, чем защищали ка-

питалистическое отечество, которое они раньше считали своим. Коммунизм—это общечеловеческий мир, когда он побеждает, но путь к его победе, как всякая великая цель, достигается только борьбой. Русские пролетарии, изнемогшие от войны, поняли это, и это поймут немецкие пролетарии, как ни велика их усталость от войны. Они заключат с русским рабочим классом для общей оборонительной войны за социализм крепкий и верный союз, который охватит все страны, где совершится победоносная революция, пока весь мир не объединится в подлинный союз народов, в союз народов, освободившихся от ига капитализма.

Центральному Комитету Германской Коммунистической партии.

Дорогие товарищи!

Берлинское движение попало в тупик, а поэтому я был вынужден уже в понедельник довести до сведения отдельных товарищей из Центрального Комитета о том, что, по моему мнению, необходимо прекратить борьбу. Вы поймете теперь, почему я обращаюсь в последнюю минуту к вам, как к руководителям Германской Коммунистической партии, с просьбой сообщить всем членам партии мое скромное мнение в качестве представителя братской партии, точно так же заинтересованной в германском, как и в собственном движении. В своей программной брошюре „Чего хочет союз Спартака?“ вы заявляете, что только тогда возьмете в свои руки власть, когда на вашей стороне будет большинство рабочего класса Германии. Безусловная правильность этой точки зрения прекрасно подтверждается тем обстоятельством, что рабочее правительство немыслимо без массовой организации пролетариата. А между тем, именно те массовые организации, которые в данном случае только и приходится принимать во внимание,—Советы рабочих депутатов,— существуют лишь номинально, они еще не вели борьбы, способной открыть простор для массового движения. Благодаря этому, главную роль играет в них не партия борьбы,—коммунистическая партия,—а социал-патриоты и независимые. При таких условиях нечего и думать о захвате власти пролетариатом. Если бы вам даже и удалось путем заговора овладеть правительственной властью, то

через несколько дней вы оказались бы отрезанными от провинции и раздавленными.

При таких условиях вынесенное в субботу революционными уполномоченными постановление выступить против покушения социал-патриотического правительства на городское самоуправление носит, по всей вероятности, только характер демонстрации протеста. Передовые ряды берлинского пролетариата, ожесточенные политикой правительства, введенные в заблуждение революционными уполномоченными, благодаря своей полной политической неопытности, неспособные охватить одним взором соотношение сил во всей стране, увлеклись и превратили движение протеста в борьбу за власть. Это позволило Эбертам и Шейдеманам нанести берлинскому движению удар, способный на месяцы ослабить все движение. Единственной сдерживающей силой, которая была бы в состоянии предотвратить это несчастие, являетесь вы, то-есть Коммунистическая партия. Вы достаточно сознательны, чтобы понять безнадежность борьбы; а что вы это действительно понимаете,—мне сказали члены вашего ЦК т.т. Л. и Д. Конечно, мне известно, как тяжело теперь, после стольких жертв, выступать перед массами и трубить отбой. Я знаю, что это приведет к моральной депрессии. Но моральная депрессия ничто по сравнению с тем, что массы должны будут сказать себе после кровопускания. А они скажут, что их подстрекали к безнадежной борьбе слепые вожди, или вожди, замечавшие пропасть, но не решавшиеся из революционного самолюбия крикнуть: „остановитесь!“. Всякие соображения о революционном самолюбии должны отступить на второй план перед действительным соотношением сил. Ничто не запрещает слабейшему отступить перед противником, далеко превосходящим его силой. В июле 1917 г., хотя тогда мы были сильнее, чем вы теперь, мы всеми силами сдерживали массы и, когда это не удалось, вывели их при помощи решительного вмешательства из предстоящей безнадежной битвы. И несмотря на временный упадок духа, несмотря на то, что наши товарищи бросали оружие со слезами и проклятием, они впоследствии проявили тем больше доверия к нам, увидав полную откровенность нашей политики по отношению к ним.

Вот что, по моему мнению, следует сейчас сделать: 1. Потребовать от уполномоченных прекращения борьбы, вывести рабочих и солдат из битвы с оружием в руках, если это возможно, или без оружия, если невозможно постепенное и спокойное отступление. В манифесте, который должен отметить неизбежность кровавой бойни, надо требовать немедленных перевыборов Совета рабочих депутатов. Предательство берлинского исполкома дает возможность ввести эту борьбу в русло борьбы за органы власти берлинского рабочего класса. 2. Если уполномоченные отклонят ваше предложение, порвать с ними, сказать массам правду об их положении, добиться действительного представительства революционного рабочего класса Берлина вместо кружка уполномоченных. Этот исход должен будет по всей стране сделать ваше движение борьбой за Советы рабочих депутатов, без которых вам нечего и думать о захвате власти.

Я позволил себе сообщить вам свое мнение не в силу своего мандата,—разумеется, я не знаю, какого мнения держится сейчас РКП по поводу положения в Берлине,—а в силу опыта, приобретенного в русском движении, и знания положения в Германии.

Германская революция и польский вопрос.

Революция 1918 г., точно так же, как это было и в 1848 г. поставила в Германии в порядок дня польский вопрос. Подобно старой юнкерской Пруссии, буржуазно-юнкерская Германия оказывается неспособной примирить польские массы с их вхождением в состав Германской империи; подобно тому, как в 1848 г. буржуазная демократия не была в состоянии искупить грехи юнкерства и разрешить польский вопрос, оба течения германской социал-демократии совершенно неспособны предпринять что-нибудь в польском вопросе, т.-е. неспособны разрешить его с революционной точки зрения. В 1848 г. у буржуазных демократов вставали на голове волосы дыбом при одной мысли, что они могут потерять Познань или Восточную Пруссию, а в 1918 г. Эберт и Шейдеман приходят в патриотический раж при мысли, что в прусско-польских округах немецкое меньшинство может оказаться под польским началом. У них трясутся поджилки и они угрожают Польше войной. Но даже круглые дураки поймут, что это не решение вопроса, ибо если нехорошо, когда немецкое меньшинство попадает под начало польского большинства, то, несомненно, ничуть не лучше будет, если поляки окажутся под немецким ярмом. Но это еще не все. Поход против Польши, проповедуемый г. Носке, не только не приводит к разрешению польского вопроса, но, напротив, лишь укрепляет силы контр-революции, если сам по себе не вытекает из контр-революционных мотивов. Пропагандируя в Германии войну против Польши и поляков, Шейдеман и Эберт призывают на помощь „национальные силы“, опираются на „Союз Восточной Марки“ и на Гинден-

бургское братство, дают возможность контр-революционным силам организоваться легально. Неспособные разрешить польский вопрос с революционной точки зрения, они стараются его разрешить с национальной точки зрения и тем самым освобождают контр-революционные силы.

Независимая социал-демократия со своей стороны пугается какого бы то ни было разрешения вопроса. Она очень боится войны с Польшей. Но не будучи в состоянии признать националистические требования поляков, она вынуждена предоставить разрешение вопроса дяде Вильсону и мирной конференции. То, чего не может разрешить своими силами германская революция в интересах германского и польского пролетариата, предоставляется на любезное усмотрение дипломатической конференции мировой контр-революции.

Как же обстоит дело?

В 1848 г. мелкошляхетская Польша была революционным очагом против русского царизма. Поэтому Маркс выступал в защиту польской независимости и был готов поддерживать движение в пользу этой независимости войной против царской России, в которой одновременно с царизмом погибли бы и все феодальные силы Германии. Маркс и Энгельс хотели устранить польско-германские разногласия за счет царской России. Если революционная война даст полякам Литву, если она раздвинет границы Польши на востоке (что соответствовало интересам мировой революции), то поляки без труда столкуются относительно своих западных областей. Таково было революционное решение вопроса Марксом в 1848 г. В 1918 г. поляки, от имени польского народа предпринимающие завоевательный поход на запад, являются частью контр-революционных сил Европы.

Когда разразилась война, они отчасти стали наемниками германского империализма, отчасти пошли в услужение к капитализму Антанты и предполагали получить свою независимость из рук одной из этих капиталистических коалиций. После того, как Антанта победила, они начали,—на этот раз вполне единодушно, — курить фимиам перед ее алтарем, воздвигнутым перед богами лондонской и парижской бирж. Теперь они хотят образовать барьер между револю-

ционной Россией и революционной Германией, намереваясь передвинуть этот барьер на восток, далеко в Литву и Белоруссию, чтобы на нем разбились волны пролетарской революции. Во главе этого контр революционного замысла стоят польские юнкера, грабители польского пролетариата, кровопийцы литовско-украинского фермера. Не главный шут,—социал-патриот Пилсудский, а старый контрреволюционный делец Роман Дмовский, прихлебатель лондонского „Форейн-Оффис" и набережной д'Орсе в Париже, является действительным господином положения.

Какого рода политики должна была придерживаться в начале своего развития германская революция по отношению к этой Польше? Она должна была, разумеется, апеллировать к тем элементам, для которых нет никакого расчета отрезать русскую революцию от германской, которые с самого начала войны смотрели на себя исключительно, как на соединительное звено между русским и германским революционным движением, т.-е. к рабочему классу Польши. Несмотря на то, что он очень ослаблен массовыми высылками на принудительные работы в Германию, несмотря на то, что разгром польских фабрик довел его до нищеты, польский рабочий класс все-таки представляет собою достаточную силу, чтобы открыть путь из России в Германию.

Если бы германские военные власти и после начала германской революции не запрещали польским рабочим образовывать советы своих депутатов, если бы немецкие солдаты думали не только о том, как бы поскорее убежать от гнева народа, который они так долго грабили и травили по приказу королевского правительства, то Германия не знала бы ныне польского вопроса. Но „революционные" солдаты отдали свое оружие буржуазному правительству, возникшему под крылышком германского милитаризма, и польские рабочие оказались беззащитными, их предали на поток и разграбление вооруженным белогвардейцам польской контрреволюции. А теперь эта белая гвардия продвигается на запад не только, как армия польской реакции, но и как войско Антанты. Все разговоры шейдемановцев об отражении этого наступления остаются пустой болтовней, ибо у г. Шейдемана просто-напросто нет боеспособных войск, а

сам он рассчитывает на то, что Антанта недовольна продвижением поляков. Но, не взирая на цилиндр Эберта и шейдемановскую фразеологию порядка, Антанта видит в Германии страну начинающейся пролетарской революции и ничего не имеет против ее ослабления. А против Антанты г. Шейдеман не желает бороться.

Просьбы независимых, чтобы поляки подождали всего только до мирной конференции, на которой все будет улажено мирком да ладком, представляет собой причитания ветхого деньми старца, не знающего, как пособить своему горю, ибо поляки, разумеется, только в том случае ждали бы конференции и не двигались вперед, если бы не стремились прежде всего к тому, чтобы поставить конференцию перед уже совершившимся фактом.

Какую политику защищает в польском вопросе партия германской революции, партия коммунизма? Эта политика с совершенной очевидностью руководится интересами немецкой, польской, русской, — больше того: интересами мировой революции; она выражается в поддержке польского рабочего класса, стремящегося к захвату власти. Эта поддержка должна была бы в первую очередь проявиться в немедленном освобождении польских пролетариев, интернированных в Германии для принудительных работ. Германская революция должна показать им, что она неответственна за подобное постыдное обращение с ними. Она сможет это сделать, обеспечив каждому польскому рабочему, желающему остаться в Германии, такие же условия труда, как и германским пролетариям. Среди тех, кто хочет возвратиться на родину, надобно вести широкую пропаганду. Необходимо выплатить им ту часть заработной платы, которую захватили в свою пользу капиталисты, пользуясь военным положением. Тогда они станут друзьями германского рабочего класса и примкнут в Польше к борьбе сознательных рабочих. Эту борьбу надо поддерживать и материально, и доставкой оружия. Тогда польские рабочие скоро захватят в свои руки правительственную власть, и Польша перестанет быть барьером, воздвигнутым против германской революции, а станет мостом между германской и русской революцией.

Союз Германской и Польской социалистических республик поможет легко разрешить все спорные вопросы. Там, где будет господствовать диктатура германского и польского рабочего класса, народным массам и в голову не придет отрывать какие-либо области в пользу той или другой нации, ибо всякое национальное угнетение исчезнет.

Польские крестьяне, польские батраки, которые совместно с германскими крестьянами и батраками завладеют землями немецких и польских юнкеров в Восточной и Западной Пруссии и в Познани и будут сами обрабатывать ее, польские рудокопы Верхней Силезии, которые совместно с немецкими рудокопами свергнут иго угольных и железных баронов, обнаружат полную солидарность в борьбе против германской и польской контр-революции.

Вот каково решение польского вопроса с революционной точки зрения. Лакеи германского капитализма, правительство Эберта-Шейдемана, конечно, не в состоянии это осуществить. Германская Коммунистическая партия должна уже теперь приступить к выполнению указанного плана. Советы рабочих и солдатских депутатов, стоящие на почве коммунистической партии, должны приступить к агитации в пользу выплаты польским рабочим удержанной части их заработной платы. Они должны освободить польских рабочих от всякого угнетения, должны развить среди них агитацию, вступить в пограничных областях в теснейший контакт с польским рабочим классом и теперь же снабдить его оружием против социальных угнетателей. Только в том случае, если Германская Коммунистическая партия немедленно приступит к разрешению этих задач, она сможет впоследствии избежать необходимости жертвовать драгоценной кровью германского рабочего класса, чтобы проломить контр-революционный польский барьер.

Уроки гражданской войны в Берлине.

I. Победа социал-патриотического правительства.

Социал-патриоты ничего не предали,—они только разгадали самих себя.

Шарль Раппопорт.

Эберт и Шейдеман празднуют победу. Сотни пролетариев растерзаны гранатами на улицах Берлина, сотни сидят за решеткой. Роза Люксембург и Карл Либкнехт убиты наемниками Носке. „Верные правительству" войска торжественно шествуют по городу, предводительствуемые офицерами, снова надевшими погоны и кокарды, среди рукоплесканий буржуазной черни, среди радостных криков сутенеров из Тауенцинштрассе. Толстобрюхий Эберт, в качестве отца нации, произносит перед нею благодарственные речи, „верховный главнокомандующий" Носке воодушевляет ее к новым подвигам. Моссе и Ульштейн могут снова задать работу своим машинам, изрыгающим ложь, а редакция „Красного Знамени" будет „взята приступом". „Социалистическое правительство" объявляет, среди одобрительного гула буржуазии, о своей готовности продолжать гражданскую войну против пролетариев. Выборы в учредительное собрание прошли беспрепятственно. Гром победы раздавайся!..

Первой фазе германской революции положен конец такими способами, на которые никогда не решился бы даже вильгельмовский режим. Необходимо, чтобы теперь все пролетарии до последнего человека поняли, что означает победа Эберта и Шейдемана. Понимание уроков гражданской войны в Берлине является необходимой предпосылкой дальнейшей борьбы и окончательной победы германского пролетариата.

Откуда пришло правительство Эберта—Шейдемана? Что оно представляет собой? Эберт—второй председатель германской социал-демократии, избранный еще при жизни Бебеля в Центральный Комитет этой руководящей партии II Интернационала. Как же случилось, что он приказывает теперь расстреливать рабочих минометами? Имеем ли мы здесь дело с личной изменой принципам социал-демократии и интересам рабочего класса? За Эбертом стоит подавляющее большинство старой партийной бюрократии, он опирается на значительную часть рабочего класса, которая и по сегодняшний день, после его победы над передовыми рядами берлинских рабочих, поддерживает его, и дала ему на выборах 11 миллионов голосов. Дело идет не о личном предательстве, а о том, что часть рабочего класса стала на сторону буржуазии. По своему социальному содержанию гражданская война в Берлине является войной между пролетариатом и буржуазией, но часть рабочих в ней стала на сторону буржуазии.

Само по себе то обстоятельство, что часть класса, ведущего борьбу за свое освобождение, стоит на стороне своих классовых противников, не представляет ничего нового в истории. В Нидерландской революции, приведшей к освобождению крестьянства и буржуазии от феодального гнета, южное крестьянство боролось и сражалось на стороне феодалов, потому что надеялось таким образом избавиться от ужасов гражданской войны. Французская революция, давшая крестьянам землю, имела против себя вандейских крестьян, которых особые местные условия связывали с феодальными крупными землевладельцами и попами. История борьбы рабочего класса с первого дня ее возникновения вплоть до мировой войны переполнена примерами предательства общих интересов рабочего класса, совершаемого отдельными его группами. В пролетариате всегда имелись слои либо слишком слабые, чтобы противостоять буржуазии и державшиеся в стороне от классовой борьбы, зачастую даже продаваясь буржуазии против своих братьев по классу, либо настолько хорошо устроившиеся при господстве буржуазии

что им начинало казаться, будто они заинтересованы в сохранении этого господства. Вся политика английской буржуазии сводилась к тому, чтобы разделить пролетариат на две части, из которых одна не хотела, а другая, предоставленная самой себе, не могла бороться.

Когда началась борьба германского пролетариата, он в большинстве своем стоял на стороне либеральной буржуазии против Лассаля. Либеральные профессиональные союзы, основанные Гирш-Дункером, христианские союзы, основанные партией Центра, всегда были сторонниками капиталистического общественного порядка, противниками революционной борьбы, стремящейся к его уничтожению. Немецкие социалистические пролетарии нисколько не удивляются когда видят г. Гольдшмидта из гирш-дункеровских профессиональных союзов или г. Стегервальда из христианских—борющимися на стороне буржуазии против пролетариата. Что касается правительства Эберта-Шейдемана, то понимание его роли телохранителя и боевой дружины капитала затрудняется, благодаря его „социалистическому прошлому", которое зачастую смущало даже глуповатых представителей буржуазии. Но, когда Вильгельм II, с согласия национал-либеральных угольных и железных баронов, пригласил Шейдемана в правительство, он этим очень убедительно доказал, что даже богом и буржуазией миропомазанные представители германского капитала разгадали полезность шейдемановцев в качестве защитников капиталистической системы.

Шейдеманы и Эберты играют эту роль представителей капитализма не в противоречии со своим прошлым, а в полном согласии с ним. Что сделали они „революционного" за всю свою долгую жизнь? Они боролись за повышение заработной платы. Но высокая заработная плата не только не противоречит капитализму, но наоборот, оказывается стимулом капиталистического развития,—как, например, в Северо-Американских Соединенных Штатах,—заставляя капиталистов уделять все больше внимания главному оружию капитала—современной технике. Они выступали против полуфеодального полицейского режима в Пруссо-Германии и требовали „демократи-

ческих реформ". Они никогда не боролись по-настоящему за демократическую республику; когда Роза Люксембург бросила в 1911 г. этот лозунг в массы, вожаки социал-демократии завопили по поводу романтических бредней, они были республиканцами „в принципе", а на практике были бы рады-радешеньки получить республику с честным принцем, вроде Макса Баденского, во главе; но, ведь, и демократическая республика, например, Северо-Американская, представляет собой Эльдорадо для капитализма.

Политика Шейдемана и Эберта отличалась от политики английских профессиональных союзов, открыто стоявших на почве капитализма и постоянно боровшихся против социализма, как против утопии, только тем, что им приходилось брать более высокие ноты, приспособляясь к политически-отсталой обстановке, в которой рабочий класс был лишен самых примитивных политических прав. Они боролись за то же самое, чего давно уже достигли или чего требовали вполне буржуазные вожди английского рабочего класса. Но так как германское профессиональное движение развивалось под знаменем социализма, то они были вынуждены социалистически обосновывать те самые требования, которые английские руководители профессиональных союзов обосновывали либерально. Это сводилось к некоторому количеству бутафорского грома на собраниях и в печати, но ничего не изменяло в том обстоятельстве, что Шейдеманы, Эберты, Легины, т.-е. партийная и профессиональная бюрократия германской социал-демократии, проводили реформистскую политику, т.-е. политику, которая стремилась не к уничтожению, а к улучшению капитализма. Уже в то время, когда эта политика выработалась окончательно, в период так называемых прений о Бернштейне и борьбы вокруг ревизионизма (1898—1903 г.г.), руководители левого, революционного крыла социал-демократии открыто разоблачали перед массами подлинный характер политики ревизионистского стана, а теперешний советчик Эберта,—тогда революционный теоретик,—Парвус вполне правильно называл ее национал-либеральной политикой. Когда необходимость заставляла переходить от социалистических слов к делам, к борьбе, которая могла бы

поднять массы рабочего класса против буржуазии, г.г. Эберты, Шейдеманы и Легины сбрасывали маски и с чрезвычайной энергией выступали против революционных рабочих и их действий. Так было, когда они, например, ожесточенно боролись против идеи массовой стачки, борьбы класса против класса.

Политика реформизма оказалась возможной, благодаря тому, что она соответствовала интересам значительной части германского рабочего класса, настолько улучшившего свое положение вследствие промышленного расцвета последнего десятилетия XIX столетия, что он не испытывал никакой потребности в революционной борьбе, а надеялся постепенно, шаг за шагом, упрочить свое благосостояние. Политика реформизма была, разумеется, не только результатом реформистских иллюзий улучшения положения отдельных слоев рабочего класса, но и в свою очередь укрепляла эти иллюзии и не давала пролетариату понимать знамения времени: дороговизну, трестирование промышленности, рост вооружений, а все это свидетельствовало, ведь, о том, что ревизионистские уши выше лба не вырастут. Как ни велико было содействие „социалистической" партийной и профессиональной бюрократии ослеплению и оглушению рабочего класса,—ведь, мы обязаны постоянно указывать на злокачественную язву реформизма, потому что пролетарский боец должен не только знать и понимать болезни своего класса, но и бороться против них,—однако, правильная коммунистическая политика в Западной Европе невозможна, если не принимать постоянно во внимание то обстоятельство, что политика Шейдеманов, Эбертов, Легинов и Гендерсонов имеет гораздо более широкий фундамент, нежели политика Церетели и Чхеидзе в России: слой хорошо оплачиваемых убежденных в прочности своего положения рабочих гораздо более значителен в Германии, Англии, Северной Америке, чем когда бы то ни было в России.

Вот почему Шейдеманы и Эберты не погибли вместе с той системой, которая повергла германский народ в неслыханные несчастия после того, как они в течение 4-х лет войны

поддерживали все подлости германского империализма, 4 года под ряд удерживали пролетариат от всяких выступлений против него. Вот почему они теперь могут даже выдавать себя за ликвидаторов этой системы. Разумеется, некоторую роль играет при этом и внешне необыкновенно ловкая тактика этих демагогов, которые, действуя, как наиболее надежный моральный оплот германского империализма,—а моральная сторона играет во время войны не меньшую роль, чем материальная,—в то же самое время создают себе при посредстве „мирных предложений" своего рода „алиби", фиктивные доказательства своей непричастности к империалистической политике. Разумеется, их нынешнее положение в сильнейшей степени зависит от того обстоятельства, что они ввиду приближавшегося крушения германского империализма сумели отделаться от его видимой главы, от императора, и шумно требовали устранения этой империалистической марионетки, чтобы не быть увлеченными его падением. Но даже самая ловкая тактика может только лучше использовать данное благоприятное положение, но не создать его, ибо она зависит от более глубоких социальных факторов. Нынешнее социал-патриотическое благоденствие,—мы покажем еще, до какой степени временный характер имеет оно,—коренится в том, что рабочая аристократия Германии не только не погибла во время войны, но, напротив, даже выросла в объеме. Военное производство захватило три четверти промышленности, со сравнительно хорошо оплачиваемым слоем рабочих. Рабочие военной промышленности оказались более обеспеченными, чем мелкая буржуазия, и это оказалось одной из причин слабости революционного движения во время войны. Германский империализм вовсе не погиб под ударами пролетарской революции. Он умер от переутомления на фронте, когда выдохлась сила морального сопротивления его солдат[1]). И в этом второй корень теперешней силы социал-патриотического правительства. Значительная часть

---

1) См. в высшей степени интересные сообщения врача-фронтовика в декабрьской книге „Ежемесячника Южной Германии".

рабочего класса находится еще в хорошем материальном положении. И она хочет обеспечить его за собой. „Ради бога! Никаких беспорядков. Надо перевести военную промышленность на мирное положение, чтобы дать нам хорошо оплачиваемую работу. Благодаря „нашему“ поражению, дело и без того обстоит довольно неблагополучно, ибо мы уже не сможем резать ремни из кожи других народов; я не буду требовать войны во имя того, чтобы мы получили контрибуцию,—„дипломатически“ заявил однажды Шейдеман,—нельзя обострять положение еще больше. Стало быть, прекратим революционные выступления масс, пусть социал-демократическая бюрократия совместно с капиталистами и их специалистами постепенно проводит „социализацию“. Эти настроения и мысли рабочей аристократии являются первым устоем социал-патриотического правительства. Другой его устой заключается в настроении солдат. Они вырвались из пылающего котла империализма почти без борьбы за мир. Разложение армии, безнадежность военного положения были настолько велики, что ни одна часть буржуазии не решалась, в конце-концов, настаивать на продолжении войны. Людендорф требовал перемирия. Мир не был предметом классовой борьбы. Даже господа вроде Вестарпа не решались ему противодействовать. Армия не вынудила перемирия,—она получила его. И когда ее наиболее сознательные части начали, ввиду разгрома старого режима, создавать органы новой власти,—Советы солдатских депутатов,—никто не противодействовал им. Наоборот, руководители армии были достаточно сообразительны, чтобы взять инициативу в свои руки, провести своих людей в Советы солдатских депутатов. „Домой!“—это было единственным лозунгом германской армии, точно так же, как русского мужика в 1917 г., так беспощадно осуждаемого за это. Но лозунг „домой!“ означал,—ввиду военного положения на Западном фронте и политического положения на Восточном,—порядок, порядок и еще раз порядок, ибо при отсутствии порядка солдаты рисковали попасть в плен или шагать на Востоке тысячи километров по снегу. Борьба, революция на родине, казалась святотатственным ухудшением дела отступления. Всякое известие о каких бы то ни было „беспорядках“ на родине

превращало солдата в дикаря. 4 года подряд он переносил в окопах холод и зной, выдерживал ливень гранат, изъязвил себе ноги по дорогам всей Европы и половины Азии, а теперь, когда он хочет вернуться домой, являются те, кому до сих пор хорошо жилось, и задерживают своими „безобразиями" его возвращение. Больше того: они даже угрожают сделать это возвращение невозможным, ибо Антанта, по слухам, собирается в Берлин, чтобы успокоить всю эту „банду вшивых мальчишек". Чорт побери! Да, наконец, если все пойдет вверх тормашками, то дома не удастся отдохнуть как следует и заняться чем-нибудь путным. Это настроение и эта точка зрения большинства возвратившихся солдат,—мужиков, мелких буржуа, пролетариев,—образуют второй устой социал-патриотического благоденствия.

Социал-патриотическое правительство выдвинулось потому, что все остальные силы прошлого были скомпрометированы еще больше, чем оно. С императором Антанта не хотела вести переговоров. Но сбежавший император не оставил буржуазии такого органа власти, опираясь на который она могла бы руководить распадающимся государством, т.-е. народными массами. Армии не было, полиция не имела никакой силы, так как народные массы были вооружены и только-что пережили крушение всех старых авторитетов. При таких обстоятельствах буржуазии ничего другого не оставалось, как допустить, чтобы социал-демократия, располагавшая массовой организацией и авторитетом в глазах масс, овладела властью. Партия Эберта, Шейдемана и Легина доказала в течение 4-х лет войны, что ей можно доверять. Недаром, ведь, она требовала, чтобы пролетариат беспрекословно переносил кровавую бойню ради интересов буржуазии.

Достигнув власти, социал-патриоты доказали, что буржуазия была права, доверившись им в минуту опасности. Сначала они хотели завладеть властью в открытом союзе с буржуазией. Уже одно это свидетельствовало о том, что они не собираются предпринимать ничего серьезного против капитала. Но обстоятельства сложились иначе, ибо, чтобы заштопать дыры своего социал-демократического плаща, изодранного во время скитаний

в колючих зарослях империалистической войны,—сквозь эти дыры просвечивали мундиры лейб-гвардии его величества, а это не нравилось Антанте, — им пришлось обратиться за помощью к „независимой социал-демократии", той отколовшейся группе, которая имела за границей репутацию невинности, ибо позволяла себя изнасиловать, но „протестовала" при этом. Однако, независимые не хотели открыто показываться рядом с буржуазией. Но уже та лазейка, которую с ловкостью старой сводни подыскали Эберт и Шейдеман,— „отдельные кабинеты" министров-специалистов, где нашли себе приют старые греховодники империализма, все эти Эрцбергеры, Зольфы, Шифферы, Краузы, Шейхи,—уже эта лазейка свидетельствовала о том, что социал-патриотическое правительство ни в коем случае не желает порывать с буржуазией. Последующие деяния „социалистического" правительства подтвердили это.

Они провозгласили „социалистическую" республику. Но эта прокламация должна была осуществиться с помощью учредительного собрания. Социализм означает переход всех средств производства в собственность общества. Учредительное собрание означает разрешение всех государственных вопросов представителями всех классов. Передача вопроса о собственности на средства производства на разрешение учредительного собрания означает не больше, как только то, что от их обобществления придется отказаться, если против него выскажется большинство собрания. А буржуазия могла наперед рассчитывать на такого рода большинство. За частную собственность выступают не только крупные капиталисты, но и мелкая деревенская и городская буржуазия, тем более цепляющаяся за частную собственность, чем неустойчивее становится ее положение, затем несознательные пролетарии, хватающиеся за полы буржуазии, наконец, миллионы женщин, впервые вступающих в политическую жизнь и позволяющих попам убеждать себя в том, что социализм приведет к конфискации кухонных горшков. Способ действия, при помощи которого социалистическое правительство решило ускорить выборы в учредительное со-

брание, показывал, что оно вовсе не озабочено образованием в нем большинства, склонного к социализму. Дело в том, что если бы оно хотело этого, оно должно было бы с полным спокойствием заявить: 4 года под ряд в Германии не существовало свободы печати; под вильгельмовской цензурой народ беззастенчиво обманывали; он не знает самых простых фактов хозяйственной и политической жизни: прежде чем выбирать, он должен узнать, кого именно предлагают ему выбирать; значит, прежде всего, господа буржуа, отдайте-ка ту бумагу, которую вы закупили на военные доходы для одурачения народа, чтобы можно было заняться его просвещением; затем: „Долой начальство!", всех этих ландратов, президентов, которые до сих пор еще препятствуют в провинции народному просвещению. Наспех созывая учредительное собрание, социал-патриотическое правительство доказало, что оно вовсе не по ошибке вознамерилось итти к социализму через учредительное собрание, — поистине это была бы забавная ошибка: социализм, немыслимый без участия буржуазии!—но созывает учредительное собрание, именно с той целью, чтобы сознательно воспрепятствовать социалистическим мероприятиям.

Здесь зарыта собака! Болтовня Шейдеманов о социализме, который надо проводить медленно, но верно, после того как методы его проведения будут „заботливо" обсуждены в комиссиях и приняты учредительным собранием, является чистым надувательством, рассчитанным на то, чтобы усыпить ту часть рабочего класса, которая нетерпеливо стремится вперед. Шейдеманы, Эберты, Легины вполне сознательно занимаются этим надувательством. Целые годы они утверждали,—а их теоретики, вроде Генриха Кунова, беспрестанно доказывали,—будто еще не пришло время для социализма. Во-первых, потому, что процесс промышленной концентрации еще недостаточно углубился и развился; во-вторых, потому, что социалистическое переустройство только тогда станет возможным, когда к нему приступят, по крайней мере, все капиталистические страны,— а это после победы антантовского капитализма, является, в глазах шейдемановцев, чистейшей утопией; в-третьих,

если бы даже до войны мир и созрел уже для социализма, то после войны Германия еще неспособна к нему, потому что ее производительные силы совершенно истощены. По этим всем основаниям, шейдемановцы считают ближайшей исторической задачей, подлежащей теперь разрешению, национализацию наиболее концентрированных отраслей промышленности, которую проведет капиталистическое государство — буржуазная республика—для изыскания финансовых источников, необходимых, чтобы выплатить военные долги, оставляя в то же время менее концентрированные отрасли в частной собственности до тех пор, пока „инициатива" капитанов индустрии не приспособит их, в свою очередь, к социализации. „Социалистическому" правительству даже во сне не снятся действительные практические мероприятия для проведения социализма. Единственный путь к нему: создание фабрично-заводских комитетов, в качестве контрольных органов промышленности, их слияние в промышленные советы, их развитие путем борьбы с буржуазией от контроля над промышленностью к руководству ею—это единственный путь, на котором массы могли бы практически научиться пользоваться средствами производства в интересах всего народа,—единственный, ибо социалистическое производство просто-напросто немыслимо в силу одних только декретов, проводимых, напр., капиталистической бюрократией, — этот единственный путь представляется всем социал-демократическим бюрократам, „русским хаосом", уничтожением промышленности. Именно для того, чтобы избежать его, они созывают учредительное собрание: в нем буржуазия будет обладать большинством, а социал-патриоты окажутся в незначительном меньшинстве. Совместно с либеральным крылом буржуазии эти последние окажутся тогда в большинстве. Они будут находиться в правительстве, но, вместе с тем, они смогут указать на своих буржуазных партнеров и скажут: „мы охотно устремились бы вперед, но нам приходится тащить за собой буржуазию. Имейте же терпе-

ние". Потом приступят к длительному обсуждению вопроса о национализации рудников, электрической промышленности, которые пришлось бы национализировать всякому вообще буржуазному правительству, и преподнесут все это пролетариату в качестве социализации. А если бы это не понравилось его революционной части, то к этому времени подоспеет новая „республиканская" добровольческая армия, пролетариат будет разоружен,—и они рассчитывают с ним справиться.

Эти планы эбертовского правительства настолько прозрачны, до такой степени соответствуют всему направлению их политики, что мы можем их формулировать, нисколько не опасаясь того, что обстоятельства опровергнут нас. В одном только случае мы погрешили бы против истины, утверждая это, если бы, что весьма возможно,—революционная буря смела социал-патриотическое правительство прежде, чем ему удалось бы приступить к осуществлению своих планов. Но эти планы, т.-е. характер социал-патриотического правительства, как телохранителя германского капитализма, определяют его политику с 9-го ноября. Мы показали это на вопросе об учредительном собрании. Поясним это на другом важном вопросе.

Для проведения социализма, когда для него созрели материальные предпосылки, играет решающую роль вопрос силы. Она является рычагом социализма. Правительство Эберта-Шейдемана называет себя рабочим правительством. Мы доказали, что это является обманом и с формальной точки зрения, ибо оно предоставляет важнейшие отрасли буржуазным политикам под видом министров-специалистов. Но это не самое главное. Рабочее правительство не может существовать, не располагая повсюду на местах рабочими органами власти, способными проводить его политику. Старая императорская бюрократия не может превратиться в аппарат рабочего правительства только благодаря тому, что слово „императорская" стерто, и на его месте начертано „республиканская", или когда она объявит, будто „становится на почву революции". Она не сможет стать на эту почву не только потому, что мыслит буржуазно, но и просто потому, что власть ра-

бочего правительства не представляет собой власти над рабочим классом,—подобно старой бюрократической власти, а является властью самого рабочего класса, выражающейся в его собственных органах, на-ряду с которыми не должно существовать никакой другой власти. Правительство Эберта с первой минуты стремилось к тому, чтобы рабочие советы не вмешивались в работу бюрократии: они могут быть органами агитации, контроля, жалоб, но не органами государственной власти. Этим правительство Эберта помешало разгрому старых органов капиталистического государства: они еще существуют, и если бы буржуазии пришлось единолично овладеть властью, то ей достаточно только нажать кнопку,—и, пожалуй, еще кое-где навести порядок, да стереть пыль,—чтобы все пошло, как по маслу. И все должно итти, как по маслу. Теперь, после победы 12 января, берлинские полицейские даже сняли красные повязки и снова получают обратно свое оружие. Правительство Эберта сохраняет для капитализма его бюрократию.

Теперь мы знаем, ради чего правительство Эберта-Шейдемана в дни 5—12 января мобилизовало против передовых отрядов пролетариата белогвардейскую офицерщину, золотую молодежь и пинкертоновцев, ради чего оно минами взрывало пролетарских повстанцев на воздух, почему оно натравливает на коммунистов хулиганов, допускает погромы пролетариата, предательские убийства его вождей. Наиболее развращенный из всех его сикофантов,—ибо он развращен идейно,—Фридрих Штрампфер раскланивается в „Форвертс“ (от 13 января) перед революционной стремительностью, перед тягой пролетариата к социализму, разрываемого гранатами, обрабатываемого ружейными прикладами эбертовских молодцев или же расстреливаемого по военно-полевым законам, и заявляет, что именно вследствие этой большевистской стремительности, нарушавшей спокойную и методическую работу Эберта по социализации, пришлось обуздать пролетариев. Но этому молодчику, который вчера еще обзывал пролетарских повстанцев ворами и бандитами,

у которого не нашлось ни одного слова осуждения против постыднейших расстрелов, не удастся обмануть ни одного пролетария. Каждое пролетарское правительство может очутиться в положении, при котором ему придется выступать даже с оружием в руках против пролетариев, если они оказывают помощь буржуазии; а оказывать ей помощь можно и чрезмерной стремительностью, слишком рано вступая в бой, подвергая, таким образом, опасности поражения пролетарскую армию. Большевистское правительство раздавило левых социалистов-революционеров, за которыми на-ряду с мелко-буржуазными элементами стояли и честные пролетарские революционеры, когда они, вопреки воле съезда Советов, попытались с помощью заговора втянуть Советскую Россию в войну с империалистической Германией в такую минуту, когда это означало бы смерть для Советской России. Но когда российское рабочее правительство поступило так, все симпатии буржуазии были именно на стороне этих стремительных революционеров, бессознательно служивших буржуазной контр-революции. Российское пролетарское правительство, против которого ополчился весь буржуазный мир, могло спокойно выступить перед рабочим классом и сказать ему: „В интересах целого мне пришлось покарать одного из членов нашей семьи“. Убийцы с Вильгельмштрассе, геройству которых кадит фимиамы буржуазная пресса, расстреливающие берлинских пролетариев руками буржуазных хулиганов, под руководством офицеров Людендорфа, делают это в интересах капитала, по наущению и приказу буржуазии. Мы показали это, изложив их политику, и об этом лучше всего свидетельствуют июльские вопли капиталистической прессы.

Когда, с возникновением войны, началась братоубийственная борьба, мы, коммунисты, объявили пролетариям, что это не борьба мнений, а борьба интересов, классовая борьба; мы показали им, что часть пролетариата,— пусть даже временно,— перебежала на сторону буржуазии, что социал-патриотизм является идеологией этой части пролетариата, сделавшейся предательницей общепролетарских интересов. Колеблющиеся представители социализма, Каутский,

Лонгэ, Сноуден, Модильяни, объявляли нас фанатиками, когда мы называли Шейдеманов, Реноделей, Биссолати, Гендерсонов предателями социализма. Каутский радостно отмечал то обстоятельство, что и у него, и у Шейдеманов одно и то же мерило для оценки вопросов, связанных с войной. И за несколько дней до расстрелов Кавеньяка-Носке он заявлял, что от спартаковцев его отделяет принцип насилия, а с шейдемановцами объединяет принцип демократии. Он отличается от этих последних,—продолжал Каутский,—только темпом и методом. Мы не знаем, каким темпом Каутский приказал бы расстреливать сражающихся пролетариев, или по какому методу он разряжал бы против них минометы, мы готовы даже допустить в его собственных интересах, что он сам и его слабосильные соратники гораздо лучше, чем они сами себя рисуют, но каждому пролетарию глубоко в сердце западет следующий вывод из уроков гражданской войны в Берлине: социал-патриотизм—его классовый враг, готовый предательски убить его в интересах капитала; если рабочий класс хочет положить конец капиталистическому строю, то он должен положить конец социал-патриотизму.

Спрашивается только, как? Во всяком случае, не подлежит сомнению одно: не бросаясь преждевременно в бой против врага. Утверждая это, мы вплотную подходим к вопросу о гражданской войне в Берлине, тактическую сторону которой коммунисты должны хладнокровно взвесить, ничего не прикрашивая и ничего не утаивая, чтобы смерть героев восстания не оказалась напрасной.

II. Январская неделя в Берлине.

В ноябре власть выпала из онемевших рук юнкерской капиталистической Германии и механически, без боя, досталась пролетариату. Но правительство, поднявшееся к власти на плечах пролетариата, не хотело и не могло, по своему существу, использовать эту власть, как рычаг экспроприации класса капиталистов. Конечно, в один день нельзя этого сделать. Социализм не сводится к вопросу простой перемены права собственности, а является делом полного переустрой-

ства производственных отношений и всего государственного строя. Социал-патриотическое правительство, точно так же, как и его „независимые" оруженосцы, не думало ни о разрушении старого аппарата бюрократической власти, ни о создании новых органов пролетарской власти, которые одни были бы в состоянии ускорить процесс перехода капиталистических средств производства в общественную собственность, чтобы облегчить муки отмирания старого и нарождения нового общества. Социал-патриотическое правительство ничего не изменило в имущественных отношениях буржуазии и юнкерства и изо дня в день призывало массы относиться возможно более почтительно к этим святыням.

Правительственная проповедь умеренности встретила живейшее сочувствие среди буржуазии, интеллигенции, партийной и профессиональной бюрократии. Но на фабриках и заводах широкая масса рабочих, следовавших за социал-патриотами, не обращала никакого внимания на покаянные проповеди Шейдемана и Эберта. Хотя квалифицированные рабочие военных предприятий и находились в лучшем положении, чем широкие слои народа, но четыре года войны все-таки успели и их довести до нищеты. Они предоставили правительству быть правительством, носили при демонстрациях плакаты с лозунгом: „Мы поддерживаем правительство", но производительность их труда была та же, что и у наихудших из спартаковцев. Хуже оплачиваемые и более эксплоатируемые слои рабочего класса начали переходить от пассивного возмущения к активному. По всей Германии прошла мощная стачечная волна. В первую очередь поднялись горнорабочие массы Прирейнской Вестфалии и Верхней Силезии. Тут-то именно и обнаружилось, до какой степени действительное положение дела перевешивает, как движущая сила развития, значение идеологии. Рабочие Прирейнской Вестфалии и Верхней Силезии в духовном и политическом отношении принадлежат к самым отсталым. Эти области издавна были подчинены центру и христианским профессиональным союзам. Современное рабочее движение развивалось здесь более медленным темпом, и все же именно здесь разрази-

лась в 1905 г. первая массовая стачка, а теперь, когда крушение империализма освободило рабочий класс от оков и развязало ему руки, он разогнул спину и начал ожесточенную борьбу за свое освобождение. Невзирая на свои религиозные, национальные и политические разногласия, рабы угольных и железных баронов подали друг-другу руки для совместной борьбы. Буржуазная и социал-патриотическая печать болтает о польских и большевистских агитаторах, чтобы как-нибудь объяснить взрыв классовой ненависти пролетариата и стойкую выносливость его бойцов. Но эта агитация играет в действительности очень ограниченную роль. Если народные массы Верхней Силезии и Прирейнской Вестфалии так бурно воспрянули, то в этом сказывается только то, что они находились в гораздо более униженном положении, чем какая бы то ни было другая часть германского пролетариата. Если они теперь поступают довольно круто с фабрикантами и их представителями, то это лишь ответ на то, что „недавние" господа в собственном доме в течение многих лет обращались с ними самими, как с собаками. Если они теперь встрепенулись и выставили „неосуществимые" требования, то это потому, что они хотели бы одним прыжком выскочить из тех подземелий, где прозябали во мраке. И самая красноречивая проповедь не в состоянии втолковать им, как возможно, чтобы существующее ныне рабочее правительство совершенно ничего не изменило в условиях рудничной работы, если не считать небольшой прибавки к заработной плате, посредством которой надеются примирить рабов с их участью.

Когда правительство предлагает рабочим советам не вмешиваться в деятельность органов власти, то рудокопы считают это издевательством. Вчера еще эти органы травили их собаками, подстрекаемые владельцами рудников, мобилизовали против них войска, разгоняли их собрания. Убрать их!—вот первая мысль рудокопов, и они стремятся передать всю власть в руки Советов рабочих. Советы берут на себя руководство горным делом, а массы воспринимают это, как социализм.

В то время, как в решающих областях хозяйственной жизни, в угольной и железодобываю-

щей промышленности, ноябрьская революция начинает превращаться в пролетарскую, в то время, как этот процесс в своей основной форме наблюдается почти на всех фабриках и заводах, выражаясь в быстром понижении интенсивности труда, т.-е. в нежелании рабочих масс беспрекословно подчиняться капиталу, в больших городах он все больше приобретает характер сознательной политической борьбы против правительства. Во всех городах беспрестанно растет то меньшинство рабочего класса, которое выступает против социал-патриотического правительства. В столице, где это последнее всего больше должно обеспечить свой авторитет, дело доходит до массовых демонстраций, вызывающих наиболее жестокие репрессии со стороны нового правительства. Разгон демонстраций безработных пулеметным огнем 6 декабря, обстрел матросов в Берлинском дворце за то, что они отказались отдать честь новому Гесслеру—г. Вельсу, вызывают величайшее возмущение. Участники демонстраций против социал-патриотического правительства исчисляются уже сотнями тысяч.

Кто формирует это оппозиционное движение, кто придает ему политическое значение? Левое крыло независимой социал-демократии и союз Спартака, который лишь 30 декабря формально отделился от независимой социал-демократии и объединился с интернациональными коммунистами Германии в самостоятельную германскую коммунистическую партию. Что представляют собой левые независимые? Это—рабочие массы, всерьез принявшие слова Гаазе о предательстве шейдемановцев, неспособные понять, каким образом их партийные руководители добровольно соглашаются брать на себя роль фигового листка эберто-шейдемановской политики угнетения. Но эти массы не нашли еще собственного пути. Они не освободились еще от партии, которая, ведь, не случайно могла стать фиговым листком шейдемановцев. Это показывает, что они находятся еще в первом периоде революционизирования, что им неясны еще их цели и стремления. Эта неясность отчетливо сказывается на противоречивой идеологии их вождей, Рихарда Мюллера,

Ледебура, Деймига. Отчасти они становятся на почву демократии, отчасти склоняются к советской системе, как форме рабочей диктатуры. Они охватывают не всю массу, следующую за ними, только ее верхушку, по старому шаблону, образуя вместо широко-построенной организации Советов рабочих депутатов, которая могла бы крепко держать массы в руках, организацию „революционных уполномоченных", кружок влиятельных рабочих, относительно которых никогда нельзя сказать, насколько велико их действительное влияние.

Союз Спартака выражает еще острее, чем левые независимые, оппозицию народных масс. Он подхлестывает и подгоняет их вперед, но покамест является скорее политическим направлением, нежели политической партией. Несмотря на то, что он родился в борьбе с лицемерной и худосочной оппозицией Гаазе-Каутского, несмотря на то, что его первое теоретическое пронунциаменто, журнал „Интернационал", в первую очередь обращалось против Гаазе и Каутского, он в апреле 1917 г. все-таки объединился в Готе с независимой партией, отчасти, чтобы найти легальное убежище против полицейских преследований, отчасти в надежде на то, что ему, может быть, удастся придать независимым, очень напоминающим восковые фигуры, более приемлемую форму. Полицейские преследования, обрушивающиеся на этот мужественный авангард пролетариата, помешали ему образовать свою собственную, пусть небольшую, но зато отчетливо обрисованную партию. Партийное объединение с независимыми укрепляло правое крыло союза Спартака, мешало ему перевести свою идеологию из состояния лозунга на положение определенной и обязательной программы.

Когда разражается ноябрьская революция, застающая большую часть спартаковцев в тюрьме, Спартак представляет собой союз отдельных революционных рабочих, за которыми нет массы. Крики буржуазии против Спартака являются больше результатом угрызений ее совести, ее боязни пролетарской революции, чем ответом на действительную борьбу спартаковской группы, которая находится еще в процессе организации, формирования своих органов.

Конечно, ее влияние все-таки гораздо значительнее, чем сколько это замечается по составу первого съезда Советов, ибо местные советы являются в большинстве скорее кружками вождей, чем представителями массы. Оно выражается во влиянии спартаковской агитации, толкающей массы вперед, но эта агитация еще не в состоянии создать прочную массовую организацию. Для этого не было достаточно времени. И союз Спартака был таким образом вынужден обратиться к суррогату. Он старается приобрести влияние на организацию революционных уполномоченных и использовать ее, как рычаг массового действия. Но подобно тому, как при суррогатах вообще остается неизвестной действительная степень их питательности, так и союз Спартака, разумеется, не знает, насколько велико действительное влияние названных уполномоченных. И он неспособен определить, на какие массы он мог бы опереться самостоятельно.

Так обстояло дело, когда правительство Эберта-Шейдемана в январе решило овладеть городским управлением, которое было с первых дней революции занято левым независимым Эйхгорном и оппозиционными рабочими. Социал-патриотическое правительство стремилось таким путем захватить в свои руки орудие власти над народными массами, чтобы противостоять их напору на Учредительное собрание. Этого было достаточно, чтобы оппозиционные рабочие Берлина встрепенулись. Партийное правление независимых, революционные уполномоченные и ЦК Коммунистической Партии стали во главе движения. Три дня подряд происходили по их призыву демонстрации сотен тысяч берлинских рабочих против социал-патриотического правительства. Часть овладела берлинским „кварталом печати". Какую цель преследовало это движение? Если бы оно стремилось к свержению шейдемановского правительства, то ему ничего не стоило бы в первые же дни, когда у этого последнего не было под рукой никаких сколько-нибудь серьезно вооруженных сил, завладеть канцлерским дворцом. Но не это было целью движения. В кругах спартаковцев никто не сомневался в том, что время для этого еще не созрело, движение рассматривалось, как движение про-

теста, способное при случае, если его поддержат рабочие по всей стране, заставить правительство отказаться от выполнения своих планов в отношении к городскому самоуправлению. Но, повидимому, необозримые массы, переполнявшие 5, 6 и 7 января улицы Берлина, увлекли за собой Карла Либкнехта, потерявшего в эти дни, благодаря необычайной стремительности событий, всякую связь со своими товарищами из Коммунистического Центрального Комитета, в гораздо большей степени, чем это соответствовало холодной оценке положения дела. 6 января он подписывает совместно с левыми независимыми Шульцем и Ледебуром прокламацию, в которой объявляется о смещении правительства Эберта-Шейдемана и об установлении нового правительства, состоящего из него самого и только-что названных левых независимых. Это произошло без ведома коммунистического ЦК и явилось результатом случайной переоценки собственных сил. Товарищи Либкнехта по партийному ЦК обращают его внимание на неуместность этого шага. Но документ этот остается неизвестным широкой публике, и только 14 января его публикует „Форвертс", как вещественное доказательство уголовного преступления. Как мало этот документ повлиял на действительную политику, показывает то обстоятельство, что руководители движения ни одной минуты не подумали о том, чтобы бросить вооруженных рабочих против правительства, напротив, они дают им окопаться в зданиях газет, а сами принимают посредничество Гаазе и Каутского для переговоров с социал-патриотическим правительством. Орган спартаковцев „Красное Знамя" горячо протестует против этих переговоров, требуя от вождей, чтобы они действовали, а не договаривались.

Но он не указывает массам ни на конкретные формы, ни на ближайшие цели действия. Массы толпятся по улицам, демонстрируют против правительства. Но так как демонстрация только в том случае может превратиться в действие, если у нас есть определенная цель перед глазами,—а такого рода цели никто не намечал,—то рабочие

массы, в конце-концов, распыляются, и только небольшая их часть держится в захваченных помещениях газет и полицейского управления. Оставленный рабочим классом и все-таки надеясь на него, этот небольшой отряд упорствует в оборонительной борьбе против кольца правительственных войск, смыкающегося все теснее. Эти войска стянуты из провинции и наспех организованы. Никто не призывает его прервать безнадежную битву, и он падает жертвой эбертовской солдатчины, сражаясь до конца.

Уже это краткое перечисление фактов показывает, на что должна направить свое внимание самокритика пролетариата. Дело не в беспредметном скептицизме, а в том, чтобы вскрыть ошибки вождей и избежать их в будущем. До тех пор, пока этого не случилось, пока революционные рабочие в провинции считали берлинские события результатами преднамеренной тактики коммунистической партии, пока они были убеждены в том, что их партия стремится захватить власть путем заговора, они повторяли берлинские ошибки, вступали на путь путчизма, приводящего революционное рабочее движение к величайшим поражениям и дающего социал-патриотическому правительству возможность по частям расправляться с восстающими рабочими.

„Союз Спартака ни при каких условиях не примет правительственной власти иначе, как в результате ясного, недвусмысленного волеизъявления значительного большинства пролетарских масс Германии, не иначе, как в силу их сознательного согласия с целями, воззрениями и методами борьбы спартаковцев“... Каким образом эта точка зрения, которой завершается программа союза Спартака и которая должна быть руководящей мыслью пролетарской партии во время пролетарской революции, играла настолько незначительную роль в берлинской гражданской войне, что даже один из основателей союза Спартака на минуту позабыл о ней, а рабочие, вступившие в борьбу по призыву Спартака, в свою очередь тоже не поняли ее?

Это объясняется молодостью Коммунистической партии,

отсутствием стройной коммунистической организации, в которой отстоялись бы тактические принципы, как результат длительной коллективной работы, и вошли бы в плоть и кровь масс. Основной принцип нашей тактики, согласно которому пролетарская партия только тогда имеет право захватить власть, когда за нее стоит большинство пролетариата, был высказан в брошюре союза Спартака, как результат теоретического убеждения его вождей. Но он не был результатом идейной самодеятельности его членов, хотя бы уже потому, что организация коммунистической партии еще слишком молода и не успела еще приобрести никакого опыта массовой борьбы. Литература союза Спартака носила до сих пор главным образом агитационный характер.

В качестве литературы меньшинства, не смеющего еще помышлять о завоевании политической власти, она занималась в первую линию тем, что толкала массы вперед. Она предполагала, что может пока не обращать внимания на задерживающие моменты. Мы нигде не встречаем в ней указания на то обстоятельство, что большинство рабочего класса стоит еще на стороне буржуазии, нигде она не останавливается на значении и источнике этого факта. Нигде мы не встречаем в ней указания на то, что городской пролетариат ни в коем случае не может победить, не создав повсюду в деревнях, по крайней мере, зародышей организации сельского пролетариата. Нигде она не говорит о том, что, в отличие от положения в России, в Германии крестьяне и не демобилизованные или добровольно несущие военную службу солдаты должны быть отнесены к силам контр революции. Не только агитаторский характер политики союза Спартака в первый период революции, когда нужно было прежде всего собрать передовые ряды пролетариата, но и весь характер его деятельности должен был вызвать в коммунистах склонность к бунтарской тактике.

Коммунистическая партия стоит на почве советской системы. Теоретически она усматривает в Советах не только ту форму государственного устройства, к которой она стремится, но и дорогу к победе: Советы, как органы борьбы

пролетариата, являются для нее средством завоеваняя Советской республики. Но это теоретическое убеждение оставалось до сих пор без всякого влияния на действия Коммунистической партии. Нигде мы не видим планомерного и упорного стремления к завоеванию большинства в местных рабочих Советах. С самого начала революции социал-патриоты взяли в свои руки образование Советов, но не для того, чтобы организовать массы, а чтобы обмануть и успокоить их. Таким образом, мы видим, как они теперь в большинстве городов составляют Советы не только при посредстве выборов на фабриках и заводах, но и при помощи паритетного представительства партий. Мы видим, как они повсюду низводят Советы до уровня прежних избирательных союзов, как они заставляют эти Советы терять время в бесплодных прениях для того только, чтобы они не вздумали начать руководить экономической и политической борьбой, не говоря уже о государственных или муниципальных делах. Эта тактика вполне понятна, с точки зрения социал-демократии: недаром она вместе с буржуазией считает рабочие массы олухами, о которых всего лучше могут позаботиться просвещенные профессиональные и партийные бюрократы, ведя переговоры с представителями буржуазии. Рабочие депутаты, выбираемые по фабрикам и заводам, которых товарищи имели бы право ежеминутно отзывать, служили бы выразителями массовых стремлений, тогда как рабочая бюрократия сама смотрит на себя, как на тормоз рабочего движения, и именно в этом смысле хотела бы влиять. Вот почему приказ Носке ограничивает деятельность солдатских Советов и превращает их в „кухонные советы", а официальный проект новой конституции совершенно устраняет из нее рабочие Советы. Это превращение Советов рабочих депутатов в безвольные и бессильные манекены соблазняет союз Спартака к тому, чтобы повернуться к ним спиной, даже не стараясь сделать их органами борьбы за Советскую власть. На первом съезде Советов фракция Спартака держится совершенно пассивной тактики. Она нигде не выступает самостоятельно, не противопоставляет свою собственную тактику тактике охолоще-

ния Советов. Она не развертывает перед Советами программы того, чем они должны быть. Когда съезд Советов, превышая свои полномочия, передает всю власть в руки эбертовской клики, „Красное Знамя" в блестящей статье объявляет мобилизацию местных Советов рабочих депутатов против этого самооскопления съезда Советов, но этим все и ограничилось,—мобилизация не была проведена.

Если социал-патриотическое извращение Советов может служить объяснением того, что Коммунистическая партия не обращает на них внимания, то это невнимание, со своей стороны, не могло не иметь очень пагубных последствий для Коммунистической партии. Отказываясь от борьбы за завоевание большинства в Советах рабочих депутатов, за расширение их задач, ее члены должны были потерять живое чутье соотношения сил. А этот оптический обман толкал их к самостоятельным выступлениям, далеко превышающим их силы. Ничто так не вводит революционеров в заблуждение, как удачная демонстрация. Они не видят размеров выступающей массы, и один какой-нибудь лишний ноль не имеет для них значения при определении их количества. Они забывают о том, что массы только тогда становятся прочной силой, когда они организационно связаны. В особенности, легко впасть революционеру в ошибку в Германии, где организованность была причиной захвата власти социал-патриотами, вследствие недостаточной оценки значения организованности, как источника силы революции. Опираясь на массы, демонстрирующие под знаменем коммунизма, он хотел бы довести борьбу до конца силами одной только этой массы. Если бы коммунисты изо дня в день вели борьбу в берлинском Совете рабочих депутатов, оставаясь в меньшинстве, если бы они стремились к тому, чтобы стать в нем большинством, то они имели бы здесь почву для борьбы против покушений социал-патриотического правительства и не были бы вынуждены превращать каждую частичную битву в борьбу за государственную власть, прежде чем созрело время для этого. Заставляя Совет рабочих депутатов высказаться против правительственного нападения на рабочую демонстрацию, они могли бы апеллировать к фабрикам и заводам, обвиняя его, если бы он стал покры-

вать правительство, и, несомненно, понадобились бы перевыборы в целом ряде фабрик и заводов. К моменту столкновения с матросами они достигли бы уже преобладания в Совете, и, при том сильном давлении, какое оказывали демонстрации, они, несомненно, смогли бы заставить Совет заинтересоваться вопросом о городском самоуправлении. С каждым днем они все больше приближались бы к тому моменту, когда можно противопоставить правительству организованную силу рабочего класса, сначала придавая своим собственным самостоятельным действиям только характер демонстративных и агитационных выступлений, а во всем остальном неуклонно внушая массам то основное правило, что государственные перевороты можно производить только тогда, когда они поддерживаются организованной силой рабочего класса, советами рабочих депутатов. Таким образом, они не попали бы против своей воли в положение, при котором им навязали борьбу за политическую власть в такую минуту, когда условия для нее еще не созрели и не приняли бы на себя политической ответственности за эту борьбу.

Именно потому, что у Коммунистической партии не было агитационной и фактической спаянности с советской системой, действующей, как подталкивающая сила даже там, где она выступает в качестве сдерживающего начала, теоретическая уверенность руководителей союза Спартака, что время для захвата власти еще не пришло, осталась мертвой буквой. Несмотря на то, что известие об образовании временного правительства дошло уже 7 января до ЦК спартаковцев и он воспрепятствовал фактическому вступлению в него руководящих деятелей берлинского движения, он все-таки недостаточно открыто взглянул в лицо фактам, выясняя, как складывались обстоятельства с точки зрения сознательного стремления к ниспровержению правительства.

В этом случае выбирать можно было только между двумя целями: либо демонстрация противоречия между передовыми рядами берлинских рабочих и правительством, либо давление на него для того, чтобы покончить со спорным вопросом. Пер-

вая цель была уже достигнута. Демонстрации шли на убыль, ибо они, разумеется, не могли продолжаться без конца. А если так, то вместе с ними исчезали и средства, с помощью которых можно было оказывать давление, и необходимо было через посредство переговоров с правительством поскорее добиваться компромисса. Однако, в данном случае расчеты ЦК спартаковцев были нарушены настроением, часто возникающим в результате боевого положения, но, вместе с тем, являющимся источником легко повторимых тактических ошибок, с которыми нужно покончить из практических соображений в интересах будущего. Давление на противника предполагает желание договориться с ним после того, как нажим произведен. Но противником в данном случае было не то обычное буржуазное правительство, от которого можно ожидать всякой низости. Это было предательское рабочее правительство, низости которого заставляют чувствовать каждый раз такую же боль, как если бы они были причинены раскаленным железом. Охваченный этим настроением, союз Спартака перестал считаться с действительностью, предположив, что он не имеет права договариваться с правительством предателей. В этом настроении его укреплял тот обманчивый образ действий, с помощью которого независимые начали переговоры, превращая их из того, чем они должны были быть на самом деле, из вынужденного обстоятельствами договора с врагом, в пролог объединения социалистических партий. Но отказ от ложного единства с социал-патриотами не должен был привести к отказу от понимания действительного положения вещей. Социал-патриотическое правительство является капиталистическим правительством, как всякое другое, и, не обладая в данную минуту достаточной силой для его свержения, приходится с ним считаться, как с фактом, и по мере надобности договариваться с ним, как с равной силой. Если союз Спартака не хотел этого, то ему ничего другого не оставалось, как попросту прекратить борьбу, открыто признать свое поражение и предложить красным рабочим и солдатам очистить занятые позиции, если, разумеется, Спартак втайне не рассчитывал еще

на то, что независимые заключат с правительством соглашение под своей собственной ответственностью. Если такого рода спекуляция действительно имела место, то она являлась попыткой уклониться от ответственности и взвалить ее на других, а партия с такими значительными видами на будущее, как партия коммунистов, не имела права так поступить. Партия, желающая руководить революционной борьбой масс, должна давать им совершенно ясный анализ положения, как бы ни было печально это положение в данную минуту. Попытка взвалить на чужие плечи ответственность за решение, которого она сама втайне желала бы, ибо в данную минуту оно является наилучшим, на внешний взгляд очень хитроумна, но только повредила бы движению, ибо помешала бы ему понять, что до тех пор, пока нет достаточных сил для победы, приходится вступать в переговоры и с врагами.

Бунтарское настроение одной части революционного рабочего класса, легко объяснимое молодостью германского революционного движения, побудит, вероятно, отдельных рабочих не согласиться с только-что сказанным. Они представляют себе революцию, как волну, постоянно стремящуюся вперед, и видят задачу революционного вождя в том, чтобы постоянно и слепо гнать ее вперед. Ввиду того авторитета, каким пользуются среди революционного рабочего класса Германии русская рабочая революция и ее вожди,—и пользуются с полным правом,—необходимо, в связи с этим напомнить об июльских событиях 1917 года в Петрограде и о той роли, какую играла в них Российская Коммунистическая партия. Прошло уже четыре месяца со времени мартовской революции. Экономическая разруха, бездеятельность правительства в вопросе о мире, непрерывное соглашательство с буржуазией придали Коммунистической партии большевиков громадное значение. Она была тогда гораздо сильнее, чем теперь, в январе 1919 г., Коммунистическая партия Германии. На ее стороне стоял весь петроградский пролетариат, весь петроградский гарнизон, четыре десятка газет влияли на провинцию, и все-таки партия считала преждевременным захват власти. Провинция только в очень незначительной части была на ее стороне.

Не иначе обстояло дело и на фронте. Крестьяне еще ожидали, что меньшевистско-эсеровское правительство даст им землю. Поэтому, когда в связи с новым правительственным кризисом рабочие массы и гарнизон Петрограда вышли на улицу и окружили правительство, партия изо всех сил сопротивлялась попытке навязать ей власть, ибо знала, как легко отрезать ее от продовольственной базы и раздавить войсками, снятыми с фронта. А это означало бы гибель петроградского пролетариата и, вместе с тем, обезглавление революции. В „Правде" Ленин, Троцкий и Зиновьев крайне энергично выступали против выступления народных масс, а когда Керенский стянул свои войска, и предстояло, таким образом, сражение между фронтовиками, с одной стороны, и петроградским гарнизоном и кронштадтскими матросами—с другой, при чем не было никакой надежды на победу, вожди Коммунистической партии настаивали не только на прекращении борьбы, но даже на выдаче оружия, поскольку этого уже нельзя было избежать. Наши лучшие полки, отправленные потом на фронт, расформировывались со слезами и проклятиями против „предательств" коммунистических вождей. Но очень скоро они сами убедились, что руководители большевиков были правы, сдерживая движение, избегая, таким образом, преждевременной растраты боевых сил. И оказалось, что неудача не только не подорвала доверия к этим вождям, но напротив, с каждым днем все больше увеличивала его.

Мы убеждены в том, что Роза Люксембург и Карл Либкнехт первыми помогли бы рабочим понять уроки берлинского поражения, если бы их не вырвали из рядов борющегося пролетариата наемники Эберта. Целый ряд исторических условий мог заставить этих истинных революционеров, преисполненных волей к победе, зайти дальше, чем позволяло положение, ошибиться в расчете или не позволить им приложить все усилия к исправлению допущенной ими ошибки. Но они слишком критически относились к себе, слишком самоотверженно стремились к истине, чтобы затушевывать причину своих ошибок и самые эти ошибки, ибо они знали и постоянно учили, что пролетариат нуждается в самокритике, и что основным прин-

ципом всякой революционной рабочей политики является умение превращать поражение с помощью самокритики в источник новой силы. „Побежденные сегодня окажутся победителями завтра, ибо поражение является для них уроком",—писал Карл Либкнехт в тот день, когда его настигла предательская пуля убийцы. Мы сделали попытку, рассмотрев события, ближе подойти к урокам, вытекающим из них. Теперь мы должны целесообразно использовать эти уроки, разумеется, не с педантизмом школьного учителя, у которого в кармане лежит готовый рецепт счастливой развязки революции, а посредством знакомства с объективной тенденцией развития революции и задач, какие она ставит перед рабочим классом.

III. Путь к победе.

Правительство Эберта-Шейдемана победило в гражданской войне в Берлине. Оно, должно быть, справится теперь и с теми путчами, которые вспыхивают то в одном, то в другом месте Германии и приписываются Коммунистической партии, хотя совершенно противоречат основному принципу ее тактики. Но на следующий день после своей победы оно убегает совместно с Учредительным собранием в Веймар и показывает, таким образом, что не особенно уверено в победе. Но через несколько дней после победы оно вынуждено объявить, что большие города стоят перед опасностью остаться без угля, потому что у него нет средств обеспечить спокойное течение работ в рудниках. Но через несколько дней после победы оно приходит в конфликт, с одной стороны, с офицерским корпусом, рассматривающим приказ его главнокомандующего, как незаконный документ, а с другой—с солдатами, считающими, что этот самый указ головой выдает их старым героям зуботычин. О положении этого правительства можно сказать то же самое, что Гаррингтон сказал в 1759 г. о положении Англии: „При теперешнем положении Англии сторонники республики могут потерпеть поражение, если не сумеют с достаточной ловкостью защитить свое дело, но роялисты должны потерпеть поражение

из-за отсутствия материальной почвы под ногами". Социал-патриотическое правительство должно погибнуть из-за отсутствия материальной почвы.

Весь смысл социал-патриотического правительства в том именно, что оно служит капиталу фиговым листком. Времена слишком суровы и бурны, чтобы капиталистическое господство могло выступить перед массами в неприкрытом виде. Даже наиболее терпеливые последователи шейдеманцев, не доверяющие еще своим собственным силам, уже потеряли всякое доверие к буржуазии. Нельзя безнаказанно 4 года под ряд заниматься убийствами, нельзя безнаказанно разрушать цветущее народное хозяйство. Социал-патриотическому правительству предложено уверить массы в том, будто они держат рукоятку государственного меча в своих руках, и в то же самое время помешать им действительно использовать свое господство. Такого рода политика была бы возможна в течение некоторого времени, если бы капитализм находился в упорядоченном состоянии. Если бы руки имели работу, а желудки—пищу, то социал-реформаторский режим, мирно сожительствующий с капитализмом, имел бы шансы на некоторую долговечность, в особенности, если принять во внимание рабские привычки, унаследованные массами. Но при нынешнем положении дела в Германии ни социал-патриотическое правительство, ни его политика не имеют материальной почвы под ногами. В центре всех проблем, волнующих массы, стоят два вопроса: вопрос работы и вопрос хлеба. Ни той, ни другого социал-патриотическое правительство не может теперь дать массам, еще меньше оно в состоянии принудить их соблюдать спокойствие, голодая от безработицы.

Безработица вытекает из двух причин: во первых, из полной хаотичности народного хозяйства, отсутствия какого бы то ни было другого регулирующего принципа, кроме интересов прибыли; во-вторых, из отсутствия необходимого сырья. Во всем мире ощущается недостаток в сырье. Сообщения об изобилии этого сырья в странах Антанты являются легендой. Бурный темп экономического развития создавал уже перед войной нехватку сырья во всех странах, и одной из причин империалистической экспансии распространения была

нужда в источниках сырья. Страны Антанты не в меньшей степени, чем центральные державы, пустили по ветру свои запасы сырья. И если ныне они не до такой степени обнищали, как центральные державы, то значительная стесненность господствует и у них. Они еще более усиливаются недостатком тоннажа, волной социальных битв, уже поднимающейся в странах Антанты и мешающей использовать оставшиеся массы сырья. Весь мир теперь беднее, чем до войны, и ни одно правительство,—даже вполне революционное,—не в состоянии обеспечить массам немедленное благоденствие. А правительство Эберта-Шейдемана, как и всякое другое капиталистическое правительство в Германии, во всяком случае, не способно сколько-нибудь заметно облегчить положение. В ближайшее время безработица в промышленности будет расти механически. Использованные части машин не могут быть заменены новыми в достаточном количестве; транспортная разруха, вызванная 4-летней войной, удесятеренная передачей немецких локомотивов и вагонов разбойникам Антанты, будет изо дня в день увеличиваться. Рабочая сила плохо питающихся и выбитых революцией из психологического равновесия рабочих масс заметно уменьшается. А в деревнях нехватает необходимейших рабочих рук. Около 2.000.000 крестьян и сельских рабочих пали на войне или вернулись домой искалеченными. Многие тысячи военнопленных, заменявших их в сельском хозяйстве, исчезли. Сотни тысяч рабочих, которые из года в год являлись с востока и работали на сахарных плантациях и картофельных полях юнкеров, теперь отсутствуют. Правительство уговаривает городских безработных переселиться в деревни, отчасти, чтобы обеспечить погибающее земледелие рабочими руками, отчасти, чтобы избавиться от необходимости оказывать материальную помощь безработным. Но, при господствующих в данную минуту в деревне условиях, переселение в деревню означает для городского рабочего социальное падение, ибо там он оказался бы во власти юнкеров, против самоуправства которых правительство выступало только на словах. Наиболее сознательные рабочие отказываются от переезда в деревню, потому что вполне справедливо видят в этом по-

пытку контр-революционного правительства ослабить силы революции в городе. Если правительство попытается принудить их к этому, лишая поддержки во время безработицы, то оно вызовет ожесточеннейшие столкновения в городах. А если ему все-таки удастся насильственно переправить безработных в сельское хозяйство, то, вместе с тем, оно насадит там пролетарскую революцию. Безработные займутся не столько сельским хозяйством, сколько организацией сельских рабочих.

Однако, растущая безработица является результатом не только недостатка сырья и нежелания пролетариата работать, но и нежелания буржуазии вкладывать свои капиталы в промышленность. Капиталисты вкладывают капиталы в индустриальное производство ради прибыли. Если прибыль остается под сомнением или недостаточно велика, то они меньше теряют, когда совсем не производят, чем если производят без прибыли при высокой стоимости сырья, дороговизне строительных материалов и повышенной заработной плате. Уже теперь можно ежедневно читать в коммерческих отделах больших газет о боязни капитала довериться бурному морю производительной деятельности. У классово-сознательных предпринимателей при этом играет еще роль желание скрутить рабочих, парализуя промышленность, при помощи голода и нищеты.

Рабочий класс обладает очень острым зрением по отношению ко всяким даже самым тонким, поползновениям буржуазии к саботажу, и там, где эти поползновения навлекают на него опасность, он защищается, самостоятельно овладевая предприятием. Рабочие отдельных фабрик, заводов и рудников попытаются на свой собственный риск обеспечить своим предприятиям сырье, уголь и сбыт. А это поставит их перед вопросом о банковом кредите. В Прирейнской Вестфалии они пытались захватить местные банки, которые, однако, обладают только незначительной частью денежных средств. Местные выступления отдельных групп рабочего класса против безработицы, попытки их взять в свои руки предприятия очень скоро поставят их перед двумя во-

просами общего характера: перед вопросом об управлении целыми отраслями промышленности и взаимном товарообмене и перед вопросом об общем банковом кредите, как и перед вопросом о транспорте. А оба эти вопроса вместе именно и являются основным и главным вопросом революции: вопросом о политической власти в государстве. Не подлежит сомнению, что правительство не станет бездеятельно созерцать, как рабочий класс по собственной инициативе по частям начнет экспроприировать капитал. Местная борьба против безработицы приведет, таким образом, ко всеобщей борьбе за власть.

Такие же последствия будет иметь и недостаток хлеба. Не подлежит ни малейшему сомнению, что Германия не может обойтись собственными запасами зерна, даже если она оставит за собой и выкачает из деревни все наличное зерно без остатка. Но, вместе с тем, не подлежит ни малейшему сомнению, что значительные запасы зерна припрятаны и скрыты от учета юнкерами и крестьянами-кулаками. Этих запасов теперешнее правительство никак не сможет получить, ибо для этого нужна была бы решительная гражданская война с кулаками и юнкерами, вооружение рабочего класса и его готовность отправиться в деревню. На все это социал-демократическое правительство, разумеется, никогда не пойдет. Оно надеется на помощь хлебом со стороны Антанты. Однако, по официальным сведениям из Вашингтона, чтобы только сохранить теперешний скудный хлебный паек в Германии, Австрии и балканских странах, пришлось бы пустить в ход не только зерновые запасы Соединенных Штатов, но и запасы Канады, Аргентины и Австралии. Только тогда удастся получить необходимое количество бушелей зерна. Если принять во внимание трудности транспорта из Австралии и Аргентины, то станет ясно, что помощь Антанты придет слишком поздно и в недостаточном размере, даже при наличности у нее самых лучших намерений. Германия не может избежать ужасов голода. Их можно смягчить

только решительной, беспощадной гражданской войной против аграрных элементов Германии, утаивающих запасы зернового хлеба, и таким же решительным объединением всех пролетарских сил Германии и России, чтобы использовать существующие, несомненно, громадные запасы зерна в России, которых русские рабочие не могут поднять самостоятельно. Контр-революционное германское правительство так же неспособно вести войну против германских аграриев, как оно неспособно обеспечить союз германского и русского пролетариата. Борьба с голодом будет борьбой против этого правительства,—борьбой за пролетарскую власть. Социал-патриотическое правительство надеется укрыться от этой борьбы, зарницы которой уже блистают, спасаясь бегством в Веймар, где представители германской буржуазии и бюрократии, не тревожимые требованиями хлеба и работы, будут вырабатывать планы, как осчастливить германский народ, благословляемые духом Гёте, этого контр-революционера, теперь цитируемого „Форвертсом", как специалиста по вопросам революции. Но может случиться, что германское правительство закончит выработку своих планов как-раз к тому моменту, когда область его власти ограничится одним только Веймаром. Дело в том, что в той борьбе, которую ему придется вести с бушующими силами пролетарской революции,—а эту борьбу оно захочет и должно будет вести не только в веймарском духе, но и по старой потсдамской системе,—ему придется сложить оружие, так как у него нет никаких материальных оснований успеха.

На победу могут рассчитывать только две силы: либо капиталистическая контр-революция, либо пролетарская революция. Первая возможность заключается в том, что буржуазия, опираясь на зажиточное крестьянство, сломит пролетариат, ослабит кровопусканием, заставит работать, голодая, лишит всяческих прав, закует в цепи и, таким образом, попытается железной рукой выправить вывихнутые члены капиталистического организма. Но возможно и обратное положение. Пролетариат смыкается в железную фалангу: доведенный бедствиями и ни-

щетой до отчаяния, он разбивает контр-революционные силы и до тех пор беспощадно держит их рукой за горло и коленом на грудь, пока ему не удастся при помощи органов пролетарской диктатуры начать постройку нового здания на развалинах капитализма. Первая возможность имеет чисто-теоретический характер. Сельское население расколото, рабочий класс еще больше углубит то противоречие, которое существует между юнкерами и сельской буржуазией, с одной стороны, и мелким крестьянством и пролетариатом — с другой. Деревня распылена, а пролетариат концентрирован, и если сегодня в пролетариате тоже замечается раскол, то крушение иллюзорных надежд на мирное развитие неминуемо объединит пролетариат и вырвет почву из-под ног у социал-патриотов и у буржуазии. Подобно тому, как в этой войне германский империализм за короткое время с высоты величайших побед свалился в глубочайшую пропасть поражения, — точно так же и социал-патриоты со своими 11-ю миллионами голосов за несколько месяцев превратятся в офицеров без солдат, а пролетариат сомкнется единым боевым фронтом. Молот революции расшатает и разобьет их оплот, заключающийся в наличности обеспеченного слоя рабочей аристократии. Пролетариат объединится, благодаря своей интеллигентности, благодаря своим организационным навыкам, этому драгоценному наследию его полувековой деятельности, а объединившись, он будет господствовать в Германии, и его господство станет господством всего трудящегося германского народа, но не ничтожного меньшинства.

Это развитие произойдет не по одной какой-нибудь схеме, не по плану, выдуманному руководителями Коммунистической партии на конспиративном заседании. Оно выразится в стихийных действиях массы, в борьбе тенденций и попыток, которая покажется постороннему наблюдателю хаотическим сборищем диких актов насилия, бессмысленных экспериментов и опытов. В „Вальпургиевой ночи“, романе Густава Мейринка, представляющем собой, подобно всем военным романам этого писателя, попытку понять и изобразить этот непонятный ему мир, похожий на взбесившегося коня, — и уже одно название означает признание поэта

в том, что он не понимает этого мира,—встречается одно замечание, в высшей степени характерное для пролетарской революции: „Только тот понимает мелодию, кто умеет ее повторить". Пролетарскую революцию понимает только тот, кто участвует в борьбе и стоит в ее центре, через чью душу и мозг проносятся ее мелодии, в чьей душе и мозгу хаос звуков, наполняющих мир, сливается в гармонический хорал, — хорал стремящегося вперед народа. Коммунисты поют пролетарской революции только ее собственные песни. Они не создают революции по произвольному плану, а только выявляют ее внутреннюю логику, они не изобретают маршрута революции, а только открывают ее собственные тенденции развития, опираясь на которые, показывают массам цель и дорогу к ней. И вот именно теперь-то и надлежит показать, каким образом сознательная часть пролетариата, Коммунистическая партия, в состоянии, опираясь на внутренние тенденции революции, сократить эту дорогу, сделать эту борьбу возможно менее хаотичной.

Борьба с безработицей повсюду приводит рабочих к попытке взять в свои руки контроль над производством. Рабочие до сих пор оставались рабами машин. Даже самые организованные части рабочего класса добивались до сих пор только рабочего договора, устанавливаемого профессиональными союзами, т.-е. того, чтобы чиновники профессиональных организаций имели право определять совместно с фабрикантами заработную плату и все прочие условия, с помощью которых капиталист выжимал из них прибавочную стоимость. Там, где капиталист считает для себя невыгодным продолжать производство, прекращаются и требования рабочих. Они получают плату за две недели вперед и должны при помощи собственных сбережений и при поддержке профсоюзной кассы держаться как-нибудь до тех пор, пока другой капиталист не пожелает воспользоваться их рабочей силой. Теперь суровая нужда делает для каждого рабочего ясным, что необходимо ознакомиться с запасами сырья, с условиями фабричной работы и положением капиталистического кредита. Когда капиталист хочет закрыть фабрику, то рабочие желают знать, не является ли это с его стороны актом классового саботажа. Когда он за-

является им, что их требования невыполнимы, они желают познакомиться на основании подлинных расчетов с действительным положением дела, а если он покидает свою фабрику, то они, имея перед глазами бедствия безработицы, пытаются продолжать производство собственными силами. Они не полагаются теперь на вождей профессиональных союзов, которые так блестяще провалились в годы войны и революции. Они все хотят увидеть собственными глазами, дойти до всего собственным умом. Фабрично-заводские советы, представители рабочих в предприятиях, находятся в неразрывной связи со своими товарищами по работе. После выборов они не переходят из мастерской в спокойное бюро профессионального союза, где могут за бюрократической решеткой годами вести если не блестящее, то, во всяком случае, обеспеченное существование. Они остаются в мастерской, разделяют заботы своих классовых братьев, и даже в том случае, когда они посвящают себя, при переходе фабрики в руки рабочих, делу управления, они непосредственно зависят от своих товарищей по работе. Совет предприятия является сейчас и останется ячейкой будущего социалистического общественного порядка, основной организацией борьбы за социализм. Прежде всего нужно заботиться о нем, ибо только при его посредстве удается внести порядок в хаотическое кипение массы, взбудораженной пушечной канонадой мировой войны и гулом революционного вулкана. Если Совет займется всеми вопросами фабричного дела, познакомится со всем, от чего зависит его развитие, то он заложит тем самым фундамент для дальнейшего руководства промышленностью. При помощи контроля над предприятиями можно будет даже в том случае, если управление пока останется в руках капиталистов, — а эта стадия будет в большинстве случаев продолжаться до тех пор, пока в руках капиталистов будет политическая власть, — подготовить тот человеческий материал, без которого не может существовать социалистический строй. Но Совет рабочих депутатов отдельной фабрики может помочь только своей фабрике и, следовательно, вступит в конкуренцию с другими фабриками, а иногда,

может быть, и с Советами других фабрик. Он будет стараться получить уголь, сырье, денежные средства только для себя. Он будет отвоевывать их у других. Таким образом, снова возобновится конкуренция со всеми ее последствиями. Это поможет рабочим понять, что Совет отдельного предприятия должен быть дополнен Советом данной отрасли промышленности в целом, и заставит их сделать вопрос о рабочем контроле в своей промышленности предметом переговоров и борьбы с капиталистами данной местности, всего государства и, наконец, с государственной властью. Вопросы о приобретении сырья, полуфабрикатов, транспортных средств, необходимых для существования данной промышленной отрасли, объединят не только отдельные фабричные советы, но и советы промышленной отрасли. Они свяжут Советы целой местности, всей хозяйственной области и государства в единую контрольную инстанцию. Самые мелкие советы, бьющиеся теперь над ничтожнейшими вопросами, Центральный Совет Германских Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, играющий теперь роль пятого колеса в телеге, призваны к тому, чтобы еще до того, как рабочий класс возьмет всю власть в свои руки, перейти упорным трудом от контроля кассовых книг какой-нибудь небольшой фабрики зонтиков к изучению вопроса о том, как добыть для германских текстильных фабрик пряжу, а для больных локомотивов смазочные масла, и не только ради изучения этих вопросов, но и для того, чтобы твердой рукой выдвинуть их, как объекты борьбы против капиталистов и правительства.

Очевидно, что при создавшемся положении вещей Советы рабочих депутатов являются организациями экономической борьбы во всей стране. В старых профессиональных союзах решающую роль играла касса. Союзы стремились повлиять на положение рабочего класса на рынке труда, поддерживая безработных и помогая стачечникам. Уже перед войной им приходилось достаточно туго, потому что кассы картелированной промышленности

превосходили их собственные, а они сами охватывали только одну часть рабочего класса. Теперь их кассовая тактика стала совершенно бесполезной. Советы рабочих депутатов охватывают весь рабочий класс, а власть буржуазии сейчас настолько пошатнулась, что она вынуждена сама выплачивать поддержку безработным. Если же рабочий класс вступает в решительный экономический конфликт, то он может рассчитывать на поддержку Совета рабочих депутатов и у себя на месте, и в области, и во всей стране, а кассы не играют уже никакой роли. Это равносильно концу старых профессиональных союзов; Советы рабочих депутатов должны взять в свои руки руководство экономической борьбой; но экономическая борьба теснейшим образом связана с борьбой политической. Правительство попытается пресечь стремления Советов, направленные на контролирование всей промышленности. Его политика в продовольственном вопросе, его бессилие в борьбе против аграрных элементов могут парализовать все попытки поддержать трудоспособность рабочего класса и производительность труда. Его попытки создать наемную армию для поддержания порядка укрепят капиталистов в экономической борьбе против Советов рабочих депутатов. Если оно выбросит из своей конституции и из социально-политического законодательства Советы рабочих депутатов, то это будет попросту означать, что оно стало на сторону предпринимателей. Таким образом, Советы, начиная с фабрично-заводского и кончая Центральным Советом, поставлены в необходимость шаг за шагом расширять свои функции в качестве контрольного органа всей политической жизни, принимать участие во всех политических столкновениях, противопоставлять силам контрреволюции волю рабочего класса. Фердинанд Лассаль говорил немецким рабочим: „Спрашивайте всякого приходящего к вам в качестве друга, стоит ли он за всеобщее избирательное право, или против него,—тогда вы узнаете, действительно ли он вам друг“. Это было справедливо в то время, когда неокрепший рабочий класс добивался политического равенства, чтобы иметь возможность выйти на политическую арену, организовать свои ряды. Се-

годня, когда дело идет не о том, чтобы выступить на политическую сцену, а о том, чтобы создать органы рабочего класса, способные привести в порядок мир, доведенный до состояния дикого хаоса,—сегодня друзья рабочего класса познаются по тому признаку—выступают они за или против этих органов.

Эти органы начинают с контроля общественной жизни. Это ясно; прежде, чем рабочий класс познакомился со всем механизмом общественной жизни, со всеми ее запасами, событиями и процессами, он не может браться за тяжелую задачу управления ими. Период контроля нужен не только потому, что буржуазия не выпустит управления хозяйством из рук без борьбы до тех пор, пока она распоряжается политической властью,—а она обладает ныне этой властью в Германии,—но и потому еще, что рабочий класс только тогда созреет для такого рода управления, когда пройдет через стадию этого контроля. Не повсюду он останется на этой ступени развития вплоть до той минуты, пока ему удастся овладеть всей государственной властью. Во многих местностях, где классовые организации достаточно сильны, как, напр., в горном деле, или где сами областные правления или местные правительства вынудят рабочий класс немедленно взять в свои руки управление делами, он не сможет отказаться от этой задачи, хотя не подлежит сомнению, что в одном каком-нибудь отдельном городе или одной отрасли промышленности нельзя осуществить социалистическое хозяйство. Его борьба с трудностями положения, его поражения станут фактором дальнейшего развития. Закаленный в борьбе, наученный опытом поражений, рабочий класс откроет бой по всей линии для того, чтобы превратить рабочие советы в такие органы, где будет сосредоточиваться вся власть в деревне, в городе, на фабрике и заводе, в области и во всем государстве. Этот момент настанет, когда рабочий класс всего государства укрепит свое единство в непрерывной борьбе, когда он повсюду сумеет добиться, чтобы Советы рабочих депутатов, бывшие ничем, стали всем.

Какова должна быть политика Коммунистической партии до наступления этого момента?

Если она поставила себе целью рабочее Советское правительство, то ясно, что она не имеет права стремиться к власти прежде, чем большинство Советов рабочих депутатов не будет на ее стороне. Если бы она достигла власти каким-нибудь путчистским способом, то она повисла бы в воздухе. Старая бюрократия саботировала бы ее, как она уже теперь в Куксгафене и Вильгельмсгафене занимается саботажем коммунистических элементов, увлеченных собственным нетерпением и захвативших власть бунтарским путем. Но даже в том случае, если бы старая бюрократия не саботировала рабочего правительства, она все-таки не могла бы быть органом его господства, ибо для того, чтобы выполнить задачи, стоящие перед социалистическим правительством в городе и деревне, она должна мобилизовать весь рабочий класс. Чтобы получить хлеб, она должна послать сотни тысяч рабочих в деревню, дабы они работали там, одновременно организуя сельский пролетариат и расправляясь с аграриями. Железнодорожники должны по первому ее требованию охотно напрячь все свои силы, чтобы преодолеть транспортные трудности. На фабриках и заводах рабочие должны уяснить себе, что они работают не на капиталиста, а на самих себя, и что, стало быть, необходимо работать усердно, беречь машины и сырье. Если придется голодать, то рабочие должны знать, что это происходит не по вине правительства. Следовательно, без большинства в Советах рабочих депутатов, т.-е. не имея на своей стороне большинства рабочего класса, коммунистам нечего и думать о захвате власти. А если это так, то тактика Коммунистической партии становится вполне ясной.

Она должна прежде всего развить повсюду агитацию, показывающую рабочим, чем являются Советы рабочих депутатов сегодня и чем они должны стать завтра. Повсюду она должна агитировать за роспуск всех Советов, составленных на паритетных началах из представителей партий, а не избранных прямым и равным голосованием рабочими и только рабочими. Конституция Советов должна установить, что избиратели имеют право во всякое время отозвать своего представителя. Политические партии

имеют в них право только совещательного голоса. Там, где такого рода Советы существуют, коммунисты должны подчиняться их постановлениям, даже не будучи с ними согласны. Они обязаны выявлять свою собственную точку зрения с помощью устной и печатной агитации, с помощью демонстраций, должны стараться оказывать влияние на Советы. Они имеют право и обязаны стремиться на фабриках и заводах к тому, чтобы в Совет выбирались только те, кто стоит на коммунистической точке зрения, но после того, как Совет выносит свое постановление о каком-нибудь выступлении, его воля должна быть исполнена. Это может временно заставить более стремительную, наиболее передовую часть рабочего класса сделать шаг назад, наложить на себя узду, но это единственно верный путь, на котором мы можем овладеть массами. Вся наша политическая и экономическая борьба должна сделать Советы центром наших усилий. Если в какой-нибудь местности буржуазия завладела всеми запасами бумаги и лишает, таким образом, коммунистов возможности издавать газеты, то коммунисты должны в своей агитации показать рабочему классу, а, стало быть, и Совету, своей агитацией, что свобода пролетарской печати явится простым обманом, если Совет не принудит местные власти к справедливому распределению бумаги или же не позаботится сам о том, чтобы рабочая печать получила необходимое количество бумаги. Если Коммунистическая партия считает необходимым какое-нибудь выступление,—будь то стачки или политические демонстрации,—то она обязана прежде всего с помощью агитации склонить на свою сторону Совет рабочих депутатов. Только в том случае, если это ей удастся, ее выступление окажется полновесным. Если же Совет будет против него, то оно наперед обречено на неудачу, и надо от него отказаться. Коммунистическая партия является передовым отрядом рабочего класса, но Советы рабочих депутатов являются органами ее борьбы. Только в той мере, в какой мы можем овладеть ими, расширяется поле нашей деятельности, и растут возможности углубить нашу борьбу. Даже если мы, благодаря этому, подвигаемся вперед ме-

дленно, судя по внешности, то мы зато идем тем увереннее, наши действия соответствуют действительному соотношению сил, и нам нечего опасаться, что мы недостаточно скоро добьемся победы, вследствие перевеса отсталой части рабочего класса. Рабочая масса тяжеловесна, но именно благодаря своей массивности, она катится, как лавина, придя однажды в движение.

Не только тактика, но и организация Коммунистической партии должна быть приноровлена к системе Советов рабочих депутатов. Старая социал-демократическая партия служила для выборов и была поэтому организацией избирателей. Коммунистическая партия является организацией рабочих масс для завоевания политической власти. Советы рабочих депутатов—это тот орган, который должен захватить политическую власть, и потому организация Коммунистической партии должна быть построена точно так же, как Советы. Фабричные рабочие, голосующие за коммунистов, образуют ячейки Коммунистической партии. Рабочие данной местности, голосующие за коммунистов при выборах в местный Совет, образуют местную коммунистическую организацию, к которой присоединяются те коммунисты, которые не работают ни в одном из предприятий. Коммунистические члены Советов рабочих депутатов образуют коммунистическую фракцию и действуют в Советах согласно инструкциям своих избирателей. Эта организация выстраивается все выше, вплоть до съезда коммунистических избирателей в Советы рабочих депутатов,—съезда Коммунистической партии. На общем съезде Советов коммунистические депутаты выступают, как слитная фракция, под руководством ЦК Коммунистической партии, выбранного на партийном съезде. Это обеспечивает теснейшую связь между партией и советами; она приобретает твердую почву под ногами и избегает опасности гордого витания в облаках в то время, когда ноги болтаются в воздухе. Но в бурное время, переживаемое нами, борьба увлекает массы, как ураган, и требует от них умения твердо стоять на почве действительности, протягивая, вместе с тем, руки к вершинам политической власти. В такое время, когда сама земля рождает в диких судорогах новые миры, Комму-

нистической партии нечего бояться, что она не сумеет, твердо укоренившись в землю, достать руками путеводные звезды коммунизма, сияющие над пролетариатом.

„Победа Спартака стоит не в начале, а в конце революции: она означает победу широких масс пролетариата". Потому, что это так, мы представляем собой пока только меньшинство пролетариата; потому, что это так, правительство, опирающееся на большинство рабочего класса, отважилось выступить против нас с оружием в руках; потому, что это так, оно смогло безнаказанно умертвить наших вождей. И многие из нас падут еще в борьбе прежде, чем это изменится. Но мы не можем приблизиться к цели, пытаясь перепрыгивать через ямы и обрывы, ибо, только борясь на каждом шагу, только выполняя все требования дня, мы можем продвинуться вперед. Кто советует другое, тот следует только голосу своего сердца, а не разума. Во время революции не приходится жаловаться на медленность развития, оно стремится бешеными шагами вперед, и германский рабочий класс проделал за три месяца революции поистине достаточно длинный путь. Задача Коммунистической партии состоит в том, чтобы страстной, неустанной агитацией и организацией облегчить рабочему классу понимание того пути, который он должен пройти, если даже это—мучительный путь. Она может теоретически опередить рабочий класс, может вынести вперед свое знамя, но не смеет оторваться от рабочего класса, ибо ее шествие через скалы и дикие чащи, через моря крови только тогда приведет к цели, когда у этой цели окажется не она одна, а весь рабочий класс. Слабая сегодня, Коммунистическая партия будет с каждым днем крепнуть. Она завоюет доверие рабочего класса, ибо каждый новый день революции будет показывать рабочему классу, что только она одна, только Коммунистическая партия сумела понять уроки мировой истории, пережитые рабочим классом в течение этих 5-ти бурных лет, пронесшихся над миром. И она придет к цели не одна. На своем пути она услышит приветственные возгласы рабочих других стран, ставших на ту же самую дорогу. Те, кто сегодня только посмеиваются, когда мы утверждаем, что Коммунистическая партия является

предвестником грядущей мировой революции пролетариата, скоро разучатся смеяться. Сознание, что она не одна, что она уже сегодня борется совместно с Российской Коммунистической партией в качестве застрельщика международного рабочего класса, который быть-может завтра же последует за ней, — это сознание преисполнит Коммунистическую партию волей к победе, железной энергией, а вместе с тем и ясной расчетливостью. Дело коммунистической революции не зависит от случайности, от одного какого-нибудь дня, который завтра может безвозвратно улетучиться. Оно порождено такими страданиями мира, которых никто, кроме пролетариата, не может излечить. Уверенными шагами, железной энергией, неусыпной волей, но и твердым самообладанием проложит Коммунистическая партия свой путь. В то бурное время, которое она переживает, ей, несомненно, не удастся выполнить всю организационную и агитационную работу, необходимую для того, чтобы рабочий класс достиг цели с наименьшими потерями. Во многих случаях окажется невозможным преодолеть хаос, созданный разрушающимся капитализмом, многое возникнет и будет развиваться вне организующей воли Коммунистической партии. Но чем яснее коммунисты видят открывающуюся перед ними дорогу, чем решительнее они ее отстраивают даже тогда, когда массам она кажется слишком длинной, а другим, напротив, слишком короткой, тем более будет расти доверие к ним со стороны масс после каждого поражения. Социализм рождается на свет, как дитя, голым и в крови: мир лежит обессиленный, голодая и холодая, и часто только лихорадка подталкивает его к безумствам. Старые боги умерли, единственным регулирующим принципом может быть только самостоятельное сознание пролетарского авангарда, Коммунистической партии. Ей предстоит осуществить необозримую задачу. Она должна охватить всех голодающих и холодающих, всех потерявших веру в старых богов и не видящих перед собой дороги, должна принести им не новую веру, а знание и волю, чтобы они познали свою цель и возымели готовность добраться до нее. На развалинах капитала не сразу расцветает благоденствие, не возводятся одним взмахом гордые дворцы: рабочему классу придется сначала заново

вспахать землю, ему придется на скорую руку сбить свои бараки, ему придется истекать кровью в новых боях, прежде чем его посев даст всходы, прежде чем он выстроит светлые жилища для нового человечества, прежде чем его ружья разгонят волков, мешающих его работе. Мы, коммунисты, хотим быть вождями в этой борьбе и поэтому мы должны зорко следить за своей целью, видеть дорогу, уверенно итти вперед, не уклоняясь ни вправо, ни влево, ни на одну минуту не позволяя отвлекать себя от выбранного пути. Он приведет нас к победе! [1])

---

[1]) Эта брошюра не была напечатана, ибо рукопись была захвачена при моем аресте 12 февраля 1919 г. берлинской полицией.

Развитие германской революции и задачи коммунистической партии.

I. Политическое положение.

От понимания политической ситуации зависит, в первую очередь, решение рабочего класса, должно ли стать изменение ситуации целью политической борьбы, и если да, то в каком направлении? Характеристика политического положения, с точки зрения марксиста, вовсе не заключается в изучении настроений, хотя, конечно, пролетарская тактика требует, чтобы с ними считались очень серьезно, но означает точное изучение социальной сущности господствующих и угнетенных классов, соотношения их сил, как и направления предполагаемых перемен и их движущих сил. Только после этого можно принимать в расчет „настроения", т.-е. уровень сознания собственной силы отдельными действующими факторами, с которыми надо считаться, как с объективно данной обстановкой борьбы. Только при соблюдении этих условий пролетарская партия не станет игрушкой случая.

Начнем с определения соотношения сил господствующих и угнетенных классов. В Германии мы видим диктатуру прежних господствующих классов: юнкерства, промышленного и финансового капитала. Это кажется агитационной фразой, но в самом деле является твердо установленным политическим фактом. На первом плане находятся, в качестве правительства, представители социал-демократии и партии центра. Первая выражает интересы рабочей аристократии, т.-е. той части пролетариата, которая сумела подняться до уровня мелкобуржуазных условий жизни; вторая может быть определена как партия

мелкой буржуазии. Но уже эта характеристика не вполне правильна.

Убежденная в том, что без помощи капитала нельзя достигнуть экономического оздоровления Германии, социал-демократия чрезвычайно считается с интересами руководящих капиталистических кругов: лучше всего это может иллюстрировать принесение в жертву Висселя. Центр обладает сильным юнкерским и крупно-капиталистическим крылом.

Такой состав правительства сам по себе обеспечивает чисто-капиталистическую политику, которая, при обострении противоречий в настоящее время, не может быть не чем иным, как диктатурой, т.-е. осуществлением ни с чем не считающейся политики насилия. Но в действительности в коалиции, поддерживающей правительство или руководящей им, принимают участие все капиталистические слои общества. Демократы, являющиеся представителями значительной части торгового, промышленного и финансового капитала, вышли из состава правительства, чтобы формально снять с себя ответственность, т.-е., чтобы не закрывать себе пути к коалиции с националистической и империалистической частью буржуазии, юнкерства и офицерства. Но они поддерживают правительство, как в парламенте, так и по всей стране. Собственная печать правительства—демократическая. Вопрос о возвращении демократов в правительство является предметом ведущейся сейчас базарной торговли.

Однако, юнкера и представители тяжелой индустрии из немецко-национальной партии, как и та часть представителей тяжелой индустрии, которая объединена в немецкую народную партию, находятся в резкой оппозиции к правительству и готовы сжечь на костре „прохвостов Эрцбергера". Эта парламентская оппозиция, впрочем, не мешает офицерству быть исполнительным органом диктатуры Эрцбергера!

Что это значит?

На словах юнкера находятся в оппозиции к существующему правительству, но на деле они поддерживают его своими кулаками. Для того и для другого есть достаточные основания: они поддерживают правительство своими кулаками потому, что—это правительство капитала против рабочего

класса. Они рычат на это правительство, во-первых, потому, что рассчитывают на возможность непосредственно взять руль правления в свои руки и создать диктатуру, стоящую на службе не капитала вообще, а именно, аграрного капитала; во-вторых, потому, что посредством этой парламентской оппозиции они рассчитывают добиться большего внимания к их личным деловым интересам, чем они могли бы выторговать, принимая непосредственное участие в правительстве. С одной стороны, правительство Эрцбергера чувствует дрожь в ногах при одной только мысли, что юнкера могут схватить его за шиворот, а с другой, театральная оппозиция юнкеров, выступающих в роли парламентских деятелей, при одновременной фактической службе тех же юнкеров в качестве наемников, чрезвычайно удобна. Гомерическая борьба юнкеров против правительства затемняет для масс истинное положение вещей: они не замечают, что старый милитаризм еще жив, что старый ландрат еще крепко держится в седле. Когда юнкера начинают ругаться, когда офицеры размахивают саблями,—массам кричат: „Угрожает контр-революция, демократия в опасности, объединяйтесь вокруг демократического правительства!". Пока что юнкера вовсе не собираются положить конец этой игре. Им известно, что внутреннее и внешнее положение исключает возможность их открытого господства.

Рабочий класс по горло сыт Людендорфом, и открытая попытка со стороны известных представителей милитаризма насильственно захватить власть механически объединит против них массы.

В политических кругах Берлина распространена шутка о том, как в кругу своих друзей Людендорф сказал: „Мне сейчас было бы очень легко прийти к власти, но не приехать, потому что железные дороги отпраздновали бы мое вступление в правительство забастовкой". Si non è vero, è ben trovato.

По выражению Рейнгардта, главаря военщины в Берлине, восстановление монархии сейчас невозможно, ибо этого не допустила бы Антанта, и это доказывает, что военные герои еще не окончательно утратили способность к пониманию международного положения.

Антанта считается с настроением своих собственных рабочих масс, как и с настроением народных масс Центральной Европы. Она вела войну под лозунгом демократии и наказания виновников войны. Поэтому в данный момент она не имеет возможности показать своим массам Габсбургов или Гогенцоллернов. Когда роялист, французский генерал Франше Д'Эпере, поставил во главе контр-революции эрцгерцога, ему пришлось немедленно устранить его, потому что из Парижа была получена телеграмма: „В настоящее время можно проводить контр-революцию с социал-демократом во главе; долой Габсбурга и давайте сюда Гарами!"

Людендорфы понимают это и потому играют в оппозицию, подготовляя позиции, чтобы использовать в своих интересах перемещение центра тяжести в лагерь контр-революции. Но они совсем не торопятся; спешить нет оснований: дело в том, что в Германии господствует юнкерски-капиталистическая контр-революция, и в сравнении с этим фактом трения между отдельными фракциями контр-революционного лагеря имеют совершенно подчиненное значение как для них самих, так и для народных масс.

Контр-революция победила в Германии без боя, как без боя победила раньше революция. В ноябре власть выпала из рук старого правительства, когда на момент оно было обессилено непредвиденным военным поражением. Власть не была вырвана у прежних властителей, она вывалилась у них из рук, когда они удирали. Она валялась на улице и была поднята рабочим классом. Но именно потому, что рабочие не завоевали власти, они не знали, с чего им начать. Несколько недель пролетариат играл в Советы рабочих и солдатских депутатов, передав действительную власть в руки зависимых и так называемых независимых социал-демократов. Сторонники Шейдемана и Гаазе не видели законных наследников власти, и так как они были убеждены, что рабочий класс не в состоянии сам по себе господствовать, то притворились наивными и заставили съезд Советов вынести единодушное постановление о передаче власти учредительному собранию. Так как в то время их, несомненно, поддерживало большинство рабочего класса, то это означало только, что большинство рабочего

класса считало себя неспособным взять власть в свои руки, и вполне понятно, почему: чтобы властвовать, класс должен иметь волю к власти и достаточно силы для этого. И то, и другое может быть приобретено им только в революционной массовой борьбе. В течение войны рабочий класс вел такую борьбу лишь в самых ничтожных размерах, и в ноябре она проявилась только в зародыше. Падение правительства Вильгельма вовсе не было результатом натиска пролетариата, и поэтому, хотя пролетариат извлек из этого факта некоторую выгоду для себя (несколько недель политической свободы, повышение заработной платы), но он не в состоянии был построить собственное правительство. Без борьбы, путем простого голосования съезда Советов, власть вернулась в руки своих прежних обладателей — буржуазии и юнкерства, которым пришлось только переменить фирму. Нынешнее правительство является продолжением правительства принца Макса Баденского, возрожденного в новых условиях после ноябрьского перерыва.

Если революция означает переход власти в руки нового класса, то хотя в течение полутора месяца в Германии и происходила революция, потому что до постановления первого съезда Советов рабочих депутатов от 16 декабря рабочий класс держал власть в своих руках, но он совершенно не использовал этой власти. Вскоре все более широкие круги рабочего класса пришли к сознанию, что необходимо возобновить борьбу.

Растущая дороговизна побудила их требовать повышения заработной платы, на что капитал согласился в первом испуге, но когда страх прошел, он стал оказывать все более упорное сопротивление. Повышение заработной платы, со своей стороны, послужило поводом к повышению цен. Одновременно стала расти безработица, предъявлявшая финансовые требования к обанкротившемуся государству. Падение производительности труда, как следствие усталости и нервного истощения масс, поставило буржуазию и ее социал-демократических приспешников на краю пропасти, куда они свалились бы, если бы не заковали массы в кандалы. Это было основанием, почему шейдемановцы в конце ноября во что бы то ни стало старались разрешить конфликт с

матросами военными средствами, насильственным путем еще до созыва учредительного собрания. Формальной передачи власти из рук рабочего класса в руки буржуазии было недостаточно. Если буржуазное правительство намеревалось возобновить то, что было прервано ноябрем, то буржуазии следовало овладеть рабочим классом там, где он выполнял обе свои социальные функции,—на предприятии. Надо было принудить его к напряженному труду. Только при этом условии могла буржуазия получить из-за границы товары для обмена и кредит для уплаты контрибуции победоносному капиталу Антанты. Это могло быть достигнуто только на основе аккумуляции капитала.

Необходимо было таким образом выработать способы принуждения, чтобы заставить пролетариат работать. Старая армия развалилась в результате поражения. Следовательно, было необходимо создать наемное войско. Только с его помощью возможно было найти поддержку в будущей борьбе, которая должна была вестись экономическими средствами изоляции и истощения голодом.

Период после декабря стал периодом восстановления капиталистических средств принуждения в Германии. Наемное войско Носке, восстановление социального аппарата, выработка конституции шли рука-об-руку с устранением последних остатков революционной интермедии: в первую очередь была произведена расправа с Советами рабочих и солдатских депутатов; хотя они были весной совершенно невинными, по существу, учреждениями, но представляли, тем не менее, огромную опасность, как опорные пункты грядущей революции, которую стремились задушить вернувшиеся к власти прежние господа положения.

Самый процесс восстановления старого капиталистического правительства шел рука-об-руку с процессом пробуждения революционных сил. Если в ноябре рабочий класс не знал, что ему делать с властью, выпавшей из рук Гогенцоллернов, то теперь он начал понимать, что означает власть, если она передана буржуазии. Когда капиталисты подняли голову в предприятиях, когда начались уличные столкновения, проле-

тариату казалось, что власть так же легко вернуть, как и потерять. Январский мятеж, несомненно, имел характер путча, попытки взять буржуазию на испуг. Оправдание—не народных масс, не нуждающихся в оправдании, ибо в начале революции у них не бывает ясного сознания,—а вождей, вроде Ледебура и Либкнехта, заключается в том, что власть буржуазии казалась чрезвычайно слабой, и был соблазн произвести на нее простой налет. Необходимо установить совершенно отчетливое понимание проблемы социальной революции, заключающейся в создании нового пролетарского государственного аппарата одновременно с крушением старого капиталистического, чтобы отказаться от всех попыток захвата политической власти, прежде чем большинство пролетариата начнет стремиться к этому вполне сознательно. В то время такого понимания еще не могло быть у рабочего класса, и даже вожди коммунистического течения только в самом незначительном своем меньшинстве заранее имели ясное представление об этой проблеме, хотя она была изложена в хорошо отшлифованной декабрьской программе союза „Спартак". Поэтому в январские дни борьба против путчистской идеологии так слабо проявлялась в коммунистической печати; между тем как после январского опыта этот взгляд был разработан в агитации с полной ясностью.

Но если достаточно было поражения, чтобы заставить партию пролетариата, Коммунистическую партию, сделать путеводной звездой своей тактики учение о том, что диктатура пролетариата невозможна без страстной железной воли большинства пролетариата, поддерживающего ее, то понадобился целый ряд кровавых уроков, чтобы сам пролетариат или, по крайней мере, его передовые группы поняли вред местных вспышек, разрозненной вооруженной борьбы против усиливающегося капиталистического могущества. Понадобились опыт Бремена, мартовские беспорядки в Берлине, мюнхенская катастрофа, чтобы положить конец путчистским настроениям в передовых слоях пролетариата.

Поведение коммунистических групп в Гамбурге и Хемнице во время последних голодных беспорядков показывает, что если и невозможно удержать пробуждающиеся народные

массы от подобных столкновений, то сознательная часть рабочего класса все же поняла уроки последних месяцев: эта часть мужественно и энергично старается удержать массы от бесполезного расточения своих сил. Если в январе предостережения благоразумной части рабочего класса не имели успеха, если в феврале товарища Книфа, лежавшего тогда на смертном одре, бременские коммунисты считали чуть ли не отступником, когда он предостерегал против провозглашения Советской республики в Бремене, если роль т. Левине, как сдерживающего начала, была чрезвычайно трудна, то теперь гамбургская и хемницкая коммунистические организации сумели проявить необходимую твердость, удерживая народные массы, чтобы они не бросились на пулеметы Носке.

При таком положении вещей, когда вся Коммунистическая партия стала достаточно сильной, духовно и организационно, стихийные, неорганизованные выступления, как ни много жертв могут они стоить, становятся этапами объединения масс в растущую революционную силу.

Если в январе поражение сопровождалось отступлением, потому что партия, не игравшая в январские дни роли сдерживающей силы, почти не умела использовать уроки январских боев, то теперь в массах растет доверие к коммунистической партии, так как выяснилось, до какой степени она была права, предостерегая массы от бесполезной траты сил. Период местных путчей с января по июль был началом революционных боев за власть. Одновременно с этим имела место первая стихийная мобилизация горнозаводского и железнодорожного пролетариата и обнаружились первые признаки пробуждения сельского пролетариата и трудовой интеллигенции, двух слоев рабочего класса, стоящих на самом низком уровне политического развития.

Поскольку все это имело место, восстановленная власть буржуазии не могла утвердиться просто, как владычество капитала; она должна была возникнуть, как насильственное владычество, как диктатура капитализма против растущей пролетарской революции.

Повидимому, сейчас наступило временное изнеможение

сил. Рабочие в Берлине покорно терпят насильственные меры Носке против Исполнительного Комитета: верхнесилезское восстание пролетариата потерпело поражение при полном молчании пролетариата других городов. Но, несмотря на это, правительству прекрасно известно, что ему угрожают большие опасности, и, как некогда версальцы умоляли Бисмарка поскорей вернуть им взятую в плен французскую армию для подавления Парижской Коммуны, точно так же теперь Носке вымаливает у Антанты разрешение не сокращать числа своих наемников, ибо зимой предстоит горячий сезон его ремесла, как мясника.

Для застращивания буржуазия имеет достаточные основания. Германия лишена сырья, и надежда получить его в ближайшее время из-за границы очень незначительна. Почти все так-называемое „национальное достояние" заложено Антанте, у нее нет ценностей, под которые можно было бы заключить долгосрочный заем с Америкой. Разрушение денежной системы приводит к тому, что каждый товар, получаемый из-за границы, стоит втридорога. Психологическая революция, совершающаяся в рабочем классе Германии, находит свое выражение в нежелании работать на капиталиста и еще более усиливает затруднения с кредитом.

Но даже совершенно независимо от всего этого с каждым днем все более обнаруживается, что в англо-саксонских странах распад капитализма зашел гораздо дальше, чем до сих пор думали мы, коммунисты. Стачечная волна в Англии и Америке, падение производительности труда в этих странах и рост цен показывают, что вывозная способность этих стран в ближайшее время упадет: вывоз угля из Англии уже ослабел, а Соединенные Штаты сообщают, что они смогут предоставить в распоряжение Европы только половину обещанного хлеба.

Чем дальше зайдет социальный распад стран Антанты,— а с его ростом считаются все хорошо осведомленные круги этих стран,—тем меньше надежд у капиталистической Германии возродить свое хозяйство при помощи иностранных собратьев по классу. Для масс это означает растущую безработицу, голод и холод, при чем никто уже не сможет доказать им, как это было в начале войны, что ви-

новат в этом „враг", а не капиталистическая дезорганизация вообще. Контрабанда, доставляемая из занятых областей, и снятие блокады на момент облегчили тяготеющее на массах бремя. Кусочек шоколада, апельсин, фунт масла, которого рабочие не видали по целым годам, несомненно, на короткое время смягчили напряжение в Германии, тем более, что в самой стране подпольные торговцы понизили все цены, уверенные, что в скором времени товары хлынут волной. Скоро это пройдет. Цены начнут подниматься, как они поднимаются в Париже, Лондоне и Нью-Йорке после того, как иссякли запасы военного времени, а новых запасов неоткуда было взять. В том же направлении будет действовать принудительная экономическая политика в различных отраслях промышленности и торговли.

Мы уверены, однако, что коммунистическая партия имеет все основания считать исходным моментом своей политики растущую революционную волну и ее расширение до объема мировой революции.

Из сознания этого факта вытекает для партии обязанность непреклонно настаивать на своих революционных целях, на разрушении капиталистического общества, на завоевании политической власти путем вооруженной революционной борьбы и на ее организации в форме диктатуры пролетариата через посредство Советской власти. Всякая попытка извратить Советы, приспособляя их к длительному господству буржуазии, как это делают независимые, требующие установления зависимости от правительства будто бы беспочвенных Советов, является признаком оппортунизма.

Если мы, на основании объективных данных, утверждаем, что упрочение власти буржуазии в течение длительного срока невозможно, то это не означает, будто единственно возможным исходом мы считаем близкую победу. Для нас не подлежит ни малейшему сомнению, что буржуазия не в состоянии будет надолго

обеспечить свое господство; поэтому мы отклоняем оппортунистическое приспособление к периоду затишья. Но в высшей степени вероятно, что вооруженная борьба революции за пролетарскую диктатуру потребует много времени. Отсюда вытекает необходимость решить возникающие, таким образом, вопросы экономической и политической борьбы. Изучение механизма этой борьбы само по себе разрешит все наши спорные тактические вопросы.

II. Различие в темпе развития русской и германской революций.

Борьба за захват политической власти продолжалась в России восемь месяцев. В Германии мы ведем борьбу уже в течение года, и если все признаки нас не обманывают, то она потребует еще довольно длительного срока. Русские коммунисты всегда предвидели затяжной характер революции на Западе, когда им приходилось говорить русским рабочим о проблемах западно-европейской революции. „Победа досталась нам легко, но закрепить ее было страшно тяжело,—неоднократно заявлял т. Ленин.—Нашим западно-европейским товарищам будет трудней захватить политическую власть, но легче использовать ее для целей пролетарского строительства".

В „Известиях", центральном органе русских Советов, этот вопрос подвергался обсуждению в майских номерах 1918 г. В результате пришли к следующему: „Русская буржуазия была классом, экономически немногочисленным, плохо организованным и не имеющим глубоких корней в народных массах. Русские помещики были феодальным паразитическим классом, не игравшим никакой роли в производстве. В крестьянских массах жажда помещичьей земли перевешивала психологию капиталистического товаропроизводителя и собственника и это побуждало крестьян содействовать победе пролетариата. Земельный голод и жажда мира сделали крестьян союзниками пролетариата, между тем как буржуазия, связанная с помещиками ипотечными банками,

старалась оказать им поддержку. Русский рабочий класс был заранее настроен революционно. Родившийся не только в цепях капитализма, но и в рабстве царизма, он был так подавлен, что капитал совершенно не нуждался по отношению к нему в политике: „разделяй и властвуй". Ему не надо было привлекать путем уступок часть пролетариата на свою сторону, чтобы расколоть рабочий класс на самодовольную рабочую аристократию, не желающую вести борьбу за власть, и угнетенные, закованные в цепи массы рабов, неспособные вести борьбу. При содействии царизма он мог господствовать над всем рабочим классом, а следовательно, и над обеспеченным слоем рабочих, на которых могли опираться шейдемановцы, Ренодель и Гендерсон, но в России он был так слаб, что меньшевикам больше пришлось искать поддержки среди рабочей массы мелких городов, не веривших, благодаря своей немногочисленности, в диктатуру пролетариата, чем среди обеспеченных рабочих, которых в России было ничтожное количество. Вследствие этого, большевики с такой быстротой сумели завоевать весь рабочий класс, к которому присоединилось и крестьянство. В Германии, Англии и Америке рабочая аристократия гораздо многочисленней и сильней и поэтому предательская социал-демократия пустила в пролетариате более глубокие корни. Крестьянство составляет капиталистически-мелкобуржуазную массу с преобладающими собственническими интересами. Обогащенная войной, она может покупать землю у помещиков, которые больше пострадали от недостатка сельскохозяйственных рабочих. В Европе пробуждение сельскохозяйственного пролетариата будет происходить очень медленно. Если в России крестьяне являются союзниками пролетариата в борьбе за власть, то в Европе они составляют огромную запасную армию буржуазии в ее борьбе за сохранение власти. Что же касается буржуазии, великолепно организованной трестами и синдикатами, то она, благодаря акциям, тесно связана с широкими массами мещанства и в состоянии будет оказать больше сопротивления, чем в России, в частности, благодаря своей печати, господствующей среди мелкой буржуазии. Победа пролетар-

ской революции обеспечена в старых капиталистических странах тем фактом, что пролетариат составляет большинство населения. Однако, захват пролетариатом власти в Западной Европе возможен только в том случае, если экономические последствия войны начнут угрожать подрывом обеспеченного положения высших слоев пролетариата, если они отнимут у рабочей аристократии ее экономические преимущества и таким образом подрежут корни социал-демократической политики. Считаясь с отрицательными свойствами крестьян, как союзников, считаясь с изолированным положением пролетариата, все-таки партия будет упорно вести тяжелую борьбу за власть, не пытаясь свергнуть буржуазию мгновенным ударом, но путем разрушения промышленности в длительной борьбе на местах, в расчете на экономическое истощение.

Эти выводы, сделанные еще в апреле 1918 г., до сих пор сохранили свое общее значение для определения значения различия темпа и форм социальной революции в России и Западной Европе. Для Германии их можно дополнить учетом конкретных условий германской революции, картина которой для нас сейчас совершенно ясна. В России война за мир длилась восемь месяцев, привела пролетариат в боевую готовность к выступлению против буржуазии и сплотила вокруг него массы мелкой буржуазии; в Германии, наоборот, исходным моментом революции является именно капитуляция буржуазии, ее отказ от продолжения войны. Революция произошла уже после того, как война закончилась. Буржуазии, наоборот, пришлось в течение целых месяцев уговаривать пролетариат, будто ее господство обеспечивает хлеб и мир, между тем как победа „Спартака" приведет к тому, что Антанта возобновит военные действия. Более того: когда господа Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон показали немецкому пролетариату, какой „мир" они предложили Шейдеману и Эрцбергеру, в рабочем классе все еще продолжает теплиться надежда на сырье и кредит, которые предоставит Антанта, чтобы возродить германское народное хозяйство.

Вкратце мы указали, как повлиял на пролетариат захват власти без борьбы. Под впечатлением вздорожания и хо-

зяйственной разрухи, грозящих германской рабочей аристократии нищетой, свита Шейдемана, как мы видим, начала таять, но окончательно все еще не исчезла. Деморализация пролетариата социал-демократической идеологией была слишком значительна, чтобы она могла исчезнуть окончательно. Благодаря этому, контр-революционное правительство выиграло время, чтобы разоружить пролетариат, чтобы создать гвардию Носке и образовать из крестьян вооруженную домовую охрану. Вооруженная борьба против правительства, во всяком случае, в данный момент—безнадежна.

Процесс хозяйственной катастрофы совершается значительно медленней. Его успех обеспечен. Буржуазия становится все более неспособной накормить пролетариат, приводя его к такому истощению, что он уже не будет в состоянии работать с достаточной напряженностью. Безработица, растущая вместе с хозяйственной разрухой, взорвет на воздух германский капитализм. В России безработных могла поглотить деревня, при чем надо считаться еще с тем фактом, что 35% пролетариата имеют хоть клочок земли в деревне. В Германии перед безработными стоит выбор: битва на жизнь и на смерть, или смерть. В этой борьбе массы сливаются в сплоченную фалангу, но никому неизвестно, через сколько времени частичные бои вырастут до размеров всеобщего боя, когда отдельные стихийные столкновения сольются в один огромный пожар, который поглотит в себе Носке с его всадниками в стальных шлемах.

К этому присоединяется еще один важный фактор. В России, когда разразилась революция, существовала партия большевиков с пятнадцатилетней революционной традицией и кадром организаторов, умевших считаться с опытом массовых революционных боев 1905—1907 г.г., закаленных тюрьмой и ссылкой. Когда в Германии разразилась революция, там было только теоретическое направление, лишенное партии, духа и тела. Но, что еще хуже, масса создала свою партию в период мирной

парламентской и профессиональной борьбы, считая революционной ту партию, которая на самом деле была органом контр-революционного стеснения действий пролетариата. В России молодые профессиональные союзы были органами революционной массовой борьбы, между тем как в Германии они оказались молом, о который разбились волны революции.

Девять десятых политических и профессиональных вождей, вышедших из рабочего класса, служили целям одурачивания и порабощения масс. Уже в самом процессе революционной борьбы пришлось пролетариату Германии создать свою партию, найти вождей, проложить пути. Этот процесс задерживался тем, что между революционной и контр-революционной партиями пролетариата находился широкий слой колеблющихся элементов,— независимые социалисты, наследники старой революционной фразы социал-демократии, которые, сами оставаясь бездеятельными, в состоянии были направить на ложный путь и загнать в трясину каждую революционную ситуацию своими половинчатыми лозунгами и половинчатыми истинами, и в течение сравнительно долгого времени они сбивали пролетариат с правильного пути своими революционными фразами.

Следовательно, хотя текущий момент в Германии имеет очень революционный характер, т.-е. хотя классовые противоречия непрерывно обостряются, доходя до абсолютной непримиримости, но приходится считаться с затяжным характером революционного кризиса, разрешение которого замедляется, несмотря на многочисленные и значительные революционные столкновения. Развитие политических событий в окружающем мире, события во Франции, Италии и Англии могли бы ускорить кризис. Но было бы совершенно ошибочно с нашей стороны поставить задачей своей политики немедленную победу над врагом. Возможно, что нам придется побеждать его путем осады в позиционной войне.

Какие выводы надо сделать из этого для выяснения методов нашей борьбы?

III. Политические задачи коммунистической партии.

Перед коммунистической партией во время революции стоит двойственная задача: она должна помогать массам понять то, что есть, и, сделав это, помочь им вести борьбу за цели революции, содействуя тем самым выработке того, чего требует жизнь, чего требует форма общественных отношений. В течение всей революции эти две задачи переплетаются между собой. Нельзя отделить период агитации от периода выступлений, во-первых, потому, что агитация является лучшей формой просвещения, а всякая просветительная деятельность имеет целью выступления, и, во-вторых, потому, что каждое выступление выдвигает новые вопросы, в разъяснении которых нуждаются массы. Но в зависимости от степени развития коммунистического сознания в массах, в соответствии с действительным положением вещей, преобладающим моментом является или вопрос об агитации, подготовляющей выступление, или руководство выступлением. Время, прошедшее от ноября до начала осени 1919 года, в силу необходимости должно было быть посвящено объяснению массам сущности социальной революции, ее форм и целей. Соответственно своему характеру, этот период распадается на две части: время от ноября до январского восстания и от январского восстания до конца лета; в эти два периода наша агитация имела различный характер. До январских битв главной задачей было изживание сладостного опьянения, демократически-реформистских иллюзий рабочих масс. Необходимо было показать им, что крушение монархической системы имеет наименьшее значение, что буржуазная демократия является только новой формой господства буржуазии; необходимо было заставить массы понять немыслимость какого бы то ни было осуществления социализма без завоевания политической власти и ее закрепления диктатурой пролетариата; надо было сначала путем агитации убедить их в том, что буржуазный парламентаризм ни в коем слу-

чае не может быть органом проведения социализма в жизнь по той простой причине, что его можно осуществить не при помощи двух сотен его сторонников, но путем самодеятельности миллионов пролетариев, а эта работа может быть выполнена только в рамках самых разнообразных Советов рабочих депутатов.

Пропаганда этих идей, разумеется, не могла проходить в форме болтовни о „советской системе". Должны были проводиться кампании, резко противопоставляющие передовые отряды рабочего класса большинству пролетариата, тому большинству, которое, под влиянием своих иллюзий, поддерживало буржуазную предательскую политику социал-демократии. Где шло дело о том, чтобы в пламенном порыве срывать с предателей маски, о том, чтобы бросать в массы великие лозунги, разумеется, невозможно было с равной силой убедительности изображать перед ними соотношение сил в данный момент и доказывать невозможность быстрой победы.

Агитация в ноябрьский период имела своим следствием образование самостоятельной коммунистической партии, а вместе с тем в известной части рабочего класса проявилось самое крайнее ожесточение против ноябрьских иллюзий, пробудилось стремление к революционной борьбе, при чем дело дошло до больших стихийных выступлений в начале 1919 г., и только тогда, несмотря на ожесточенность этого натиска на контр-революционное правительство, откровенно обнажившее свою сущность, массы пришли к ясному пониманию действительного соотношения сил. И мы видим, что возбуждающая партийная агитация дополнилась углубленной пропагандой, объяснявшей, как долог путь борьбы, какие препятствия еще придется преодолеть, при чем об этом откровенно говорилось даже в партийной агитации.

Партия должна удерживать массы от путчей, ставить границы проявлениям их активности, но вместе с тем при каждом выступлении должна думать о том, чтобы оно не перешло намеченных границ. Еще в настоящее время это самоограничение остается необходимым, и поэтому в данном случае приходится подробней осветить единственный метод, недостаточно хорошо усвоенный всей партией,

тот единственный метод, посредством которого мы одновременно повышаем боеспособность пролетариата и концентрируем новые силы.

Коммунистическая партия является передовым отрядом пролетариата, его самой сознательной и смелой частью. Но передовой отряд сам по себе не в состоянии победить. Если он слишком отрывается от основной массы пролетариата, его ждет верное поражение. Это вовсе не означает, что он должен отказаться от борьбы до тех пор, пока последний рабочий не уйдет от шейдемановцев. Он только не может победить до тех пор, пока большинство пролетариата в государстве не будет готово к захвату власти в свои руки. Но он может перейти к большим выступлениям пролетариата, к демонстрациям, к массовым стачкам в том случае, если большинство пролетариата готово к таким выступлениям, которые чрезвычайно остро и живо затрагивают интересы пролетариата, хотя бы он еще не сознавал необходимости захвата власти в свои руки. Готовность к таким выступлениям должна быть создана агитацией по предприятиям. Почвой, на которой она может укрепиться и воплотиться в твердых решениях, являются Советы рабочих депутатов. Если удается убедить в необходимости выступления большинство местного Совета, то оно имеет шансы на успех и даже в случае поражения может предохранить коммунистическую часть рабочих от изолированности и ее последствий. Одной из важнейших задач нашей партии является длительная борьба за утверждение в Советах этого стремления большинства пролетариата.

С ноября по декабрь, когда большинство рабочих главных центров находилось во власти иллюзий, когда коммунисты составляли меньшинство, они вынуждены были резко обособиться, чтобы выявить перед рабочими свое настоящее лицо. Во многих местах это привело к выходу из Советов и к сепаратным выступлениям, оправдываемым тем, что большинство рабочих было против всякой революционной борьбы. В других местностях в Советах рабочих депутатов

отсутствовали организованные коммунистические фракции. Со времени январских выступлений мы видим, как коммунисты объединились в Советах в особые фракции, как они решительно противопоставляют свою позицию всем остальным фракциям, как часто им удается сплотить вокруг себя большинство рабочих для решительных действий. Это происходит не только под влиянием нашей агитации, но в гораздо большей степени благодаря опыту, объединяющему весь пролетариат в таком „демократическом государстве", где демократические учреждения существуют только на бумаге, а в действительности господствует белый террор. Именно потому, что массы становятся все более радикальными, мы имеем возможность, — если в данный момент массы не могут последовать за нами, — переждать и отказаться от массовых сепаратных выступлений. Это может дорого обойтись, но это необходимо: не имея за собой большинства пролетариата, мы не в состоянии перейти к массовым выступлениям, у нас нет иного выбора, как только отказаться от них. Там, где существует Совет рабочих депутатов, регулярно и на демократических основаниях избираемый рабочими данного предприятия и способный отражать перемены в их настроениях, благодаря праву отзыва депутатов, там мы должны установить следующее твердое правило нашей тактики: по крайней мере во время массовых пролетарских стачек мы отказываемся от всяких сепаратных выступлений. На заводах и фабриках и в заседаниях Советов рабочих депутатов мы самым энергичным образом должны защищать свою точку зрения, выступать в защиту таких выступлений, которые мы считаем необходимыми, клеймить врагов, подталкивать колеблющихся, но если большинство рабочих, находящихся в состоянии сильного революционного брожения, еще не хочет следовать за нами, то мы должны отказываться от выступлений, потому что они должны совершаться только от имени Советов.

До сих пор, как сказано, этот взгляд проводился в жизнь не всегда и не везде и наталкивается на значительное противодействие, как это было за время с марта по август, когда коммунисты, разбитые в открытых боях, инстинктивно

поняли необходимость своего подчинения постановлениям Советов рабочих депутатов. Основанием для этого являются два факта: во многих местах в настоящее время Советы влачат призрачное существование, а в других — они перестали быть постоянным и общим представительством рабочего класса.

Первый факт обусловлен тем, что, хотя идея Советов охватила широкие массы пролетариата, но коммунистическая партия еще не научилась использовывать Советы, как исходные моменты своей политики; второй факт находит свое выражение в том, что они являются большой опасностью для социал-демократии большинства, опасностью, которой нельзя устранить путем бегства из Советов. Имеются совершенно очевидные причины, почему коммунистическая партия не сумела поставить Советы в центре своей борьбы и таким образом вдохнуть в них новую жизнь, вследствие чего, например, в Берлине господство в них захвачено левыми независимыми Деймигом и Мюллером, принявшими на себя руководство Советами, (куда они вели Советы, — об этом в следующей главе). С тех пор, как коммунистическая партия достигла в Советах известной численности, она стала вполне или наполовину нелегальной партией. Не вошедшие в Совет руководящие силы партии лишены возможности выступать открыто. Агитация ведется посредством прокламаций. Напротив того, независимые монополизировали легальность. Какое значение имеет работа в Советах, показывает взрыв изнутри берлинского исполкома, совершенный социалистами большинства. Они решились на это благодаря тому, что принадлежащие им Советы, несмотря на фракционные очки, не могли освободиться от впечатления нападок на правительство. По многим вопросам они голосовали против правительства, и если в данный момент это не повлекло за собой никаких последствий, если они не вышли из состава партии, то все же пришли в состояние разложения и не могли оказать идейного сопротивления агитации коммунистов и независимых социалистов в мастерских. Таким образом, Советы проложили путь к объединению пролетариата против правительства. Дело не в том, что Советам свой-

ственна внутренняя объединяющая сила, как утверждают разного рода мистики, склонные партию заменить Советами, а в том, что Советы являются почвой, на которой встречаются рабочие, принадлежащие к разным партиям, вынужденные устанавливать свою точку зрения по отношению к весьма недвусмысленным фактам правительственной политики. Какой-нибудь Штампфер тысячу раз может доказывать в „Форвертсе", что неистовства гвардии Носке против бастующих рабочих необходимы в интересах самого пролетариата, но ему не удастся настолько одурманить рабочего, читающего „Форвертс" у себя дома, чтобы он не знал, как ему поступать, ибо, когда в Совете рабочих депутатов приходится голосовать за или против проекта осадного положения, то каждый рабочий, примыкающий к социалистам „большинства", будет голосовать против. Проблемой революции является сплочение пролетариата против буржуазии и ее социал-демократических прихвостней. Она не может быть достигнута искусственным путем компромиссов и болтовни об единении сил, но осуществится шаг за шагом в результате ударов в спину, обрушивающихся на весь пролетариат. Работа в Советах—могущественный фактор объединения пролетариата. Поэтому коммунистическая партия должна гораздо энергичней, чем до сих пор, поставить работу в Советах в центре своей политической деятельности. На фабриках и заводах она должна с величайшей энергией выступать против попыток срыва Советов социалистами большинства, она должна побуждать рабочих не позволять саботажникам выступать от имени предприятий и выбирать новых представителей, стоящих на платформе объединенных Советов рабочих депутатов. Это удастся только в том случае, если Советы, несмотря ни на какие трудности, действительно определят свое отношение ко всем вопросам общественной жизни, но не будут стараться избегать преследований, притворяясь совершенно безобидными учреждениями. Однако, занять позицию, это значит действительно осветить вопросы и найти ясную, определяющую самое существо дела формулировку требований партии. Политика коммунистических

фракций в Советах должна самым тщательным образом подготовляться Центральным Комитетом, который обязан давать материал для выступлений молодым представителям партии.

Как ни важна наша работа в Советах, имеющих значение представительства интересов всей рабочей массы, было бы глубочайшей ошибкой, если бы мы заявили, что должно существовать только одно и единственное представительное учреждение, где мы развернем знамя коммунизма. К сожалению, в партии замечается тенденция объявить бойкот общегосударственных, областных и общинных представительств партийным принципом коммунизма. Такую же тенденцию проявляет и левое крыло независимых. Хотя она имеет значение, как показатель разочарования революционных масс в буржуазном парламентаризме, как признак растущей революционной уверенности масс, но, несмотря на это, принципиальное решение коммунистической партии бойкотировать парламентские представительные учреждения было бы очень вредно, а при известных обстоятельствах и опасно. Требование отказа от парламентской деятельности обосновывается принципиальными и тактическими доводами. Не парламенты, а диктатура Советов является почвой, на которой возможно проведение в жизнь коммунизма, а отсюда делается вывод, будто мы должны принципиально бойкотировать парламенты. Первое утверждение правильно, но вывод из него совершенно ложен. Представительство всех классов вовсе не является орудием, годным для проведения в жизнь коммунизма, так как даже при наличности в парламенте социалистического большинства каждое социалистическое мероприятие будет до бесконечности затягиваться капиталистическим меньшинством, ибо—и это еще более значительный довод—осуществление социализма требует совместного труда рабочих представителей и специалистов, а не защиты рабочих представителей; но из всего этого следует только один вывод—пролетариат после своей победы, после захвата политической власти, должен закрепить свою победу посредством диктатуры Сове-

тов. Однако, из того факта, что только Советы имеют для нас значение орудия осуществления социализма, ни в коем случае не следует, будто они являются единственным орудием нашей борьбы, направленной на завоевание политической власти. Существует большое различие между ролью Советов после завоевания политической власти пролетариатом и их ролью в стадии борьбы за власть. Это вытекает уже из того факта, что после завоевания власти Советы получат возможность командовать и распоряжаться, так как именно они будут органами этой власти, между тем как до победы они остаются объектом политического насилия со стороны правительственных органов капитализма. В какой мере вообще в настоящее время Советы в состоянии вести борьбу против правительства, зависит не от нас, но от контр-революционной политики правительства. Бауэр и Носке на каждом шагу стараются урезать влияние Советов, и не исключена возможность, что они сделают попытку вообще уничтожить их. Надолго им это не удастся, ибо они не в состоянии „запретить" революцию. Удар, нанесенный Советам, если нам удастся сделать их центром сплочения революционной энергии пролетариата, вызовет могущественное пр-отиводей ствие со стороны пролетариата, перед которым привмо женцы Носке вынуждены будут отступить. Но, во-первых, было бы совершенно бессмысленно утверждать, будто пролетариат уже готов для такого отпора. Как ни глубоко пустили Советы корни в массах, однако, никто не имеет права утверждать, будто ныне существующие Советы настолько дороги пролетариату, что он поставит на карту все, лишь бы защитить их. Но даже если бы так случилось, то кто решится утверждать, что выступление на защиту Советов будет иметь успех? На несколько месяцев контр-революции удастся разрушить революционные организации пролетариата и отнять у него печать. Но чем более заостряются противоречия, тем вероятней становится, что контр-революция решится играть ва-банк. В настоящее время возможно, что пролетариат решится на борьбу, даже не имея

ни организаций, ни печати, ибо революционными организациями являются сами фабрики и заводы, которых не может „запретить“ никакой Носке. Но железное доверие к способности пролетариата управлять все-таки не должно привести к тому, чтобы его представители затрудняли его победу, чтобы они отказывались от мало-мальски подходящего средства борьбы. Во время революции может иметь место такое положение, когда решающее значение будет принадлежать возможности собрать представителей пролетариата из разных местностей в один центр, откуда они могли бы обратиться к пролетариату с лозунгами с высоты трибуны, которая видна всем. Даже кратчайший срок, в течение которого представители пролетариата имеют свободу передвижения и пользуются неприкосновенностью личности, может иметь чрезвычайно важное значение. Но споткнется ли буржуазия о такую соломинку, если борьба ведется со взаимным ожесточением? В решительный момент,—конечно, нет, и судьба германской революции не зависит от неприкосновенности двух-трех коммунистических представителей. Но во время борьбы не следует отказываться даже от мелочей, от которых может зависеть успех. В 1914—1916 г.г. мы начали бы борьбу даже в том случае, если бы не произошло выступления Либкнехта в парламенте, но нельзя забывать о том, какую услугу он оказал нам при помощи самого жалкого средства, при помощи своего единственного парламентского мандата, прежде чем буржуазия решила отнять у него возможность использовать это средство. „Партия, начавшая борьбу за диктатуру пролетариата, не может одновременно с этим поддерживать систему парламентаризма, становясь на его почву и приобщаясь к парламентской деятельности“,— так заявляют в своей резолюции наши гамбургские товарищи. Это правильно. Кто ведет борьбу за диктатуру пролетариата, не должен поддерживать капиталистическую „демократию“, становясь на ее почву. Но совершаем ли мы это, предостерегая во время возможной выборной кампании рабочих от какого бы то ни было доверия парламенту и в то же время призывая выбирать коммунистов, парламентская деятельность которых будет заключаться имен-

но в том, что они с парламентской трибуны будут срывать маски с капиталистической „демократии"? Осмелится ли кто-нибудь утверждать, что если бы Роза Люксембург и Карл Либкнехт явились в Веймар, то они обратились бы с трибуны учредительного собрания с призывом к массам: „Мы добиваемся братского единения всего мира!"

Так же обстоит дело со вторым тактическим аргументом наших гамбургских друзей: „Партия, которая, решившись на борьбу за диктатуру пролетариата, снова обращается к парламентской деятельности, тем самым отказывается от борьбы за диктатуру. Она объявляет пролетарскую революцию законченной или отложенной и становится на почву существующего в данный момент соотношения реальных сил". Мы уже возразили на аргумент об „отказе". Утверждение, будто отказ от участия в выборах означает отказ от революции или ее откладывание, звучит комически. Если мы говорим рабочим, что участие в выборах необходимо потому, что враг еще силен, что он повсюду теснит нас и что поэтому мы вынуждены искать встречи с ним в парламенте и там вести борьбу, то этим самым мы говорим массам, что революция только начинается, но вовсе не считаем ее законченной.

А отложить революцию невозможно, ибо это вовсе не дискуссия и не игра в карты. Что же касается упрека, будто мы становимся на почву существующего в данный момент соотношения реальных сил, то это имеет значение довода именно в пользу участия в выборах. Нет ничего опасней для революционера, как и вообще для всякого политического деятеля, если он сходит с почвы реального соотношения сил данного момента. Кто ударяется головой о трамвай, реально проезжающий мимо в данный момент, тот пробивает дыру не в нем, но в своей собственной голове, что вредно для его здоровья, даже если это случится с самым выдержанным коммунистом.

Вопрос о том, какими средствами пользуемся мы в нашей борьбе, есть вопрос именно оценки взаимоотношения реальных сил данного момента.

Мы подчеркиваем слово „момент". Революция означает быструю смену декораций. Соотношение сил, ввиду катастрофического положения хозяйства, может изменяться очень быстро. Хотя по уже указанным основаниям мы склонны считать социальный кризис затяжным, но все же было бы ошибкой считать это единственной данной возможностью и заранее решительно заявлять, что мы примем участие на ближайших выборах в рейхстаг. Это было бы обязательно в том случае, если бы была исключена возможность более быстрого хода событий. Но так как никто не может предугадать хода событий, то принятие тактических решений надо откладывать до того времени, когда они становятся настойчиво необходимыми. Для партии отказываться от свободного выбора решения, прежде чем созрело время для него, было бы непростительной ошибкой.

Мы приходим к концу наших рассуждений о ближайших политических задачах коммунистической партии. Читатель, представляющий себе коммунизм, как дикую романтику в громах и молниях, будет очень разочарован. Но делать гром и молнию вовсе не является задачей партии, если только она не состоит из колдунов Калхантов с трещотками и барабанами. Буря рождается только стихиями. Партийные задачи проще, скромней: управлять во время бури лодкой, чтобы она не разбилась на утесах, и высоко держать знамя, указывающее путь. Но политические средства и возможности, которые коммунистическая партия предлагает массам, ограничены не только этой, по самому своему существу скромной ролью, какую играет партия в период, предшествующий решительному бою.

Надо, кроме того, принять еще во внимание своеобразный характер германской революции, как революции пролетарской, как составной части только развертывающейся мировой революции международного пролетариата. Пролетарский Прометей скован цепями экономической эксплоатации. Решительный бой предстоит не в парламенте, не в Совете рабочих депутатов, а там, где пот рабочего превра-

щается в золото,—на фабрике и заводе, в области экономических отношений. Именно здесь возникают самые запутанные вопросы коммунистической тактики, к обсуждению которых мы сейчас перейдем.

IV. Профессиональные союзы, коммунистическая партия и крушение капитализма.

Левые радикалы уже задолго до войны высказывались за массовую революционную борьбу, и хотя их агитация отражала в себе обостряющиеся экономические противоречия, но она совершенно не имела успеха. Теперь мы вступили в великую, постоянно возобновляющуюся массовую борьбу, и, как и буржуазия, сознаем, что находимся в революционном периоде. Каким же образом возникла пролетарская революция, в потоке которой мы сейчас стоим?

Перед войной мы призывали рабочий класс к массовой революционной борьбе, указывая на то обстоятельство, что растущая концентрация и трестирование капитала непрерывно ухудшают условия изолированной борьбы отдельных профессиональных союзов, что усиливающаяся дороговизна сводит на-нет успехи профессиональной борьбы, что сплочение буржуазии в парламенте является следствием ее экономического объединения под руководством финансового капитала и влечет за собой образование парламентского блока, противодействующего какому бы то ни было социально-политическому прогрессу, что издержки империалистического соревнования в вооружении пожирают без остатка суммы, которые можно было бы употребить на социальные реформы. Наша агитация основывалась на понимании экономических тенденций, под влиянием которых даже в Англии, в стране „социального мира", началось революционизирование рабочих масс. Даже если бы не случилось войны, обострение классовых противоречий неизбежно привело бы к социальной революции. Но в таком случае эти тенденции развивались бы очень медленно и еще долго проникали бы в сознание рабочего класса, а, во-вторых, буржуазия находилась в расцвете своих сил и обессиливала пролетариат внешней видимостью своей непобедимости, подрывая в нем веру в

возможность победы и, следовательно, убивая желание вести борьбу.

И вот разразилась четырехлетняя война со всеми ее экономическими последствиями. Необходимость производства на войну и недостаток сырья чудовищно ускорили процесс капиталистической концентрации. Этот процесс восторжествовал даже в Англии, „где по историческим сложившимся условиям трестирование и картелирование промышленности развивалось гораздо слабее". Теперь повсюду рабочему классу противостоит настолько концентрированный капитал, что в случае, если капитализм преодолеет современный социальный кризис, изолированная профессиональная борьба станет совершенно невозможной. Недостаток рабочих рук,—пролетарская кровь так же понадобилась для войны, как и пролетарский пот,—непрерывное вздорожание всех жизненных припасов не только в блокированной Германии привели во время войны к повышению заработной платы. Но вздорожание отдельных товаров изживается медленно, между тем как цены на другие товары растут и будут расти, как только вернутся „защитники отечества" и превратятся в рабочий скот. Начнется борьба между рабочими и работницами, за время войны принятыми на фабрики и заводы, между здоровыми и полукалеками. Если немедленно после войны начнется экономический подъем, то безработные будут поглощены промышленностью. Однако, хотя опустошенный мир буквально вопит о товарах, но надежды на промышленный подъем в скором времени чрезвычайно ничтожны. Сырых материалов нехватает не только в Восточной и Центральной Европе, в таком же положении находится и Западная Европа. Независимо от того, что американские запасы сырья слишком переоцениваются,—за четыре года они уже давно расстреляны в воздух, — Европе нехватает средств для их закупки. Побежденные страны вынуждены были безвозмездно уплатить сотни миллиардов; чем же они могут оплачивать заокеанское сырье? Если побежденным странам придется отдать в виде возмещения свое собственное сырье и полуфабрикаты, то они перестанут служить рынком, поглощающим товары победо-

носных стран. Изголодавшиеся, истощенные, поредевшие за время войны народные массы страдают „postwaritis", по выражению английской печати, упадком трудоспособности: падение производительности труда является международным фактом. Благодаря этому растет вздорожание. Вследствие проклятых военных выпусков, все государства наводнены бумажными деньгами, усиливающими дороговизну. В разных странах это наводнение бумажными деньгами достигло различного уровня, соотношение денежных ценностей в отдельных государствах до такой степени разнообразно, что потерян базис правильного международного товарообмена. При таких условиях имущие классы всех стран только в том случае смогут освободиться от военных долгов,—ведь, не станут же они конфисковать свое собственное имущество,—если они обрекут пролетариат на десятилетия рабского труда. В то время, как эти последствия войны ставят буржуазию перед вопросом об удлинении рабочего дня, превращая труд, благодаря системе выжимания пота и применению утонченнейших методов, в каторжную работу и понижая заработную плату,—пролетариат отчасти отвык от труда за время войны, отчасти истощились его силы, но в нем невероятно выросло сознание собственной классовой мощи. В течение четырех лет судьба важнейших государств находилась в его руках, зависела от степени напряженности его усилий во время работы на заводе и в окопах. В сумерках войны пролетариат разучился бояться. В Восточной и Западной Европе ему пришлось видеть, как твердыни капитализма рушились, подобно карточным домикам. Во Франции, Англии и Америке пролетариат видит, как владыки дрожат перед призраком большевизма, т.-е. пролетарского восстания. В то время как капитал, если только он не хочет отречься от своего господства, вынужден накладывать на пролетариат ярмо настоящей барщины, чтобы заставить его отстраивать заново мир для своих эксплоататоров, пролетариат всего мира верит, что настал час, когда он имеет право потребовать человеческих условий жизни в награду за четыре

года выплаты налога крови и пота. Повсюду вздымаются волны забастовок, понижаясь сегодня, чтобы завтра бушевать с еще большим ожесточением.

Объективно весь капиталистический мир находится в состоянии распада; он уже не в состоянии досыта накормить своих рабов, а они требуют от этого воплощения бесчеловечности человеческих условий существования. В Германии и немецкой Австрии положение в тысячу раз хуже; массы предъявляют своей буржуазии счета к уплате, но в то же время победоносная буржуазия Антанты предъявляет ей еще более тяжелые счета. Германская буржуазия вынуждена вдвойне эксплоатировать более всего истощенный, но, благодаря крушению Гогенцоллернской и Габсбургской монархий, „обнаглевший" пролетариат и в свою пользу, и в пользу буржуазии Антанты.

Такое положение является причиной непрерывного усиления борьбы пролетариата. Вокруг чего ведется эта борьба? Передовые отряды пролетариата поняли, что дело идет не об улучшении положения при капитализме, а о превращении капиталистического общественного строя в социалистический. Отсталые слои пролетариата, разумеется, не имеют никакого ясного представления об этих вопросах. Они не знают, что мир обеднел, благодаря войне, до последнего предела, когда самые скромные условия существования могут быть обеспечены только путем превращения хаотической хозяйственной системы, платящей дань капиталистам, в трудовое хозяйство, при котором придется напряженно работать даже при отсутствии тунеядцев. Отсталые рабочие массы, подхлестываемые дороговизной и растущим сознанием собственной мощи, выдвигают требования, которых капитализм совершенно не в состоянии удовлетворить, и ведут за них ожесточенную борьбу. Социал-демократы уверены, что им удастся сорвать эту борьбу или уменьшить ее значение, утверждая, будто так действуют несознательные массы, раньше не имевшие организаций или даже принадлежавшие к „желтым". Оторванные от масс социал-демократы не понимают, что этим они только подтверждают, как глубоки источники

революции. Даже те массы, которые до сих пор были неорганизованы и несознательны, и, благодаря своей слабости, выполняли роль желтой гвардии капитала, теперь, пробужденные громовыми раскатами войны и ее следствиями, требуют уплаты по счету за все свои страдания, за десятилетия эксплоатации и унижения. Чем больше эта эксплоатация, чем глубже было унижение, тем ожесточенней протест этих масс, тем стремительней их натиск. Они наталкиваются на заявление буржуазии: „non possumus", на ее заявление, что она не в состоянии удовлетворить в этой массе родившуюся потребность человеческих условий жизни, и заявляет: „В таком случае долой!" Как должна коммунистическая партия вмешаться в стихийный поток восстания пролетариата? Нам не приходится тратить много слов по поводу воплей Легина, Бауэра и Каутского о труде и производстве. Труд и производство „вообще" существуют только в их воображении. Они требуют труда во имя капитала, а называют это спасением общества. Если бы можно было ужасами голода и безработицы заставить пролетариат возродить хозяйство, чтобы затем „социализировать" его, то на целые десятилетия он превратился бы в рабов капитализма, того самого капитализма, который только после четырех лет борьбы показал, что он не в состоянии обеспечить ему даже спокойной жизни рабочего скота.

Всеми фибрами своей души коммунистическая партия готова поддержать пролетарское восстание против капиталистического хозяйства, она считает преступлением против пролетариата всякую пропаганду в пользу производства „вообще", а всякую пропаганду и агитацию непрерывной борьбы против капиталистической барщины само собой разумеющейся обязанностью. Все трудности, какие несет с собой для пролетариата процесс ниспровержения капиталистического каторжного хозяйства, не могут сравниться с десятилетиями прозябания под ярмом возрожденного и укрепившегося капитала. Если бы из страха голода и нищеты пролетариат склонился перед капиталистическим игом, то это означало бы, что миллионы павших пролетариев по-

гибли бесполезно. И все-таки пролетариат не спасет себя таким образом от страданий, ибо победоносный капитализм навьючит на него всю тяжесть восстановления капитализма, не говоря уже о том, что в будущем не избежать новой тяжелой борьбы за социализм и снова придется вернуться на ее тернистый путь.

Первая задача коммунистической партии заключается, следовательно, в агитации, которая должна внести сознательность в слепое стремление масс к коммунизму, ясное понимание сущности помрачения капиталистических божков, внедрить в его умы ясное понимание процесса социалистической революции. Понимание этого процесса дает вместе с тем ответ на вопрос о способах этой гигантской борьбы, на вопрос о формах ее организации. Правильный путь можно найти только путем изучения тенденций самой массовой борьбы, а не фокусническими попытками изобрести „самую лучшую форму".

Профессиональные союзы возникли вместе с капитализмом, как организации пролетариата для экономической борьбы. До нынешнего дня, до эпохи социальной революции, начавшейся вместе с войной, эта борьба велась за улучшение положения рабочего класса в рамках капиталистического общества. Подобно тому, как фабрикант или купец искали лучших условий для продажи своих товаров, так точно рабочие через посредство профессиональных союзов старались создать лучшие условия для продажи единственного товара, которым они обладали,—их рабочей силы. Профессиональные союзы достигали лучших условий продажи рабочей силы, как товара, путем регулирования предложения этого товара. Они содействовали переброске рабочих, уменьшая количество товара рабочей силы в тех местах, где он имелся в избытке и где, следовательно, понижалась его рыночная стоимость, т.-е. заработная плата, а посредством поддержки безработных, помогая рабочим пережить тяжелое время, они как бы отправляли товар на склады, чтобы цены не падали вследствие понижения спроса; посредством коллективных договоров они старались выравнивать, стабилизовать заработную плату. Повышая культурный уровень рабочих, они стремились повысить издержки производства

товара и, следовательно, его рыночную цену; наконец, путем стачек, во время которых рабочие в состоянии были просуществовать без работы за счет накопленных взносов, выплачиваемых в форме помощи безработным, они хотели сломить сопротивление капитала. Таким образом в капиталистическом обществе профессиональным союзам приходилось играть чисто-реформистскую роль; они не могли перешагнуть через поставленные перед ними объективные границы даже в том случае, если субъективно, как это делали синдикалистские профессиональные союзы, ставили своей целью разрушение капиталистического общества. Так как это было невозможно, то, несмотря на свои громкие фразы, синдикалистские союзы практически вели ту же самую работу, как и либеральные социал - демократические союзы в Германии. В разных странах идеология профессиональных союзов находилась в соответствии с умственной средой рабочего класса, но повсюду различное знамя развевалось над одним и тем же товаром.

Старые методы профессиональных союзов частью были недостаточны, частью неприменимы в настоящее время. Согласно подсчету Гувера, председателя американской комиссии снабжения Антанты продовольствием, сейчас имеется пятнадцать миллионов безработных в Западной и Средней Европе („Times“ от 13 августа). Какие кассы профессиональных союзов способны смягчить эту нужду? Хотя они стоят на краю финансового банкротства, но капиталистические государства вынуждены принять на себя заботу о пропитании этих масс, чтобы удержать их от действий, продиктованных отчаянием. Разумеется, капиталисты стоят за коллективные договоры, ибо сейчас дело идет о том, чтобы удержать рабочие массы от „диких“ стачек, от постоянно новых требований, но разве могут тарифные договоры выполнить свою прежнюю задачу, обеспечить устойчивость заработной платы, если исключена какая бы то ни было возможность калькуляции вследствие скачков товарных цен и стоимости денег во всем мировом хозяйстве? Руководители профессиональных союзов могут сколько им угодно негодовать, что рабочие массы нарушают заключенные ими тарифные договоры. Нет в мире такой силы, которая

была бы в состоянии удержать рабочих от нарушения священного тарифа, если за две-три недели цены поднимаются так, как не поднимались они раньше за целые годы. Долгосрочные тарифные договоры утратили всякий смысл. Постоянно вспыхивают новые гигантские стачки. До сих пор искусство профессиональной борьбы заключалось в том, чтобы по возможности избегать нескольких больших стачек одновременно и не опустошать сразу союзные кассы. Выработалась механика проведения стачек, не менее сложная, чем расчеты генерального штаба при переброске армий во время войны. Но есть ли такие правления профессиональных союзов, которые в состоянии были бы при современном социальном землетрясении высчитать, какие рабочие отряды должны вступить в ряды сражающихся? Какие правления в состоянии продиктовать этим пробудившимся массам законы их движения? Какие профессиональные союзы при современной стоимости жизни в состоянии победить за счет пролетарских касс? Рабочие голодают и стараются добиться оплаты забастовочных дней. Они вступают в борьбу, когда вынуждены к этому, а не когда им приказывает руководитель профессионального союза. Жалобы руководителей союзов на „дикие" стачки только доказывают, что эти вожди рабочих утратили всякое представление о том, что час пробил. Они доказывают рабочим невозможность удовлетворить их требования и не замечают, что этим самым они доказывают невозможность капитализма.

Условия, в которых до сих пор протекала профессиональная борьба, исчезли; их цель—улучшить положение рабочего класса в рамках капитализма—превратилась в утопию. Или порабощение пролетариата, или борьба за социализм,—вот в чем смысл положения.

Но не стали ли профессиональные союзы лишними при таком изменении условий экономической борьбы пролетариата? Не обречены ли они тем самым на исчезновение? Вожди профессиональных союзов отвечают на этот вопрос требованием, чтобы революция провалилась ко всем чертям, ибо в противном случае она разрушит их привычную,

систематическую, спокойную работу по улучшению положения пролетариата в рамках капитализма. Но революция и не думает исчезнуть. Наоборот, только сейчас она начинает итти своей железной поступью.

Поэтому некоторые революционеры от имени оскорбленной революции в свою очередь требуют, чтобы профессиональные союзы провалились к чорту, и проклинают эти контр-революционные организации. И что же! Пробужденные революцией массы сплоченными фалангами вступают в профессиональные союзы, проклинаемые их вождями. Около четырех миллионов новых членов профессиональных союзов с ноября,—таков ответ масс на вопрос о необходимости профсоюзов. И ни один революционер не должен обойти это без внимания.

Однако, некоторые коммунисты, готовые под давлением фактов признать рост профессиональных союзов во время революции, стараются по крайней мере закрыть глаза на смысл этих фактов, отказываются извлечь из них уроки. Профессиональные союзы, по их словам, необходимы, но вожди профессиональных союзов — предатели, сбивающие массы с правильного пути и удерживающие их от борьбы. Следовательно, надо создать новые профессиональные союзы, опирающиеся на предприятия, а не на профессии, такие союзы, которые будут вести революционную борьбу. Всякая надежда на изменение современных профессиональных союзов с их контр-революционными руководителями является иллюзией, потому что руководство союзами находится в руках централизованной бюрократии с контр-революционным настроением, которая теперь к тому же находит поддержку в государственном аппарате. Следовательно, вон из профессиональных союзов, и да здравствуют индустриальные союзы! Таков лозунг гамбургских товарищей, привлекших на свою сторону некоторое число членов нашей партии.

Другая группа ответственных партийных товарищей отказывается от выхода из профессиональных союзов, что привело бы к рассеянию одной части масс и к полному предоставлению другой части в жертву контр-революционных руководителей союзов. Эта группа стоит за лозунг рас-

кола профессиональных союзов и за объединение отколовшихся местных организаций или их составных частей в рабочие союзы типа индустриальных союзов (опирающихся на предприятия) или в цеховые союзы.

Рассмотрим оба лозунга. Общей их основой является убеждение в том, что профессиональные союзы не играли никакой роли в революции, что до настоящего времени они служили целям улучшения положения рабочих в рамках капитализма, а теперь должны стать органами борьбы, имеющей своей целью разрушение капитализма. Эта предпосылка совершенно правильна. Если верно, что шесть миллионов пролетариев, организованных в настоящее время в союзы, должны вести революционную борьбу, то их объединение означает объединение для революции. Профессиональные союзы должны будут изменить свои функции. Этому противятся контр-революционные руководители союзов. Коммунисты не верят в способность старых вождей изменить свои взгляды, и вполне правы. Руководители союзов пытаются продолжать традицию старой профессиональной борьбы в рамках капитализма, при чем эти союзы стали его защитниками. Отсюда следует только одно: надо устранить старых вождей от руководства и приспособить союзы к новым функциям. Это не будет иметь успеха,—говорит часть товарищей,—это отъявленные негодяи, забаррикадировавшиеся государственным уставом, утвержденным государственной властью, и одурачивающие массы. Массы, которые, по глубокому убеждению наших товарищей, не позволят буржуазному миру одурачить себя и будут вести борьбу за социализм на жизнь и на смерть, ибо вынуждены вести эту борьбу, массы, которых не могут сдержать ни отряды Носке, ни новоиспеченная конституция веймарского театра, обречены на то, что часть прихвостней капиталистического мира будет их дурачить до окончания этого мира. Достаточно сопоставить это коммунистическое убеждение о неудержимости нашего победного шествия с убеждением в непобедимости Легина и Бауэра, чтобы увидеть, как плохо обосновано по крайней мере одно из этих убеждений.

Сознавая, что тот, кто верит в возможность победы над капиталистическим миром, должен верить и в победу над теми, кто поддерживает его, другая часть коммунистов заявляет: да, можно вытеснить вождей профессиональных союзов, но борьба с ними затянулась бы слишком надолго. Революция уже сейчас требует ведения профессиональной борьбы. Следовательно, необходимо путем раскола вывести из профессиональных союзов часть масс, следующую за нами, и создать новые союзы, вокруг которых произойдет процесс объединения этой борьбы по предприятиям или по профессиям (относительно этого мнения расходятся). Такое понимание существующих недостатков отражает в себе признание того факта, что борьба против традиций старого профессионального движения и ее руководителей будет стоить страшно много сил, и желание избежать такого расточения сил. В данном случае мы сталкиваемся с революционным нетерпением, которое доводит до путчизма в области экономической борьбы, после того как горькие опыты неудач вытравил из рядов нашей партии такой же политический путчизм. Сущность путчизма заключается в том, что он хочет срывать незрелые плоды. В политической области он стремится к завоеванию политической власти, прежде чем вокруг нас сплотятся достаточно обширные массы пролетариата. Здесь, в области профессиональной борьбы он назначает срок революции и заявляет, что у него нет времени ждать осуществления предпосылок революции, боевой готовности широких масс. Он хочет создать новые профессиональные союзы, которые сумеют ускорить выработку боевой готовности. Разумеется, это не удается. Революция не может притти скорей, чем она может притти, и, насколько я знаю, нет такой медицинской книги, которая сумела бы определить срок беременности капиталистического общества. Короче говоря, результатом поспешности может оказаться только профессиональный выкидыш. И это по следующим основаниям: рабочие массы миллионным потоком вливаются в профессиональные союзы совсем не потому, что над местными отделениями имеется вывеска—

„Профессиональный союз", а потому, что они хотят примкнуть к уже существующим большим организациям, считая их боевыми организациями. Они отвергнут того, кто явится к ним с лозунгом раскола, потому что в этом увидят попытку лишить цель смысла, во имя которой они вступают в профессиональные союзы,—цель объединения. Лозунг выхода из союзов или раскола увлечет только рабочих, уже примкнувших к коммунистам, и у нас окажутся обособленные коммунистические профессиональные организации, т.-е. второе издание наших политических организаций. Организации небольших передовых отрядов революции могут служить для целей агитации, но не могут стать объединяющими центрами. Экономическая организация, не опирающаяся на широкие массы,—бессмыслица, и потому лозунг раскола профессиональной борьбы так же реакционен, как он был революционен в политике, начиная с 1919 года. Дело шло о том, чтобы расколоть германскую социал-демократию с целью развязать руки для революционной борьбы затерянным в ней революционным элементам. Несмотря на все коварные уловки Легина и К⁰, классовая борьба кипит сейчас в области экономических отношений; она уже переходит в гражданскую войну. Поэтому необходимо объединять, а не раскалывать силы, идущие на приступ капитализма.

Как добиться этого? Без всяких лозунгов раскола, без всякого намерения произвести раскол, надо вести борьбу в местных профессиональных союзах за насущно необходимые экономические выступления! Чиновники, руководящие профессиональными союзами и противодействующие выступлениям, на которых настаивают массы, тем самым демонстрирующие перед массами контр-революционный характер старого руководительства, должны быть вышвырнуты за дверь! Не обращайте внимания на запреты центральных контр-революционных правлений, если дело идет о таких выступлениях, которые вы признаете своими! Если центральное правление прибегнет, как к последнему средству, к исключению местных организаций, то необходимо принять руководство ими на собственную ответственность и вступать в связь с другими организациями, которые постигла та же участь, но

следует публично бороться против исключения перед лицом целого союза. Таким образом массы увидят, что дело идет не о занесенных извне политических противоречиях, а о борьбе за выполнение намеченных задач, во имя которых они вступили в профессиональный союз, и вследствие того, что раскол будет внесен правлением союза, оно окажется изолированным от самой активной массы, между тем как раскол, совершенный нами, изолировал бы нас. Благодаря этой упорной борьбе, в профессиональные союзы проникнет новый дух, соответствующий новым задачам, выработаются новые профессиональные вожди и начнется революционная экономическая борьба. В этой борьбе выработаются новые организационные группировки, но насколько в процессе этой борьбы профессиональные союзы из организаций по профессиям превратятся в организации по предприятиям, это может выясниться только из практики.

Исходящая из Гамбурга агитация за индустриальные союзы является доктринерской попыткой перенесения в Германию „Industrial Workers of the Wold". Она забывает, что главной причиной, вследствие которой эти организации приняли в Америке форму организаций по предприятиям, является тот факт, что при сохранявшемся доныне контрреволюционном характере английских рабочих в Америке, организованных в Federation of Labour, они объединяли только рабочих чужеземного происхождения, неквалифицированных и плохо оплачиваемых. Поскольку в Германии существуют резкие различия в оплате труда рабочих разных профессий, занятых в одном и том же предприятии, будет очень трудно внезапно заставить рабочих отказаться от обособленных цеховых интересов и организовать их в союзы по предприятиям. Как показывает русский опыт, даже после завоевания власти рабочие не сразу откажутся от своих групповых интересов. Чтобы оказать противодействие дроблению по профессиям и содействовать объединению рабочих по предприятиям для общей борьбы, профессиональные союзы сумеют найти соответствующие формы, если только они будут проникнуты духом революционной борьбы. Но

это дело не может взять на себя политическая партия. Партия должна стать революционной душой профессиональных союзов, благодаря своей теоретической проницательности и программе, но она не обладает способностью за столом заседаний диктовать формы профессионального движения, чрезвычайно сложного и зависящего от конкретных условий экономической борьбы.

В этой агитации за индустриальные союзы, в том виде, как она проявилась в коммунистической партии, находит свое выражение наряду с влиянием I. W. W. чувство, будто дело идет об изобретении организации, которая, непосредственно опираясь на массы, объединенные капитализмом в предприятиях, становится могучим средством борьбы не только против капитализма, но и за социализм. Это чувство живее всего в передовых частях пролетариата, понимающих, что сейчас ведется борьба за социализм, и озирающихся в поисках органов такой борьбы. Таковы корни идеи фабрично-заводских советов, борющейся за свое оформление в массах.

V. Фабрично-заводские советы и борьба за социализм.

Разбирая вопрос о планах создания фабрично-заводских советов, исходящий от берлинского исполнительного комитета и выработанный независимыми социалистами Деймигом и Мюллером, бременский „Коммунист" приходит к следующему отрицательному выводу: „Разрушение капитализма в области экономических отношений, а не какая бы то ни было хозяйственно-организаторская созидательная деятельность,—такова цель коммунистической партии". Если в этих словах должна быть выражена мысль, что во время борьбы за политическую власть невозможно до победы создать готовую организацию экономической жизни, соответствующую интересам рабочего класса, как нельзя закрепить ее законодательным путем в контр-революционной конституции и с разрешения контр-революционного правительства, что заметно проявляется в стремлениях и программе сторонников Деймига, накладывая на них печать неопрудонистских тен-

денций;—если в этих словах должна быть выражена мысль, что вообще никакого нельзя выдумать раз навсегда установленного плана организации хозяйственных советов, что этот план должен вырабатываться и в процессе борьбы,—в таком случае бременский „Коммунист“ был бы прав. Но он говорит нечто большее, он сводит революцию просто к землетрясению, разрушающему здание капитализма, при чем новое строительство должно начаться только впоследствии. Это—грубое, механическое понимание пролетарской революции.

Пролетарская революция является одновременно и разрушительным, и созидательным процессом. Рабочий класс вообще не может довести до конца дело разрушения капитализма, не пытаясь одновременно заложить фундамент новой жизни. Но разрушение происходит не ради удовольствия разрушения, потому что оно влечет неисчислимые страдания для пролетариата. Разрушительная сила революции является способом самозащиты против безумия капитализма, на высоте своего развития уничтожающего миллиарды ценностей и миллионы человеческих жизней среди богатств, создающего голод среди разрушенного мира и умоляющего о работе безработицу, и который теперь хочет превратить в рабов миллионы вернувшихся с войны людей, которых он там беспощадно заставлял рисковать жизнью. Разрушительная сила революции заключается в возмущении рабочего класса против капитализма, повсюду несущего разрушение, следовательно, в борьбе за возрождение тех стихий, которые при капиталистической системе из благословения стали проклятием. Рабочий класс старается сбросить ярмо капитализма, но лучшие элементы понимают, что без дисциплины они погибли бы среди полной анархии. Поэтому они стараются создать новый порядок, добровольный строй, чтобы выработать органы такой дисциплины. Но это не может произойти сразу, а только после образования нового строя. Поэтому в борьбе против индивидуалистических тенденций, против стремления отдельного рабочего полагаться только на свою собственную силу, нельзя упускать ни одного дня. В то же самое время, когда рабочие отнимают у капиталиста право декретировать порядок труда на фабрике или заводе, где они берут в свои руки право ста-

вить на работу или увольнять товарищей, они создают на предприятии зародыши нового строя. Чтобы сломить их, капитал прибегает к саботажу производства. Он старается создать безработицу, чтобы распять рабочих или принудить их при помощи государственной власти уважать капиталистический порядок. Но рабочие не доверяют капиталисту, когда он заявляет, что приходится закрыть фабрику из-за недостатка в сырых материалах и средствах. Они приступают к выяснению положения фабрики или завода, его запасов и т. д., они стараются обеспечить себя от безработицы. И опять-таки разрушение старого порядка означает начало нового. Рабочие стараются помочь себе в рамках данной фабрики. Но вскоре они замечают, что это не удается. Им необходимо получить полуфабрикаты с других предприятий, уголь со складов. Фабрично заводской совет становится высшим органом порядка, стихийно возникающим на известной ступени борьбы против капитализма, сначала устанавливающим контроль над промышленностью, затем ведущим борьбу против капиталистического саботажа и переходящим к руководству промышленностью. А так как каждая фабрика тысячью связей объединена с экономической жизнью данной местности, округа, всего государства, то рабочие должны, когда борьба за сокращение рабочего дня и за повышение заработной платы превращается в борьбу за контроль над промышленностью и за руководство ею, переходить от совета в отдельном предприятии к образованию целой сети фабрично-заводских советов. План организации советов народного хозяйства превращается из академической отвлеченной теории в необходимость, он вырастает в процессе самой борьбы, укрепляется и развивается. Наш бременский орган советует пролетариату заклеймить, как противодействие со стороны шутов и контрреволюционеров, то, что в действительности оказывается попыткой внести порядок в хаос. (Пусть Деймиг успокоится: это сказано от чистого сердца).

Вопрос о фабрично-заводских советах—самый актуальный вопрос. Это доказывается тем, что контр-революция с са-

мого начала пытается противопоставить их растущей волне закон о фабрично-заводских советах. Этот закон, внесенный правительством в учредительное собрание, имеет своей задачей видимостью согласия отнять у рабочих возможность контроля над промышленностью. Он предоставляет пролетариату право принимать участие в обсуждении порядка труда. Не говоря уже о том, что окончательное разрешение возникающих при этом разногласий предоставляется согласительным комиссиям, где буржуазии обеспечено большинство, но, кроме того, руководство производством всецело передается в руки капиталиста. Хотя обещан в дальнейшем новый закон, который должен регулировать представительство фабрично-заводских советов в совете надзора на предприятии, но это не больше, как обман. Если все пойдет гладко, то закон о фабрично-заводских советах будет готов зимой. Закон об участии представителей фабрично-заводского совета в надзоре появится еще позже. За это время надеются покончить с революцией, после чего можно будет благосклонно заслушать протест капиталистов против допущения рабочих в советы надзора. Но независимо от всех этих уловок, совет надзора вовсе не является решающей инстанцией в руководстве производством. Он собирается очень редко и служит скорей средством обмана акционеров, чем действительного контроля дирекции. Если пролетариат действительно хочет добиться доступа к делам предприятия, если он действительно хочет осуществить контроль, то его представители должны по-настоящему выполнять функции контроля и производить контроль ежедневно. Только в этом случае они узнают, как расточают капиталисты общественные производительные силы, как они жертвуют общими интересами в угоду своей личной прибыли, только таким образом рабочие сумеют сделать попытку противопоставить общие интересы частно-капиталистическим. Поэтому борьба против правительственного закона о фабрично-заводских советах, если его в ближайшие же месяцы не упразднят стихийные выступления, станет предметом великой борьбы, которая начнется в предприятиях и

затем объединит рабочих во всем государстве для могучего экономического и политического выступления, чтобы перенести вопрос о социализировании на почву революционной борьбы. Вопрос о переходе средств производства в руки всего общества является вместе с тем вопросом завоевания политической власти пролетариатом. До тех пор, пока у власти стоит буржуазия, не может быть никакого социализма, и то, что называют социализированием, на самом деле является огосударствлением. Если бы капиталистическое государство держалось достаточно крепко, то этого рода „социализирование" только укрепило бы его еще более. Но оно трещит по всем швам, оно вынуждено заняться вопросами огосударствления не только из фискальных соображений, но и потому, что среди пролетариата все более растет нежелание трудиться на частного предпринимателя.

Чтобы приохотить рабочих к труду на государственный капитализм, его переименовывают в „социализирование". Но рабочие кладут конец этой игре, заявляя: „Без нашего участия в руководстве предприятиями не может быть и речи о социализировании, а возможно только бюрократически руководимое государственно-капиталистическое предприятие. Даже при условии рабочего контроля буржуазия продолжает получать прибыль, пока она держит государственную власть в своих руках. Но несмотря на это, в течение некоторого времени, пока мы не завоюем власти, мы удовольствуемся участием в управлении, чтобы приобрести познания, необходимые нам для позднейшего самостоятельного руководства, разумеется при участии специалистов. Завоевание контроля над промышленностью через посредство фабрично-заводских советов,—это единственный предварительный шаг, который может сделать рабочий класс, чтобы впоследствии превратить средства производства в общественную собственность. Пока не созрел момент для захвата политической власти, борьба за контроль над производством через посредство фабрично-заводских советов является основным вопросом. Поэтому было бы ошибкой со стороны пролетариата,

если бы он спокойно позволил навязать себе обманчивый правительственный закон о фабрично-заводских советах, чтобы затем, считаясь с влиянием рабочих на отдельных предприятиях, принять всерьез игру правительства и разбить рамки закона. Необходимо добиться упразднения закона и организовать революционную сеть фабрично-заводских советов, права которых будут завоеваны в процессе борьбы. План строительства, предложенный Деймигом, может послужить прекрасной основой, на почве которой представители революционного рабочего класса быстро сумеют прийти к соглашению по частным пунктам, чтобы именно с этого начать борьбу. Дело идет о великой агитационной кампании, которая выяснит рабочему классу, к чему стремится правительство со своим законом и какие цели преследуем мы с нашими революционными фабрично-заводскими советами. Необходимо отказаться от участия в выборах в правительственные фабрично-заводские советы и произвести революционным путем выборы фабрично-заводских советов, несмотря ни на какие препятствия, выдвигаемые на этом пути правительством. Дело идет о том, чтобы начать деятельность в промышленных группах и фабрично-заводских советах. Эту борьбу необходимо вести с величайшей энергией. Если эта задача объединит вокруг себя революционные элементы масс, то осенью этого года мы сумеем начать великое политическое наступление против правительства. Вопрос идет не о том, чтобы „сделать" революцию. Вопрос о том, чтсбы нам самим примкнуть к могучим тенденциям революции, возникающим из самых жизненных интересов рабочего класса, сделать эти интересы основой борьбы и в данный момент сконцентрировать на них всю энергию пролетариата. Всякая частичная борьба против безработицы, против недостатка угля, квартирной нужды и транспортной разрухи может вылиться в могучую борьбу, ибо без рабочего контроля совершенно немыслима какая бы то ни было попытка смягчения надвигающейся нужды В зависимости от того, насколько нам удастся сконцентрировать внимание и энер-

гию пролетариата на этом вопросе, находится степень остроты и размеры борьбы,—ограничится ли она кампанией агитации и демонстраций или выльется в борьбу за власть. Отклик, который найдет в массах наша агитация, будет показателем достигнутой пролетариатом степени зрелости. Этот масштаб должен стать основой всех наших дальнейших попыток. Независимо от того, окажется ли значительным или ничтожным уровень зрелости рабочих масс, их способности к такому организованному выступлению, наша работа все равно будет иметь плодотворнейшие последствия. Даже в этом случае, если нам не удастся довести эту борьбу до размеров борьбы за власть и создать централизованную систему фабрично-заводских советов, нам по крайней мере удастся в процессе борьбы выяснить массам, чего мы практически добиваемся на ближайшее время. Таким образом удастся внести в революционные ряды больше организованного единства, без чего организованная государственная власть легко может нанести нам поражение. Если затем нас принудят отказаться от фронтовой атаки, мы будем в состоянии гораздо успешней вести борьбу за практическое видоизменение и разрушение того закона о фабрично-заводских советах, который быть может будет нам навязан силой, ибо массы будут знать, к каким уступкам можно принудить капиталистов на отдельной фабрике или заводе в течение дальнейшей борьбы. Коммунистическая партия не останется изолированной в борьбе за революционные фабрично-заводские советы и по крайней мере левые независимые пойдут за нею. Поэтому, в виду нашего фактического союза с ними, необходимо без обычного партийного лицемерия, с полной откровенностью высказаться о нашем отношении к ним.

VI. Собирание пролетариата.

Рабочий класс образует в Германии сплоченное большинство населения. Если бы он обладал единой революционной волей, он уже победил бы, потому что держит в своих руках центры промышленной жизни нации и связывающие их

линии. Он мог бы приобрести значительное влияние на сельскохозяйственный пролетариат, чтобы с его помощью сломить сопротивление зажиточных крестьян и юнкеров, привлечь на свою сторону симпатии мелкой буржуазии, оказывая ей экономическую поддержку, и таким образом приобрести господствующее положение, в качестве представителя интересов трудового народа всей Германии. Созданное им правительство не было бы ни в коем случае диктатурой меньшинства, но представительством интересов большинства народа, нуждающимся в применении насильственных мероприятий только против попыток восстановить диктатуру капиталистического меньшинства. Но рабочий класс теперь, как и раньше, лишен единства. Самый факт совместного существования христианских и свободных профессиональных союзов, как и борьба внутри социал-демократии перед войной, показывает, до какой степени раздроблен рабочий класс. События, имевшие место во время войны, подтверждают это. Причина дробления пролетариата в том, что его различные составные части находятся в разных социальных условиях. Вообще говоря, пролетариат делился на таких пролетариев, которые надеялись на более или менее хорошие условия существования при господстве капитализма, и на таких, кого тяжелое положение вынуждало начать борьбу за уничтожение капиталистического общества. Рабочая аристократия, которой капитализм обеспечивал относительное благополучие, существовала рядом с другими слоями, подавленными капиталистической эксплоатацией и совершенно неспособными поднять против нее восстание или находившимися в духовном порабощении, рассеянными в деревне или в мелких городах в мелкобуржуазном окружении. Независимо от принадлежности этих масс к христианским, либеральным или социал-демократическим партиям, их политика по существу была одна и та же: она основывалась на убеждении, что их судьба сносна и ее можно улучшить на основе капиталистического общества. Во время войны политика, убеждавшая продержаться во что бы то ни стало, вырабатала убеждение, что победа врага ухудшит условия жизни пролетариата, а победа „отечества“, напротив, чрезвычайно улучшит их. Еще и сейчас социал-демократы указывают на катастрофические последствия поражения и спрашивают:

разве мы не были правы? Несчастные политиканы забывают, что одновременно они (смотри брошюру Парвуса) стараются доказать пролетариату стран Антанты,—на этот раз с полным основанием,—невозможность одной Германии принять на себя расходы по „возмещению убытков", что поэтому они будут возложены на пролетариат победоносных стран совершенно так же, как на германский пролетариат, и что порабощение германского пролетариата повлечет за собой порабощение пролетариата Антанты, навязывая ему конкуренцию дешевого немецкого труда. Следовательно, немецкий пролетариат обнищал не вследствие поражения, и не победа спасет пролетариат Антанты от экономического поражения и порабощения, а просто экономические следствия войны ложатся невыносимым гнетом на пролетариат всех стран. Война уничтожила так много ценностей, что капитал уже не в состоянии возродить мир, не возлагая повсюду на большинство населения, т.-е. на пролетариат, ужасающего бремени. Пролетарии, воображавшие, будто они во время войны защищают что-то большее, чем собственные цепи, теперь вынуждены позволить заковать себя в новые цепи. Положение пролетариата под влиянием последствий войны ухудшается во всем мире: вздорожание, конкуренция женского труда, доведение налогов до чудовищных размеров,— все это факторы, уравнивающие положение пролетариата по худшим условиям, стремящиеся довести его до состояния рабочего скота. Мы стоим только в начале этого процесса, который постепенно в своем развитии устранит причины расслоения пролетариата и подготовит его объединение. В странах, для которых мировая война закончилась поражением и на которые победитель старается возложить бремя издержек войны, обусловленное последней разорение обнаруживается, естественно, с наибольшей ясностью. Рабочие смогли, благодаря крушению старого аппарата власти, которым сопровождалось поражение, несколько улучшить, хотя бы и временно, свое положение, однако, с восстановлением этого аппарата начинается противодействие буржуазии и одновременно проявляется всеобщее следствие: экономическая гибель мира.

Чувство уверенности в своем положении было той

связью, которая приковывала рабочую аристократию к капитализму, хотя более обеспеченные слои рабочих получали буквально крохи с господского стола. Это чувство сменилось теперь чувством крайней неуверенности. Все классы общества чувствуют, что они катятся вниз, всех охватывает глубокое беспокойство. Отсюда возникает движение работников умственного труда, впервые в истории Германии увлеченных революционным потоком, и этому соответствует рост радикализма в слоях пролетариата, до сих пор настроенного реформистски; отсюда возникает подъем движения в той части пролетариата, которая до сих пор не осмеливалась даже и помышлять о самой возможности борьбы против капитализма. Так как капитализм в том состоянии распада, в каком он теперь находится, угрожает всем слоям пролетариата, то он действует как сила, выравнивающая его ряды. Эту тенденцию, устраняющую экономическое расслоение пролетариата, буржуазия старается ослабить тем, что применяет старую политику: разделяй, чтобы властвовать. Но едва ли она может рассчитывать на особенное удовольствие от нее, ибо подкупаемые ею массы слишком велики и уступки, какие приходится делать, слишком значительны. На короткое время, разумеется, можно успокоить железнодорожников или горнорабочих выдачей жиров, а другие слои—искусственным удешевлением жизненных припасов. Но на следующий же день им приходится расплачиваться за это. Гораздо значительней влияние социал-демократии, которая в настоящее время является могущественнейшим орудием раскола пролетариата в интересах буржуазии.

Социал-демократия, вооруженная своим авторитетом, в качестве рабочей партии, обладая могущественной печатью, внушает рабочим массам недоверие к собственным силам, страх перед революцией и веру в спасительную силу капиталистического общества. В каждый критический момент она становится на защиту интересов капиталистического строя и старается обмануть массы уступками. Если это не удается, если ее приверженцы все-таки вступают в борьбу, то она выжидает такого момента, когда борьба сталкивается с затруднениями, чтобы вызвать замешательство и отнять у ко-

леблющихся веру в победу. Если она не в состоянии преградить путь революции, то вносит в ее ряды тайную измену. С тех пор, как в период времени от ноября по январь социал-демократия спасла жизнь капитализму, а в следующие затем месяцы совершенно открыто выступала в качестве вспомогательного отряда капитализма, с тех пор, как живым воплощением социал-демократии стал Носке, палач пролетариата, ее влияние на массы слабеет с каждым днем. Однако, было бы ошибочно ожидать в ближайшем будущем ее полного и окончательного разложения. До тех пор, пока она находится в правительстве и обладает могучим аппаратом, она сохранит свою организаторскую силу. Она будет иметь у себя на содержании приверженцев из числа чиновников, примыкающих к ней, как к правительственной партии, из стариков-рабочих, из мамонтов реформистской эпохи, и сумеет навербовать достаточно сторонников, чтобы поддерживать внешнюю видимость рабочего организма. Отбрасываемая в сторону массами, становящимися все более радикальными, она будет выплывать на поверхность каждый раз, когда победа пролетариата будет сталкиваться с непобедимыми препятствиями, если придется преодолевать множество затруднений. Тогда социал-демократия окажется опаснейшим врагом.

Опасность социал-демократии, как фактора раскола, в переживаемый ныне период собирания сил, как и после победы, надо оценивать тем выше, что мы имеем не одно, а целых два издания социал-демократии: наряду с правительственной социал-демократией—социал-демократию оппозиции, независимую социал-демократию, которая, однако, до сих пор, в лице своих вождей, в каждый решительный момент обнаруживала полное единство со своей полярностью.

Ни на одно мгновение мы не сомневаемся в том, что вожди независимой социал-демократии выступают с искренней верой в свою исключительную и самую мудрую революционность. Но мы убеждены также, что большинство вождей социал-демократии тоже уверено, будто они служат делу рабочего класса. Мы даже считаем вполне вероятным, что Носке перед каждым крестовым походом против пролета-

риата тяжело вздыхает по поводу печальной необходимости, заставляющей его купаться в крови рабочих, и должно быть уверяет себя самого, что врачу тоже приходится проливать кровь больного, чтобы спасти его. Если нравственная оценка человека должна считаться только с его внутренними побуждениями, то в политике они не имеют никакого значения: в политике, не имеющей иного смысла, кроме попытки изменять общественные отношения между людьми, вопрос идет только о действиях и об их влиянии на массы. Следовательно, если оставить в стороне Гаазе и К° и считаться только с действиями той части германской социал-демократии, которая превратилась в независимую социал-демократию, то мы имеем перед собой следующие факты:

1. Перед войной, когда дело шло о том, чтобы внедрить в сознание рабочих объективное обострение классовых противоречий (дороговизна, социально-политическая подавленность, опасность мировой войны) и побудить их к массовым выступлениям, которые, хотя и не в состоянии были предупредить войны, но могли предотвратить катастрофу самого рабочего класса, позднейшие независимые социал-демократы образовали в составе партии так называемый центр, который выступал на словах радикально, а практически вместе с ревизионистами стоял за союз с буржуазией в Германии и шел вместе с либералами всего мира с целью устранения военной опасности, отвергая массовую стачку (исход выборов 1912 года).

2. Когда вспыхнула война, часть вождей социал-демократического центра была против голосования за военные кредиты (Гаазе, Ледебур), часть—за (Дитман); но и те, и другие выступали со своими точками зрения только во фракции, а не публично, совместно старались скрыть от взоров массы глубину противоречий и с величайшей энергией боролись против стремлений к расколу, когда вследствие растущей оппозиции в массах были вынуждены перейти к парламентской оппозиции против войны; но они остерегались призывать массы к борьбе, что имело решающее значение в мировой войне, опиравшейся на массы; и когда массы,

под гнетом бедствий, самостоятельно начали движение, независимые удерживали их в границах борьбы за частичные требования и внушали иллюзии о мирных намерениях иностранного капитала.

3. Когда вспыхнула революция, независимые объединились с социал-демократами под лозунгом демократии и под знаменем Вильсона, иначе говоря, головой выдали пролетариат германской буржуазии и изолировали от русского пролетариата, предав его таким образом капиталу Антанты.

4. Когда, под давлением растущей оппозиции в рядах собственных сторонников, им пришлось выйти из состава правительства, они затрудняли борьбу пробуждающихся народных масс лозунгом закрепления Советов в конституции, т.-е. компромисса с контр-революцией, облегчив таким образом германской буржуазии ее подчинение иностранной буржуазии; одновременно они работали в пользу международного примирения буржуазии всего мира, стараясь совместно с Вельсом и Мюллером, откровенными агентами германского капитала, примирить социал-патриотов всего мира и добиться пересмотра Версальского мира.

Этот краткий обзор истории независимой социал-демократии обнаруживает два факта: большинство ее вождей в решительные моменты поддерживали такую же политику, как социал-демократия большинства; когда собственные разочарованные сторонники заставляли их отделиться от большинства, они подготовляют, выдвигая половинчатые лозунги и внося замешательство в массы, новый компромисс с социал-демократами, как только под давлением обстоятельств они начинали уклоняться влево. Большинство вождей независимых—плоть от плоти, кровь от крови социал-демократии и разделяют с ними недоверие к силам революции, между тем как массы, на которые опираются независимые, состоят главным образом из революционных бойцов, в общем следующих за коммунистическим передовым отрядом. В последнее время эта средняя фа-

ланга выдвинула своих собственных вождей: Ледебура, Деймига, Мюллера, Курта Гейера, Кенена, короче говоря, левых независимых. Они находятся в значительной зависимости от правого крыла партии, от Гаазе, Дитмана и других. В последние годы войны они под руководством Ледебура и Деймига усиленно работали над революционизированием масс, вопреки руководящим кругам партии, но как только вспыхнула революция, предоставили руководство правому крылу партии, не решившись на раскол, и согласились на вступление правого крыла в правительство вместе с зависимыми. При решении вопроса: Советы или учредительное собрание?—они допустили до такого положения, что Гаазе вместе с зависимыми выдал германский пролетариат буржуазии. Они отказались фигурировать в одном и том же избирательном списке с вождями правого крыла, но не покинули совместно с коммунистами рядов независимой социал-демократической партии Германии. И после того, как они своим отказом выступать совместно с Гаазе и К° в избирательной борьбе высказали недоверие правому крылу в самой резкой форме, Деймиг уступает свое место в пользу того же самого Гаазе на партейтаге (партийном съезде) во время выборов центрального комитета, иначе говоря, он передает Гаазе руководство партией. До каких границ духовной несамостоятельности могут дойти левые независимые, доказывают их путчистски-бланкистские тенденции в январе, точно так же, как их прудонистские тенденции летом. После того, как в конце декабря они поставили условием своего объединения с союзом „Спартак" отказ от путчизма, именно Ледебур в своем мужественном заявлении перед судом провозгласил завоевание политической власти целью движения. Деймиг с полным правом усматривал в этом путчизм, потому что массы в это время только начали втягиваться в движение в общегосударственном масштабе. Но из борьбы Деймига и Мюллера против путчизма скоро вылупился прудонизм. Его чрезвычайно полезная работа по объединению берлинских рабочих в Советы скоро выродилась в уверенность, что возможно спокойное строительство Советов среди бушующего моря контр-революции, при чем, будто бы, даже не надо делать это строи-

тельство предметом революционной борьбы. В то время как Деймиг и Мюллер были вовлечены в их утопию, они были вынуждены выставить для защиты своего строительства обманчивый лозунг, который без революционной борьбы остается карточным домиком, приготовленный главным мастером компромиссов среди независимой партии Гильфердингом, лозунг закрепления Советов в конституции. Кто прочтет 30 выпусков „Рабочего Совета" и брошюру Мюллера „Чем хотят и чем должны стать Советы рабочих депутатов", перед тем, с вершины 1919 года, откроется политика прудонистов 1848 года, работа Люксембургского двора. Отчетливее всего выступает мелкобуржуазность этих вождей, если прочесть иеремиады Мюллера по поводу угрожающей народу гибели „о необходимости труда" и т. д. При чтении этих речей невольно видишь перед собой рабочего, в испуге отступающего перед исполинскими трудностями, с которыми сталкивается он в борьбе за освобождение; но он не может отступить, потому что нищета, ждущая его под игом капитализма, еще страшней, и он вынужден итти вперед.

Рабочие, поддерживающие независимых, вынуждены итти вперед, и на этом именно должна основываться наша политика собирания революционных сил. Мы не можем объединиться с независимой социал-демократией. Добрый Криспин, объявивший недавно, что, когда в декабре 1918 года коммунисты вышли из состава независимой социал-демократической партии Германии, они действовали слишком поспешно, так же мало смыслит в роли коммунистической партии во время революции, как мало понимает Гаазе свою собственную роль фигового листка буржуазии. Коммунистическая партия является представительницей совершенно обособленной от буржуазии части пролетариата. Кадры коммунистической партии, левые радикалы, перед войной и во время войны указали германскому пролетариату идейный путь к социальной революции. Во время ноябрьской революции они собрали первый боевой отряд социальной революции, в то время как народные массы находились в состоянии опьянения, а социал-демократические вожди, от Шейдемана до представителя „революционной" независимой социал-демократической партии

Барта, оказались предателями. Они отделились от независимой социал-демократической партии в тот момент, когда независимые отделились от большинства партии, ясно сознавая, что только с этого момента начинается политика независимых, вводящая массы в заблуждение. Задача коммунистической партии именно в том и заключалась, чтобы образовать противоположный полюс непреклонной, пролетарской, революционной политики. Коммунистическая партия может выдвигать отдельные ошибочные лозунги или выносить ошибочные постановления, в известные моменты она может считать путь слишком коротким, но при ее составе, при ее руководящем направлении несомненно одно: она воплощает в себе историческую инициативу германского пролетариата, тот элемент, который всегда и неуклонно стремится по прямому пути к конечной цели. Независимая социалистическая партия, как целое, состоит из вождей, которые, благодаря своей колеблющейся и неустойчивой природе, всегда будут служить контр-революции, и из рабочей массы, которая в своем неясном стремлении будет искать и найдет дорогу к революции. До тех пор, пока во главе независимой партии стоят Гаазе, Дитман и Гильфердинг, с нею, как с целым, не может быть никакого сближения и во всяком случае никакого союза. Независимая социалистическая партия, после того как она помогла Шейдеману увлечь массы лозунгом учредительного собрания и выдать пролетариат буржуазии, признает Советы органом диктатуры пролетариата, но предлагает их закрепление в конституции, как организаций борьбы, т.-е. объявляет этим, что в течение неопределенного срока диктатура пролетариата неосуществима (ибо конституции создаются не на год, не на два). На основании уроков, пережитых народными массами в эпоху правительства Эберта, после того как господин Носке „закреплял“ в их телах штыки, ближайший затем партийный съезд независимых, должно-быть, вычеркнет из программы своих ближайших действий пункт о „закреплении“ и выскажется за Советскую диктатуру в чистом виде. Но подобно тому, как в оперной увертюре привычное ухо улавливает лейтмотив, так же

точно можно было на недавней всегерманской конференции независимой социалистической партии услышать старый лейтмотив из уст Рудольфа Гильфердинга, этого прежнего главного наставника Эберта и Шейдемана, а теперь—Гаазе. Господин Гильфердинг заявил, что нельзя позволить навязать себе московский терроризм. Диктатура пролетариата без готовности защищать ее когтями и зубами остается только лозунгом. Практически это приводит к тому, что было пережито в Мюнхене и Будапеште.

Независимые провозгласили в Мюнхене Советскую республику вопреки предостережениям коммунистов. При первой же опасности они приступили к переговорам и старались сделать невозможной какую бы то ни было борьбу. Когда необходимо было объединить пролетариат, подавить контр-революционные замыслы, пыл этих лирических юношей охладел, потому что они представляли себе свое дело более красивым, более нравственным.

В Будапеште независимые социал-демократы—Кунфи, Вельтнер, Варга, обратились к коммунистам с предложением сообща объявить Советскую республику, когда они уже перестали быть господами положения, сложившегося в результате их отношения к буржуазной власти. Более того, они предложили коммунистам, вождей которых как раз бросили в тюрьму, объединить обе партии. Наши товарищи решили не отклонять этого предложения, считаясь с тем, что венгерские независимые целиком приняли коммунистическую программу. Они не только создали сообща с независимыми Советскую республику, но и произвели слияние обеих партий. Провозглашения Советской республики ни в коем случае нельзя было избегнуть, считаясь с фактом полного бессилия буржуазно-социал-демократического правительства и дружным натиском рабочего класса (мы придерживаемся этого объяснения в противовес другому, высказанному в газете „Freiheit“ („Свобода“), и коммунистическая партия вполне правильно не хотела бросить пролетариат на произвол судьбы в его отчаянной попытке свергнуть иго Антанты,—но принятие предложения о слиянии двух партий было более чем опасной, пагубной ошибкой. Если раньше можно было на-

деяться на преодоление надвинувшихся со всех сторон затруднений, то теперь необходимо было всю надежду возложить на самоотверженно-энергичную политику. Так как было ясно, что независимые не могут в 24 часа превратиться в коммунистов даже в том случае, если бы они подписали целых три коммунистических программы и трижды поклялись им в верности, то коммунистическая партия, несмотря на то, что она принимала участие в объединенном правительстве, должна была сохранить свою отдельную партийную организацию, чтобы при малейшем колебании своих независимых союзников „укрепить“ их тыл посредством беспощадного удара дубиной. Когда же коммунистической партии пришлось слиться с независимыми, вследствие принятия ими коммунистической программы, она отказалась от единственного средства, какое имелось в ее распоряжении против саботажа пролетарской диктатуры колеблющимися независимыми. Вследствие этого, Кунфи и Вельтнер получили возможность саботировать работу правительства диктатуры. Теперь, после крушения этого правительства, ответственность за что лежит на них самих, ибо вожди профессиональных союзов и руководители независимых своей подпольной работой ослабили стойкость масс,—господа независимые убеждают и клянутся в своей невиновности устами представителей большинства, например, Гарами, возвращаются после трехмесячного маневрирования под коммунистическими знаменами в единоспасающий лагерь социал-демократии и готовы принять участие даже в контр-революционном правительстве, лишь бы во главе его не стоял Габсбург. Если германские пролетарии хотят узнать, что такое диктатура без терроризма, они должны изучить историю событий в Мюнхене и Будапеште. Эти события говорят нам: до тех пор, пока во главе независимых стоят такие люди, как Гаазе, Дитман, Гильфердинг, пользующиеся доверием рядовой массы членов партии независимых, до тех пор им будет удаваться в решительный момент вводить эти массы в заблуждение даже в том случае, если бы они поклялись быть верными каждой букве московских директив. До тех пор,

пока члены партии независимых не раскусили и не устранили своих вождей, не только невозможно никакое слияние с независимой социалистической партией, но не может быть даже союза с нею для общей цели. По отношению к независимой партии, как целому, необходима беспощадная критика, необходимо срывать маску с ее двуличности, клеймить ее предательство.

Но этим не исчерпываются наши задачи по отношению к независимой социалистической партии. Рабочие массы, поддерживающие ее, в первое время революции вели в больших центрах борьбу против своих собственных вождей. Характернейшим моментом ноябрьско-декабрьского периода было то обстоятельство, что союз „Спартак", который при осадном положении во время войны не мог иметь никакой собственной массовой организации, вел борьбу против правительства Эберта-Гаазе, опираясь на революционных представителей, на организацию, на девять десятых состоявшую из членов партии независимых. В последующее затем время массы, которые, пользуясь монополией легальности, принадлежавшей партии независимых, числились в ее рядах, принимали самое энергичное участие во всех выступлениях. Эти массы не порвали с независимыми социалистами. Они принимают всерьез революционные фразы, не замечая их сокровенной сущности, тем более, что те из независимых, которые вели работу в массах, как Ледебур, Деймиг, Мюллер, Брасс, перед и во время революции честно стремились углубить революцию, сделать ее пролетарски-социалистической. Поэтому при каждом массовом выступлении в первую очередь необходимо думать о соглашении с рабочими массами, идущими за независимыми. При этом не следует обходить левых вождей независимых. Необходимо уговариваться с вождями независимых социалистов относительно каждого организованно подготовляемого нами выступления, считаться с их возражениями и поправками, поскольку они совместимы с характером выступления, имея задачей собирание масс. Если левые независимые социалисты несогласны с выступлением вследствие своей нерешительности и боязни

порвать с правым крылом партии или вследствие боязни борьбы, необходимо самым решительным образом оспаривать их доводы перед лицом рабочих на предприятиях, а затем обращаться к массам, стоящим за их спиной. Вожди левых независимых должны своими поступками дать ответ, с чем они больше считаются,— с необходимостью единения с революционными массами или с вождями праваго крыла независимых, десятки раз обанкротившимися. Такую борьбу невозможно вести, если ограничиться высокомерным отношением к левым независимым, как к шутам, чтобы не упоминать других подобных любезностей, принятых в партийной борьбе. Такой способ борьбы не находит никакого оправдания и лишь отталкивает массы, которые знают и высоко ценят многих левых независимых, как честных товарищей по борьбе. Необходимо критиковать непоследовательность и двойственность их точки зрения, помогая такого рода критикой достигнуть высшего уровня самосознания тем из них, которые относятся к типу социал-демократов, постепенно приходящих к коммунизму путем длительной внутренней работы.

Такая же задача стоит перед нами в отношении к синдикалистским элементам. Численно они почти не имеют значения, как сила. Но в их составе имеется много чрезвычайно ценных элементов, верно служащих делу пролетарской революции. Наша партия была вполне права, не допуская в свой состав такой элемент, поскольку он стоит на „антигосударственной“ точке зрения, т.-е. отрицает необходимость пролетарской диктатуры и видит цель революции в том, чтобы она растворилась в местных профессиональных экспериментах. Коммунистическая партия не может превратиться в толчею принципиально различных элементов. Но перед нею стоит задача: ведя фактическую борьбу против синдикализма и таким образом подвергая его учение серьезной критике, на основании опыта германской и русской революции стараться привлечь на свою сторону здоровые пролетарские элементы синдикализма. Нельзя пренебрегать синдикалистскими организациями в те

моменты, когда наша партия стремится объединить в борьбе пролетарские элементы путем их организационного сплочения.

Эта политика собирания пролетарских сил не имеет ничего общего с болтовней об единстве, которая старается создать фиктивное объединение путем притупления противоречий. Наша борьба основывается на отчетливом выявлении принципиальных и тактических воззрений коммунизма. Но мы вербуем своих сторонников не посредством сектантского обособления от таких составных частей пролетариата, которые, не выступая открыто на стороне коммунизма, фактически уже принимают участие в борьбе пролетариата. Уроки этой сообща ведущейся борьбы являются лучшим способом агитации за идеи коммунизма. Но эта политика собирания принесет свои плоды только в том случае, если она будет вестись упорно, настойчиво, не смущаясь никакими неудачами, и напротив того, если каждая неудача вызовет удвоенные усилия в области организации, агитации и пропаганды.

VII. Наши обязанности перед Интернационалом.

Коммунистический Интернационал, в состав которого входит германская коммунистическая партия, отличается от II Интернационала (не говоря уж об оставшихся от него трупах) не только своей социально-революционной программой, в противоположность реформистской, он отличается еще и тем, что—это Интернационал пролетарского действия, а не слов. В состав Коммунистического Интернационала могут входить только такие партии, которые отказываются от каких бы то ни было соглашений с буржуазией и ее социал-демократическими лакеями и всеми средствами подготовляют массы к задачам постепенно распространяющейся во всех капиталистических странах революции, при чем эти средства должны соответствовать достигнутой в данной стране ступени развития. Должна ли она при этом пользоваться парламентскими средствами (как, несомненно, имеет место не только в нейтральных странах, но и в странах Антанты), или она отказывается от них там, где пролетариат уже завоевал власть или стоит

перед лицом решительной борьбы,—все это зависит от различия ситуации: решающим моментом является вопрос о том, стараются ли партии углубить и обобщить каждый отдельный случай массовой социальной и политической борьбы, обострить социальный кризис капитализма и всеми силами идейно подготовлять рабочие массы к предстоящей борьбе, выдвигая перед ними, как цель современной нам эпохи, завоевание политической власти, ее организацию как диктатуры рабочего класса, в форме Советов, с целью осуществления социализма. Если она борется за это всеми находящимися в ее распоряжении силами, то этим содействует приближению дня, когда падут границы, когда центральные Советы рабочих депутатов всех столиц мира протянут друг другу руку, когда Коммунистический Интернационал пролетариев всех стран сменится Интернациональной Федеративной Социалистической Советской Республикой и пролетарские партии, во всех странах ведущие борьбу за власть, сменятся союзом пролетарских государств.

Мы еще далеки от этой цели. Борьба будет длиться по крайней мере целое поколение, потоки слез, пота и крови должны слиться в целое море, прежде чем мы одержим победу в международном масштабе. Эта борьба будет сопровождаться победами, в которых сольются сердца пролетариев целого мира, и поражениями, когда белый террор истребит тысячи и тысячи пролетариев, при чем коммунистически настроенные пролетарии других стран не в состоянии будут немедленно явиться на помощь своим теснимым братьям. Невозможно сейчас одним взглядом окинуть все задачи, какие могут встать перед нами с течением времени, хотя, например, ясно, что победа пролетарской революции в Германии механически должна повлечь за собой ее сближение с русской Советской республикой. Но надо не опьяняться грядущими великими задачами, а осуществлять те задачи, которые выполнимы сегодня.

Уже сейчас коммунистическая партия Германии в десять

раз энергичней, чем доныне, толкает германский рабочий класс на борьбу против всякой помощи, оказываемой германским правительством русским контр-революционерам. Когда Гайнау, палач революционной Италии, появился в Лондоне, он испытал на себе мнение английских рабочих об его геройских деяниях. В Берлине царские российские генералы и их немецкие лакеи в военных мундирах развешивают объявления о записи добровольцев для русской контр-революции, выходит „Призыв", орган русских монархистов (между прочим, для коммунистических немецких газет нехватает бумаги). Германские железные дороги перевозят снаряжение для немецких и русских контр-революционных войск в Прибалтийский край, из Гамбурга выходят в море пароходы, везущие отряды для Деникина, не встречая активного сопротивления со стороны германских пролетариев. Русское советское правительство помогает вернуться на родину германским военнопленным, освобожденным им сейчас в Сибири из колчаковского рабства, а между тем с русскими военнопленными в Германии обращаются, как с рабами и отдают их в распоряжение контр-революции. Почему местные коммунистические группы не организуют демонстраций военнопленных (при содействии всего рабочего класса) под лозунгом возобновления сношений с Советской Россией, которая нуждается в помощи германских техников, чтобы сделать железные дороги способными перевезти десятки тысяч военнопленных? Русское советское правительство дает работу обученным германским рабочим и техникам, которые, страдая от безработицы, становятся здесь жертвами отрядов Носке. Необходимо, путем восстановления русского народного хозяйства, оказать помощь русскому пролетариату в его героической борьбе, но, кроме того, посредством такой работы создать для будущей социалистической Германии,—которая, вероятно, подвергнется блокаде со стороны Антанты,—резервуар снабжения сырьем. Где демонстрации, бурно требующие восстановления сношений с Советской Россией под лозунгом: „Работу—безработным"?

Наша интернациональная солидарность с пролетарской Россией должна выражаться не только в газетных статьях, но и в живом содействии. На общегерманской конференции независимых „руководящий“ (по пути в болото) теоретик, господин Рудольф Гильфердинг, заявил, что надо пока подождать с присоединением к Коммунистическому Интернационалу, ибо это то же самое, что Москва: поэтому надо ждать, пока выяснится, не окажемся ли мы в положении людей, взятых на буксир тонущим кораблем. И независимая социал-демократия выжидает, пока принимая участие в гальванизировании трупа II Интернационала; после этого она его „признает“. Коммунистические рабочие не имеют ничего общего с этой высокомерной политикой революционных мудрствований, для них такая политика является лишним доказательством того факта, что независимая социалистическая партия—это паразит мировой революции, а не ее передовой боец. Для коммунистических пролетариев Германии Коммунистический Интернационал—вовсе не Москва! Коммунистический Интернационал, это—борьба, повсюду развертывающаяся на развалинах, оставшихся после войны; его передовые бойцы — русские рабочие-пролетарии, но совместно с ними должны вести борьбу германские рабочие, в силу своего собственного долга. И мы не смеем оставаться равнодушными зрителями борьбы московского пролетариата, мы обязаны принять участие в этой героической борьбе, хорошо сознавая, что поражение Советской России, хотя бы оно было только временным, будет означать поражение германского пролетариата.

Процесс революционизирования рабочих масс на Западе только начинается. Социал-демократия большинства проклинает этот процесс, потому что он не оказал никакой помощи „германской революции“ в дни заключения Версальского мира, той самой „германской революции“, которая десятки раз предлагала свой союз капиталу Антанты против русской революции, той самой „германской революции“, которая обезоруживает рабочих и натравливает на них белогвардейцев. Напротив того, независимые ползают на брюхе перед представителями западно-европейского пролетариата. Даже лакей Клемансо—Ренодель и господин Гендерсон, поспе-

шивший в Петербург по поручению Ллойд-Джорджа, чтобы выяснить, не причинит ли русская революция ущерба победе капитала Антанты, даже в них Гаазе и К⁰ видят союзников, не говоря уж о Лонге и Макдональде, образе и подобии независимых социалистов на английской и французской почвах. Мы должны сказать правду германскому пролетариату: сознательные боевые товарищи—Лорио, Монат, Маклин и Дебс—еще очень слабы. Только в Италии есть у нас сильный и организованный союзник. И мы не оказываем помощи передовым бойцам мировой революции, садясь, однако, за один стол с предателями пролетариата Антанты или с его колеблющимися вождями; и мы не получим помощи со стороны пролетариата Антанты, умоляя его поддержать нас в то время, как он только учится борьбе за свои собственные интересы. Он может помочь лишь в том случае, если свергнет ярмо своей собственной буржуазии, а мы ему можем помочь только дальнейшим развитием своей борьбы, указывая ему его собственный путь. Русская рабочая революция, которая день ото дня бичует не только своих социал-патриотических, но даже независимых вождей, пустила глубокие корни в сердцах западно-европейских пролетариев; в то время, как имя Гаазе мертво для них, несмотря на все его заигрывания, Роза Люксембург и Карл Либкнехт указывают ему путь пролетарского мученичества, где тысячи пали, но где будет завоевана победа.

Германская коммунистическая партия должна пользоваться всеми способами, чтобы указать как германскому, так и западно-европейскому пролетариату его пути борьбы и цели и осветить их теоретически. Если борьба за власть затянется на более долгое время, чем об этом в глубине своего сердца мечтает германский пролетариат, то германские пролетарии будут вынуждены, несмотря на все свои справедливые протесты, отправиться на барщинную работу во Францию и Бельгию, чтобы убрать развалины, оставленные там германским империализмом, а если так, то задачей германской коммунистической партии станет перенесение коммунистической революции, на словах и на деле, во Францию и Бельгию, перебрасывая таким образом мост между германским и французским коммунизмом, между гер-

манским и французским пролетариатом. Это самая лучшая помощь, какую только мы можем оказать ему для возрождения его страны, чтобы она действительно стала его родиной, а не родиной богачей.

VIII. Коммунистическая партия.

Мы вкратце наметили важнейшие очередные задачи партии.

1. Вовлечение в борьбу новых слоев, без которых пролетарская революция не может победить, сельскохозяйственного пролетариата и мелкой буржуазии, с одной стороны, работников умственного труда,—с другой.

2. Распространение учения революции: советская диктатура, как цель, сознательное завоевание большинства пролетариата для этой цели, никакого путчизма, но и никакого отказа от каких бы то ни было средств, способных помочь нам сделать пролетариат боеспособным: ни от парламента, ни от профессиональных союзов, которые из органа контрреволюции должны быть превращены в орган революции, а как вспомогательное, основное средство—строительство политических Советов и фабрично-заводских советов.

3. Беспощадная борьба против независимой социалистической партии или объединение всех революционных сил, как путем переговоров с левым крылом независимых социалистов, так и с синдикалистами во имя общих выступлений, самым насущным среди которых является борьба против правительственного закона о фабрично-заводских советах, во имя революционных советов, органов контроля над промышленностью.

4. Деятельная поддержка русской Советской республики, влияние на французский пролетариат примером и действием.

Наша программа покажется многим слишком бедной, ибо

в ней не объявлено, что завтра мы захватим власть. Вера двигает горами, но только в мире веры. Пролетарская партия должна считаться не только с лучшим и самым благоприятным ходом революции, но и с самым неудачным, и, собирая силы и для тяжелой затяжной борьбы, она тем самым собирает силы для окончательной победы. Другие сочтут программу слишком сложной, слишком богатой для молодой, только что образующейся партии. В эпоху революции партия должна уметь удесятерять свои силы, потому что революция предъявляет к ней величайшие требования. Мы вовсе не выдумываем каких бы то ни было произвольных задач, а только определяем те, которые выдвигаются перед партией самым ходом развития. Она должна вырасти до них.

Сейчас она еще не выросла. Не прошло и года с тех пор, как она возникла из революционных элементов среди начинающейся мировой революции, покинувших германскую социал-демократию, из союза „Спартак" и северо-западных немецких левых радикалов. В борьбе, которая велась перед войной и во время войны, эти организации установили для эпохи мировой революции общие руководящие политические линии, обогащенные великим опытом русской революции. Когда разыгрались первые великие битвы германской революции и потребовалось извлечь из их опыта конкретные уроки тактики в особых германских условиях, в этой борьбе пали ее жертвой величайший ум германской революции Роза Люксембург, великий агитатор Карл Либкнехт, железный организатор Лео Иогихес, умер среди потрясений этой борьбы Франц Меринг, историк германского социализма, затем погиб от рук наемников Носке Иоганн Книф, деятельность которого много обещала дать германскому пролетариату. Другие вожди сидят по тюрьмам или скрываются от убийц. Молодая партия вынуждена прокладывать себе дорогу в условиях осадного положения чудовищно затрудняющего всякую попытку высказываться, в обстановке революции, которая каждый день выдвигает новые вопросы, и притом почти без вождей Русской революции был дарован Ленин, раз в столетие появляющийся революционный вождь, соединяющий в себе

качества величайшего энтузиазма и отваги с хладнокровнейшим расчетом, который руководит юным пролетариатом, вооруженный всем знанием своего времени. Но кроме того она вооружена вулканической мощью Льва Троцкого, десятками блестящих теоретических и организаторских сил. Кажется, будто история хотела возместить русскому пролетариату его молодость, недостаток у него формального образования. Германский пролетариат старше, но вынужден обходиться собственными силами. Он идет вперед ощупью и освобождается от ошибок только путем опыта. Эти ошибки являются следствием того факта, что он еще не научился одним взглядом окидывать все поле битвы и замечает только ее отдельные подробности. Те, кто замечал только военную слабость буржуазии, отдыхающей после ноябрьских битв, склонялись к бланкистскому путчизму. Кто испытал его горький опыт, возвращается к родной почве, на фабрики и заводы, считает единственным способом восстановления сил строительство фабрично-заводских советов или организаций, связанных с предприятиями, и таким образом склоняется к новомодному прудонизму. В надежде, что в скором будущем пролетариат займется вопросами, связанными с его экономическими страданиями, они начинают недооценивать значение коммунистической партии. Другие понимают значение сил, ускоряющих банкротство буржуазии, и уверены, что победа близка и несомненна; поэтому они хотят отказаться от старых средств борьбы, хотят признать необходимыми для пролетариата те, которые позволяют не терять из вида трудностей борьбы и возможности частичных поражений. Таким образом трудность положения порождает разногласия, сглаживающиеся в процессе развития. Политический путчизм умер. Неопрудонизм освободится от своей односторонности, как только обнаружится,—а этого ждать недолго,—что революционные фабрично-заводские советы могут быть созданы лишь в процессе массовой революционной борьбы. Гамбургский неосиндикализм американского оттенка скоро убедится в том, что нельзя произвольно выдумывать фантазии массовой пролетарской борьбы, что дело и де

о приспособлении к потребностям борьбы уже существующих организаций. Если вскоре поднимется и одержит победу могучая революционная волна, то она просто смоет парламентские средства борьбы и тем самым лишит смысла ведущийся из-за них спор. Если же она не поднимется или разобьется еще раз, в таком случае революционные пролетарии прибегнут к помощи всех средств агитации и пропаганды.

Мы не боимся за судьбу молодой германской коммунистической партии. Детище революции, она будет расти и крепнуть вместе с революцией тем скорей, чем спокойней, основательней будут обдумывать положение вещей в целом, а не отдельные его стороны, самые зрелые элементы партии, передавая достигнутые результаты рабочим. Коммунистическая партия не должна быть одной из сект; ее задача—стать партией революционного пролетариата, а поэтому она должна духовным взором окидывать все поле битвы, понимать значение всех средств борьбы, даже самых ничтожных. Только в этом случае сможет она объединить под коммунистическим знаменем весь германский пролетариат. Дело в том, что существующие в партии разногласия проявляются всецело в рамках коммунизма, примиряются самым процессом развития, и каждый участник борьбы вполне может подчиниться решениям партии. Едва ли окажется возможным проводить эти постановления чистодемократическим путем, потому что осадное положение и нелегальность партии часто делают неосуществимым выборное начало или же исключают возможность участия в выборах тех товарищей, работа и мнение которых имеют наибольшее значение для партии. В России, в период власти Керенского, центральному Комитету партии часто приходилось принимать чрезвычайно важные решения, и хотя там тоже встречались товарищи, жаловавшиеся на засилие „бонз" в партии, но с ними не считались серьезно. Иногда партия считала мнение „назначенца", получающего ежемесячно пятьсот рублей жалкими рабочими грошами и каждый день рискующего головой, таким же авторитетным, как и мнение правильно выбранного представителя двух тысяч рабочих.

Каждый понимал: если в мирный период представляли опасность те „вожди“, которых можно было заставить подчиняться массам только при условии широчайшей демократии, то это имело место лишь потому, что в мирные эпохи представлять партию в парламенте было легче и выгодней, чем сейчас, когда приходится сидеть в тюрьме или подвергаться травле, подобно диким зверям. Ссылка на партийную демократию, выдвигаемая в качестве аргумента, исчезнет, как только практика тяжелой борьбы, которую ведет партия, докажет партийным товарищам, каким трудным искусством является соединение легальной и нелегальной работы.

Для каждого товарища по борьбе выше всех разногласий и мелочей стоит мысль о величии нашей задачи. Необходимо ковать оружие борьбы германского пролетариата и сплоченными колоннами вести в бой германский пролетариат, независимо от того, будет ли победа одержана в стремительной атаке или путем тяжелой позиционной войны. Но прежде всего необходимо перебросить мост на Запад для русской революции, и коммунистическая партия должна сыграть роль его главного устоя. Она должна уметь, как передовой застрельщик мировой революции, распространять борьбу все дальше и дальше, оказывать своим примером глубочайшее воздействие на окружающий мир и, усваивая и делая новые выводы из опыта русского пролетариата, в среде социально более развитой продолжать развитие ее идей. Коммунистические рабочие Германии должны делать это сами, сами достигать этого. Неужели те из них, кто сознает величие задачи, поколеблются напрячь все силы тела и духа, неужели кто-нибудь из-за этих ничтожных разногласий забудет о великих целях и путях, общих для нас всех?

Пусть наши враги торжествуют по поводу наших разногласий и говорят о замешательстве! Им еще придется изумляться величию нашей партии, ясности мысли, выкованных в неустанной открытой борьбе и вынесенных из опыта.

Сентябрь 1919 года.

К тактике коммунизма.

(Письмо октябрьскому съезду германской коммунистической партии).

Дорогие товарищи!

К сожалению, я не мог принять участие в вашей конференции, чтобы выполнить таким образом поручение ЦКРКП помочь своим советом германской коммунистической партии, на основании опыта русской революции. Тем не менее, я хочу по крайней мере в письменном виде изложить перед вами свои взгляды на существующее положение и на тактические задачи. Разумеется, я не могу ссылаться на авторитет ЦКРКП. При трудности сношений, информация русских земляков очень недостаточна. При такой же недостаточной информации со стороны Германии, до моего возвращения они не вынесут ясного суждения о спорах в ваших рядах. Вам самим придется искать своего пути, и если я считаю своим долгом принять участие в вашем искании, то к этому меня побуждают следующие основания. Больше, чем какой бы то ни было другой русский товарищ, я связан с идейной борьбой, которая привела к основанию коммунистической партии Германии. За возникавшими среди вас спорными вопросами я мог следить по печати. Наконец, я уверен, что как раз тюремное заключение дает мне возможность составить ясное, основанное на знании фактов, суждение, ибо я непричастен ко всей той борьбе, которая возникает среди пестроты организаций и личностей. Ваше дело считать мое суждение основательным или не стоящим внимания.

Коммунистическая партия дает единодушную оценку направления политического развития. В течение целого года после своей победы капитал Антанты не был

в состоянии ни устранить существующие территориально-политические конфликты, ни смягчить их каким бы то ни было способом. Средняя Европа находится в состоянии революции. Если немецкая буржуазия вновь окрепнет, она, должно-быть, сделает попытку разорвать тиски Версальского мира. Немецкая Австрия не может ни жить, ни умереть; она должна стать очагом революции. Польша, как барьер против большевизма, толкаемая Антантой ко все новому расширению своих границ, вынуждена держать армию в 500 тысяч человек, и так как ее фабрики стоят и крестьяне держат города в блокаде, то и ей угрожает революция. В остзейских губерниях не только латышские крестьяне ведут борьбу против немецких баронов за землю, не только английский империализм борется против германского милитаризма за вход в Россию, но сверх того русская контр-революция борется против укрепившегося там английского империализма. На Ближнем Востоке два с половиной миллиона болгар стиснуты между Сербией и Румынией, в свою очередь раздираемыми противоречиями. Одновременно итальянский империализм находится в состоянии борьбы с сербами и старается натравить на них болгар. В Турции, которую Антанта старается разорвать на клочки, при чем английский империализм ведет борьбу с французским из-за Сирии, а итальянский—с английским из-за западного берега Малой Азии, вырастает национальное движение. Младотурецкое военное командование сумело создать армию, способную сопротивляться разделу Турции. Антанта не договорилась о разделе Турции и ей придется, чтобы разделить ее, двинуть туда армию, а сейчас это для нее совершенно невозможно. На Дальнем Востоке нарастает противоречие между Соединенными Штатами Северной Америки и Японией из-за эксплоатации Китая и одновременно восстают против эксплоатации народные массы больших городов. Короче говоря, Антанта не в состоянии обеспечить возможность политического развития порабощенным ею народам. Ее победа означает хаос во всех побежденных ею областях и, следовательно, неизбежность новых войн. И в то время, как Антанта стоит перед лицом этих новых войн, Советская

Россия все более и более вмешивается в эту борьбу, в которой капитализм Антанты ждет окончательное поражение, потому что Советская Россия вовсе не сводится к Совету Народных Комиссаров в Кремле, не сводится к существованию большевистского правительства. Даже в том случае, если бы Антанте удалось свергнуть Советское правительство, капитал Антанты и русская контр-революция истекут кровью в борьбе с русскими рабочими массами, которым они не в силах будут дать ни хлеба, ни работы, но зато сделают их жертвой кровожаднейшего белого террора. Международное положение после победы Антанты стало еще более революционным, чем раньше, ибо народные массы обеднели, а великая пасифистская иллюзия, вера, будто за ужасной войной последует справедливый мир, рассеялась. Кровавые ужасы войны сменились ужасами мира: голодом, квартирной нуждой, безработицей.

Капитал Антанты оказался не в состоянии в течение целого года после своей победы хотя бы только приблизиться к разрешению территориально-политических вопросов и так же точно не смог он хотя бы только наметить план смягчения классовых противоречий. Через год после победы Антанты уровень цен на жизненные припасы не только в Берлине, Вене, но и в Риме, Париже, Лондоне, Нью-Йорке выше, чем перед концом войны. Производительность труда в горнозаводских предприятиях и в металлургической промышленности падает во всем мире. Порты в Англии и Америке загромождены. Антанта надеется спасти себя ценой разграбления Германии, Австро-Венгрии и России (если, конечно, удастся победить ее), но эти надежды не что иное, как великая иллюзия. Побежденные страны, с которых капитализм Антанты сдирает шкуру, выходят из рядов бойцов против армий Антанты. Это должно привести к остановке английской и американской промышленности и, следовательно, послужит источником революции в этих странах. Центральные державы в финансовом отношении обанкротились, но никто до сих пор не изобрел средства, как спасти от банкротства победителей. Экономическая жизнь государств Антанты не проявляет ни малейшей способности вос-

становить организацию хозяйства и оздоровить его. В победоносных странах капитализм находится в таком же состоянии разложения, как и в побежденных государствах, и нет ни одного предприятия, которое было бы уверено, что сумеет перенести кризис. Мировой капитал еще держится, благодаря иллюзиям народных масс в Германии, как и в Англии и во Франции, все еще убежденных, будто дело идет о небольших реформах, о повышении заработной платы, о какой-нибудь жалкой свободе, но не о целом. Однако, широкие массы все более приходят к сознанию, что дело идет о низвержении капитализма, о коммунистической революции. Стоящая в авангарде этих масс коммунистическая партия во всех странах держит курс на мировую революцию и вверяется растущей волне. Всякая политика, укрепляющая в пролетариате убеждение, будто на пути к его освобождению есть станции, где можно мирно утвердиться посредством соглашения с буржуазией, всякая политика, наподобие той, которую ведет независимая социал-демократия, руководится блуждающими огоньками оппортунизма и должна быть отвергнута самым решительным образом. Но из факта развития мировой революции вовсе не следует, что мы шагаем от победы к победе. В мировой революции не будет таких побед, после которых можно отдыхать, причалив к тихой пристани. Едва мы победим, — нам придется изо всех сил отстаивать каждую завоеванную позицию, как приходится делать это русскому пролетариату, который держится за меч, словно за якорь спасения. Но если надежда на отдых после победы является оппортунистической иллюзией, то расчитывать на восхождение по прямой линии, на непрерывное победное движение революции вперед—это революционная иллюзия. Мировая революция представляет собой очень длительный процесс, в течение которого не раз случится терпеть поражения. Более того, для меня не подлежит сомнению, что в каждой стране пролетариату не раз придется утверждать свою, и не раз она будет падать, пока не одержит окончательной победы. Если это так, то со стороны коммунистической партии было бы непростительной ошибкой принципиально от-

казываться от какого бы то ни было средства, которое можно было бы использовать в период времени после поражения для восстановления боевого фронта. С этой точки зрения я считаю тяжелой ошибкой стремление части нашей партии принципиально отказаться от всякой попытки использовать парламентаризм. Ни на один момент я не сомневаюсь в том, что III Интернационал, когда он установит свое отношение к этому вопросу, скажет международному пролетариату следующее:

Посредством парламентских выборов, посредством завоевания большинства пролетариат никогда не придет к власти. Едва только он пожелает использовать свое возможное преобладание в парламенте для серьезного осуществления социализма, капитал немедленно покинет почву так-называемой демократии, чтобы перейти к броневикам капиталистической диктатуры. Путь к социализму ведет через временное единодержавие пролетариата, формой которого является республика Советов рабочих депутатов. Но до тех пор, пока мы недостаточно сильны, чтобы утвердить пролетарскую диктатуру, нам приходится использовать все средства, допускаемые даже этой выхолощенной демократией, сообразно тому, насколько она полезна нам в данный момент. Если в данный момент мы ведем ожесточеннейшую борьбу, борьбу, которая обещает нам в ближайшем будущем завоевание власти, то мы не пойдем в парламент. К чему нам трибуна парламента, если камни мостовых дрожат от шагов рабочих батальонов? Но даже при этом благоприятном положении генеральный штаб революционного пролетариата, коммунистическая партия, не может забыть, что в случае поражения, когда массы временно будут чувствовать себя изнеможенными, измученными кровопусканием, когда, может-быть, наша печать будет уничтожена, наши организации разрушены, что в таком положении, возможность которого должен допустить каждый революционер, способный спокойно рассуждать, она не попытается провести в парламент коммунистов, которые помогут массам объединиться после поражения.

Германской коммунистической партии предстоит великая борьба, которую принесет с собой наступающая зима. Но, во-первых, этого может не случиться, и тогда народным массам придется перенести тяжелые бедствия, не переходя немедленно к восстанию. Во-вторых, борьба не должна непременно закончиться победой. Рабочие массы в Германии ужасающе рассеяны, между тем как буржуазия сплотилась против них, поддерживаемая армией наемников. Вовсе не исключена возможность еще одного поражения пролетариата, в результате затяжной борьбы, которую принесет с собой эта зима, после чего, быть может, в течение некоторого времени наша партия будет лежать в изнеможении, истекая кровью из тысячи ран, а народные массы утратят мужество и позволят делать с собой все, что угодно. Какой здравомыслящий человек откажется допустить такую возможность? А если признать это, то кто же станет отрицать, что для партии будет несравненно полезнее иметь в парламенте пару, или хотя бы одного Либкнехта?

Если бы выборы предстояли сегодня, то, по всей вероятности, было бы вынесено постановление не принимать в них участия. Но станет ли обязательным участие в них весной,—этого никто не может предсказать. Поэтому долой всякие попытки связать действия партии! Мы не являемся ни принципиально парламентской партией, подобно социал-демократии, ни принципиально антипарламентской, как анархисты. Мы — члены Коммунистического Интернационала, который в каждой стране, в каждой отдельной ситуации борьбы за мировую диктатуру применяет такие средства, которые могут оказаться полезными в данный момент.

Положение в Германии летом производило впечатление некоторого упадка, вследствие притока давно жданных товаров, затем — начало становиться все более напряженным. Отсутствие угля вместе с растущей безработицей и недостатком жизненных припасов, по всем видимостям, будет иметь своим следствием зимой стихийное массовое движение.

Задача коммунистической партии по отношению к такого

рода стихийным движениям заключается в том, чтобы встречать их с величайшей организованностью и уверенностью, т.-е. стараться достигать своих целей с наименьшим расточением сил. В этой ситуации партийная оппозиция совершила две ошибки: в области профессионального движения она пошла такими путями, которые угрожают оторвать партию от масс, а с другой стороны, в вопросе о фабрично-заводских советах она попала в тупик, в такой тихий уголок, где мы сможем делать, так сказать, революцию без особых волнений. Рабочие массы вливаются в старые профессиональные союзы, чтобы вести экономическую борьбу при помощи этих могучих организаций. Профессиональная бюрократия там продает их. В противовес этому, массовая рабочая партия, не отказывающаяся от борьбы, должна находиться там, где идет накопление сил для борьбы. Она должна помогать массам преодолевать трудности на пути их борьбы. Затруднений надо ждать со стороны контр-революционной бюрократии профессиональных союзов. Если она окажет сопротивление, при чем самый факт сопротивления срывает с нее маску, то необходимо помочь массам выгнать бюрократию из профессиональных союзов. Если она забаррикадирует себя уставом, если она попытается выбросить из профессиональных союзов оппозиционную массу, то мы поможем этим массам вновь объединиться в новых организациях, после того как контр-революционная бюрократия произведет раскол в профессиональных союзах, в интересах капитала. Так надо руководить массами в действительно происходящей борьбе.

Вместо этого оппозиция воображает, будто освободит массы от этой проясняющей сознание борьбы тем, что заранее создаст конкурирующие организации. Рабочие союзы, в пользу которых оппозиция высказывается с величайшей горячностью, может-быть, обладают всеми преимуществами, но у них есть один недостаток: они еще не существуют, как массовые организации, и хотя называются рабочими союзами, но еще не объединяют в себе рабочих. Эта попытка выступления против старых могучих организаций с такими новыми организа-

циями, свалившимися с потолка,—совершенно бесполезное начинание. Мы в состоянии создать новые боевые экономические пролетарские организации только в том случае, если в борьбе за старые профессиональные союзы сумеем объединить в новые революционные союзы составные части профессиональных союзов, распавшихся вследствие раскола, вызванного профессиональной бюрократией, но вовсе не путем пропаганды новых, непогрешимых, патентованных организационных форм рабочих союзов. Так как передовые бойцы масс в эпоху великих социальных кризисов чрезвычайно живо ощущают потребность новой организационной формы, то возникает идея One Big Union, Единого Великого Союза, как он назывался в эпоху чартизма. Эта идея разбивается тем фактом, что капитализм расслаивает рабочих, устанавливает между ними цеховые различия, заставляет их работать в различных условиях. До тех пор, пока на фабрике имеет место экономическая борьба, она гораздо чаще ведется за интересы отдельных профессиональных групп, чем за интересы всех рабочих данного предприятия. Поэтому потребность в цеховой организации проявляется сильнее и выступает на поверхность чаще, чем потребность в организации по предприятиям. Это положение может измениться, если процесс мировой революции будет развиваться настолько медленно, что нищета совершенно уравняет положение всех рабочих. Но в настоящее время идея организации по предприятиям, для ведения повседневной борьбы за улучшение положения рабочих,— а для широких масс именно это, но не социализм, является предметом борьбы,—остается утопической идеей. Поскольку эта идея пытается столкнуть рабочих с широкого пути развития в тупик, где втихомолку расцветают изумительные цветы рабочих союзов, она вредна, практически контр-революционна. Мы вовсе не должны заниматься изобретательством формы организации пролетариата, но ковать мечи из железа, пока оно горячо, а таким железом являются профессиональные союзы. Лишь постольку, поскольку мы выступаем перед рабочими массами в рядах профессиональных союзов, как самоотверженные представители их стремления к улучшению своего положения, мы можем изгнать

контр-революцию из профессиональных союзов или взорвать их изнутри, как крепости контр-революции, при чем нам достанется много материала для строительства новых революционных крепостей. Способами, предлагаемыми оппозицией, нельзя основать фантастических рабочих союзов, которые оторвут много лучших рабочих-коммунистов от массы, рассеют и раздробят их силы в выдумывании форм организации, обеспечивающих вечное блаженство. Принципиальный отказ от парламентских средств борьбы был бы еще более тяжелой ошибкой, потому что при некоторых условиях он отнимает у нас мощное оружие. Тактика оппозиции по вопросу о профессиональных союзах чрезвычайно опасна по своим возможным последствиям. Она может помешать коммунистической партии сыграть роль организующего фактора в стихийном рабочем движении. В то время, как наша задача заключается в том, чтобы стремиться к своей цели, несясь на гребне могущественного потока, оппозиция старается отвести немного воды из этого потока в маленькие каналы, чтобы она лилась на колеса их патентованных в Америке игрушечных мельниц. Коммунистическая партия не имеет права превращаться из организации живой массовой борьбы в любительницу экспериментов.

Цели борьбы, подобно организационным задачам Коммунистической партии, объективно даны в непрерывном потоке движения. Целью, по отношению к которой зимний кризис является только этапом,—мы не знаем, последним или нет,—является диктатура пролетариата. Как достигнуть этой диктатуры? Только посредством массовой революционной борьбы, посредством борьбы за власть. Какими средствами? Всеми! Зимой и весной во многих городах рабочие массы совершали попытки захватить власть насильственными средствами. Эти попытки закончились неудачей; рабочие терпели неизбежное поражение, ибо они оставались в ничтожном меньшинстве среди пролетариата. Эти попытки имели характер путчизма не потому, что призывали к насилию, но по той причине, что призывы к насилию раздавались в то время, когда подавляющее большинство пролетариата было против диктатуры пролетариата и за мирное сотрудничество с буржуазией. Если бы даже в отдельных случаях путчи в то

время удались, они неизбежно повлекли бы за собой свою неудачу, ибо без активнейшего участия рабочего класса совершенно невозможно Советское правительство. Январское и мартовское поражения побудили часть рабочего класса искать такого пути, на котором никакое поражение невозможно: таким путем должны были стать революционные фабрично-заводские советы. Их представляли непобедимой силой, потому что Носке, так легко одержавший победу на улицах, не в силах был вторгнуться в предприятия. Это последнее утверждение справедливо; буржуазия не имеет возможности приставить к каждому рабочему на фабрике по солдату в стальном шлеме и не может насилием повышать производительность труда. Но этим только доказывается, что пролетариат незаменим и что в случае, если он охвачен революционной решимостью, буржуазия не в состоянии сломить насилием решительность и упорство пролетариата в предприятиях, но зато она в силах сломить его временно и притом неоднократно. Она может занять важнейшие предприятия гвардией штрейкбрехеров из „технической скорой помощи“ и поддерживать ход производства, она может прекратить доставку продовольствия пролетариату. Если боевая готовность пролетариата достаточно велика, то борьба перейдет из предприятий на улицу, на железные дороги. Хотя в настоящее время буржуазия сильнее, чем в январе или марте, когда Носке только что организовал свою гвардию, но теперь ее сила относится к объединенным силам пролетариата, как стекло к граниту. Если забастуют железные дороги по всему государству, если остановятся предприятия в Руре и Верхней Силезии, если рабочие массы в больших городах выйдут на улицу, объединенные одной волей, то четыреста тысяч наемников Носке вместе с гражданской милицией будут побеждены. Но победа будет одержана не фабрично-заводскими советами на предприятиях, а в открытом столкновении сил буржуазии с силами пролетариата, причем пролетариат будет бороться всеми средствами, какие ему удастся завоевать для себя.

Это теоретическое предположение имеет большое значе-

ние, хотя в настоящее время в этом направлении мы не предпринимаем никаких шагов.

Утверждение, будто политическая революция мертва, и что может победить только революция экономическая в свете этой перспективы оказывается ложным во всех отношениях. Кто говорит, что политическая революция мертва, бессознательно становится на почву буржуазной демократии. Политическая революция может показаться мертвой только тому, кто видит цель рабочего класса в буржуазной демократии, возникшей из ноябрьской революции. Но тот, кто политической целью рабочего класса считает Советскую республику, не может объявить политическую революцию мертвой. Экономическая революция, то-есть, сопротивление рабочего класса на предприятиях, переходя от частичной забастовки ко всеобщей стачке, не может одержать изолированной победы даже в том случае, если бы у нас были революционные фабрично-заводские советы по всем предприятиям. Или они потерпят крушение в экономической борьбе или эта борьба приведет к открытому столкновению обоих борющихся классов, к борьбе класса против класса, чтобы согнуть или сломить противника. Победа будет означать политическую революцию: завоевание власти рабочим классом.

Пропаганда революционных фабрично-заводских советов, как она велась оппозицией коммунистической партии или группой Деймига у левых независимых, своей „революционной" внешностью бессознательно прикрывает бегство от революции. Однако это вовсе не означает, что партия должна прекратить борьбу за революционные фабрично-заводские советы: эта борьба является исходным моментом борьбы за государственную власть. В чем задача фабрично-заводских советов? Прежде всего они являются формой контроля над промышленностью, а затем формой ее превращения в общественную собственность. Не создав фабрично-заводских советов, мы не будем иметь государственного капитализма. Промышленность, огосударствленная буржуазным государством в фискальных интересах, будет управляться бюрократией. Пролетарское государство должно поручить предприятия руководству рабочих,

привлекая к этому специалистов-техников. Перестройка предприятий означает начало строительства будущих хозяйственных органов пролетарского государства. Вопрос только в том, как мы будем строить фабрично-заводские советы. Группа Деймига и наша оппозиция полагают, что их можно строить пропагандой. Разумеется, это невозможная вещь, потому что посредством пропаганды нельзя завоевать массы для действительной борьбы за социализм. Необходимо вовлечь массы в эту борьбу, расширяя и углубляя уже ведущуюся ими и обостряющуюся классовую борьбу за преодоление нужды. Если нехватает угля и если за это должны платиться горнорабочие, то мы указываем им, как вести борьбу: пусть горнорабочие организуют фабрично-заводские советы, которые будут контролировать по каждому цеху, по всей горной промышленности причины уменьшения добычи угля. Пусть рабочие главных отраслей промышленности контролируют через посредство фабрично-заводских советов положение с углем на своих фабриках и заводах и вступают в связь с фабрично-заводскими советами рудничных предприятий. Если нехватает сырых материалов, пусть рабочие данной отрасли промышленности выбирают фабрично-заводские советы, которые должны выяснить, нет ли саботажа со стороны капиталистов. Лишения этой зимы должны дать повод к тому, чтобы рабочие объединились в каждом предприятии и выбрали фабрично-заводские советы для проведения контроля в своем предприятии, начиная с подвалов и кончая чердаками, для проверки его положения по отчетным книгам и выяснения, служит ли предприятие целям спекуляции и буржуазной роскоши, или нуждам рабочих масс Германии. Нашу борьбу против увлечения правительственными и фабрично-заводскими советами и за революционные советы мы делаем понятной для масс и выиграем не путем отвлеченной пропаганды, но создав контроль фабрично-заводских советов над производством средством нашей борьбы против растущей нужды. Если бы только нам удалось в течение этой зимы провести успешную борьбу за организацию революционных фабрично-

заводских советов во всех важнейших отраслях промышленности и закрепить фабрично-заводские советы в революционном сознании пролетариата, то мы тем самым сделали бы первый важный шаг в борьбе за власть. Дело в том, что эти фабрично-заводские советы стали бы органами связи масс, ее цитаделями на каждой фабрике и заводе, центрами дальнейшей борьбы, которая должна каждый частный конфликт на фабрике превращать в борьбу за ее захват. Не саботаж производства, который возложит на нас в глазах невежественной массы ответственность за нищету, должен быть нашим лозунгом, но контроль промышленности через фабрично-заводские советы, которые должны соблюдать интересы целого, не допуская разрушения производительных сил в угоду капиталистической прибыли.

Великой насущной задачей партии является организация предстоящей борьбы, направленной на уменьшение нищеты. Мы не должны добиваться теперь голого расстройства капиталистического хозяйства, не созидая ничего нового на его место. Эта борьба требует от партии теоретической ясности, то-есть понимания путей развития, а вовсе не попыток произвольно намечать цели. Партийная оппозиция частью пытается упростить и сократить путь (отказ от парламентаризма), частью хочет вести борьбу искусственными средствами (рабочие союзы, обособленные от профессиональных союзов, вместо борьбы за завоевание профессиональных союзов), частью старается уклониться от борьбы (революция в надежных предприятих). Все это является следствием теоретической путаницы оппозиции, которая живет скудными крохами чужой мысли: американского синдикализма (рабочие союзы—это копия союза индустриальных рабочих мира, Industrial Workers of the World), прудонизма (победа в предприятиях), анархизма (принципиальный антипарламентаризм). Эта теоретическая путаница приводит часть вождей оппозиции к тому, что они прямо, непосредственно и всецело отрекаются от партии. Именно они заявляют: не партия, а скорее революционные фабрично-заводские советы являются представителями интересов рабочего класса, как будто возможна борьба за фабрично-заводские советы без коммунистической партии,

ведущей эту борьбу, или как будто основание таких фабрично-заводских советов без участия коммунистической партии, объединяющей в общегосударственном масштабе передовые отряды революционного пролетариата, является чем-то более ценным, чем тело без души. Другие вожди оппозиции просто отрекаются от партии, предъявляя к ней невыполнимые требования. Тот, кто при осадном положении, в состоянии гражданской войны требует, чтобы партия принимала все свои решения чисто демократическим путем, чтобы партия не ограничивалась кругом „самодовольных бонз", но просто расписывалась под волеизъявлением членов партии, тот практически растворяет партию в целом ряде местных групп, где мелкокалиберные божки, в качестве исполнителей воли членов местных организаций, будут импонировать только своей личной путаницей и безтолковостью. Во время гражданской войны осуществление полной демократии так же невозможно в партии, как и в государстве. Партийное руководство, находящееся в руках самых зрелых и решительных элементов коммунизма, часто должно принимать быстрые решения, намечать курс партии, выбрасывать лозунги в рамках общих руководящих линий коммунизма.

Анархо-синдикалистской путанице должен быть положен конец, иначе партия разложится на целый ряд соперничающих групп, которые будут объединяться вокруг изобретателей патентованных организационных форм. Если какой-нибудь товарищ вывозит из Америки идею рабочих союзов, то другой вывезет из Индии индивидуальный террор, как новейшее изобретение, а третий начнет играть в Германии в красную армию, потому что в России сражается Красная армия. Каждый, кто сходит с главного пути революционной классовой борьбы, начинает кататься верхом на своей собственной деревянной лошадке. Анархо-синдикалистская неясность и путаница должны быть преодолены, партия должна выступить на предстоящую борьбу дружными, сплоченными рядами. Только в этом случае можно привлечь к себе левое крыло независимой социалистической партии и стать знаменосцем всего революционного пролетариата Германии. Партия должна добиться этого, ибо на ней лежит великая ответственность за германскую революцию, как и за рево-

люцию во всем мире. Ее миссия в том, чтобы перенести на Запад идеи русской революции. Идеи оппозиции не имеют ничего общего с русской революцией, как бы ни старалась она угрожающе размахивать руками. По моему глубокому убеждению, Российская коммунистическая партия должна самым решительным образом отвернуться от всей этой смеси синдикализма и анархизма. Сквозь все эти ошибки совершенно недвусмысленно проглядывают ошибки тех товарищей революционеров, которые, не чувствуя в себе способности разобраться в ходе развития и определить его направление, пытаются навязать развитию ими самими выдуманные цели, что всегда бывает совершенно неосуществимым замыслом.

Я уверен, что через несколько месяцев блужданий по новой Гамбургско-Американской линии, партийный корабль снова выплывет на верный путь и останется на большой дороге. Для того и существует марксизм, чтобы выводить нас на правильный путь. Партия вовсе не является скопищем „бессознательных коммунистов", которые только из-под хлыста научаются выражать классовое сознание пролетариата.

Несмотря на все ошибки, совершенные Центральным Комитетом, он в общем и целом правильно выражает эту уверенность коммунистической партии в своих целях и средствах их достижения. Открыто заявляя об этом, я поступаю так не из чувства товарищеской близости к той инстанции, при которой я являюсь полномочным представителем ЦК РКП. Когда в январе Центральный Комитет, под руководством незабвенных основателей коммунистической германской партии Розы Люксембург и Карла Либкнехта, не в состоянии был преодолеть тогдашнюю организационную слабость и занять достаточно решительную позицию против путчизма, я выступил против него. Теперь, наоборот, Центральный Комитет, хотя в нем нет ни Розы Люксембург, ни Либкнехта, прав, а не оппозиция. Я считаю своим долгом открыто высказать свое убеждение. ЦКРКП послал меня к вам, в уверенности, что теоретическая ясность, выкованная русской революцией, позволит мне давать вам советы, находясь с вами, и что я найду в себе мужество всегда открыто высказывать вам свое мнение.

Хотя я выражаю свои мнения в очень резкой форме, но

должен подчеркнуть, что нет ничего более чуждого мне, чем желание обострить разногласия внутри партии. Мне известно, что в оппозиции есть в высшей степени ценные товарищи и я желал бы созыва конференции, чтобы она после братского обсуждения восстановила партийное единство, позволяющее ей выступать против окружающего нас враждебного мира единым сплоченным фронтом. Пусть не выпадет на мою долю, по возвращении в Москву, сообщить русским товарищам: я имел счастье принять участие в крещении коммунистической партии, но, к сожалению, она еще не преодолела своей детской болезни и расточает пока что свои силы в блуждании по окольным путям. Я надеюсь принести с собой в Москву геройски борющемуся русскому пролетариату весть о том, что коммунистическая партия Германии после упорной внутренней идейной борьбы нашла свой революционный путь.

Октябрь 1919 г.

Внешняя политика германского коммунизма и гамбургский национальный большевизм.

I. Манифест гамбургской оппозиции.

Уже во время мирных переговоров в Версале в определенных буржуазных кругах Германии обозначилось направление, которое по национальным соображениям вело пропаганду за сближение с Советской Россией. Чтобы получить возможность оказать сопротивление Антанте, представители этого течения готовы были продать душу чорту,—большевикам. Но так как торговые сделки с чортом заключаются обычно очень неохотно, то сторонники этого „национального большевизма" старались доказать, что чорт совсем не так страшен, как его малюют, что, во всяком случае, пролетарская диктатура может оказать поддержку, что она вполне приемлема даже для вполне почтенных людей. Коммунистическая партия не должна ограничиться простым отрицательным отношением к этому течению, поскольку оно является не дипломатической игрой обанкротившихся политиков, а честным исканием путей спасения германской культуры, но не национальных привилегий. Партия обязана была протянуть руку честным элементам, решившимся, во имя спасения национальной культуры, отказаться от буржуазных привилегий, но вместе с тем сказать им, что коммунизм — это не зонтик, который раскрывают только во время дождя, а затем складывают, и не ванна, температуру которой можно произвольно повышать и понижать. Интеллигенты приходят к коммунизму различными путями: через философию, рели-

гию, даже через... эстетику. Тревога за национальность тоже может оказаться путем к коммунизму. Но коммунизм есть цель рабочего класса, ведущего борьбу за свое освобождение; он имеет свои необходимые законы развития. Если рабочий класс не имеет никаких оснований отбрасывать людей, по разным основаниям приходящих к нему из буржуазного лагеря, то все же он должен не подчиняться предрассудкам и побочным целям этих элементов, а ставить их под свою команду, чтобы они не вступали в партию, не усвоив ее глубочайшей сущности. В дальнейшем, при известных условиях, коммунистическая партия может найти с ними некоторые точки соприкосновения, например, в будущем открыть честному национальномыслящему немецкому офицерству доступ в германскую Красную армию для добровольной верной службы. Но национальным большевикам безусловно нет места в рядах большевистской партии и она не может отречься от своей пролетарской интернациональной точки зрения, чтобы заняться ловлей национал-большевистских простаков. Тем более не может она терпеть в своих рядах такое течение, которое, под маской коммунистического радикализма, превратит коммунистическую внешнюю политику в националистическую. Совершенно неожиданно оказалось, что источником этого течения была так называемая гамбургская оппозиция. Ее руководители Вольфгейм и Лауфенберг опубликовали воззвание к германскому рабочему классу, в котором они обосновывают националистическую внешнюю политику, как в отношении целей, так и в отношении методов. Как ни ничтожна эта группа, но ее манифест требует обсуждения, потому что он открывает возможность установить различие между коммунистической и националистической мировой политикой, обнаруживает сущность гамбургского течения и позволяет определить его, как мелкобуржуазное. Во время таких великих переворотов, как переживаемый нами в настоящее время, социальные группы и слои часто меняют свою позицию, сообразно ходу событий. Вовсе не исключена возможность, что часть офицерской мелкобуржуазной интеллигенции, пролетаризованной исходом войны, начнет развиваться в направлении к еще слабому национальному боль-

шевизму. Очень возможно, что в лице вождей так называемой гамбургской оппозиции мы имеем течение, сущностью которого является не синдикалистская путаница, а национальный большевизм. В начале революции, когда возникают так называемые „боковые побеги", никогда невозможно в точности выяснить, идет ли дело о личной путанице или зародыше вновь возникающей партии. По отношению к таким зародышевым явлениям задача партии, чувствующей под собой твердую почву, заключается в том, чтобы точно определить почву новых течений. Поэтому предлагаемое исследование имеет значение даже в том случае, если завтра Лауфенберг и Вольфгейм, в угоду национальному большевизму, вздумали бы предаться пропаганде буддизма. Дело идет не лично о них, а о политическом направлении, представленном в их лице.

II. Опыт внешней политики русской революции.

Для нас, коммунистов, когда мы в настоящее время производим идейную оценку внешней политики капиталистических государств, дело идет не о влиянии на нее, как это имело место перед войной. Существование Советской республики в России ставит нас перед вопросом о собственной внешней политике пролетарского государства, и этот вопрос играет для нас большую роль при обсуждении вопроса об условиях победы пролетариата и в Германии, и в других странах Европы. Как надо представить себе правильное отношение пролетарского государства к системе капиталистических государств? Так ставим мы вопрос, исходя из предпосылки о том, что пролетариат не может сразу победить во всех государствах.

С тех пор, как международное общение развилось настолько, что стало оказывать влияние на отношения одного государства к другим, каждая революция имеет интернациональное значение и влечет за собой международные следствия. Вопрос ставится и о буржуазных революциях, которые побеждали при господстве феодальных отношений, перебрасываясь из одной страны в другую. Как они должны были относиться к окружающему их феодаль-

ному миру, где имели характер новообразований, были посторонними телами?

Так обстояло дело с английской революцией в XVII веке, с французской революцией XVIII столетия и точно так же — с революцией 1918 года. Так как английская революция была составной частью процесса превращения отсталого английского капитала в меркантильный империализм, то она имела своим следствием войну с республиканской Голландией, в то время самой мощной державой, и с монархической Францией, которая при Кольбере перешла к меркантилизму. Против французской революции выступила коалиция, состоявшая из капиталистической Англии и феодальной Средней и Восточной Европы. В то время, как для Англии войны против Франции в первую очередь были войнами, имевшими целью окончательное устранение торгового и колониального противника-соперника, для германских государств это была война против буржуазной революции. Революции 1848 года в такой же степени были подавлены штыками русского царизма, как и золотом капиталистической Англии. Таким образом период буржуазных революций показывает, что реакция, вызываемая к жизни каждой буржуазной революцией, соединяет в себе различные в национально-политическом отношении элементы, и дело идет не только о противоречии общественно-политической структуры стран, вступающих между собой в войну в результате революции. В противоречии друг с другом находились не только буржуазная революция и феодальная реакция. Это противоречие часто пересекается борьбой капиталистических стран между собой.

Возникающие ныне пролетарские государства не могут вступать в противоречие друг с другом,—их интересы совпадают. К своему счастью, иногда они могут рассчитывать на борьбу между капиталистическими государствами, как на фактор, облегчающий их победу.

Русская революция первое детище мирового переворота, ускоренного мировой войной, в первый год своего существования стояла между двумя враждебными капиталистическими лагерями, которые, благодаря существовавшему между ними, вследствие их империалистической однородности

противоречию, не могли прийти к такому положению, чтобы противоречие играло в их политике с пролетарской русской революцией роль единственного решающего фактора. Необычайно интересно и забавно проследить по мемуарам Людендорфа, Гельфериха, Чернина, как беспомощно колебались руководители центральных держав между страхом перед русской пролетарской революцией и желанием добиться мира на Востоке. Но так как война не прекратилась, когда окончилась мировая война, и только стала вестись другими средствами, то в настоящее время и Антанта не в состоянии в своей политике по отношению к русской революции руководиться исключительно стремлением подавить пролетарскую революцию. Вопрос о том, какое положение могла бы занять контр-революционная Россия по отношению к Германии и Японии, начинает серьезно беспокоить как английский, так и американский империализм, и очень возможно, что такого рода соображения в настоящее время в гораздо большей степени оказывают влияние на внешнюю политику обоих главных государств Антанты, чем нам об этом известно.

Из этой взаимной связи выясняется (даже не упоминая о целом ряде других моментов, о которых еще придется говорить), почему внешняя политика русской Советской республики не может иметь единого характера, как можно было бы ожидать, если руководиться революционной схемой. Большевики, вместе с другими партиями левого течения Циммервальда и в отличие от стремления социал-патриотов и политиков центра к „демократическому миру, основанному на соглашении", всегда отмечали то обстоятельство, что мир без эксплоатации и угнетения народов возможен только при условии, если главные народы мира сами освободятся от ига капитализма, т. е., — только после мировой революции; путь к международному миру ведет через революцию в каждой отдельной капиталистической стране. На вопрос социал-патриотов, что же произойдет, если революция победит в одной стране, в то время как в других странах у власти останутся империалистические силы и будут продолжать войну, большевики отвечали: в таком случае, пролетарское правительство должно сделать все возможное,

чтобы усилить стремление к миру в других странах, путем обнародования тайных империалистических договоров и т. д. и добиться почетного мира с врагами, а если это не удастся, то их задача организовать революционную оборону.

И вот, в марте 1917 года в России рухнул царизм и победила революция. Но до поры до времени власть перешла не в руки рабочего класса, а к представителям прогрессивных помещиков (князь Львов), промышленного и банкового капитала (Гучков, кадеты) и мелкой буржуазии (социалисты-революционеры и меньшевики). Поддерживая союз с капиталом Антанты, они не опубликовывали грабительских тайных договоров империализма, совершенно не вели борьбы за мир, и не только отказались от борьбы за мир, но, подстрекаемые капиталом Антанты, организовали новое наступление. Армия, утомленная войной, вера в демократические цели которой была убита революцией, торопилась домой, чтобы отнять у помещиков землю, обещанную ей „революционным" правительством, проявляла нетерпение и не хотела долее сражаться. Миллионы солдат дезертировали, остальные бездеятельно сидели в окопах. Когда произошло крушение правительства Керенского, отталкивавшего от своей политики один слой народной массы за другим, Россия имела уже не армию, а только миллионы вооруженных людей. Транспорт пришел в состояние окончательной разрухи, снабжение городов и армии совершенно дезорганизовалось. Что должны были сделать большевики? Опубликовывая тайные договоры, ведя агитацию, они старались усилить борьбу за мир во всех воюющих странах. Они обратились ко всем правительствам с требованием опубликовать тайные договоры и приступить к мирным договорам. Так как правительства Антанты отказались принять в них участие и советскому правительству во время переговоров пришлось сидеть за одним столом только с представителями германского империализма, то оно могло бы добиться лучших мирных условий, если бы решилось помочь германскому империализму прикрыть его грабительский мир маской „мира, основанного на соглашении". Но, сознавая свой интернациональный долг, оно сорвало маску с планов германского империализма и,

когда он обнаружил свою разбойничью сущность, прервало мирные переговоры, чтобы, во первых, еще раз попытаться оказать воздействие на рабочий класс и, во-вторых, принудить германский империализм в случае, если немецкий рабочий класс не схватит его за руку, открыто приставить к груди революции револьвер, потому что грабительский мир мог быть подписан только под непосредственным давлением германского наступления. При таком положении России, при невозможности революционной обороны, пришлось сдаться. Часть большевиков, боровшихся против подписания Брестского мира, предлагали очистить страну до самой Волги, чтобы сделать Урал оплотом грядущей войны, когда германский империализм ослабеет в борьбе с рабочими и крестьянскими массами России, когда он истечет кровью на западных полях сражений. Большая часть большевиков, с Лениным во главе, напротив, указывала на то, что необходимо выиграть время для укрепления своего влияния в массах Центральной России и превращения пролетарской революции из отвлеченной схемы в действительность, путем строительства Советской власти и экспроприации буржуазии. Уступки, которые пришлось сделать германскому империализму, на долгое время исключили возможность социалистического строительства, но пока что война продолжалась. Силы Германии все более истощались, между тем как Советская Россия усиливалась, и таким образом была выиграна возможность,—в случае, если за этот промежуток времени не победит революция в Германии,—в благоприятный момент возобновить борьбу. Течение Ленина взяло верх. И история оправдала его. За несколько месяцев удалось образовать первые отряды новой Красной армии, которая оказала сопротивление чехо-словацким наемникам Антанты, когда они попытались на востоке расправиться с Советской Россией за заключение мира. Через восемь месяцев после Брест-Литовского мира германский империализм лежал в развалинах. Советская власть пустила в народе глубокие корни и, когда Антанта, чтобы уничтожить этого своего последнего противника, стала организовать войну на свой собственный счет, создав армию из контр-революционеров всех наций России и посылая им

снабжение, Советская Россия на этот раз оказалась в состоянии начать революционную оборонительную войну. Ее Красная армия в полтора миллиона человек теперь сражается на всех фронтах России против контр-революционных армий латышей, литовцев, эстонцев, поляков, украинцев, против Юденича, Деникина, Колчака.

Но, вместе с тем, Советское правительство не упускает ни одного дня, чтобы не сделать попытки добиться мира с Антантой или с ее бандитами. Нет такой тяжелой жертвы, ценой которой она не согласилась бы на заключение мира. Оно согласно даже признать военные долги царизма, вследствие чего безмозглые „левые" социалисты революционеры бичевали его, как „правительство предателей", и вели против него борьбу. Да, его „оппортунизм" заходит так далеко, что при известных условиях оно готово предоставить союзникам хозяйственные концессии в России, лишь бы только добиться мира.

Поступает ли оно так вследствие своего пацифизма? Оно признает и организует революционную войну. Поступает ли оно так вследствие своего оппортунизма? Оппортунизм, как метод рабочего движения, означает стремление посредством компромисса с буржуазией добиться социализма путем постепенного развития, отказываясь от низвержения буржуазного господства: советское правительство возникло в результате низвержения буржуазного господства, оно экспроприировало буржуазию и защищает диктатуру рабочего класса всеми возможными средствами. Но одно дело оппортунизм, а другое дело—умение считаться с обстоятельствами. А решающим фактом, с которым должна считаться внешняя политика Советской России, является, во-первых, следующее: революция в Западной Европе и Америке развивается очень медленно. Для ее окончательной победы потребуются целые десятилетия. Она не победит сразу во всех странах. Социалистические государства долго еще будут существовать рядом с капиталистическими. Война истощает народы, ведущие ее. Из-за нее приходится расстреливать на воздух все те экономические средства, которые в противном случае послужили бы для строительства социализма, для улучшения положения народных масс. Отсюда

вытекает то следствие, что проблема внешней Советской политики — а в случае, если мировая революция будет развиваться с такой же быстротой, как сейчас, то и внешней политики всех других стран, — где победит рабочий класс, заключается в том, чтобы установить modus vivendi с капиталистическими государствами, и таким образом, хотя бы ценой тяжелых жертв, снять с пролетарских государств бремя войны, освободить их от опасности блокады. Не иллюзия ли это? Неужели пролетарские и капиталистические государства могут жить в мире между собой, занимаясь товарообменом? Если бы развитие событий зависело от свободной воли капиталистических государств, то они задушили бы каждое пролетарское государство, как задушили Советскую Венгрию, территория которой была слишком ничтожна, и сама она слишком слаба, чтобы удержаться собственными силами. С Советской Россией дело обстоит не так просто. Франция отправила собственные войска в южную Россию. Бунт этих войск в Одессе заставил французское правительство отправить их обратно. Англия отправила свои войска на север, к Архангельску. Протест английских рабочих заставил английское правительство отозвать свои войска из Архангельска. Антанта снабжала средствами русских контр-революционеров и помогает контр-революционерам в пограничных странах деньгами и снаряжением. Одна только Англия превратила для этой цели миллиард фунтов стерлингов в пороховой дым. В положении, все более становившемся катастрофическим, даже финансы Антанты не позволяли затягивать это до бесконечности. По мере того, как в странах Антанты рабочее движение, несомненно, все более усиливалось, Антанта должна была, во избежание катастрофы, отказаться от этой политики. Надо еще принять во внимание, что после заключения мира националистическое настроение среди народных масс ослабевает. Становится все трудней заставлять рабочих сражаться с рабочими. И, наконец, если, с одной стороны, Советская Россия нуждается в продуктах промышленности стран Антанты, то, с другой, Антанта нуждается в ее сырье и стремится сохра-

нить ее, как рынок. Так, страх перед завоеванием русского рынка немецким капиталом, перед возрождением сил этого противника путем овладения русским рынком, играет важную роль в политике английского и американского торгового капитала. В этом отношении характерно то обстоятельство, что „Manchester Guardian" и „Daily News", представители английского торгового мира, одновременно являются сторонниками мирной политики по отношению к России.

Возможность мира между капиталистическими и пролетарскими государствами вовсе не утопия. Подобно тому, как феодальные и капиталистические государства существовали рядом друг с другом, точно так же отношения еще капиталистических государств к уже социалистическим поневоле могут оказаться мирными. Этот мир будет еще менее „вечным", чем тот, который доныне господствовал между капиталистическими государствами, ибо каждое пролетарское государство самым фактом своего существования становится силой, постоянно возбуждающей к революции пролетариев капиталистических государств. Если бы только капиталистические государства в состоянии были свернуть шею государствам пролетарским, они охотно сделали бы это. Ясно, во всяком случае, что они еще долго будут стараться причинять затруднения пролетарским государствам. Каждое пролетарское государство вплоть до окончательной победы мировой революции должно будет заботиться о подготовке пролетариата к обороне и, надо думать, много раз еще ему придется браться за оружие. Но для него тоже война остается ultima ratio, и оно будет стараться достигать своих целей по отношению к капиталистическим государствам мирными путями. Это будет стоить жертв. Соглашения, которые придется заключать пролетарскому государству с капиталистическими, чрезвычайно затруднят осуществление коммунистической программы. Но война является еще большим препятствием, и до тех пор, пока мировая революция не победит в главных капиталистических государствах, коммунизм в отдельной стране не может быть проведен во всей чистоте.

Таковы уроки, которые каждый мыслящий коммунист может извлечь из двухлетнего опыта Советской республики.

Этот опыт показывает, что существование пролетарского государства вовсе не зависит от немедленного крушения или немедленной победы мировой революции. Вовсе не исключена возможность мира с капиталистическими государствами, которые, разумеется, только под давлением длительной борьбы с ними могут притти к убеждению, что уничтожить пролетарское государство далеко не так легко. Советская Россия еще не вышла из фазы этой борьбы, но уже имеются налицо признаки, что ему будет дана новая передышка. Передышка 1918 года была обеспечена Советской России борьбой между двумя большими империалистическими лагерями. Сейчас новая передышка имеет своей причиной, как непрерывно растущую собственную мощь Советской России, так и продолжающиеся противоречия интересов между пролетариатом и буржуазией в лагере вчерашних победителей. В то время, как русское правительство использует все эти противоречия, оно в области внешней политики является примером подражания для тех пролетарских государств, которые возникнут в будущем, подобно тому как во всех остальных областях оно прокладывает путь для будущей пролетарской государственной политики. Кто хочет по коммунистически продумать проблемы внешней политики, например, те, которые возникнут перед немецким пролетариатом в случае его победы, тот не может пройти мимо уроков русской Советской республики.

Как мы увидим, наши гамбургские национальные большевики виноваты именно в этом и в полной мере.

III. Внешняя политика контр-революции и революции в Германии.

Свою брошюру „Между первой и второй революцией“, претендующую на значение не только агитационной речи, но и исторического исследования, Лауфенберг начинает главой о задачах ноябрьской революции, при чем выдвигает против нее обвинение, будто она не разрешила стоявших перед нею задач.

Покойная ноябрьская революция могла бы ответить Лауфенбергу: „Глубокоуважаемый историк! Как может ученый

человек оказаться таким дураком: ведь, я была только формой крушения германского империализма, а не восстания германского пролетариата. Само собой разумеется, что гибнущая буржуазия не в состоянии выполнять задачи поднимающегося пролетариата".

Но независимо от вздора, типичного для школьного учителя, его введение переполнено замечаниями, грубо противоречащими фактам. Если Лауфенберг утверждает, будто в ноябре Германия могла защищаться, будто можно было мгновенно „создать Красную армию с революционным офицерством во главе", которая „могла бы стать страшным противником для Антанты", если дальше он утверждает, что сейчас же вслед затем социальная революция в одно мгновение превратила бы бельгийские и французские массы в пламенных друзей Германии, то все это или безусловная неправда (оценка военного положения Германии) или фантастическая иллюзия, являющаяся исходным моментом фантастической политики, и Лауфенберг хочет в будущем навязать ее коммунистической партии Германии. Для него дело идет не только о том, чтобы понять основы внешней политики германской контр-революции. Такими вещами занимается марксист, знающий, что революционная политика коммунизма должна исходить из фактов. Мелкобуржуазный националист Лауфенберг ставит себя выше фактов или выдумавает их, ибо для него дело идет не о революционной политике, а о националистической болтовне, о националистических кляузах.

Что Германия в ноябре 1918 года не могла долее вести войну,—это известно теперь каждому, кто пристальным взглядом и мыслящим умом наблюдает за ходом событий и изучающей их военной литературой, а в 1918 году, в ноябре, это было известно каждому, кто видел, до какой степени армия и рабочие массы во всем государстве были охвачены единой мыслью, мыслью о мире. Наши русские товарищи, которые притом были дальше от Германии, чем Лауфенберг, в ноябре 1918 года не питали ни малейших иллюзий насчет возможностей продолжения Германией войны. Если „Vossische Zeitung" и „Vorwärts" утверждали, будто Лауфенберг только развивает ту политику, которую обосновывал

товарищ Радек на учредительном съезде коммунистической партии в декабре 1918 года, возбуждая немецких пролетариев к войне против Антанты, то это сознательная ложь контр-революционной печати. Имеется стенограмма речи Радека с написанным к ней в январе предисловием, и она ясно показывает, что русским товарищам и не снилась защита такой фантастической политики. Они требовали не войны против Антанты, но такой политики, которая была бы приемлема даже для буржуазного правительства, если бы оно не старалось выдать Германию на милостивый или немилостивый произвол Антанты. Они требовали открытия пути в Россию, посредством передачи власти в очищенных тогда Германией областях в руки местных Советов рабочих делутатов, так как было ясно, что белогвардейцы, вооруженные при содействии немецких генералов, перешли на сторону Антанты и стараются выстроить стену, отделяющую Россию от Германии. Если бы сохранялась непосредственная связь между обеими странами, то они взаимно усилились бы экономически, и положение германского правительства при мирных переговорах было бы прочнее, а если бы в странах Антанты произошли революционные движения, то мы были бы в состоянии оказать сопротивление грабительскому миру. Но даже в том случае, если бы это не было возможно немедленно, открылась бы возможность такого сопротивления в будущем. Правительство народных уполномоченных, состоящее из социалистов большинства и из независимых, обнаружило свою неспособность к такого рода политике, приемлемой для каждой дальновидной буржуазной партии: социалисты большинства, из боязни какого бы то ни было соприкосновения с Советской Россией, независимые, деморализованные доверием к Вильсону, отдали Германию на произвол Антанты. Они надеялись, что путем полного отказа на будущее время от какой бы то ни было возможности самозащиты, и даже более того—в награду за постройку заградительного вала между русской и германской революцией, германская революция добьется лучших условий мира. В Версале они получили такую плату за свою политику, что перед глазами у них пошли желтые и зеленые круги. Версальский мир сделал для Германии невозмож-

ным ни капиталистическое, ни социалистическое хозяйство. Этот мир отдает в залог Антанте большую часть производительных сил Германии и превращает немецкие народные массы в рабов капитала Антанты.

Совершенно ясно, что коммунистическая партия не могла принять на себя никакой ответственности за этот мир. Но в такой же степени она не могла принять на себя ответственности за войну, руководимую немецкой контр-революцией, потому что такая война велась бы исключительно для защиты немецкого капитала. В своих июньских тезисах о мире, являющихся образцом революционной ясности мысли, Центральный Комитет отклонил обязательство в случае победы рабочего класса принять на себя ответственность за войну с Антантой во что бы то ни стало. Отметив то обстоятельство, что победа пролетариата должна укрепить в Германии положение пролетарского правительства по отношению к Антанте, и открывает перспективу более благоприятных мирных условий, Центральный Комитет высказал в своих тезисах следующую мысль. Для Советской республики принятие или отклонение мирных условий, предложенных ей, повлечет за собой совершенно иные последствия. Решение советского правительства принять или отклонить мирные условия зависит от конкретной ситуации, в которой мир был бы принят или отклонен.

Так гласит революционный и реалистический ответ Центрального Комитета, с революционной честностью отказывавшегося подписать вексель, который ему пришлось бы, возможно, оплачивать, хотя в данный момент не было и речи о переходе власти в руки коммунистов. Не то с гамбургскими демагогами. Во имя коммунизма, они проповедуют войну с Антантой, прорыв через Балтику и Польшу, соединение с Советской Россией, как немедленное следствие завоевания власти германским рабочим классом, и объявляют, что одним ударом разобьют версальские цепи голода и нищеты. Все это они обещают потому, что дело идет „об использовании в полном объеме краткого мгновения замешательства, которым будут охвачены государства Антанты“,

Национализм неизбежно связан с глупостью. Его типичный представитель—Брамарба. Лауфенберг и Вольфгейм намерены ошеломить Антанту объявлением войны, вот почему они уже теперь провозглашают эту ошеломляющую войну. Как безответственны эти обещания, лучше всего доказывает взгляд, брошенный на положение Франции, с которой Советской Германии придется иметь дело в первую очередь. Революционное движение в этой стране пока слабей, даже чем в Англии, хотя во Франции шире распространена революционная печать, и сторонники Лонге говорят гораздо более ясным революционным языком, чем парламентские представители английской рабочей партии, которая, однако, смелей защищает русскую революцию. Опыт 12 июля показывает, что французский рабочий класс чувствует себя еще очень слабым. Это находится в зависимости от его очень незначительной роли в производстве во французской экономической жизни (большее значение сельского хозяйства, менее развитая концентрация), в связи с опустошением промышленного Севера и с большими потерями рабочего класса во время войны и т. д. К тому же, надо принять во внимание, что французские народные массы спокойно взвешивали свои надежды на возмещение убытков войны Германией, на ее сотрудничество в деле восстановления Севера Франции. Они спокойно переносили все и были уверены, что „Германия заплатит". Ненависть к Германии, остающейся в глазах широчайших масс Франции единственной виновницей войны, еще не утихла. При таких условиях, объявление Советской Германией войны Франции, наступление против Польши, было бы в глазах французских народных масс доказательством того факта, что провозглашение в Германии советской республики представляет собой не что иное, как простую комедию, имеющую своей целью возложить чудовищное военное бремя на плечи французских народных масс, вследствие чего они бросятся в объятия националистов. Если гамбургские иллюзионисты воображают, будто они встретятся на Рейне только с французскими белогвардейцами, то им придется пережить необычайные чудеса.

В том случае, если рабочий класс Германии станет у власти раньше, чем рабочая революция будет близка к победе,—если еще не победит,—то внешняя политика германского рабочего правительства будет направлена не на войну, не на отказ от Версальского мира, а на постепенное его упразднение. Оно начнет с того, что примет на себя все обязательства по восстановлению Северной Франции, обязываясь, вместе с тем, выполнить и все другие требования мирного договора, при чем главной задачей революционной дипломатии Германии будет практически показать французским народным массам, какие постановления Версальского мира невыполнимы. Ликвидация будет происходить шаг за шагом, по мере того, как будет подниматься революционная волна во Франции и Польше, по мере того, как будет усиливаться Советская республика в России, которая путем давления на националистическую Польшу, может быть, не позволит ей сыграть по отношению к Германии роль французского сторожевого пса. Задача внешней политики германского советского правительства будет заключаться в том, чтобы выиграть время,—в случае, если оно возникнет раньше, чем во Франции,—для строительства Советской Германии, для подавления буржуазии, для завоевания доверия к себе со стороны пролетарских масс за границей. Такая политика тем более необходима, что, в отличие от русского советского правительства, германское совершенно не будет иметь места для отступательных маневров, так как без союза с польским рабочим классом оно, в случае занятия Рурской области, останется совершенно без угля и снабжения армии.

В этой преднамеренно кунктаторской внешней политике германской Советской республики большую роль сыграет тот факт, что до тех пор, когда между Советской Россией и советской Германией исчезнет барьер, и ей удастся с помощью немецких пролетариев улучшить транспорт в России и таким образом улучшить продовольственное снабжение Советской России и советской Германии, в чем обе страны заинтересованы самым жизненным образом,—ей необходимо будет завязать торговые сношения с англо-саксонскими странами, а не прервать их посредством ошеломляющего

объявления войны. Кто совсем не принимает всего этого в расчет, тот не только не ведет никакой революционной внешней политики, но занимается политиканством, вытекающим из революционного или националистического нетерпения, или из того и другого вместе, потому что вообще признаком мелкобуржуазной политики является ее неспособность выжидать.

Что эта политика Лауфенберга и Вольфгейма является по существу националистической, можно кратко доказать их же собственными убогими выражениями: „На первом плане стоит не тот факт, что мы хотим коммунистически организовать хозяйство, и не вопрос о том, какая часть народа непосредственно заинтересована в этом, а то обстоятельство, что весь народ стремится к этому, чтобы не погибнуть, как целое". Интересы целого, то-есть нации,—вот источник политики Лауфенберга и Вольфгейма, и они определяют цель своей политики следующим образом: „Искать внутри народа в целом путей, которые всему народу обеспечат возможности лучшего существования". Если до сих пор германская коммунистическая партия придерживалась мнения, что она существует, как таковая, именно потому, что нет народа в целом, а есть капиталистическое общество, разделенное гражданской войной, и что путь к преодолению капитализма и коммунистической организации народа в целом ведет к борьбе одной части общества против другой, то Лауфенберг и Вольфгейм исходят из предпосылки национальной солидарности и приходят к естественной солидарности в войне против Антанты, то-есть к национальному большевизму.

IV. Революционный гражданский мир.

Признаком всякой контр-революционной националистической политики является то обстоятельство, что она исходит из так называемого примата внешней политики, то-есть из воззрения, формулированного Ранке, что задачи внешней политики определяют собой задачи внутренней. Контр-рево-

люционность этого учения состоит в том, что во внешней политике гораздо трудней выяснить классовые интересы, чем во внутренней, ибо народ легко поддается убеждению, будто все классы общества имеют общие интересы по отношению к остальным государствам, а из этой предполагаемой общности интересов внешней политики легко вывести путем логических фокусов общность внутренних задач. Одним из великих дел Маркса и в особенности Энгельса было выяснение того факта, что наоборот внешние классовые отношения нации определяют собой отношение к другим государствам, и задачи внешней политики вырастают из внутренней, чтобы, разумеется, затем оказывать на них влияние, со своей стороны. Если вообще можно устанавливать какой бы то ни было примат, то для марксиста приматом являются внутренние отношения. Конкретно говоря, однородны ли интересы всех классов немецкой нации по отношению к Антанте? Такое утверждение нелепо. В то время, как пролетариат стремится к тому, чтобы совершенно экспроприировать германскую буржуазию и помещиков, Антанта хочет отнять у них только часть имущества и держать их в Германии на положении сторожевых псов капиталистической эксплоатации. Путем тайных сделок германских капиталистов с иностранными, им удалось спасти большую часть своего состояния, продолжая под чужим покровительством свое хозяйство, основанное на прибавочной стоимости. Поэтому гнев против предателей, национальное возмущение так непродолжительно среди крупных капиталистов и поэтому честные националисты, вроде Эльцбахера, которые, из чувства негодования против Версальского мира, проповедуют союз с Советской Россией, то-есть, так называемый национальный большевизм, представляют совершенно единичные явления. Нет сомнения, что германская буржуазия предпочла бы открытую оккупацию Германии Антантой, чем советскую диктатуру. Отсюда следует, что рабочий класс Германии ни при каких обстоятельствах не может рассчитывать на поддержку со стороны германской буржуазии в своей борьбе против капитала Антанты.

Если немецкий рабочий класс победит и перейдет к социализированию производства, то на каждом шагу ему придется наталкиваться на тот факт, что немецкая буржуазия будет прятаться за спины капиталистов Антанты, чтобы найти защиту против посягательства немецкого революционного правительства. Если германский пролетариат будет вынужден начать войну против Антанты, то буржуазия, помещики и большая часть офицерства окажутся на стороне правительства Антанты.

Война, которая сама по себе потребовала бы усиления диктаторских мероприятий, потому что разоренная страна не может вести ее, не отнимая у имущих классов последней пары башмаков для армии, заставила бы беспощадно подавлять буржуазию именно вследствие неизбежного предательского поведения этого класса. Простое взвешивание классовых отношений безусловно приводит к этому.

Лауфенберг и Вольфгейм, заранее объявляющие войну, делают вывод, что эта господствующая над всем внешняя задача с неизбежностью повлечет за собой внутри страны гражданский мир. „В тот момент, когда дело будет итти о том, чтобы объявить внешнюю войну, господствующие классы, как и рабочий класс, будут прежде всего заинтересованы во внутреннем мире". Только при том предварительном условии, если буржуазия совершенно спокойно отнесется к захвату власти рабочим классом, может случиться, что пролетарская диктатура была бы не менее заинтересована в установлении гражданского мира на время войны, чем при совершенно противоположных условиях Вильгельм второй",—так сказано в гамбургском манифесте. Следовательно, буржуазия должна совершенно спокойно признать диктатуру пролетариата, чтобы так же спокойно продолжать войну против мирового капитала! Разве это не бессмыслица? Да, но это последовательная бессмыслица. Как представляют себе Лауфенберг и Вольфгейм пролетарскую диктатуру? Какие классы общества должны ее осуществлять? Она должна осуществляться классовой организацией, в состав которой советское правительство „должно вовлекать не отдельную часть народа, до сих пор обычно называемую рабочим клас-

сом, но всех, занятых производительным трудом, независимо от того, к какому общественному кругу они до сих пор принадлежали". Означает ли это, что сторонники гамбургского течения имеют в данном случае в виду работников умственного труда? Они имеют в виду все крестьянство, „независимо от позднейшего урегулирования земледельческих отношений собственности", т.-е. включая сюда и зажиточное крестьянство. Манифест предоставляет отдельным представителям буржуазии свободное право „входить в состав пролетарских классовых организаций", т.-е. в эпоху пролетарской диктатуры она может разыгрывать такую же комедию, как в ноябре, когда „стала на почву фактов", на основании которых могла распоряжаться и командовать. Коротко и просто: чтобы вести войну, Лауфенберг, под прикрытием диктатуры пролетариата, добивается соглашения с обанкротившейся буржуазией, подобно тому соглашению, которое от имени буржуазии граф Кароли предлагал пролетариату в Венгрии.

Круг гамбургских идей, несмотря на всю путаницу, завершается вполне определенно: от болтовни об якобинской диктатуре коммунистической партии, то-есть от болтовни, направленной против диктатуры пролетариата, через восхваление всеобщей революционной организации, к открытой пропаганде гражданского мира при так называемой пролетарской, а в действительности руководимой буржуазией псевдопролетарской диктатуре! И все это во имя национальной войны. В настоящее время все слои немецкого народа подверглись пролетаризации,— заявляет Лауфенберг,—и пролетарские организации никого не могут выключить. В случае, если пропаганда Лауфенберга будет иметь успех, перед нами окажется мелкобуржуазная националистически-революционная партия, которая в своем развитии от личной путаницы двух публицистов к партии также откажется от синдикализма, как сами они давно уже отказались от коммунизма.

У кого еще есть сомнение, могут ли Лауфенберг и Вольфгейм быть попутчиками для немецких коммунистов, тому мы

рекомендуем почитать их листовки, в которых они окончательно порвали с коммунистической партией.

Какой путь изберет немецкий пролетариат в своей борьбе против капитала Антанты на другой день после своей победы, после организации пролетарской диктатуры,—в настоящее время предусмотреть невозможно. Это зависит от конкретных условий международного положения, которое сейчас изменчивей, чем когда бы то ни было. Достоверно одно: он будет вести борьбу в союзе с пролетариями всех стран, а не в союзе с немецкой буржуазией.

Декабрь 1919 года.

Диктатура рабочего класса и коммунистической партии.

I. «Долой партийных бонз!»

Когда гамбургские проповедники раскола незадолго перед общегерманской конференцией выставили лозунг: „Вон мародеров революции (имелся в виду Центральный Комитет партии) из рядов Коммунистической партии!" („Komm. Arb. Ztg." от 16 октября 1919 года), когда грубая рука выставила этих проповедников раскола из залы партийного совещания, они стали искать знамени, на котором можно было бы начертать: „Сим победиши!" Таким знаменем не мог стать принципиальный антипарламентаризм, потому что при существующей ситуации и Центральный Комитет безусловно не отказался от решения не принимать участия в выборах, и, кроме того, этот вопрос в данный момент не является актуальным. Рабочие союзы (юнионы), в качестве лозунга, совершенно неизвестны почти нигде в государстве, как и в Берлине. Таким образом, лозунгом на знамени проповедников, боевым кличем, объединяющим всю оппозицию, вместо „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" оказалось: „Долой партийных бонз!"

Если это не привлечет к себе внимания, то Лауфенбергу, Вольфгейму и всем прочим ничего не останется делать. Однако, вопль „Долой партийных бонз!" имеет свое „но". Кто сможет гарантировать, что завтра этот призыв не будет направлен против самого Лауфенберга и Вольфгейма? Ведь, однажды Лауфенбергу пришлось уже видеть, как объединились против него массы, подстрекаемые социалистами большинства, под лозунгом „Долой партийных бонз!", когда

он был председателем гамбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Но у него есть противоядие. Покойный русский поэт Алексей Толстой сказал: „Есть мужик, и мужик. Если он не пропьет урожаю, я того мужика уважаю". Точно так же есть вожди и вожди. И есть такие вожди, которые считают демагогией такое уничтожение вождей на бумаге, и открыто говорят рабочим массам, что до тех пор, пока капитализм не допускает народных масс к источникам просвещения, убивая в одной их части способность к самодеятельности, другая часть наиболее энергичных и сознательных пролетариев должна сомкнуться в партию, а самые сознательные должны стать руководителями, ибо они лучше служат делу и потому признаются вождями; а теперь выясняется, что эти вожди, открыто называющие вещи их именами, оказались, по мнению гамбургских проповедников, плохими вождями.

Вопли демагогов можно обезвредить напоминанием того случая, когда они сами после их исключения из конференции объединились, чтобы, даже не запрашивая мнений своих организаций, образовать новый Центральный Комитет. Из воззвания, напечатанного в „Kommunistische Arbeiterzeitung", видно, что они на тайной сходке провозгласили себя самих вождями еще не существующей партии. Впрочем, для нас дело идет не только о том, чтобы срывать маски с демагогов, но, главным образом, о постановке чрезвычайно важного вопроса,—об отношении партии к рабочему классу в пролетарской революции и организации Советов и об отношении вождей к партии в этот период борьбы.

II. Массы и вопрос о вождях перед войной.

До революции вопрос об отношении вождей к массам играл очень значительную роль в возникновении левого радикального направления, из которого развилась коммунистическая партия. Память об этой внутренней борьбе создала почву, благодаря которой даже прошедшие хорошую школу круги рабочих поддались болтовне о „движении во-

ждей". Как был поставлен этот вопрос лучшими умами среди левых радикалов? В то время, как реформисты говорили массам, что социализм будет завоеван мирным путем, осуществляясь посредством медленного, но победоносного развития пролетарских организаций, — вростание в социализм,—революционные марксисты заявили: нет, социализм окажется победителем над капитализмом только в результате периода революционных битв. Это основное различие воззрений реформистского и революционного крыла определяет собой смысл разногласий в оценке роли масс и вождей. Тот, кто видел путь к социализму в мирной борьбе организаций (партии и профессиональных союзов) с капитализмом, тот приписывал вождям решающую роль. Переговоры о тарифах вели в профессиональных союзах вожди, а не массы. Массы должны были спокойно стоять на втором плане и в дисциплинированном порядке ждать, пока они понадобятся для подкрепления позиции вождей, для выступления по их зову, при чем вопрос о том, должны ли выступать массы, решался вождями. В противоположность этому, мы, левые радикалы, утверждали: классовые противоречия все более обостряются. Если профессиональные союзы усиливаются, то еще сильней становятся союзы промышленников и тресты. Кассы профессиональных союзов не могут сравниться с кассами картелированного капитала. Достигаемые успехи переговорами становятся все менее значительными. Не касса против кассы, а класс против класса,—таково объективное положение. Поэтому уже сейчас основную роль играет не изворотливость вождей, а боевая сила, то-есть самодеятельность, сознательность и способность масс к самопожертвованию. Представители капитала все более объединяются в парламенте против рабочего класса. Вождям рабочего класса все менее приходится рассчитывать на то, что им удастся использовать противоречия между представителями средних слоев, аграриев и промышленных капиталистов, ибо эти противоречия все более сглаживаются. Становится уже невозможным вынудить у капитала уступки путем давления масс, и поэтому парламент все более теряет свое значение, как почва для соглашения, сравнительно с массовыми выступлениями, как способами пролетарского давления на класс

капиталистов. И решительный последний бой разыграется не на парламентском паркете, а в массовой борьбе на фабриках и на улице.

Так ставили перед войной вопрос о вождях и массах мы, левые радикалы. В надвигающейся эпохе революционной борьбы мы переносили центр тяжести на массы, которые должны будут вынести их на своих плечах. Так как группа реформистских вождей частью из идеологического упорства, частью вследствие своей заинтересованности в мирном развитии, обеспечивающем им спокойную жизнь и почет, выступали против обострения классовой борьбы, становившегося все более необходимым, то мы потребовали, чтобы решение вопросов о моменте выступления и о средствах борьбы переносилось из узкого круга вождей на общие собрания членов партии и профессиональных союзов.

Мы обращались с вопросом к берлинским рабочим, в рядах которых боролась Роза Люксембург, к бременским рабочим, среди которых находились Паннекук и Радек, является ли решение этих вопросов настоятельной необходимостью? Утверждает ли кто-нибудь в рядах коммунистической партии, что исторические судьбы революции решаются в парламенте или что экспроприация капиталистов может произойти путем тарифных договоров? Никто! Мы утверждаем, что, хотя вопросы будут решаться не в парламенте, а на улице и в предприятии, однако их можно подготовить деятельностью коммунистов в парламенте. Подготовка будет заключаться в том, что мы используем трибуну парламента для агитации в том случае, если капиталистическая диктатура затруднит применение иных средств. Наше утверждение сводится к тому, что, хотя профессиональные союзы не в состоянии обеспечить никаких длительных успехов, хотя старые способы маневрирования потеряли свое значение, но профессиональные союзы, как массовые организации пролетариата, могут быть использованы для целей его революционной борьбы. Эти вопросы не имеют ничего общего со старым вопросом об отношении вождей к массам. Они сводятся не к отношению вождей и масс, а к вопросу о способах борьбы, применяемых массой во время революции.

III. Сущность пролетарской диктатуры.

Если старые вопросы о массах и вождях, являвшиеся перед войной исходным моментом развития коммунистического направления, теперь ясны каждому революционеру, то революция вновь и при совершенно иных условиях поставила вопрос об отношении между массой и вождями, в виде вопроса об отношении коммунистической партии к рабочему классу.

Коммунистическая партия не имеет интересов, отличных от интересов рабочего класса, единственным и всеобщим интересом которого является освобождение от капиталистического ига. Коммунистическая партия не стремится к завоеванию никаких привилегий для какого бы то ни было отдельного слоя, но имеет своей единственной целью уничтожение капитализма, освобождение рабочего класса, социалистическую организацию общества. Для осуществления ее целей, во время борьбы, пока сопротивление буржуазии еще не сломлено, необходимо установление диктатуры пролетариата. Это значит, что до тех пор, пока буржуазия оказывает сопротивление победоносному рабочему классу, надеясь вновь поработить его, это сопротивление должно быть сломлено всеми средствами насилия. Если независимые тоже хотят диктатуры, но без насилия, без терроризма, то этим они доказывают, что вовсе не хотят никакой диктатуры рабочего класса. Если принять во внимание, как буржуазия в Германии обрушивает все ужасы белого террора на борющийся за свое освобождение рабочий класс, как она организует в Англии и Америке белую гвардию для борьбы со стачками, то кто же станет сомневаться, что даже в том случае, когда рабочему классу удастся завоевать власть, буржуазия не прекратит борьбы, но, пока у нее останется хоть малейшая надежда вернуть власть, она с величайшей энергией будет стремиться к этому. Диктатура без готовности к терроризму—это нож без клинка. Эта диктатура должна быть рабочей диктатурой, диктатурой рабочего класса, если она хочет стать победоносной. Что это означает? Прежде всего, что она на первом месте ставит интересы рабочего класса и только ими руководится. Во-вторых,—что она мо-

жет быть осуществлена только через посредство рабочих организаций. Если бы, например, Георгу Ледебуру удалось завоевать власть, как он рассчитывал в январе, он повис бы с нею в воздухе. В то время профессиональные союзы в своем большинстве,—не только вожди, но и массы,—были против пролетарской диктатуры. Советы рабочих депутатов—тоже. Чтобы удержать свою власть, Ледебуру пришлось бы утвердить господство вновь зарождающейся независимой бюрократии, которая, не находя поддержки со стороны больших рабочих организаций, или пала бы через два дня, или была бы вынуждена применить жесточайший террор. Поэтому попытка завоевания власти, прежде чем к диктатуре начнут стремиться обширные массы пролетариата, господствующего в главных центрах и руководящих отраслях промышленности, прежде чем возникнут массовые организации является не больше, как только путчем.

IV. Коммунистическая партия и рабочие массы в борьбе за власть.

Коммунистическая партия является противницей путчей. Она стремится ни к какой иной диктатуре, как только к такой, которую поддерживают наиболее энергичные массы пролетариата, и которая может быть осуществлена только через посредство широких рабочих организаций, (в первую очередь, через посредство Советов рабочих депутатов). Но мы знаем, что даже сейчас большая часть рабочего класса относится отрицательно к идее диктатуры (именно рабочие, входящие в христианские, либеральные и социал-демократические [большинства] союзы) или еще недостаточно хорошо уясняет себе условия пролетарской диктатуры, хотя и высказывается за нее: сюда относятся рабочие, примыкающие к независимым и соглашающиеся с болтовней Ледебура о диктатуре без терроризма. Должна ли коммунистическая партия подчинить свою политику несознательным рабочим массам даже в том случае, если они составляют большинство в массовых организациях, рассматриваемых нами, как будущие

носители диктатуры? Нет, ни в коем случае! Коммунистическая партия—это партия сознательных революционных рабочих. Пока она не имеет на своей стороне большинства в массовых организациях пролетариата, в Советах и профессиональных союзах, она должна отказаться от какой бы то ни было попытки захвата власти, ибо для этой цели необходимо большинство. Она должна отказаться от выступлений, неосуществимых без этого большинства. Но тем не менее, она должна сохранить за собой свободу собственной пропаганды и самостоятельных политических выступлений. В тех случаях, когда масса, еще несознательная в своем большинстве, предает собственные интересы, коммунистическая партия, ясно понимающая эти интересы, должна отчетливо выявлять их в своей агитации, подчеркивать их соответствующими выступлениями, хотя бы эти выступления были заранее обречены на поражение. Попытка меньшинства рабочего класса захватить власть является путчем, но, если, например, Носке осаждает Мюнхен, и коммунисты в других городах путем частичных забастовок провозглашают свою солидарность с мюнхенским пролетариатом и стараются причинить правительству затруднения, чтобы облегчить положение мюнхенцев, то это ни в коем случае не путч, а такой акт пролетарской освободительной борьбы, который принесет свои плоды в будущем, не говоря уже о том, что наверное спас бы мюнхенский пролетариат от кровавой бани. Коммунистическая партия не имеет права растворяться в несознательной или полусознательной массе пролетариата. Своей политикой она должна выделять себя среди этой массы. Коммунистическая партия должна играть роль вождя рабочего класса в целом, итти впереди, развертывая перед ним знамя пролетарской революции, даже в том случае, если большинство не идет за ней. Ее обязанность подчеркивать это, имея в виду оппортунистические тенденции, проявляющиеся в лагере независимой социалистической партии под маской последовательной защиты „советской си-

стемы", и даже—в нашей собственной партии. Левые независимые и коммунисты гамбургского направления заявили, что Советы рабочих депутатов положат конец „старым" партиям, что такие классовые организации, как Советы, имеют преимущество перед партиями, и так далее. Если вопрос ставится о том, что может стать органом классовой власти рабочих,—партия или классовые организации, то, несомненно, преимущество за Советами. Только они в состоянии на долгое время стать аппаратами господства рабочего класса, хотя, как мы позже увидим, коммунистическая партия является их душой. Но до тех пор, пока Советы в своем большинстве еще не стоят на почве пролетарской диктатуры, политическая инициатива принадлежит партии. Просто смешно приписывать Советам какую-то высшую способность к объединению. Это почва, на которой встречаются представители рабочего класса. Если раскалывается класс, то раскол происходит и в Советах. Всякая попытка объединить их на основе „чистой" рабочей политики в противовес коммунистической партии просто смешна и приводит к оппортунистическому затушевыванию противоречий, имеющему своим следствием поражение радикальной части пролетариата. Апостолы идеи первенства Советов рабочих депутатов в Гамбурге имели случай проверить это на опыте, на свой собственный страх и риск.

После ноябрьской революции Лауфенберг попытался отодвинуть партийные „интересы" на второй план, сравнительно с интересами „рабочего единства", выступая в гамбургском Совете и на первом Съезде Советов с предложением такого рода политики, которая должна объединить весь рабочий класс, прежде чем эта масса освободится от буржуазных иллюзий. В результате он укрепил позиции социалистов большинства и независимых, отказавшись от обострения борьбы с ними, а после того, как они почувствовали, что крепко держатся в седле, они же устроили ему подвох со всей его „рабочей политикой". И так будет всегда: тот, кто думает, будто можно передать решение вопросов нашей политики из рук коммунистической партии в руки всеобщих революционных рабочих организаций, тот передает их в руки несознательных и потому находящихся под

влиянием буржуазии масс и этим затрудняет их собственное развитие, лишая их могущественного воздействия стремящейся вперед партии.

V. Коммунистическая партия и массы после завоевания политической власти.

Без понимания роли коммунистической партии, как души передовых отрядов революции, последовательная коммунистическая политика невозможна и после завоевания политической власти. Диктатура рабочего класса вовсе не является противоположностью диктатуры коммунистической партии или коалиции коммунистической партии с другими партиями, подчиняющимися ее руководству. Тот, кто замечает здесь какое-то противоречие, не имеет никакого понятия об условиях пролетарской революции. Коммунистическая партия является не дискуссионным клубом, но подлинным объединением наиболее сознательных и активных элементов пролетариата, а отсюда само собой вытекает, что этот пролетариат, достигая власти, утверждая свою диктатуру, одновременно осуществляет диктатуру коммунистической партии. Победоносный пролетариат замещает коммунистами важнейшие боевые посты, ибо это самые отважные борцы и коммунистическая партия сознательно будет стремиться к тому, чтобы сосредоточить в своих руках важнейшие боевые посты пролетарского правительства. Она будет так поступать не во имя узких партийных, но во имя всеобщих пролетарских классовых интересов, так как знает, что только она одна глубже всего продумала условия пролетарской диктатуры и обладает достаточной решимостью сделать все необходимое. Обстоятельства могут принудить коммунистическую партию к тому, чтобы создать правительство диктатуры совместно с другими партиями, имеющими много сторонников в рабочих массах и стоящих на почве диктатуры рабочего класса. Однако тот факт, что значительная часть рабочего класса считает представителями своих интересов не коммунистов, а другие партии,—доказывает, что он не вполне усвоил обстановку рево-

люционной борьбы, ибо только коммунистическая партия последовательно ведет эту борьбу. Если, несмотря на эту идейную неподготовленность рабочего класса, власть переходит в его руки, то коммунистическая партия оказывается вынужденной принять участие в пролетарском коалиционном правительстве. В таком случае, призыв сомкнуть свои ряды приобретает для нее больше значения, чем когда бы то ни было. Горе ей, если она поддается влиянию фантазий о единстве, если она считает коалицию чем-то большим, чем просто переходным моментом, если она забывает, что при такой коалиции единственной гарантией является ее собственная величайшая сплоченность, обеспечивающая против превращения коалицией диктатуры в комедию, в диктатуру без диктатуры. Пример венгерского советского правительства, когда коммунисты от коалиции с независимыми перешли к полному слиянию с ними, при чем сами независимые далеко не стали коммунистами, должен служить постоянным предостережением для пролетариата.

После завоевания власти, коммунистическая партия ни в коем случае не должна раствориться в массах и в их боевых органах. Она должна сплотить своих членов, лучших представителей диктатуры, постоянно обсуждать с ними вопросы о том, какие мероприятия надо проводить через посредство органов власти пролетариата. Коммунистическая партия, как сплоченная сила, должна итти впереди масс и их организаций, чтобы обеспечить диктатуру. Дело в том, что диктатура пролетариата не может быть завоевана раз навсегда. До окончательной победы ее придется завоевывать каждый день вновь. Рабочая масса, сейчас разделившаяся на слои, в разной степени способные к борьбе, должна проникнуться всеобщей боевой решимостью в процессе развивающейся пролетарской революции, потому что только при этом условии вообще становится возможной пролетарская диктатура. Но эта „всеобщность“ очень относительна. При утверждении пролетарской диктатуры, отдельные части рабочего класса останутся враждебными или безучастными. И та масса, которая будет ликовать в день победы, в дни крайних затруднений, быть может, окажется колеблющейся, даже способной

отчаяться в победе и начать думать о капитуляции. Пролетарская революция не принесет с собой немедленного смягчения нужды, а при известных обстоятельствах она может сопровождаться даже временным ухудшением положения пролетариата. Враги пролетариата используют это, чтобы свергнуть рабочее правительство, и поэтому против них должна выступить мощная централизованная, владеющая органами власти пролетариата коммунистическая партия, исполненная решимости в течение известного периода времени, если условия борьбы не изменятся к лучшему и дух масс не поднимется, стоять у власти, как партия революционного меньшинства. Понятно, что в том случае, если большинство рабочего класса, обманутое надеждой, будто оно лучше сумеет просуществовать даже в цепях капиталистического рабства, чем в борьбе за свое освобождение, в тяжелый момент активно выступит против пролетарской диктатуры и в течение долгого времени будет затруднять ее действия,—коммунистическая партия не сможет удержать свои позиции. Впоследствии условия изменятся к лучшему, и ее снова будет поддерживать класс, помогающий ей довести борьбу до окончательной победы. Освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом,—делом борющегося большинства пролетариата. Но в его освободительной борьбе могут иметь место такие положения, когда революционному меньшинству рабочего класса приходится принимать на себя всю тяжесть борьбы, когда временно рабочая диктатура может держаться только, как партийная диктатура коммунистов. Так много раз складывалось положение в России.

За время с марта по октябрь 1917 года большевики шаг за шагом оттесняли и побеждали меньшевиков. В ноябре 1917 года, когда большевики овладели властью, решительное большинство рабочего класса было на их стороне. Когда летом 1918 года продовольственные затруднения дошли до крайнего предела (Украина находилась в руках немцев, Поволжье и Сибирь—в руках чехо-словацких наемников англо-французского империализма), контр-революция повсюду организовала восстания кулацкой буржуазии в деревне, тогда часть рабочих снова перешла на сторону

меньшевиков, и пролетарское правительство было вынуждено при помощи масс рабочих, сплотившихся в коммунистическую партию, бороться против того, чтобы колеблющаяся часть пролетариата не привела рабочую диктатуру к поражению. После сбора урожая, когда продовольственное положение улучшилось, а германская революция подняла в массах уверенность в победе, весь пролетариат с таким ликованием сплотился вокруг Советской власти, что меньшевики начали искать сближения с нею. Если бы в России не было коммунистической партии с ее строгой централизацией, с ее энергией и неустрашимостью, то советское правительство, вероятно, уже было бы сломлено врагами.

Но если Лауфенберг, напротив, утверждает, будто это — якобинский взгляд, то этим он доказывает два факта: во-первых, что можно прочесть целую библиотеку книг по французской революции и ничего в них не понять, и, во-вторых, что оппортунизм везде и всегда пользуется одними и теми же доводами, хотя бы он окутывал их революционной оболочкой. Довод об якобинцах так же стар, как все вообще возражения оппортунистов против диктатуры.

Еще Бернштейн делал Марксу упрек в том, что идея диктатуры пролетариата позаимствована им у Бланки, который, в свою очередь, воспринял ее от якобинцев, под влиянием книги Филиппа Буонаротти о Гракхе Бабефе. Мартынов, духовный отец меньшевизма, четырнадцать лет назад обвинил большевиков в том, что они являются приверженцами якобинской партийной диктатуры, а в своей брошюре о „Двух диктатурах“, переизданной им в прошлом году, он старается представить рабочую диктатуру в России, как якобинскую. Старый меньшевистский пророк, должно-быть, и не грезил о том, что выдвинутое им обвинение в якобинстве возродится во время раскола на страницах „Коммунистической (!!!) рабочей газеты“. Но эти аргументы не стали убедительней от того, что Лауфенберг и Вольфгейм используют возражения вождей европейского оппортунизма против коммунизма. В чем заключалась сущность якобинской диктатуры, носившей в своем зародыше собственную гибель? Это была буржуазная диктатура: якобинцы стояли

на почве частной собственности. Но они опирались на пролетарские и полупролетарские массы Парижа, руководимые коммунистами французской революции „enragés“, бешеными. Робеспьер и Сен-Жюст вынуждены были опираться на эти массы, поскольку хотели одержать победу в войне буржуазного республиканизма против феодальной контр-революции. Но так как они были именно буржуазными политиками, то должны были оставаться на почве капитализма и частной собственности, несмотря на все свои вторжения в область прав частной собственности, обусловленные потребностями войны. Более того: раздачей военных поставок и продажей военным поставщикам земли, конфискованной у всех контр-революционеров, они создали новую буржуазию. Якобинцы далеко не сходились в своих стремлениях с пролетарскими массами и потому им пришлось послать на гильотину ораторов этой массы, „бешеных“, которые вели борьбу за организацию этих масс по секциям и в коммуне Парижа. После того, как буржуазия, при помощи масс, победила феодальную контр-революцию, она хотела властвовать безраздельно: она хотела обеспечить себя против нарушения якобинцами прав частной собственности и хозяйства, основанного на прибавочной стоимости. После того, как якобинцы оттолкнули от себя рабочие массы своей борьбой против „бешеных“, они лишились поддержки и пали под ножом гильотины от руки термидористов, партии буржуазных спекулянтов.

Такова историческая истина о диктатуре якобицев, как о диктатуре буржуазии над пролетарскими и мелкобуржуазными массами. Что же можно сказать о так называемых коммунистах, ставящих в вину коммунистической партии якобинство, заявляя, что во время пролетарской революции возможны такие положения, когда революционное меньшинство пролетариата, организованное в коммунистическую партию, должно поддерживать и защищать рабочую диктатуру, если даже большинство рабочего класса, создавшего эту диктатуру, проявляет колебания? Коммунисты, пользующиеся оппортунистическим доводом о якобинстве,— просто дураки и невежды, не умеющие найти собственные аргументы в защиту своей путаницы и вынужденные хвататься за первую попавшуюся оппортунистическую гадость.

VI. Организация коммунистической партии.

В борьбе против капиталистической диктатуры, которую мы сейчас ведем, как и в борьбе за осуществление пролетарской диктатуры, коммунистическая партия должна стать душой борющегося пролетариата. Ее зрелость—это зрелость пролетариата, и сила революционного пролетариата — ее сила. Связанная с революцией на жизнь и на смерть, коммунистическая партия по своей организации и по своему строению в точности отражает условия развития пролетарской революции.

Когда перед войной революция медленно подготовлялась в глубинах общества, коммунистическая партия в социал-реформистской социал-демократии выражала в себе величайшую самостоятельность местных партийных и профессиональных учреждений против центральной партийной и профессиональной бюрократии, пытавшейся подавить революционные тенденции в интересах мирного развития, то-есть мирного благоденствия самой бюрократии и ее соглашательства с буржуазией. Коммунистическое направление, само еще проникнутое иллюзией, будто социал-демократия является революционной партией и что оппортунистично только меньшинство партии, на-ряду с революционной самодеятельностью масс на местах, пытается связать оппортунистических вождей ответственностью перед резолюциями съезда партии, а проведение их в жизнь возлагает на Центральный Комитет, который, однако, как выяснилось потом, был лакеем оппортунизма.

Загнанное диктатурой империализма во время войны в подполье, коммунистическое течение пытается создать для себя, в форме союза „Спартак", прочную централизованную организацию (так называемое бременское направление среди коммунистов не могло подняться выше уровня пропагандистского отдела, потому что не в силах было практически осмыслить значение централизации в борьбе. Поэтому еще и теперь товарищи, вышедшие из рядов бременского

течения, так живо откликаются на всякий призыв к федеративной самостоятельности). Централизованная организация дала возможность союзу „Спартак" сплотить его слабые силы, использованные им, чтобы повсюду призывать рабочие массы к самостоятельным революционным выступлениям, если дело доходило до них. Когда крушение германского империализма развязало руки союзу „Спартак", когда в течение всего нескольких недель союз могущественно развился, тогда только начала коммунистическая партия создавать свою собственную организацию. Но последовавшее вскоре за тем восстановление капиталистического государства создало совершенно своеобразные условия ее существования.

Это капиталистическое государство не было достаточно сильно во всех областях, и поэтому только в некоторых местностях коммунистическая партия была обречена его преследованиями на подпольное существование, между тем как в других частях государства она могла проявлять свою деятельность сравнительно свободно. Отсюда вытекает, что в то время, как в одной части государства коммунистические рабочие имеют возможность свободно собираться и свободно обсуждать тактические и организационные вопросы, в других областях это было чрезвычайно затруднительно. Более того, в той части государства, которая находилась под безжалостным гнетом буржуазной диктатуры, доступ в коммунистическую партию был открыт не для каждого рабочего. К тому же, в те области государства, где, например, сегодня коммунистическая партия свободно проявляет свою деятельность, вторгается какой-нибудь генерал Меркер по приказу центрального правительства и обрекает коммунистическую партию на нелегальное существование. Отсюда следует, что хотя коммунистическая партия не преследует никаких целей, которые ей нужно было бы скрывать, но ее Центральный Комитет и местные организации иногда вынуждены скрываться, чтобы агитационно-пропагандистский аппарат и организационные связи не разрушались каждой очередной переменой ситуации. Подпольный Центральный Комитет не в состоянии поддер-

живать постоянное близкое общение с организациями, как это было бы необходимо. Поскольку эти организации пользуются свободой, они хотят строго-демократически решать все партийные вопросы в целом в каждый данный момент развития. Как ни желательно это, как ни приятно для партии, но это не всегда может иметь место; не только потому, что нелегальное положение исключает возможность открытого обсуждения организационных вопросов как для Центрального Комитета, так и для большинства партийных организаций, но и по другим основаниям.

Революция до самой глубины взбороздила почву пролетариата. К коммунистической партии примыкают не только те рабочие, которые прошли школу марксизма, но и такие, которые, вчера еще духовно подавленные капитализмом, стояли в стороне от борьбы, а сегодня, увлеченные ею, приходят к коммунистической партии с добрыми желаниями и искренними намерениями, но без глубокого понимания ее задач. Воодушевленные ее мужественной борьбой, к ней присоединяются такие элементы, которые вчера еще были настроены анархо-синдикалистски. Они приходят, не освободившись от своих прежних мелкобуржуазных предрассудков. Партия должна открывать доступ в свои ряды всем таким борцам повсюду, где она выступает легально, не производя тщательной проверки. В мирное время она могла бы их перевоспитать, постепенно переубедить путем пропаганды: она могла бы даже спокойно глядеть, как они в ее рядах будут извлекать уроки из собственных ошибок. Но все это невозможно во время гражданской войны, когда каждая ошибка может стоить сотни голов. Убийство заложников, совершенное несознательными элементами в Мюнхене, стоило жизни сотням коммунистических рабочих и дало белому террору лучший повод для свирепого преследования партии во всем государстве. Пропаганда саботажа в Берлине, ведущаяся несколькими спившимися людьми, даже не знающими, что такое коммунизм, как и проповедь анархизма под знаменем партии, в глазах несознательной массы возлагает на единственную партию, способную возродить Германию, ответственность за бедствия, причиняемые капитализмом. При

таких условиях ядро коммунистической партии, ее испытанные верные бойцы, имеют больше полномочий, чем мог бы потребовать Центральный Комитет коммунистической партии „в мирные времена". В условиях гражданской войны коммунистическая партия, повсюду пробуждающая в массах самодеятельность, вынуждена твердо держать в руках свои организации. Она должна предоставить Центральному Комитету право до партийной конференции лишать отдельные организации права выступать от имени партии и компрометировать ее, исключать отдельных товарищей и по отдельным вопросам занимать самостоятельную позицию в тех случаях, когда невозможен созыв партийной конференции.

Тот, кто видит в этом противоречие с характером коммунистической партии и самодеятельностью масс и ссылается на демократические требования, когда-то выдвинутые нами в рядах социал-демократической партии, тот забывает два мелких различия: между мирной эпохой рабочего движения и обстановкой гражданской войны, как и между социал-демократическими и коммунистическими вождями. О первом мы уже говорили. Несколько слов о втором. Социал-демократические вожди противопоставляют свою заинтересованность в мирных условиях жизни революционным тенденциям пролетариата. Им улыбается парламентское кресло и другие буржуазные почести. Защищать против них права демократической организации партии означало защищать права революционного движения против враждебных ему интересов обуржуазившейся рабочей бюрократии. Коммунистические вожди, подвергающиеся травле, как дикие звери, каждый день находящиеся под угрозой ареста и даже убийства, защищают только интересы пролетарской революции. Выдвигать против них демократическую форму организации означает уничтожать результаты централизованного объединения революционных сил, короче говоря, отказываться от самого существования коммунистической партии. Если в обстановке полнейшего мира мы потребовали бы от Центрального Комитета, чтобы во всех важных случаях он предоставлял организациям время и возможность устанавливать свои

мнения путем длительных дискуссий, если бы мы ревниво старались оберегать независимость местных организаций по отношению к Центральному Комитету, то мы поступали бы так не только потому, что у нас есть все основания не доверять оппортунистической бюрократии, но также и потому, что открывалась возможность для такого длинного пути. Раз в год собирался бы самым уютным образом партийный съезд, дискуссия велась бы до потери сознания по нескольку недель до и после него; но история не давала нам и двух недель для принятия важнейших тактических решений.

Тот, кто сегодня требует, чтобы сегодня соблюдались те же самые условия при вынесении партийных решений, как до войны, тот требует, чтобы партия, как таковая, ничего не решала; ведь, она не может провести на местах даже полдюжины дискуссий для освещения каждого положения в каждом отдельном месте, как не может в течение недели проводить открытый партийный съезд. Следовательно, остаются только местные организации, где товарищи ближе стоят друг к другу и легче могут повлиять друг на друга. В таком случае каждый займется строительством на свой собственный страх и риск. Гамбургские защитники внутрипартийной демократии уже осуществляли такое положение, когда они начали строить рабочие союзы прежде, чем партия высказала свое, выразила свое отношение к этому вопросу. Окажется, что под маской демократии утвердится господство заговорщицких кружков местных вождей, которые, опираясь на личное доверие к ним со стороны членов местных организаций, начнут проводить самостоятельную коммунистическую политику, при чем в одном месте коммунистической политикой будет считаться объединение с социалистами большинства (не правда ли, товарищ Лауфенберг?), а в другом — выход из Совета рабочих депутатов (не правда ли, товарищ Рюле?). Конечно, это совершенно невозможно. Во всем государстве коммунисты должны составлять единую партию, проводящую единую политику, устанавливаемую партийными конференциями, обладающую твердым руководством, к обязанностям которого

относится выносить решения о политике партии и об ее организационных задачах, если невозможен созыв представителей местных организаций.

Но оппозиция заявляет, что—это „движение вождей", между тем как мы, коммунисты, всегда стояли за „движение масс". Неподвижные „вожди", выкрикивающие во всеуслышание эти пустые фразы, опять не заметили самого главного. А именно, они не заметили того факта, что партия, в которой решение дел действительно принадлежит вождям, возможна только в том случае, если не выносят решений массы, то-есть в период неподвижности массы. Вожди старой германской социал-демократии и профессиональных союзов раньше могли решать политические вопросы, потому что решения выносились только в парламенте и на таких совещаниях, где присутствовали представители, а не массы. Тот вопрос, который теперь поставила на наше разрешение история, а именно, должны или нет массы начать великую экономическую борьбу,— вопрос о том, кому должна принадлежать власть в государстве, короче говоря, все революционные решения должны выноситься массами, но ни в коем случае не коммунистическими вождями. Роль коммунистической партии и ее вождей вовсе не заключается в том, чтобы выносить решения за массы, но в том, чтобы понимать направление развития масс и смысл их действий. Даже имея в своих руках величайшие полномочия, Центральный Комитет коммунистической партии не в состоянии создать „движения вождей", он может только руководить движением масс, потому что он быстрей и более ясно устанавливает то направление, по которому пойдут массы под давлением событий. Рабочие массы будут искать пути ощупью, сбиваясь с него, но коммунистическая партия, обладающая Ариадниной нитью исторического материализма, легче сумеет найти путь в лабиринте. Она указывает массам этот путь. Часто они упираются и отказываются вступать на него, так как им нехватает исторического опыта, который должен был бы подсказать им, что коммунистическая партия является прекрасным руководителем. Но тем более велико должно быть их доверие,

когда позже массы убедятся в том, что она была права, предостерегая от неверного пути. Но чтобы она могла сделать это, она должна, опираясь на опыт всей истории классовой борьбы до настоящего времени, вооруженная светочем марксизма, с высоты сторожевой башни указывать путь пролетариату. Она должна централизовать его передовые ряды, заставить их руководиться в политике не только местными точками зрения, но ориентироваться на общее положение, должна иметь твердое центральное руководство, не следующее каждому дуновению ветерка.

Само собой разумеется, что такого рода партия и такое руководство партией возникает не сразу, не в один день. Большевистская партия, как организация, имеет за собой в прошлом пятнадцать лет революционной борьбы. Ее вожди, среди которых есть имеющие за собой тридцатилетний стаж борьбы, имели время завоевать доверие организации, не считающей это доверие умалением ее демократических прав, когда она во время бури доверяет Ленину кормило. Коммунистическая партия в Германии лишена своих старых вождей. Она создает свою организацию в борьбе, в самых тяжелых условиях, устанавливает тактику и подбирает вождей. Этот процесс рождает трения и разногласия. Их надо победить, и они будут побеждены. Теперь дело идет о том, чтобы установить твердый курс, миновать подводные камни и плыть к цели.

Подводным камнем является сектантское уклонение от великих исторически сложившихся рабочих организаций, от профессиональных союзов. Сектантский отказ от полезного боевого средства, каким при известных условиях может оказаться парламентская борьба, сводится к организационному федерализму. Задачей текущего момента является сплочение сознательных рабочих в коммунистическую партию, завоевание массовых организаций пролетариата, а это означает взять в свои руки руль пролетарского корабля. Целью является объединение всех революционных пролетарских борцов для завоевания политической власти. В то время, как коммунистическая партия ясно видит перед собой направление и цель, и не дает кораблю разбиться

о подводные камни, этим самым она завоевывает доверие масс и становится их призванной руководительницей. Пускай убираются к чорту сектанты, поднимающие крик о насилии над демократией, как только партия отказывается свернуть на их окольные пути! Пора положить конец дискуссиям о направлении пути! Пора твердо взять руль в свои руки и отправиться в путь!

Ноябрь 1919 года.

Германская коммунистическая партия в дни капповской авантюры.

I. Бездеятельность.

Германская коммунистическая партия—не только партия критики,—критики, которой подвергаются и разлагающееся буржуазное общество, и поддерживающие это общество социал-патриотические лакеи, сбивающие с толку и обманывающие революционных рабочих, и германская независимая социал-демократия и даже сама коммунистическая рабочая партия, пытающаяся при помощи фраз перескочить через объективные затруднения. Этого недостаточно: германская коммунистическая партия должна быть также партией самокритики. Эта самокритика должна быть беспощадно-строга, ибо, несмотря на все ошибки, совершаемые партией, она, и только она одна, стоит в центре рабочего движения Германии. И именно потому, что в Германии нет другой оси кристаллизации, кроме пролетарского ядра, собравшегося вокруг германской коммунистической партии: именно потому, что в германском рабочем движении, помимо этой партии, нет умственного центра, способного понять потребности движения и сделать практические выводы из этого изучения,—именно поэтому партия должна беспощадно выяснять свои собственные ошибки и обнаруживать их источники. Начавшаяся после „капповских дней" дискуссия о совершенных ошибках не может считаться законченной лишь потому, что съезд партии высказался по вопросу о „лойяльной оппозиции" против Центрального Комитета. Эту дискуссию необходимо продолжать, чтобы открыть источник ошибок и избегнуть их в будущем. Что ка-

сается меня, то, хотя я и сознаю возложенную на меня долю ответственности за политическую линию германской коммунистической партии, однако, я до сих пор не высказался по спорным вопросам, так как у меня не было достаточно данных для собственного суждения. В настоящий момент я не считаю возможным воздерживаться долее от суждения, так как в моем распоряжении имеется вся буржуазная, социал-патриотическая, независимая и коммунистическая печать за те дни, а также суждения т.т. Цеткин, Леви, Брауна и Мейера. Я начну с того, что поведение Центрального Комитета в день капповского переворота представляло собой совершенно непростительную ошибку.

Авантюра Каппа—это попытка открытого восстановления господства юнкеров и военщины. Коалиция социал-демократов с буржуазией предоставила настроенному в пользу юнкерства офицерскому корпусу слишком много власти, и именно она сделала возможной попытку переворота. Эта попытка обнаружила, что юнкерских элементов не удовлетворяет существующее положение господства Эрцбергеров и Носке. Попытка установления юнкерской реакции означала попытку ликвидировать все проделанное Германией с ноября 1918 г. развитие, отдавшее управление государством в руки промышленного и торгового капитала. Так как правительство капиталистов в Германии невозможно без поддержки со стороны социал-демократов, то существование этого правительства означает изнашивание социал-демократии, этой последней опоры капиталистического господства, гнилость которой повлечет за собой падение власти капитала. Возвращение германской политики к господству юнкеров и военщины позволила социал-демократии, после всего ее предательства, надеть на себя маску оппозиции; оно дало бы ей возможность снова обманывать массы. Уже эта поверхностная оценка положения показывает, что на коммунистической партии лежала обязанность призвать пролетариат к борьбе с Каппами и Лютвицами. Эта обязанность тем очевиднее, что борьба с Каппами и Лютвицами, если ее вести энергично и беспощадно, могла не иметь своим следствием востановление власти Эбертов и Носке. Она должна была повлечь за собой изме-

нение соотношения сил в смысле сдвига влево, точно так же, как победа Каппа и Лютвица повлекла бы за собой сдвиг вправо. Ведь, вся трудность коммунистической тактики в 1919 г. именно и состояла в том, что, благодаря власти господ Носке и Лютвицев, рабочие не видели, что в Германии господствует контр-революция. А это имело следствием, что всякое выступление коммунистической партии могло мобилизовать только часть рабочей массы. В тот момент, когда профессиональные союзы и социал-демократия были вынуждены, ради собственного спасения, призвать рабочих ко всеобщей забастовке,—в этот момент, несомненно, коммунистическая партия должна была довериться потоку борьбы, чтобы углубить ее, повести дальше, чем того хотели Эберты и Шейдеманы. Правда, у нас приходилось слышать прежде различные мнения об отношении к военному перевороту. Например, Вольфгейм и Лауфенберг в декабре 1919 г., когда все более явственно ощущалась близость военного переворота, писали в „Коммунистической Рабочей Газете“, что они будут только улыбаться при виде того, как Людендорф проламывает череп Шейдеману или наоборот. Но я тогда же, в статье, перепечатанной всей коммунистической прессой, заявил, что сказать такую вещь могут только простофили; мы, правда, не будем бороться за г.г. Носке и Эбертов, но зато изо всех сил будем бить по Людендорфам. Товарищи, стоящие во главе партии, разделяли тогда мой взгляд. Как же могло случиться, что Центральный Комитет, правда, ослабленный арестом и отсутствием самых выдающихся его членов, не только остался 13 марта бездеятельным, но даже счел необходимым заявить, что время борьбы еще не наступило.

В брошюре товарища Брауна „Уроки капповской авантюры“, мы читаем, что эта позиция была обусловлена слабостью берлинской организации, которая, будучи подорвана фразерами из германской коммунистической рабочей партии, не чувствовала себя еще достаточно сильной, чтобы вмешиваться в борьбу. Но, ведь, берлинские рабочие представляют собой более обширный круг, нежели берлинская организация партии, и ясно, что каждый товарищ из Цен-

трального Комитета должен был сказать себе: дело не в том, чтобы воспламенить берлинскую организацию г. к. п., а в том, чтобы указать берлинскому пролетариату цель движения, дать ему лозунг, который продвинул бы его дальше границ, которые наметили господа Легины. Из воззвания Центрального Комитета видно, в чем источник не только бездеятельности Комитета, но и его позиции против выступления. В борьбе с партией реакционного переворота мы в течение полугода не переставали указывать, что в данный момент, при существующем положении вещей, в Германии еще не созрели условия для завоевания власти пролетариатом; что хотя объективные условия идут к этому все более очевидно, хотя капитализм все более разлагается, исчерпав свою экономическую миссию, однако, в большинстве рабочего класса стремление к революции слишком слабо, чтобы он мог завоевать и удержать власть в борьбе с блестяще организованным капиталом. Этот наш взгляд, вполне основанный, и был в памяти товарищей, когда они выпускали воззвание. Отрицательное отношение к путчизму послужило для них почвой для квиетизма; из невозможности скорого завоевания политической власти в Германии,—невозможности, опытом установленной уже для 1919 г.,—они в марте 1920 г. сделали вывод о невозможности выступления вообще,—вывод, который неправилен и для 1919 года. А в момент капповской авантюры он не только был неправилен, но и объективно причинил величайший ущерб революционному движению. Если в 1919 г. мы были не в силах утвердить диктатуру пролетариата, то мы, ведь, были в состоянии организовать активное выступление против диктатуры капитала. И в такой момент, когда нам угрожало утверждение открытого юнкерского режима (что вынудило даже социал-демократических рабочих выступить на борьбу), позиция Центрального Комитета была проявлением специального антипутчистского кретинизма. Если Браун заявляет в своей брошюре, что призыв к борьбе 13 марта был психологически невозможен, потому что рабочие радовались свержению Носке, то он является плохим наблюда-

телем; как иначе можно объяснить, что спустя двадцать четыре часа в Берлине началась всеобщая забастовка? Нельзя обвинять в бездействии массу; в Берлине присутствовали члены Центрального Комитета, которые действовали под влиянием неправильной позиции, занятой ими по отношению к авантюре,—вот кто бездействовал...

До моего отъезда из Берлина мне было ясно, что оппозиционность по отношению к бунтарству грозит вылиться в выжидание, и я высказал это опасение в письме к австрийским коммунистам, заметив, что „Rote Fahne" (венская) заняла место критика и наблюдателя в социалистической борьбе пролетариата. Я никогда не думал, что руководители германского пролетариата в своей борьбе против путча могут допустить такое воззвание, как воззвание 13 марта. После опыта мартовских событий товарищи, боровшиеся против бунтарства, не во вред пролетарскому делу, а чтобы расчистить для переворота почву путем устранения революционных фраз авантюристов, мешающих правильно уловить революционный момент, должны были сказать коммунистической партии, что мы являемся не партией пропаганды, а, даже оставаясь в меньшинстве, партией действия, и что пассивность становится преступлением, когда исторические события призывают к борьбе не только передовые ряды пролетариата, но и весь пролетариат.

Пора немецким коммунистам понять, что теперь не шестой и не девятый месяц немецкой революции, что Германия переживает революцию уже полтора года, в течение которых процесс разложения капитализма колоссально двинулся вперед; за эти полтора года расхождения в Антанте не перестают усиливаться, и народные массы ясно поняли, после авантюры Каппа, что так-называемая демократия ведет к владычеству генералов.

По тому, как немецкая контр-революционная пресса описывает выступления польской белой гвардии, видно, что, если русская Красная армия справится с контр-революционной Польшей, немецкая контр-революция обратится против немецкого пролетариата, чтобы поставить новую преграду перед начинающейся на Западе мировой революцией. Кон-

ференции в Сан-Ремо и в Хайде и предстоящая конференция в Спа доказывают, что Антанта впервые после перемирия начинает стремиться к компромиссу с немецкой контр-революцией. Причиной этой новой тенденции Антанты является не только возрастающее сознание предстоящего крушения немецкого капитализма, охраны которого, как начинает усваивать Антанта, требуют ее интересы, но и сознание, что, в случае падения польского контр-революционного барьера, Антанте придется, отказавшись от всех планов полного овладения Германией, спасать германскую контр-революцию и германский капитал, чтобы с их помощью воздвигнуть в Германии стену против мировой революции. При таких условиях усиление активности германской коммунистической политики является главным вопросом Интернационала.

Партия не может бесконечно пережевывать противоавантюристские истины, которые с течением времени делаются ложными, так как революционность передовых частей германского пролетариата все усиливается. Из Москвы невозможно давать конкретные тактические указания коммунистической партии Германии, и мы всегда считали задачей германских коммунистов выработку самостоятельной политики. Но как Исполнительный Комитет в Москве сумел в прошлом году понять, что в немецком коммунистическом движении правы те, кто борется с авантюристами, так и теперь ясно, что доктринерская противобунтарская пропаганда теперь оказывается препятствием для движения и что настало время, когда партия должна быть готова к выполнению величайших заданий. Ошибка 13 марта не должна затушевываться, она должна быть исторически оценена, как возвращение к тенденциям 1919 г.

Активность германской коммунистической партии, какую она проявила во всей стране, несмотря на отсутствие поддержки со стороны Центрального Комитета 13 марта, является доказательством ее зрелости. Вторым доказательством этой зрелости является то, что партия на съезде открыто высказала осуждение ошибки Центрального Комитета.

II. «Лойяльная оппозиция».

После того, как в Берлине железный кулак массовой забастовки дал отпор капповским бандам, рабочие массы стояли перед фактом, что сам Капп исчез, капповцы же остались. В Берлине и его окрестностях стояло 10.000 капповских войск; мало того: так называемые правительственные войска в провинции представляли собой такую же капповскую белую гвардию. В этом положении и заключалась единственная проблема, разрешаемая на реальной почве, а именно борьба против белой гвардии, борьба за ее разоружение и вооружение пролетариата. Все остальное—чепуха, касалось только тех или иных декораций, но не изменяло соотношения социальных сил. Для германского рабочего класса вопрос заключался в том, сможет ли он довести борьбу во всех центрах до такого напряжения, чтобы пошатнувшееся и сбитое с позиции правительство Носке и Эберта не было в состоянии централизованно подавить движение, а одновременно все вышеуказанные контр-революционные военные элементы, с уходом капповской группы, лишившейся вождей, не оказались бы в силах самостоятельно действовать в качестве аппарата подавления.

И вот при таком положении вещей социал-демократы, с самым отъявленным мошенником из бюро профессиональных союзов Легином во главе, бросают приманку независимым. Они ведут с ними переговоры не более, не менее как о разрыве коалиции с буржуазными партиями и о водворении социалистического правительства, в котором должны принять участие как независимые, так и зависимые герои. Что мы здесь имеем дело с жульническим маневром, и Легин является одним из самых правых продажных вождей немецкой социал-демократической партии,—во время борьбы в Берлине могло быть упущено из вида. Не мог, однако, быть упущен из вида, поскольку деятели революции вообще давали себе отчет в реальном соотношении сил, тот факт, что правительство Эберта никоим образом не было в состоянии порвать с коалицией и сдвинуть свою точку опоры влево,

Реальным фактором оно являлось лишь постольку, поскольку имело в своем распоряжении некоторую часть войск рейхсвера, которые, однако, отнюдь не были высланы против Каппа,—с одной стороны, правительство не было в них уверено, а с другой—хотело приберечь их на случай борьбы с рабочими массами. Власть могла, хотя в очень незначительной степени, опереться на рейхсвер только потому, что она не порвала с буржуазными партиями и бежала в Штутгарт, в то время как в Берлине водворилось старое национальное правительство. Стоило только ей порвать с буржуазией, как оставшиеся верными войска рейхсвера моментально соединились бы с капповцами. Правительство оказалось бы лишенным всякой военной поддержки и могло найти опору только в рабочей массе, которая, если бы оказалась достаточно сильной, чтобы справиться с войсками рейхсвера, тем более справилась бы с правительством Эберта. И только такие сознательные мошенники, как Легин, или же обманутые обманщики, вроде Криспина и Гильфердинга, могли в такой момент заниматься образованием нового правительства вместо того, чтобы думать о продолжении борьбы и стремиться всеми силами, невзирая ни на какие жертвы, к разоружению рейхсвера.

К сожалению, в этой игре приняла участие и некоторая часть Центрального Комитета германской коммунистической партии, доказавшая этим неспособность давать себе ясный отчет о действительном соотношении сил. В этот раз так же, как и 15 марта, когда эта часть Центрального Комитета партии заявила, что время для решительных действий еще не настало, она не оказалась движущей силой. Задача коммунистической партии в этот момент состояла в следующем: обратиться к пролетариату с мощным призывом, что пора с величайшим напряжением сил начать вооруженную борьбу с рейхсвером, ибо не так скоро может повториться такое совпадение разных движений, как это имело в мартовские дни, когда волнение охватило страну, распыляя силы рейхсвера; не так легко повторится положение, когда в лагере контр-революции будет такой явный

раскол и такое смятение, как в эти дни. Рассуждения о недостаточно субъективной зрелости масс должны в такой момент отступить на задний план перед решительными действиями и напряжением воли в борьбе, в которой разовьется политическая зрелость пролетариата. Революционная эпоха тем и отличается от мирной, что в ней со дня на день опыт масс кристаллизуется в скачках развития, что сегодня становится возможным то, что вчера казалось несбыточным. Кто при таком положении вещей является только таксометром истории, а не двигающей вперед силой, тот не политик, а историк. Как историк, он может впоследствии оказаться правым. На историческом экзамене, однако,—а это всегда экзамен действия,—он проваливается. Та часть Центрального Комитета германской коммунистической партии, которая в эти дни руководила политикой партии, провалилась на историческом экзамене; и подобно тому, как неспособность к действию и слабость воли всегда ведут к иллюзиям, из этого болота неспособности к действиям выросла декларация от 31 марта о лояльной оппозиции.

После того как социал-демократия обратилась к независимым с предложением начать переговоры о создании социалистического рабочего правительства, правые независимые попытались оказать давление на левых, отказываясь, конечно, войти без них в состав правительства. Левые независимые, которым мы целый год вколачивали в голову убеждение, что образованное совместно с Шейдеманом правительство может быть только правительством измены рабочему классу, что не может быть рабочего правительства, не опирающегося на Советы рабочих депутатов и не являющегося советским правительством,—левые независимые не хотели допустить образования правительства из представителей независимой германской социалистической и германской социал-демократической партии и ставили препятствия. Об этом пишет тов. Браун в своей брошюре о капповском восстании. Что это означает? Левые независимые имеют за собой миллионы независимых рабочих. Если они под напором этих рабочих масс высказались против иллюзий созда-

ния рабочего правительства без разоружения белой гвардии, без образования Советов, то этим дана была возможность погнать их вперед, бросить на борьбу за разоружение белой гвардии,—дана была возможность поймать их на слове, чтобы принудить к действиям и уличить, если бы их обещания не исполнились. Что же сделала та часть Центрального Комитета, на которой в те дни лежала ответственность за шаги партии? Отчет, составленный об этом товарищем Брауном, является историческим перлом, заслуживающим быть увековеченным. Он пишет: „Ясно, что коммунисты не имеют права взять в свои руки власть, пока они ее не завоевали, и не смогут опереться на самые широкие слои рабочего класса. С другой стороны, нужно было сделать возможным возвращение коалиционного правительства. Для независимой социалистической партии, которая не является коммунистической и на практике не признает диктатуры пролетариата, таким образом, ярко отражая собой недостаточную политическую зрелость пролетариата для захвата власти, является историческим долгом сделать неизбежные выводы и иметь мужество казаться тем, что она есть". Варьируя последние слова, можно сказать, что товарищ Браун и та группа, взгляды которой он выражает, действительно имеют мужество казаться теми, кто они есть: резонерами, но не борцами.

Подумать только!—полтора года мы ведем самую ожесточенную борьбу против независимых; благодаря влиянию фактов и нашей критики, девять тысяч рабочих членов независимой партии становятся борцами и участвуют во всех вооруженных боях, рука-об-руку с рабочими-коммунистами.

Часть вождей германской независимой социал-демократии развивается в направлении к коммунизму так быстро, что Центральный Комитет этой партии думает о вступлении в III Интернационал. Левые независимые показали, что они действительно хотят признать диктатуру пролетариата, но часть Центрального Комитета обращается к ним с призывом: вы — коммунисты только с виду, в действительности вы должны представлять собой незрелость

масс, а отнюдь не их возрастающую зрелость. И, боже сохрани вас, если вы откажетесь от участия в правительстве Шейдеманов. Ваш исторический долг—еще раз обмануть пролетариат. Из движущей силы,—из силы, заставляющей независимость защищать свои мнения, часть Центрального Комитета превратилась в силу, которая толкает независимых обратно в болото шейдемановцев, в болото измены рабочему классу.

На вопрос левых независимых об отношении коммунистов к рабочей власти, эта часть Центрального Комитета, несмотря на возражения другой части, ответила декларацией от 21 марта, в которой в марксистской оболочке под маской выражения того, что есть, выражалось не то, что в то время в общем на самом деле было, но то, что эта часть Центрального Комитета в данное время представляла, а именно,—клуб политических резонеров. Декларация эта подверглась критике по поводу пункта 4, признающего, очевидно, существование такого положения вещей, в котором господство буржуазной демократии не представляло собой диктатуры капитала. Однако, это может быть только lapsus calami. Центр тяжести грехопадения декларации состоит не в этом. Грехопадение декларации состоит, во-первых, в том, что Центральный Комитет открыто предостерегал массы против образования новой революционной власти, не разоружив предварительно белых в упорной одиночной и классовой борьбе. Смысл его заявления в том, что коммунистическая партия, следуя приказу рабочей власти, отказывается от своей революционной позиции, заявляя, что она будет вести по отношению к этой власти лойяльную оппозицию, при чем она под лойяльной оппозицией понимает отказ от приготовлений к насильственному перевороту, оставаясь верной долгу вести политическую агитацию в пользу своих целей и лозунгов,—все равно, однако, с условием, чтобы рабочая власть вела борьбу против контр-революции и не ставила препятствий рабочим в этой борьбе. Дон-Кихот, об-

нимая в хлеву вонючую девку, клялся ей в верности, полагая, что она—королевская дочь, сияющая красотой и обладающая всеми духовными и физическими преимуществами. Так как все эти предположения не соответствовали действительности, то клятва его явилась выражением дон-кихотства, т.-е. иррационального отношения к жизни. Когда сторонники этой декларации теперь говорят, что они оставляют за собой возможность вступить в самую острейшую борьбу против рабочего правительства, если оно не исполнит своего долга, то приходится только сказать, что в задачу коммунистической партии не входит казаться более глупой, чем она есть в действительности. Коммунистическая партия должна была знать, что так называемое рабочее правительство при данном положении вещей обязательно изменило бы пролетариату. Когда социал-демократы вместе с независимыми начали болтовню об образовании рабочего правительства, первым долгом коммунистов было предостеречь пролетариев от этой игры, вторым долгом было попытаться продолжать борьбу. Только в том случае, если бы не удалось это сделать, и образование рабочего правительства становилось реальной возможностью, коммунистическая партия должна была заявить следующее: большинство рабочих высказалось за рабочее правительство; это рабочее правительство будет представлять собой нож без лезвея, если только не будет кинжалом, обращенным против рабочего класса. Не доверяя ему, мы останемся с ружьем у ноги, если социал-демократы откажутся от всякой попытки раскалывания Советов рабочих депутатов, если они признают Советы, как органы, из которых должно образоваться правительство. Если они это сделают, мы будем вести борьбу с ними в недрах Советов рабочих депутатов, и мы им сломим шеи только тогда, когда в демократически выбранных Советах будем иметь большинство, стоящее на платформе коммунистической политики и диктатуры пролетариата. Этот дар, подарок рабочего правительства, мог быть принят коммунистической партией только с копьем в ру-

ке, „острее против острея", как говорится в песне о Гильдебранде, а не иначе.

В защиту противоположной совершенно иллюзионной политики, Браун указывает на политику русских большевиков, изложенную Лениным в конце сентября 1917 г. после корниловского восстания в статье о копромиссах. Браун вполне прав, говоря, что одна часть рабочего класса должна самым тщательным образом изучать опыты другого класса в революционной борьбе и руководствоваться ими. Но изучать опыты значит хорошо знать условия борьбы каждой рабочей армии. Нельзя изучать историю войн, не имея хороших топографических карт, не давая себе ясного отчета о расположении враждебных войск, о соотношении их сил. Не бывает иного изучения стратегии, кроме детального изучения кампаний и отдельных битв. Каково было положение меньшевистско-эсеровского правительства Керенского во время корниловского восстания? Большая часть армии была против контр-революции. Восстание Корнилова потерпело неудачу не столько, вследствие напора со стороны рабочего класса, сколько из-за отказа армии последовать за ним. Если бы меньшевики и эсеры согласились на разрыв коалиции с буржуазией, они могли бы опереться не только на вооруженный рабочий класс, но и на большую часть революционной армии. В этом заключается первое различие, ибо в то время, как шейдемановцы находились в руках рейхсвера, меньшевики и эсеры имели возможность опереться на крупные вооруженные силы против коалиции и теоретически, следовательно, могли на самом деле изменить свою политику. Во-вторых, в корниловские дни вооружился рабочий класс, в жилы Советов рабочих депутатов влилась свежая кровь, они стали решающим фактором власти и, предлагая меньшевикам и эсерам пойти на разрыв с буржуазией, большевики тем самым предлагали им превратиться в Советское правительство. Сам Браун цитирует следующие слова из брошюры Троцкого „От Октябрьской революции до Брестского мира": все предыдущие опыты коалиции показали, что возможен только один выход, а именно разрыв с кадетами и

создание советского правительства. Соотношение сил внутри советов в то время было таково, что советское правительство в партийном отношении оказалось бы непосредственно в руках эсеров и меньшевиков. Выдвигая лозунг „Вся власть Советам", большевики, таким образом, предлагали меньшевикам: 1) разрыв с буржуазией и 2) установление советского правительства. Они вели, следовательно, политику, которая не только не противоречила их программе, но и целиком с ней совпадала,— политику создания советского правительства на основе существующего соотношения сил в Советах. Знаменитая статья Ленина „О компромиссах" развивает именно эти мысли. Составители же заявления о лойяльной оппозиции не желали советского правительства, а, наоборот, только повторения рабочего правительства образца Шейдемана-Гаазе, и это как раз тогда, когда такое правительство рабочих, несомненно, повисло бы в воздухе. Ссылка на реалистическую политику большевиков для защиты своей политики иллюзий подчеркивает только то, что часть товарищей из Центрального Комитета оказалась подражателями, а не самостоятельными политическими борцами. Конечно, Браун совершенно прав, если он объявляет немарксистской критику, которая принципиально отклоняет переходные стадии. Если бы независимые и шейдемановцы образовали правительство, которое начало бы борьбу против контр-революции, то мы были бы обязаны оказать этому правительству поддержку, чтобы толкать его вперед. Кто это отклоняет, тот выдвигает нереальные принципы. Но тактическая гибкость состоит не в том, чтобы гоняться за тенями, а только в том, чтобы использовать для революции факты суровой действительности.

В чем же источник ошибок той части ЦК, которая гналась за призраком рабочего правительства и напоминала независимым об их контр-революционных обязанностях вместо того, чтобы напомнить им об их революционных обязанностях? Декларация 21 марта родилась из декларации 13 марта. В стратегии установлен опытом факт, что ошибки, совершенные в начале кампании, трудно испра-

вить в дальнейшем. В стратегии классовой борьбы этот эмпирический факт имеет тем большее значение, что подобные ошибки не являются результатами обыкновенных ошибок в расчете, а имеют обыкновенно свои источники в общем направлении. То, что мы сказали вначале, в первой части нашей статьи, именно, что часть ЦК в марте 1920 г. тактическую задачу коммунизма рассматривала под углом зрения марта 1919 г., что она опасалась авантюристических бунтов, между тем как она стояла в центре массового революционного выступления,—вот где источник этой ошибки. Революция, конечно, не шагает быстрее, чем она в состоянии шагать; но кто в каждом положении борьбы вместо того, чтобы попытаться заставить историю двигаться скорее, напоминает ей, что она должна итти медленнее, тот делается из фактора, преобразующего положения, фактором, приноравливающимся к негодной ситуации. В начале марта 1920 г. часть ЦК была уверена в боевой готовности рабочего класса. Рабочий класс и коммунистическая партия во всем государстве изобличили их в непонимании положения. ЦК, толкаемый своими более дальновидными элементами, вступил в борьбу. Он уже не проповедывал прекращения всеобщей забастовки, но песня о неспособности рабочего класса к борьбе все еще звучала в его душе, и когда независимые начали свое заигрывание с социал-демократами, эта часть с облегчением вздохнула.

Центральный Комитет достиг такого предела в своем недоверии к боевой способности масс, что мог отдыхать на почве „лойяльной оппозиции“ против призрака рабочего правительства. Место парламентского кретинизма занял правительственный кретинизм. Центральный Комитет не обдумывал, можно ли вести борьбу дальше, не расследовал даже, возможно ли вообще существование так-называемого правительства рабочих без предыдущего боя с белогвардейцами. Рабочее правительство было для него, как и для Каппа, торжественным вступлением Легина и Криспина в Вильгельмштрассе. Тогда рабочие должны были быть вооружены. В заявлении ЦК от 21 марта 1920 г. в трех пунктах указывается на то, что рабочий класс не имеет в своем распоряжении достаточной вооруженной силы. Что

это значит? Это значит, что оружие и военные склады находились в руках контр-революционеров, в руках белогвардейцев. Каким образом можно было бы изменить это обстоятельство в революционной действительности? Только путем борьбы невооруженных или плохо вооруженных рабочих масс, только посредством широты и размаха своего наступления во всем государстве они могли рассеять и победить белогвардейцев. Это была бы реальная возможность. Вместо этого Центральный Комитет надеялся на правительство, которое посредством приказа или декрета обезоружит белую гвардию. Вильгельмштрассе, как Монсальват, — это было выражение революционного взгляда части Центрального Комитета. Монсальват рассыпался в прах. После того, как Легином посредством переговоров с независимыми удалось задержать и расстроить рабочие массы, социал-демократы возвратились к своей первой любви, коалиции с буржуазией, и пожали плоды этого на своем провале во время выборов.

III. Против опасности коммунистического поссибилизма.

На своем конгрессе коммунистическая партия решительно выступила против ошибок и заблуждений своих вождей. Эпизод „лойяльной оппозиции“ миновал, но было бы величайшей ошибкой забыть о нем, из миролюбия считать его обыкновенным промахом. Что эта ошибка была возможна в партии, основанной Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, доказывает только, что коммунистическая партия Германии проникнута какой-то опасной психологией. Это доказывает также, что борьба против авантюристских переворотов оставила в партии „поссибилизм“, который, если он идейно не будет ликвидирован окончательно, укрепит только то полуанархическое течение, которое существует в коммунистической рабочей партии. Опасность этого течения должна быть ликвидирована, если партия поймет, что классовые контрасты все усиливаются, что результаты выборов создают политическую неустойчивость Германии, что мировое политическое положение обостряется, что борьба Советской Рос-

сии с Польшей открывает новые перспективы, что поэтому обязанность партии состоит в необходимости все более и более думать о своих активных, а не о своих тормозящих функциях. Мы этим не желаем сказать, что возможности этапов на пути к Советской республике в Германии теперь не существуют, хотя так же откровеннно скажем, что такие возможности, по нашему мнению, очень малы. Мы потому так думаем, что немецкая социал-демократия безусловно не имеет такого левого крыла, которое согласно взять на себя, хотя бы только в демократической форме, борьбу против буржуазии. Мы думаем так потому, что если рабочие вступят в вооруженную борьбу с белогвардейцами, они скоро потеряют свои демократические иллюзии. Но, как сказано, политика содержит такие возможности, с которыми, хотя они не являются вполне вероятными, непременно надо считаться, и если бы история нам навязала переходное состояние в форме независимого социал-демократического правительства, то мы, без сомнения, будем считаться с этим, но мы не можем считать своей задачей помогать „фразами“ „лойяльной оппозиции“ подготовлять почву для такого „рабочего правительства“. Коммунистической политике угрожают две опасности. Первая состоит в том, что коммунистическая партия попытается призывами заменить активное действие. Вторая опасность заключается в возможности, что коммунистическая партия, в своем стремлении объединиться с массой на почве действия, потеряет присущий ей облик и свои собственные лозунги. Коммунистический Интернационал должен бороться против обеих этих опасностей. Мы не можем вести коммунистическую политику, не поддерживая связи с медленно развивающимися массами, и равным образом мы не можем вести коммунистическую политику, опускаясь до уровня находящихся в стадии развития масс. Решение вопроса заключается в собственной коммунистической политике, проникающей в массы, которые она толкает вперед своим участием в парламентских выборах, в баррикадном бою, в борьбе за овладение профессиональными союзами. Коммунистическая партия Германии избегла первой опасности. В течение марта текущего года она доказала, что вторая опасность ей

угрожает; она угрожает коммунистическим партиям всех стран, так как они повсюду воспринимают элементы центра, будучи всегда вынуждаемы сдерживать наиболее стремительные элементы, соответственно данному темпу развития. В этом случае возникает опасность, что это приспособление может привести к вырождению коммунистической партии, как стремящегося вперед элемента, и возникновению партии центра под флагом коммунизма. Позиция, занимаемая коммунистической партией в Германии по отношению к ошибке части партии центра, позволяет заключить, что для германской коммунистической партии эта опасность не может быть ни длительной, ни значительной. Эта опасность более велика для итальянской партии и для французского коммунистического движения, и поэтому германской коммунистической партии и Коммунистическому Интернационалу надлежит, усвоив урок, преподанный мартовскими днями, обратиться к коммунистическим партиям с заявлением, что день и час нашей победы зависят не только от других исторических сил, но и от нашей собственной силы, от нашего желания победить, от нашей энергии. Примите в расчет другие факторы исторического параллелограмма сил, в первую очередь увеличьте ваше давление, вашу энергию, и тогда этот параллелограмм скорее изменится в вашу пользу, чем если бы мы сначала стремились быть диагональю параллелограмма. Этой диагональю станет общее действие масс, мы же предназначены историей быть движущей силой революции.

Июнь 1920 г.

Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Лео Иогихес.

Эти три портрета великих вождей германского и международного пролетариата я писал весной (Иогихес) и затем осенью 1919 года в тюрьме в Берлине. Они были приурочены к первой годовщине смерти Розы Люксембург, Иогихеса и Либкнехта и оставили много важных вопросов в алгебраической формулировке. Я назову здесь только два вопроса: об отношении Розы Люксембург к большевизму и об особенностях развития германского коммунизма, результатом которых было чересчур позднее создание особой коммунистической партии в Германии, что отразилось роковым образом на ее тактике в январские дни 1919 года.

В этом коротком предисловии я, понятно, не могу пытаться развернуть эти вопросы. Я хочу только в нескольких словах сказать, что, когда я писал эти строки, мне была известна рукопись работы Розы Люксембург о русской революции, изданная позже Паулем Леви, как документ отрицательного ее отношения к большевизму. Пауль Леви сам великолепно знает, что так дело не обстояло, он сам был свидетелем и участником разговора с Розой и Карлом в маленьком извозчичьем трактире в Берлине, недалеко от редакции „Роте Фане“, в первые дни января 1919 года, где шел вопрос о красном терроре и аграрном вопросе. Роза Люксембург признавала вполне, что русская революция доказала невозможность равномерного и одновременного проведения социалистической организации производства в промышленности и земледелии, она признавала, что красный террор навязан Советской России ее врагами. Мы не успели только переговорить по национальному вопросу, но для меня не подлежит ни малейшему сомнению, что если бы враг не снял головы с плеч этого гениального вождя гер-

манского пролетариата, то Роза Люксембург стала бы сегодня совместно с вождями русской революции во главе Коминтерна, обеспечивая своим советом, своей связанностью с рабочим движением Запада, менее болезненное развитие западно-европейских коммунистических партий, чем то, которое является результатом отсутствия у них собственных крупных вождей, объединяющих ощущение западно-европейской действительности с громадным революционным кругозором Люксембург и Иогихеса или революционным инстинктом незабвенного Карла Либкнехта.

Два слова еще о последствиях запоздалого основания германской компартии. Иогихес учел ошибку, сделанную союзом „Спартак" в 1917 году и заключающуюся в том, что в момент раскола социал-демократии спартакисты не основали особой партии, а вошли в партию независимых, как во временный приют. Не имея особой организации, они не сумели провести в революционных массах грани между решительными и шатающимися элементами, не имели в ноябрьские дни твердой опоры в массах и щупальцев, охватывающих эти массы. Поэтому в январе 1919 года, основанная только несколько дней назад, коммунистическая партия была увлечена стихией вместо того, чтобы управлять ею. Эти вопросы придется подробно разобрать в истории германской революции. Здесь мне приходится ограничиться этими указаниями.

Германская коммунистическая партия развивается без руководства умелых и признанных вождей. Это рождает больше кризисов, чем необходимо. Но она развивается, и тот тяжелый кризис, переживаемый ею теперь, после октябрьского поражения, быть может, станет кризисом, который окончательно создаст руководящее ядро германского коммунизма. Нельзя в эти тяжелые дни дать лучшего совета германской компартии, как тот, чтобы она наряду с сочинениями Ленина взялась за издание и изучение сочинений Розы Люксембург и, объединив уроки этих двух великих вождей пролетариата, выткала себе нить Ариадны, которая выведет германских рабочих из какого угодно лабиринта.

Наконец, хочу еще заметить, что со времени, когда я писал эту брошюру, я в национальном вопросе вполне принял точку зрения Ленина.

14 марта 1924 г.

Роза Люксембург.

I.

Она родилась в тот период польской истории, когда господствующие классы Польши совершенно отвернулись от национальных идеалов, относились с пренебрежением к борьбе за независимость и гордо заявляли, что лучше всего они служат родине, перегоняя водку из картофеля и массами экспортируя в Россию из Лодзи, этого польского Манчестера, дешевую мануфактурную дребедень. Период так называемой органической работы, преобладания буржуазных элементов, стерший, при содействии самодержавия, какие бы то ни было национальные черты с облика Польши,—этот период, правда, был приукрашен в литературе и печати утверждениями, будто таким способом национальное здание Польши будет приведено в порядок от подвала до чердака. Делечество буржуазии покрывалось позитивным глянцем при помощи цитат из Конта. Но в действительности вся идейная атмосфера, среди которой выросла Роза Люксембург, была холодной, трезвой, мрачной атмосферой либерализма, отрекшегося от своих важнейших исторических задач, от борьбы против феодального абсолютизма. И именно потому, что культуртрегерские прогрессивные фразы польского либерализма, знаменосцем которого был Александр Свентоховский, были только фразами, что польский либерализм не был, по существу, ничем больше, как религией, даже не капитала, как класса, изображенного Марксом в „Коммунистическом Манифесте“,—класса, который преобразует и творит мир, создавая новый строй,—но религией капитала для себя, старающегося освободить себя от каких бы то ни было общественных дел, чтобы сохранить за собой полную свободу и спокойствие при выколачивании прибавочной стоимости,—именно поэтому идеалистически настроенная буржуазная молодежь скоро должна была взбунтоваться против либерализма. В своем порыве эта молодежь должна была броситься на поиски таких идей, которые были бы идеями борьбы. Возвращение к национальной романтике, к борьбе за независимость было для нее невозможно, ибо

национальная идеология, потерпевшая полное поражение во время восстания 1863 г., была идеологией погибающего дворянства. Польская молодежь должна была искать того, что могло зажечь ее сердце, дать пищу уму не в прошлом, а в настоящем и будущем. Идеи социализма стали проникать в Польшу одновременно и с востока, и с запада. Брошюры Лассаля оказывали свое воздействие параллельно с произведениями Чернышевского, Бакунина, а также и русских народников.

Роза Люксембург выросла в семье, где она встретилась с либерализмом, как с миросозерцанием более восприимчивых и гуманных людей, в атмосфере, насыщенной не столько идеями Бентама, сколько духом великих поэтов, и таким образом впоследствии она восприняла социализм не как противоположность тому, что было усвоено ею в семье, а как дальнейшее развитие.

В гимназии она вступила в кружок, где усердно изучалась социалистическая литература. Это было время, когда развертывала свою деятельность первая крупная социалистическая организация в Польше, организация „Пролетариат". В этой организации скрещивались немецкие социал-демократические и русские бланкистские влияния. Несомненно, плодотворнее всего из всей литературы этой организации повлияла на ум Розы Люксембург не тактическая позиция этой партии, а тот факт, что эта партия старалась создать программу для современности: юная девушка в то время, вероятно, совершенно не ставила перед собой вопроса, может ли социализм явиться в результате периода практической работы на почве капитализма, или пролетариат одним прыжком из царства капиталистической необходимости очутится в мире социалистической свободы. Сильнее и плодотворнее всего должна была повлиять на нее ожесточенная борьба, которую вела эта партия, как против национально-феодального, так и против капиталистически-либерального миросозерцания. Статьи, брошюры и речи гениального отца польского социалистического движения молодого Людвига Варынского, как и работы сгруппировавшихся вокруг него публицистов—Дикштейна, Мендельсона, Длуского и др., срывали маску с подлинного лика господствующего класса Поль-

ши. Под впечатлением этих статей, передовые борцы за социализм—интеллигенты, как и рабочие—освободились от влияния буржуазии. Роза Люксембург, уже в ранней молодости всецело поглощенная польской литературой,—она сама писала очень талантливые рассказы,—была, вероятно, глубоко потрясена этим развенчанием столь дорогих ее сердцу польских романтиков, как и философов либерализма, на которых, благодаря остроте своего ума, оказывал длительное влияние английский социолог Спенсер. Уже тогда, еще будучи в гимназии, Роза Люксембург не довольствовалась чтением социалистических брошюр. Как человек, мысли которого постоянно рождали из себя действие, она приняла участие в социалистической пропаганде и агитации и, когда ее выследили шпики, была отправлена друзьями за границу. Уже в то время в социалистических кругах, вероятно, было отмечено будущее значение Розы Люксембург, так как через границу ее переправил не кто другой, как Мартин Каспшак, повешенный в 1905 г. в Варшаве царским правительством вождь польской социал-демократии. Уже тогда, в конце 90-х годов, Каспшак был в Варшаве фактическим лидером нелегальных рабочих кружков. Вместе с Розой Люксембург он прибыл в маленькое пограничное местечко и, так как контрабандисты не могли переправить ее через границу, то он обратился к католическому ксендзу с просьбой о помощи на том основании, будто девушка хочет бежать за границу, чтобы там принять крещение. Поп спросил Розу Люксембург, не собирается ли она переменить веру ради земной любви. Роза Люксембург поклялась всем святым, что жаждет креститься из любви к христианству, после чего поп оказал ей содействие при переправе через границу. Таким образом, она приехала в Цюрих, где занималась в университете политической экономией и одновременно чрезвычайно усердно изучала проблемы польского социалистического движения.

II.

В это время польское движение вышло из периода первых исканий и робких попыток. Постепенно оно переставало быть движением интеллигентов и становилось массовым рабочим движением. В середине 90-х годов в русской Поль-

ше началось мощное стачечное движение, когда возник так называемый „Рабочий союз". Рабочий союз отличается от первой социалистической партии Польши „Пролетариат" тем, что он сознательно стал на почву массового движения и только в нем видел путь к социализму, отклоняя индивидуальный террор, как средство политической борьбы. Вследствие того, что рабочий союз видел путь к победе в массовом рабочем движении, перед ним встал вопрос о программе-минимум. К рабочим массам нельзя являться с отвлеченным лозунгом социализма; необходимо выдвигать конкретные задачи преобразований в рамках общественного и политического устройства государства, в которых приходится действовать. Это вытекает также из того факта, что массовое движение не может протекать, как движение конспиративное. Нельзя втиснуть массы в подполье, где прячется нелегальная организация, потому что они сломают эти рамки. Если массовое движение не может развиваться стихийными толчками, то должны существовать массовые организации, а затем уже будет пробита брешь в твердынях самодержавия. Короче говоря, необходимо было начать борьбу против самодержавия за буржуазную конституцию, за демократию. Выполнением этой программы занялись социалисты-интеллигенты. Они занялись ею не только под давлением практической агитационной необходимости, но и под влиянием совершенно новых тенденций в польской общественной жизни.

В 90-е годы, на-ряду с волной массового рабочего движения, Польша пережила также возрождение националистических тенденций. Мелкая буржуазия, пролетаризованная капиталистическим развитием, выступила против буржуазии. Буржуазия всецело примирялась не только с подчинением России, но и с самодержавием, при условии, что под его крылышком она сможет обеспечить себе хорошую прибыль. Мелкая буржуазия, интеллигенция, более многочисленный класс, чем буржуазия, разумеется, нуждалась в гораздо большей свободе для своего развития, чем та, какую предоставляло самодержавие. Мелкая буржуазия поэтому начала добиваться реформ как в деревне, так и в городе. Борьба за эти реформы сводилась к самым жалким требованиям,—

это была просто оппозиция против самодержавия. В то время, как вхождение в состав России содействовало развитию капитализма, а вместе с тем и буржуазии, оно для мелкой буржуазии означало ее гибель. Поэтому мелкая буржуазия должна была объединиться на почве более или менее отчетливо выдвинутого требования борьбы за независимость Польши. Короче говоря, феодальное движение за независимость, разбитое в 1863 г. на-голову, восстало из мертвых в виде мелкобуржуазного и оппозиционно-реформаторского национализма. Интеллигенты-социалисты вследствие этого также разошлись с массовым рабочим движением, которое не могло в 24 часа перепрыгнуть в мир социализма из царства самодержавия и нуждалось в переходных стадиях организации, просвещения и программы, выдвигающей задачи сегодняшнего дня, как и с мелкобуржуазным националистическим движением, ставившим своей целью независимость Польши и социальные реформы. Старая партия „Пролетариат“ в своей максималистской программе основывалась на совместной работе с сильным тогда террористическим движением в России и ставила своей целью социалистический переворот в объеме всей России, и поэтому теперь, когда террористическое движение в России потерпело полное поражение, она совершенно обессилела, между тем как рабочее движение еще не развилось. Казалось, что Россия отдана в жертву реакции на неограниченно долгое время. В таком положении большинство социалистов-интеллигентов видели решение вопроса в принятии программы борьбы за независимость Польши. Принятие в их программу этого требования должно было одним ударом убить двух зайцев; с одной стороны, пролетариат должен был быть выведен из состояния классовой обособленности, явившейся следствием затишья революционного движения в России, посредством практического союза пролетариата с мелкой буржуазией, а с другой стороны, независимость Польши, даже не имеющая ничего общего с социалистическим государственным строем, должна была стать почвой, на которой пролетариат мог завоевать социализм в упорной борьбе. В 1892 г. интеллигентские социалистические группы примкнули к так называемой польской социалистической партии, которая вы-

двинула в своей программе независимость Польши, как ближайшую цель рабочего движения.

Роза Люксембург, Адольф Варский, Юлиан Карский, Ратынский, Веселовский и целый ряд других товарищей самым решительным образом отвергли этот лозунг, считая его показателем перехода польского рабочего движения на почву польского национализма. Опираясь на кружки лучших рабочих в Польше, они образовали социал-демократию русской Польши, основали свой печатный орган „Рабочее Дело" и заложили основы марксистского рабочего движения в Польше. Руководящие принципы этой партии были главным образом делом Розы Люксембург. В 1893—1898 гг. борьбу за марксистскую программу польского рабочего движения вела преимущественно Роза Люксембург. Основы для этой программы она искала в анализе конкретных тенденций развития польского буржуазного общества. Вышедшая в 1897 г. ее докторская диссертация о „Промышленном развитии Польши" сыграла роль главного арсенала фактов для аргументации польских марксистов. В бесчисленных статьях, частью в польском партийном органе, частью во всех периодических изданиях международного социализма, Роза Люксембург, выясняя очередные вопросы, ковала теоретическое оружие тактических и принципиальных доводов против одурманивания рабочего движения национализмом, при чем эти статьи не остались только достоянием польских коммунистов. Двадцать лет спустя, когда разразилась великая мировая война, они стали в основу коммунистической оппозиции против потерпевшего крушение Второго Интернационала. Именно в этой борьбе, расколовшей польское рабочее движение, выработалось наименование „социал-патриоты". Юный польский социализм должен был решать ту проблему, которая впоследствии, на гораздо более высокой ступени развития международного рабочего класса, стала перед ним, как жизненная проблема: вопрос об отношении рабочего класса к национальному государству. Для того, кто сейчас пересматривает этот спор, становится ясным, почему Роза Люксембург и все, кто прошел сквозь огонь борьбы во время возникновения польской социал-демократии, когда настал мировой

кризис 1914—18 г.г., без колебаний заняли свою позицию на крайнем левом крыле Интернационала и почему польские марксисты приняли такое живое участие в основании Коммунистического Интернационала.

Какие проблемы приходилось разрешать во время этой старой борьбы? Польские социал-патриоты заявили, что польский пролетариат в процессе своего развития должен добиться политической свободы. Политическая свобода невозможна без уничтожения национального гнета. Даже в том случае, если бы в России была завоевана буржуазная демократия, на что потребовалось бы очень много времени, русская буржуазия не устранила бы национального гнета. На этом основании утверждали, что польский пролетариат должен поставить своей задачей образование независимого национального государства. Независимость Польши соответствует интересам всей польской нации. Роза Люксембург в своем историческом исследовании прежде всего доказала, что в то время, как капиталистическое развитие объединяет польскую буржуазию с русской, в то время, как один и тот же процесс капитализирования России обеспечивает экономические интересы польской буржуазии так же, как и русской, классы, стоящие на почве капиталистического развития, совершенно не заинтересованы в образовании самостоятельного польского государства. Капиталистическое государство представляет собой организацию господства буржуазии. Среди польской буржуазии совершенно не возникает никакого движения в пользу независимости Польши, потому что даже феодально-самодержавное государство так же обеспечивает польской буржуазии свободу эксплоатации пролетариата, как и империалистическая экспансия на Востоке. К независимости стремятся только обреченные на гибель мелкобуржуазные классы, которые боятся быть раздавленными колесом истории, вследствие пролетаризации, и их оппозиция против капиталистического разложения Польши, имеющая, следовательно, реакционный характер, прикрыта социал-реформаторской критикой и националистическими лозунгами. Если буржуазное развитие России вступит в противоречие с реакционными формами самодержавного режима, то хотя среди польской буржуазии возникнет

движение в пользу либерального преобразования России, но не будет никакого стремления к разрушению единства России и к образованию независимой Польши. Если пролетариат намерен выдвинуть в качестве лозунга независимость Польши, то ему пришлось бы свергнуть не только самодержавие, но и капитализм. Независимость Польши,—это требование программы-минимум,—является только почвой для подготовки и организации борьбы пролетариата за социализм, и прежде чем начнется этот подготовительный период, на завоевание независимости Польши придется затратить такие усилия, которых хватит даже для завоевания социализма, ибо в том случае, если бы рабочий класс Польши имел достаточно силы, чтобы навязать свою волю не только уже обанкротившемуся тогда самодержавию, но и только что начавшей свое развитие молодой буржуазии, то непосредственно после своей победы он был бы в состоянии ввести социализм. Эта конкретная критика показывает, что лозунг независимости Польши вовсе не является программой-минимум пролетариата, но и что это утопический лозунг,—утопический, ибо отвоевание самого узкого пространства для борьбы за социализм потребовало бы от пролетариата огромного напряжения усилий, достаточных для завоевания социализма, следовательно, таких сил, которые могут развиться только после долгой борьбы на почве демократии. Этот конкретный исторический анализ лозунга независимости Польши привел к постановке одного принципиального вопроса.

Является ли практически национально-территориальная независимость безусловно необходимой для рабочего класса в его освободительной борьбе? Роза Люксембург доказала, что буржуазии необходимо не национальное, а капиталистическое государство, стоящее на страже ее интересов против пролетариата и обеспечивающее внешнюю экспансию. Точно так же рабочий класс чувствует потребность не в национальной независимости, а в буржуазных свободах, как в оружии борьбы за социализм. Чтобы вести борьбу за социализм, пролетариат должен иметь минимум политических свобод, позволяющих ему создать массовые организации и развернуть свои силы. Он нуждается в печати, в свободе союзов

и собраний, он нуждается в избирательном праве. Все это— его реальные демократические потребности, но к их числу не относится особая национальная территория, хотя бы все были согласны с тем, что ему легче всего развиваться там, где при всех прочих равных условиях его сознание не затемняется национальной борьбой. Следовательно, если требование независимости означает совершенно отвлеченную, воображаемую, а не реальную потребность рабочего класса, то совместная с буржуазией борьба за независимость означает не что иное, как подчинение пролетариата буржуазии. Если пролетариат достаточно силен, чтобы завоевать социализм, то он не будет решать вопрос о границах своего государства с национальной точки зрения. Территориальное деление социалистического мира, если только оно окажется необходимым, будет устанавливаться по производственному, а не по национальному признаку. Но если пролетариат слишком слаб, чтобы взять в свои руки власть, если, следовательно, национальное государство окажется органом господства буржуазии, то борьба за образование национального государства, если оно мыслится, как программное требование пролетариата, намечаемое в качестве цели практической борьбы, ничего больше не означает, как только, что пролетариат собственными руками создает организацию своего угнетения. Следовательно, рабочий класс должен вести борьбу за демократические свободы, считая их не средством борьбы против буржуазии, но именно в союзе с буржуазией за создание капиталистического государства, чтобы затем на его почве снова вести борьбу за демократическую свободу, которая должна стать орудием его освобождения! Если свести эти доводы, красной нитью проходящие через все произведения Розы Люксембург этого периода, к исторической формулировке, то она выразится в следующем: создание капиталистических государств является исторической задачей буржуазии, органом власти которой может быть только капиталистическое государство. Задача пролетариата заключается в том, чтобы вести борьбу за демократию на почве уже существующего капиталистического государства. Вооруженный демократией, еще слабый пролетариат организуется и просвещается, чтобы

затем, когда его силы значительно вырастут, начать борьбу за диктатуру, как за средство своего освобождения. Эта точка зрения, установленная Розой Люксембург, в результате борьбы за определение программы польского рабочего класса, двадцать лет спустя стала исходным моментом стремления пролетариата к своему собственному возрождению после крушения II Интернационала, но уже в гораздо более сложных условиях. Не приходится, конечно, здесь говорить о том, что II Интернационал считал эту точку зрения доктринерской.

III.

Закончив свои университетские занятия, Роза Люксембург приобрела право германского подданства путем фиктивного брака с сыном некоего Любека, в семье которого она жила в течение года, а затем переселилась в Германию, где продолжала борьбу против социал-патриотических тенденций в польском рабочем движении. В этой борьбе ей приходилось вступать в очень резкие столкновения с Вильгельмом Либкнехтом, верным усвоенному старой демократией лозунгу независимости Польши и неспособным понять контр-революционный смысл этого лозунга в данной исторической ситуации пролетарской классовой борьбы. Литературная и практическая деятельность Розы Люксембург в рядах польского рабочего движения в Германии, в русской Польше, преследования самодержавия с 1897 г. на несколько лет подавили социал-демократическое движение, не исчерпывала всей ее деятельности. Она приняла участие в разгоревшейся тогда борьбе радикальных и оппортунистических тенденций в Интернационале, и притом настолько значительное, что ее имя стало одним из самых известных в международном социализме.

Роза Люксембург выступила против проявлений реформизма во всеоружии теоретических знаний и практического опыта сначала в „Leipziger Volkszeitung“ и в дрезденском „Arbeiter Zeitung“, а затем в „Neue Zeit“. Реформизм не выступил в рабочем движении с открытым забралом, но, подобно хамелеону, отливал всеми цветами радуги, в зависимости от той страны, где он возникал, в зависимости от

среды, где он работал. В области практики реформисты выступали как трезвые практики, замечая только то, что они могли ощупать собственными руками, в области теории реформист выступал в качестве идеалиста, противника материалистической односторонности Маркса, как проповедник категорического императива. Прижатый к стенке, он высказывался чрезвычайно двусмысленно. Он хотел сказать, собственно, что не создает ничего нового и только доводит до полноты сознания, чем в самом деле является рабочее движение. Позиция вождей радикального направления в международном социализме по отношению к ревизионизму не была и не могла быть единой, хотя бы по той причине, что само радикальное направление в Интернационале не обладало единством. Когда Бернштейн начал звонить о своих сомнениях, Каутский занял колеблющуюся позицию. В выступлении Бернштейна он не заметил ничего, кроме сомнений пытливого ума. Жюль Гэд, представитель французского марксизма, ничего не умел противопоставить оппортунистической теории и практике Жана Жореса, кроме упорного цепляния за уже достигнутые результаты марксистского учения. Виктор Адлер, политиканствующий вождь австрийской социал-демократии, к этому времени сам стал открыто склоняться к оппортунизму. Только старик Плеханов начал ошеломлять мир своими пудовыми аргументами и обвинениями, в такой же мере проникнутыми глубокой ученостью, как и отталкивающими своей апологетической внешностью. Только Роза Люксембург сумела внести в хор голосов, протестующих против ревизионизма, свою особую ноту. То, что было ею написано, несмотря на незначительный объем, несомненно, представляет собой лучшее из всего вообще написанного в защиту марксизма и для теоретического разоблачения оппортунизма. Прежде всего она занялась не защитой уже достигнутых результатов марксизма. Каждая ее работа выясняла путь, по которому Маркс пришел к своим выводам. Затем, применяя тот же самый метод, при помощи которого Маркс изучал прошлые исторические эпохи, она намечает новые вопросы, использованные ревизионизмом для доказательства неверности марксизма. И тогда выяснилось, что ревизионизм потому должен был приняться за ревизию Мар-

кса, что он никогда и не умел пользоваться марксизмом, как методом. Действительность, которая, будто бы, должна была опровергать марксизм, в руках Розы Люксембург неизменно оказывалась мощным подтверждением марксистской теории развития; оказывалось, что только на основе понимания действительности можно объяснить те явления, которые, по мнению ревизионистов, будто бы, опрокидывают марксистскую теорию. Несмотря на исторический характер, приобретенный в произведениях Розы Люксембург марксистской теорией, теория эта в качестве общественно-исторической теории была подобна гранитному утесу, и ее можно только или принять целиком, или целиком же отвергнуть. Под ее ударами ревизионизм рассыпался, показав свое истинное лицо безыдейного эклектизма. Идеалистическая теория ревизионистов проявила себя как воплощенная неспособность справиться с вопросами современности, как теоретическое блуждание ощупью, едва прикрывающее собой оппортунистическую беспомощность. Однако Роза Люксембург не удовольствовалась вскрытием теоретического содержания ревизионизма, как пережевывания и повторения пережитков буржуазного миросозерцания. Как ни значительна, как ни блестяща эта ее теоретическая работа, но не здесь лежит центр тяжести. Особая нота борьбы Розы Люксембург против ревизионизма выражается в том, что она мощным усилием вырвала из ревизионизма и обнаружила его социально-политическую сердцевину и таким образом начала борьбу против ревизионизма уже не на почве теоретического крохоборства, а повела ее, как борьбу против практически буржуазных тенденций в рабочем движении. Беспощадность борьбы Розы Люксембург против ревизионизма, ядовитые насмешки, которыми она осыпала его, яростность, с какой она нападала на него,—все это было отнесено на счет ее вулканического темперамента. Но такое мнение совершенно поверхностно. Роза Люксембург была, как немногие, знакома с историей международного рабочего движения. Для нее это движение никогда не было книгой исторических рассказов о жизни и учении создателей различных социалистических систем. Книга истории международного рабочего движения показала ей, что борьба мнений в

рабочем движении всегда имела под собой более глубокие социальные основания, что борьба из-за метода, из-за тактики скрывала за собой борьбу различных группировок за преобладание в рабочем движении, при чем оппортунистическое направление всегда выражало мнения той части рабочей аристократии, которая ближе всего к буржуазии. В ревизионизме Роза Люксембург видела теорию, которая соответствовала не только практике элементов, влившихся в Германии в партию, благодаря закону против социалистов, и после победы парламентаризма в Италии и во Франции, но и политике также того широкого слоя рабочего класса, который, поднявшись на известную высоту, благодаря волне промышленного подъема, начал укреплять свое положение в рамках буржуазного общества. Ведя борьбу против ревизионизма, она вместе с тем вела борьбу против попытки обуржуазить рабочее движение, предпринятой парламентариями и бюрократией профессиональных союзов, опиравшимися на настроения групп рабочего класса, больше всего выигравших от промышленного подъема. Роза Люксембург рассматривала ревизионизм, как преходящее явление. Она была убеждена, что растущее обострение классовых противоречий обессилит его, выбросив его на поверхность. Однако, она не соблазнилась политикой терпеливых братских увещеваний. Она знала, что такого рода течения не проходят бесследно, понимала, какую разрушительную работу совершил оппортунизм, и боролась против него со всей своей страстностью. На все убеждения, что здесь дело идет о разногласиях внутри социалистического лагеря, она отвечала, что дело идет, наоборот, о борьбе против буржуазии, влияние которой контрабандой протаскивается ревизионистами в лагерь социализма. И так как она рассматривала оппортунизм в общей связи со всем прошлым рабочего движения, которое она мастерски умела изобразить во всех его многообразных проявлениях, соответственно различию структуры стран, где ведется борьба,—в своих исследованиях о кризисе французского, бельгийского социализма в не меньшей мере, чем германского,—то она умела сделать из споров о тактике текущего момента блестящие выводы о будущем.

Работа о социальной революции, которой заканчивается написанная ею в 1899 г. критика Бернштейна, показывает, до какой степени были близки и актуальны для нее вопросы социальной революции, как тесно были связаны для нее эти вопросы с современной борьбой пролетариата. Она ставит вопрос о социальной революции с совершенно исключительным в социалистической литературе мастерством. Доказывая, в противоположность ревизионистам, что преждевременная победа социализма невозможна, или, другими словами, что рабочий класс только путем обострения классовых противоречий, только на опыте поражений, как и побед в этой борьбе, может развиться в фактор, который возьмет в свои руки судьбу всего мира, она тем самым показывает, что ее радикализм вовсе не ограничивается ожиданием какой-то необычайной сумятицы и переполоха, а выражается в стремлении к обострению противоречий, пока они не примут широкого и глубокого характера, являющегося признаком социальной революции. Если окинуть взором эту фазу развития Розы Люксембург, то станет ясно, что марксизм вовсе не был для нее только способом объяснения современности, но означал теорию переворота, — теорию, которую Роза Люксембург никогда не считала предметом обсуждения в узком кругу знатоков-ученых, но видела в ней вопросы сознательной борьбы масс. Роль вождей, по ее мнению, как она писала по поручению Дрезденского партийного съезда, заключается в том, чтобы стать излишними, когда они научат массу, при помощи марксизма и проводимых в соответствии с ним выступлений, настолько хорошо ориентироваться в окружающей действительности, что она окажется в состоянии вести борьбу самостоятельно. Споры о ревизионизме закончились его теоретическим поражением на Дрезденском партийном съезде и на Амстердамском конгрессе Интернационала, которые вернулись на почву радикализма. Начавшееся одновременно с этим обострение классовых экономических и политических противоречий доказало правильность марксистского анализа, подтвердило, что рабочий класс вступает в новый бурный период. Этот период начался русско-японской войной и закончился взрывом русской революции.

IV.

Роза Люксембург приняла горячее участие в битвах русской революции. В обсуждении выдвинутых русской революцией вопросов она обнаружила глубину своего ума и характерные качества мыслителя и вождя. Сжатые статьи, в которых она сначала освещала в „Neue Zeit" отдельные вопросы революции, ее памфлеты, изданные на польском языке, время-от-времени выходившие под заглавием „Что же дальше?" в „Красном Знамени", центральном органе польской социал-демократии, осветили эту работу во всей ее полноте. Роза Люксембург никогда не пользовалась шаблонными лозунгами, провозглашенными сверху; она всегда стремилась к тому, чтобы на основании жизненного понимания, живой классовой борьбы выяснить тактику социал-демократии. В конце 1905 г. она нелегально прибыла в Польшу, и никто, кому выпало тогда на долю счастье вместе с ней работать в движении, не забудет, как она подходила к вопросам. Все мы, в то время еще юноши, смотревшие на нее, как на свою учительницу, на всю жизнь обогатились ее работой даже в тех случаях, когда не были согласны с результатами этой работы. Роза Люксембург во всем проявляла полную свободу от того догматизма, который ставился в вину марксизму, доказывала, что она учится у действительности, и точно так же умела обсуждать боевые вопросы движения или вопросы, уже решенные для международного социализма, но которым в новой революционной ситуации она всегда придавала совершенно новый облик,—напр., вопрос о профессиональных союзах и о роли партии во время революции 1905—06 г.г., или новые вопросы, связанные с значением массовой стачки во время революции. Никогда марксизм не был для Розы Люксембург застывшим выводом, но всегда живым методом исследования.

В своей брошюре о массовой стачке, написанной в конце 1906 г., Роза Люксембург извлекла полезные для международного рабочего класса выводы из уроков русской революции. Эта брошюра является первоосновой очередной фазы развития социализма. Она кладет начало обособлению коммунистического движения от социал-демократии.

Если Меринг мог назвать ее в „Neue Zeit", официальном органе германской социал-демократии, гениальным опытом применения марксистского метода исследования, не встречая возражений со стороны Каутского и других корифеев социал-демократии, при чем одновременно с этим он с величайшей похвалой отозвался о работе Карла Реннера об основах развития австрийской социал-демократии,—о работе, использовавшей марксистский метод для оппортунистических целей,— то это показывает, что намечавшееся расхождение осталось незамеченным даже таким проницательным умом, как Меринг. На Эссенском партийном съезде это расхождение обозначилось на практике, когда Бебель подверг пересмотру позицию, установленную партией в Иене в 1905 г. по отношению к массовой стачке. На Иенском съезде германская социал-демократия под влиянием русской революции приняла массовую стачку, как оружие борьбы. Но она приняла ее исключительно, как оборонительное оружие: нападение на избирательное право и право собраний необходимым образом должно привести к массовой стачке, при чем возможно, что, при известной ситуации, пролетариат может даже использовать стачку, как оружие наступательной борьбы. Методологически социал-демократия осталась на той почве, на которой она стояла в течение длительного периода предшествующего развития, в первую очередь на почве парламентского движения. Массовая стачка получила признание только, как средство, укрепляющее эту почву, но тем не менее в политическом отношении иенская резолюция была шагом вперед, ибо она перенесла центр тяжести на агитацию и массовое движение. Между тем, уже два года продолжалась буря русской революции; она впервые открыла взорам тогдашнего поколения динамику революции, в которой принимают участие широкие массы. Она показала, до какой степени невозможно отделить экономическую борьбу от политической, показала, как стихийно возникает борьба, едва только массы приходят в движение, и выяснила, что роль социалистической партии в этом движении заключается не в том, чтобы торговаться, но в том, чтобы внедрить в сознание масс, пришедших в движение, смысл их выступлений и посредством лозунгов, как

и путем организации, объединяющей движение, ускорить и углубить революцию. Но эти великие уроки русской революции, оказавшие решающее влияние на каждого из ее участников и на его взгляды, оставались для руководящих кругов германской социал-демократии книгой за семью печатями. Уже случилось однажды, что один из вождей германских профессиональных союзов, в закрытом заседании генеральной комиссии, протоколы которого были опубликованы синдикалистами, выяснил, как радовались оппортунистические руководители тому, что волны русской революции схлынули и они могли рассчитывать на прекращение возбуждения и в немецком рабочем классе, благодаря чему можно будет продолжать борьбу по старому, хорошо знакомому, образцу. Вероятно, „радикальные" вожди не испытывали при этом никакой радости; но совершенно очевидно, что крушение русской революции стало для них исходным моментом умеренной политики. Центральный Комитет партии заключил с генеральной комиссией немецких профессиональных союзов договор, в силу которого стачка может быть объявлена только при условии соглашения между партией и профессиональными союзами. Эта причудливая идея „революции по праву договора" свидетельствует о том, в какой степени права была Роза Люксембург, когда на съезде она воскликнула, что для представителей этого взгляда русская революция была совершенно бесполезна, ибо они ничему у нее не научились. На Эссенском партийном съезде Розе Люксембург пришлось бороться уже против самого Бебеля.

Глубокое расхождение в радикальном лагере обозначилось уже вполне отчетливо. Но еще не стало ясно, что Карл Каутский, соратник Розы Люксембург, окажется теоретиком центра партии, застойного болота, колеблющегося между радикальным действием и радикальным словом. Вышедшая в 1908 г. его брошюра „Путь к власти" как будто намекала на то, что он готов встретить надвигающуюся бурю и пойдет рука-об-руку с радикалами. Казалось, что партия держит курс против ревизионизма. Споры в Нюренберге по вопросу о бюджете показали, что партийная бюрократия оседлала конька радикализма; но вскоре выяснилось, что это было видимостью. Настал поворотный момент для германского

рабочего класса. Его организации росли как в политической, так и в экономической области; однако в экономической области буржуазия противостояла ему все более сплоченной фалангой. Победы, достигнутые профессиональными союзами посредством маневрирования, становились все более редкими и сводились на-нет сплоченным противодействием буржуазии. О помощи со стороны парламента нечего было и думать. Парламент выступал против рабочего движения все более сплоченно и реакционно, подобно тому, как все более единодушно он переходил на почву империализма, напрягавшего все финансовые силы государства. Но даже, если бы парламент захотел, он был бы бессилен против организованных сил милитаризма и тяжелой индустрии. В самом крупном германском государстве, в Пруссии, крупный капитал, как и юнкерство, забаррикадировался трехклассовой избирательной системой. Так как трехклассовая палата не только имела решающий голос по важнейшим культурным вопросам, но в ее распоряжении находилась и судьба счастья или бедствий миллионов горнорабочих или железнодорожников, то растущее недовольство народных масс обратилось против прусской реакции, в надежде путем победы на выборах в рейхстаг победить реакцию, а к ландтагу относилось совершенно равнодушно. Роза Люксембург, ни на момент не сомневавшаяся, что изменение прусского избирательного права не может вызвать никакого значительного изменения в соотношении сил в пользу рабочего класса, ни в коем случае не относилась доктринерски к этому растущему недовольству, но искала каждой возможности принять участие в борьбе, чтобы углублять и обострять ее, ибо дело шло о движении масс, каковы бы ни были массовые иллюзии в начальной стадии борьбы. После нескольких налетов с ее стороны, партийная бюрократия заняла по отношению к ней враждебную позицию. Выяснилось то, что было совершенно ясно уже давно для каждого знатока партийной организации: так называемые радикальные партийные вожди были радикальны на словах и оппортунистичны на деле. До тех пор, пока дело шло о голосовании в парламенте, они боролись против ревизионизма; находясь в зависимости от самых активных элементов пар-

тии, принимавших участие в партийных собраниях, они вынуждены были сохранять внешнее приличие и поддерживать формулы радикализма в противовес ревизионистским лидерам, рекрутировавшимся из двух лагерей, из лагеря чиновничества профессиональных союзов, для которого радикальные вопросы имели значение помехи при переговорах с предпринимателями, и из партийных руководителей мелкобуржуазных провинций, которые в своих мелочных конфликтах с государственной властью на местах поневоле усваивали мелкобуржуазную фразеологию. Но как только заходило дело о подлинном радикализме, о том, чтобы обратиться к рабочим массам, чтобы сделать попытку углубить возникающее движение, немедленно партийная бюрократия проявляла свое полное бессилие. Она привыкла пользоваться исключительно парламентскими средствами и боялась массового движения. Как Николай I жаловался, что война приводит в беспорядок армию, так и они боялись, как бы массовое революционное движение не разрушило организации, что было для них самым важным. Партийная и профессиональная бюрократия сомкнулась против низовой инициативы. Борьба за избирательное право в Пруссии была подавлена. Партийная бюрократия утешала массы великой победой, которую предстояло одержать на общеимперских выборах 1912 г. Но вместо того, чтобы при помощи массового революционного движения разрушить стену, преграждавшую путь пролетариату, она потрясала избирательным бюллетенем, как тем ключом, который должен отпереть ворота в этой стене, и поэтому ей пришлось сделать последний вывод из своей позиции. Отказываясь от самостоятельного массового выступления, она была вынуждена вступить в соглашение с буржуазией, выдвинуть и провести в жизнь во время выборов 1912 г. идею коалиции с либералами.

Партийные вожди, казавшиеся до сих пор радикалами, сами с себя таким образом сорвали маски, и это, вместе с тем, означало, что сорвана маска с официальной партийной теории, выдвинутой в первую голову Каутским. Карл Каутский, который, как было сказано, в 1908 г. возвестил эру надвигающейся социальной революции, теперь выступил против пропаганды массовой стачки и за союз с либералами.

Фактический раскол в лагере радикализма, деление партии на ревизионизм, центр и левый радикализм, повлекли за собой раскол и в лагере марксизма на левых радикалов и каутскианцев. Роза Люксембург первая обнажила меч в этой великой борьбе и главным образом именно она проводила ее. Ее полемика против Карла Каутского по вопросу о массовой стачке, в которой совместно с ней участвовал, давая самостоятельный глубокий анализ, Антон Паннекук, показала, что официозный марксизм так же мало понимал смысл русской революции, как и партийная бюрократия. В то время, как Роза Люксембург считала русскую революцию, несмотря на ее зависимость от особых социальных условий России, первой пробой социальной революции, Каутский старался свести все уроки русской революции к этим особым условиям и доказывал, что точка зрения Розы Люксембург является просто механическим перенесением опыта русской революции на совершенно иные германские отношения. В России, будто бы, массовое движение имело стихийный характер потому, что при самодержавии рабочий класс не в состоянии организоваться, и потому, что он не был организован, так как подвергался гораздо большей эксплоатации, чем германский рабочий класс, а поэтому экономическая борьба должна была в России совпадать с политической,— таковы были выводы Карла Каутского. В Германии будет совершенно иное положение. Здесь профессиональные союзы будут вести экономическую борьбу совершенно обособленно от политической. Массовые политические стачки возможны только в организованной форме, при условии, если во главе их стоят партия и профессиональные союзы. Но партия и профессиональные союзы не могут бросаться в авантюры: им пришлось бы рисковать слишком многим. Они должны выжидать, пока сам противник принудит рабочие массы к борьбе. До тех пор они должны использовать все возможности, к числу которых принадлежит избирательное соглашение с буржуазией. Достаточно вспомнить теперь все обвинения, выдвигавшиеся Каутским против германской революции; достаточно только вспомнить, как он обвинял немецких рабочих, будто они проводят свою борьбу несистематически и неорганизованно, не подчиняются высшим

инстанциям и советам своих теоретиков; достаточно вспомнить о результатах коалиции с буржуазией, за которую высказывался Каутский в ноябре, когда он подчинялся, как младший помощник, господину Зольфу, последнему министру иностранных дел в правительстве Вильгельма, — достаточно всего этого, чтобы сделать излишней новую защиту позиции Розы Люксембург в ее борьбе против Каутского. Особенностью точки зрения Розы Люксембург было вовсе не схематическое перенесение опыта русской революции на чуждую почву, а то обстоятельство, что, благодаря русской революции, она выработала ясное представление о массовом движении и, поскольку при выработке этого представления главную роль играла русская революция, она послужила характерным примером, который помог ей понять будущее, формы массового движения в грядущей революционной схватке. Кто теперь перечитает довоенные статьи Розы Люксембург о роли партийной бюрократии, тот сумеет проследить по ним все главные основы грядущего крушения международного социализма в мировой войне. Это—первый источник, отмечающий рождение коммунистического движения в Германии. Он показывает, насколько далеко в прошлое уходит коммунистическое идейное развитие, показывает, какой почвенный характер имеет германский коммунизм, как глубоко коренится он в прошлом германской социал-демократии. Рука-об-руку с этими разногласиями в области внутренней политики шли в германской социал-демократии разногласия в области внешней политики. Если империализм был высшей формой объединения всех сил германского капитала, то этим самым устанавливается тот факт, что германская социал-демократия, отказывавшаяся от всякой попытки обострения борьбы против германского капитала, была совершенно бессильна по отношению к империализму. Так как она не могла открыто сознаться в своем бессилии, в своей неспособности вести борьбу против империализма, угрожавшего рабочему классу его полным уничтожением, то ей пришлось, как это вообще свойственно более слабым, создать иллюзии о самой себе. Германская социал-демократия старалась в своей печати, в своих парламентских выступлениях представить империализм, как политику тяжелой

индустрии. Она отрицала его всеобщий характер, его значение, как господствующей политики капитализма в эпоху его наибольшей зрелости, она старалась убедить массы, будто влиятельные слои мирового капитала заинтересованы в разоружении и будто рабочий класс может вступить с ними в союз, чтобы преодолеть опасность империализма. Когда это воззрение стало все более утверждаться в печати и в парламентских выступлениях, я начал борьбу против него в военной комиссии Копенгагенского конгресса Интернационала. Из всей партийной печати меня поддержали редакции только двух рабочих газет—бременской и лейпцигской. Во время дискуссии, начавшейся после Копенгагенского конгресса, сейчас же обнаружилось, что Карл Каутский, до сих пор чрезвычайно проницательно освещавший тенденции империализма, теперь проявил полное бессилие. Каутский перешел на сторону социал-пацифистов и стал их знаменосцем; но с такой же последовательностью Роза Люксембург перешла на нашу сторону, на сторону небольшой группы, боровшейся против опасности социал-пацифизма и видевшей в нем почву, на которой сходились ревизионизм и партия центра. Она немедленно перенесла борьбу в область политических выступлений, со всей энергией выдвинув во время авантюры в Марокко обвинение против Центрального Комитета в бездеятельности и высказавшись за массовую стачку, как единственное средство борьбы против войны. Позже в лагере левого радикализма возникли разногласия по вопросу о теоретическом анализе движущих сил империализма. Книга Розы Люксембург о накоплении капитала, дававшая глубоко продуманную своеобразную теорию империализма, не встретила единодушного сочувствия со стороны теоретиков левых радикалов; но в практическом вопросе о массовых выступлениях, о борьбе против социал-пацифизма лагерь левых радикалов выступил сплоченно и, как в вопросе о массовой стачке, уже тогда выработался конкретный взгляд, до сих пор поддерживаемый коммунизмом в вопросах мировой политики. Было признано, что эпоха мировой войны является эпохой начинающейся мировой революции. Началась борьба за единый фронт пролетариата против коалиции мирового капитала, и был выдвинут лозунг против опасности войны: лучше восстание, чем война!

V.

Война разразилась. Рабочие массы стояли в нерешительности. Часть их, связанная с капитализмом мелкобуржуазными условиями своего существования, чувствовала ответственность за судьбы отечества, которое считала своим собственным отечеством. Другая часть стояла в нерешимости, ожидая лозунга от партии. Эта часть не обладала в достаточной степени революционной самодеятельностью, чтобы восстать, не имея вождей, или даже только для того, чтобы протестовать против войны. На ее знамени можно было прочесть только один лозунг: „Товарищи, не поддавайтесь провокации!" Но после нескольких дней нерешимости партия нашла свой лозунг; она высказалась не за то, что говорила всегда, — по выражению Гаазе 4 августа, — но за то, что она делала в последние десятилетия. Она призналась в своей неспособности к борьбе, призналась в том, что связана с буржуазией. Международная, „стремящаяся к освобождению народов" социал-демократия, или как еще там она величается в патетических резолюциях партийных съездов, превратилась в барабанщика, зовущего на бой, и рабочие массы, брошенные империализмом на поля сражений, в возмещение своих страданий были одурманены, как опиумом, мыслью, будто они умирают не за дело капитала, а за рабочий класс. Во фракции рейхстага скоро обнаружилось, до какой степени прогнил левый официальный радикализм. Все острые и злые нападки, когда-либо высказанные Розой Люксембург в ее произведениях, на партийных божков, на партийных секретарей, на партийных редакторов радикального направления,—все это было недостаточно сильно сравнительно с действительностью. Открытое предательство, в лице фракции, оскалило зубы на пролетарские массы. Оно лишило энергии двух человек, решившихся сделать минимум того, что было возможно,—открыто заклеймить войну отказом голосовать кредиты. Однако бессилие, каким был охвачен 4 августа и Карл Либкнехт, охватило и лучшие круги рабочего класса. Было такое чувство, точно совершенно бесполезно писать против крушения партии. Пятьдесят лет писалось в защиту революционного социализма,—и что же,

разве это помогло? В течение нескольких дней Роза Люксембург находилась в припадке дикого отчаяния. Кружок ее друзей боялся за нее, потому что у нее было больное сердце. Но скоро она взяла себя в руки и одна из первых начала борьбу против предательства. Она объехала всю Германию, пыталась связать разорванные нити, выясняла возможности, открывающиеся при данном положении. Вскоре она начала в печати, — в ее распоряжении был только маленький партийный листок в Иене, — борьбу против всех одурманивающих фраз, которыми пользовались социалисты большинства, чтобы направить массы на неверный путь. Само собой разумеется, точка зрения, установленная Розой Люксембург с первого дня войны, была выработана уже двадцать лет назад, во время программных споров о польском социализме. Война грозила уничтожением национальной независимости отдельных государств. Защитники точки зрения, согласно которой пролетариат в особенности заинтересован в существовании национального государства, должны были начать национальную оборону. Защита национальной самостоятельности данного государства означала при действительном положении вещей угрозу национальной независимости других государств, защита которых, однако, составляла жизненный интерес пролетариата других стран, с точки зрения социал-патриотической, с националистической точки зрения, (это наименование, возникшее на польской почве в программной борьбе внутри польского социализма в 1893 г., получило теперь интернациональное распространение), и приводила к признанию непримиримости противоречия интересов пролетариата отдельных стран. Рабочий класс в каждой из них был заинтересован в защите независимости своей страны и каждый становился орудием в руках империализма для разрушения независимости других стран. Колеблющиеся элементы социализма старались избежать этого противоречия, закрывая глаза на действительность и объявляя целью войны мир без побежденных и победителей. Социал-патриоты, превратившиеся в социал-империалистов, не только высказали мнение, что своя рубаха—ближе к телу, более того: они объявили, что возможное порабощение других народов является историческим прогрессом, соответ-

ствует интересам пролетариата, так как, благодаря этому порабощению, в политической области произойдет такая же концентрация, как и в области экономической, благодаря трестам. С марксистски-коммунистической точки зрения, установленной теоретическими работами Розы Люксембург, вопросы решались совершенно иначе. Если национальное угнетение одной части мирового пролетариата буржуазией страны-завоевательницы означает частичное лишение политических прав этого пролетариата, против чего он должен вести борьбу, то этот же самый факт означает и потерю прав пролетариатом победоносных наций. Те самые органы, которые, напр., в интересах германской буржуазии будут угнетать бельгийский пролетариат в случае победы Германии, будут одновременно угнетать и немецкий пролетариат. Спасение от этой возможности ни в коем случае не заключается в победе Антанты, которая, как показал результат войны теперь, в политическом, экономическом и национальном отношениях эксплоатирует немецкий пролетариат и для этой цели должна создать машину, которая будет угнетать пролетариат Антанты. На более ранней ступени исторического развития единственно возможным лозунгом была бы борьба за демократию в победоносной стране, ведущаяся совместно с пролетариатом и побежденной, и победоносной страны. Этот лозунг был недостаточен, как и всякая попытка решать вопрос, оставаясь на почве капитализма. Дело в том, что капитализм не допускает никакой действительной демократии и, следовательно, никакого действительного уничтожения национального гнета. Во всемирно-исторических условиях мировой войны 1914—18 г.г., когда имеется налицо объективная возможность превращения капиталистического общества в пролетарское, социальная революция, разрушение капиталистического государства, образование пролетарского государства, не знающего эксплоатации и имеющего возможность отказаться от какого бы то ни было национального гнета, являются историческим лозунгом. Не национальная защита капиталистических стран, но социальная революция, диктатура пролетариата, союз пролетарских государств,— таков ответ, который должен быть дан с коммунистической точки зрения, и Роза Люксембург дала этот ответ в 1914 г.

Она могла дать его, ни минуты не колеблясь, потому что эта точка зрения была подготовлена теоретической работой, выполненной ею в молодости. Но теперь дело шло не о пропагандистской защите теории, определенной точки зрения, но о борьбе; дело шло о том, чтобы, несмотря на все опасности, пойти в массы, создать нелегальную революционную организацию. Принимая во внимание мирные легальные навыки немецких товарищей, это казалось почти невозможной вещью. Когда в ноябре 1914 г. я прибыл в Швейцарию, чтобы там приобрести „Berner Tagwacht" и сделать его заграничным органом германской оппозиции, и, после своего возвращения, беседовал с товарищем Францем Рингом о способах нелегальной переправки газеты, Франц Меринг рассказал, что Роза Люксембург боялась, как бы немцы, когда им придется перейти на конспиративное положение, не попали в руки полиции еще легче, чем если бы они вели работу открыто. Но там, где сильна революционная воля, она преодолевает даже технические препятствия. Кружок, объединившийся вокруг Розы Люксембург, стал носителем радикальной германской оппозиции. Несмотря на непрерывные аресты, несмотря на отсутствие материальных средств, этот кружок сумел нелегально объединить в себе большую часть прежней левой радикальной оппозиции партии. Когда выступление Либкнехта в парламенте подало сигнал к борьбе, то именно речи Розы Люксембург на сотнях партийных собраний и нелегальная печатная пропаганда, организованная с начала 1915 г., сплотили в партию левую радикальную оппозицию. Борьба велась на два фронта. Она точно так же была направлена против представителей официальной социал-демократической политики, против людей 4-го августа, как и против тех, кто считал себя оппозиционерами против Гаазе и Ледебура, которые, хотя они выступали внутри фракции, как противники голосования за кредиты, но всеми силами противодействовали появлению в партии открытой оппозиции, развернув знамя партийного единства и написав на всех заборах лозунг: „Берегись раскола!" Вся тяжесть борьбы была направлена против теоретиков этой тоже-оппозиции, против Карла Каутского, который даже после полного крушения

своей политики не только не вернулся на прежнюю позицию, но и, напротив, своей фразой об Интернационале, как об орудии борьбы классов в мирное время и мира во время войны, обнаружил полную неспособность вернуться к революционной точке зрения. Кружок Розы Люксембург создал способ общения с массами и через печать, в виде литературы прокламаций и так называемых „Писем Спартака", пропагандистского органа Интернационала, впрочем, конфискованного немедленно после своего появления и переставшего существовать, но укрепившего за группой Розы Люксембург наименование „Интернациональной группы". Разумеется, правительство было осведомлено о деятельности Розы Люксембург. Но, несмотря на весь сыск, она не попала в расставленные сети, и поэтому ее заключили в тюрьму под предлогом отбывания наказания по сфабрикованному франкфуртским судом обвинению в антимилитаристских выступлениях, хотя оно подходило под амнистию на точном основании указа о ней. Роза Люксембург исчезла за решеткой и с короткими перерывами оставалась в тюрьме до самого крушения германского империализма, до тех пор, пока ноябрьские события распахнули перед ней ворота тюрьмы. Но, несмотря на самый строгий надзор, ничто не могло помешать Розе Люксембург оказывать помощь своим товарищам, ведущим борьбу. Брошюра Юниуса, как и бесчисленные статьи по основным вопросам, были написаны ею в тюрьме и переданы на волю друзьями Розы Люксембург. Это было возможно только потому, что Роза Люксембург, благодаря своей искренней человечности, благодаря ее простому человеческому отношению к страже, как и ко всем жертвам капитализма, совместно с ней запертым за решетку, создала вокруг себя атмосферу дружеского участия и любви. Отрезанная от всего мира, имея только самую скудную информацию о положении в России, она глубоко тревожилась за судьбы русской революции. Она боялась, как бы германскому империализму не удалось задушить русскую революцию, и с этой точки зрения она относилась к большевикам в вопросе о мире очень критически. Но в то время, как Каутский, прикрываясь критикой Розы Люксембург, направленной против большевизма, старался забарри-

кадироваться и пальцем не шевельнул, чтобы подтолкнуть рабочий класс Германии к действительной революционной борьбе, отсутствие которой создало то опасное положение, в каком оказалась русская революция в области внешней политики, — критика Розы Люксембург неизменно заканчивалась призывом к немецким рабочим, возлагающим на них всю ответственность за опасности, угрожающие русской революции. И поэтому мы всегда знали, читая статьи Розы Люксембург в „Спартаке", что, несмотря на всю критику, которой мы подвергались, мы с ней были связаны общей деятельностью, ибо она старалась совершить в Германии такое же дело, какое мы выполняли в России. Когда ноябрьская революция открыла перед ней двери тюрьмы, наши разногласия немедленно исчезли, что было лучшим свидетельством отсутствия принципиального расхождения. С величайшей энергией, несмотря на свое слабое здоровье, она всецело отдалась движению. Она выполнила в этом движении долг революционера. С железной энергией и пламенной страстностью она начала борьбу против иллюзий ноябрьской революции, против иллюзий демократии, защищая лозунг русской революции—диктатуру пролетариата и власть советов. Когда Гильфердинг и Каутский снова затянули свою унылую песню о трафаретном перенесении русского опыта на Германию, эта песня сейчас же застряла у них в горле, когда независимые социалисты, в ноябре не обращавшие никакого внимания на предостережения Розы Люксембург, в январе политически, под давлением отношения к ним со стороны социалистов большинства, потерпели крушение и стали искать спасения на почве „русских лозунгов". Программа союза „Спартак", опубликованная в начале декабря, в мощных и сжатых выражениях теоретически провозгласившая начало борьбы германского пролетариата за диктатуру, была написана Розой Люксембург. Роза Люксембург стала душой „Rote Fahne", органа германской революции, и в конце декабря она содействовала строительству германского коммунизма, придав ему организационную форму. С какой ясностью она провидела его путь, — показывают ее программная речь на съезде и тот факт, что она предостерегала от увлечений молодые, рвущиеся в бой отряды,

высказываясь за участие в выборах в учредительное собрание. Она понимала, что путь к победе в Германии гораздо труднее, гораздо дольше, чем в России, и, чуждая революционной фразе, откровенно делала выводы, не боясь, что какой-нибудь Рюле упрекнет ее в оппортунизме.

VI.

Роза Люксембург пала в самом начале мученического пути, каким является путь германского пролетариата к власти. Она не будет больше помогать германскому рабочему классу своим советом, но все рабочее движение в его прошлом, учитывая все его уроки, освещает современность на основании минувшего, чтобы подготовить будущее. Уже не раздается бичующее, пламенное слово Розы Люксембург, к которому массы прислушивались с религиозным преклонением, потому что видели за ним великую душу борца, готового умереть за каждое свое слово. Но сочинения Розы Люксембург, для издания которых германские коммунисты, несмотря на всю свою работу, должны найти время и досуг, являются сокровищем, до тех пор способным оказывать великие услуги германскому и международному пролетариату, пока он ведет борьбу за свое освобождение. Значение Розы Люксембург для германского и международного пролетариата было и остается не в прошлом, но прежде всего в будущем, когда собрание ее сочинений окажет свое воздействие на широкие круги коммунистов, и они усвоят дух этих произведений. Антон Паннекук возражал против ее книги о накоплении капитала, автор этих строк — против положительной части брошюры Юниуса; но никто из числа высказывающихся от имени коммунизма и коммунистически мыслящих не выпустит этих произведений из рук, не испытав чувства, что вместе с Розой Люксембург умер один из величайших и самых глубоких теоретических умов коммунизма, что она была нашей руководительницей, и что в течение целых десятилетий у нее будут учиться рабочие-коммунисты. Роза Люксембург неустанно отмечала необходимость считаться не с отдельными готовыми марксистскими выводами, но пользоваться марксизмом, как методом, и соответственно

этому надо уметь пользоваться ее общественными произведениями. Они являются школой коммунизма не в своих отдельных и частных выводах, а в своем методе. Но они имеют огромное значение и с другой точки зрения. Благодаря тому, что Роза Люксембург тесно связана с польским, русским, как и с германским рабочим движением, благодаря тому, что она вследствие своего глубокого знакомства с историей международного рабочего движения, была как у себя дома, в области вопросов как французского, так и английского социализма, она является представительницей интернациональной сущности рабочего движения, и потеря ее означает не только потерю руководительницы германского коммунизма, но, вместе с тем, и потерю самого выдающегося посредника в усвоении интернациональной сущности нашего движения. Жизненное дело Розы Люксембург имеет исключительно важное значение еще с одной точки зрения. Именно благодаря тому, что она была практической участницей двух разных движений, находившихся на разных ступенях развития, ей пришлось продумать проблемы всех фаз международного рабочего движения не только ретроспективно, но и активно. Когда ее сочинения будут собраны и объединены, то, расположив их в исторической последовательности, можно будет непосредственно проследить все проблемы международного социализма. В борьбе за программу польского социализма она продумала вопросы освобождения пролетариата от влияния буржуазии. В борьбе с ревизионизмом она продумала вопросы соглашательства самостоятельной рабочей партии с буржуазией. В вопросах русской революции и в борьбе за массовую стачку в Германии она разъяснила нам проблему мобилизации пролетариата для борьбы за власть. Ее статьи, написанные накануне германской революции и в течение этой революции, идейно вводят нас в проблему мировой революции. Роза Люксембург, как мыслитель и борец, принадлежала не только германской революции. Ничто человеческое не было ей чуждо. И великая человечность Розы Люксембург, привлекавшая каждого, кому приходилось вступать с ней в соприкосновение, эта человечность была увенчана тем, что она пала в борьбе за то дело, за которое сражалась в

течение всей своей жизни. Когда январское восстание потерпело поражение, Роза Люксембург ни одной минуты не думала о бегстве, и никто из товарищей, знающих ее, не решился даже подать ей мысль о бегстве. Массы истекали кровью, и поэтому она не хотела думать о себе. Она умерла на боевом посту и кровью запечатлела свою верность тому делу, которому она служила. Ее смерть заставила прислушаться к ее голосу такие массы, которые никогда не составляли бы ее аудитории, если бы она осталась в живых среди нас. Она высится, как символ, на пороге пролетарской германской революции. Она объясняет германскому пролетариату, кто вел за него борьбу; она объясняет германскому пролетариату, в ком умирающий капиталистический мир видел самого опасного своего врага; она объясняет германскому пролетариату,—под каким знаменем он может одержать победу. Окровавленный, истерзанный труп Розы Люксембург—знамя германского коммунизма. Сотни тысяч берлинских рабочих шли за гробом жертвы палачей контр-революции, и каждая годовщина смерти Розы Люксембург будет свидетельствовать о том, как велики массы, внимающие ее загробному призыву.

Карл Либкнехт

I.

Вы пролили слезы над его мертвым телом, раны которого вопиют к небу против социал-предателей, вы покрыли его красным знаменем мировой пролетарской революции и погребли в своих сердцах,—да сохранится он там навеки! Миллионы среди вас знают о нем лишь одно, что в непроглядную ночь, озаряемую только вспышками орудийных выстрелов, он с небольшой кучкой сторонников поднялся из окопов, чтобы сражаться за мир, что он, брошенный в темницу сильными мира сего, стойко выносил все муки, и, едва освобожденный от оков, снова поднял знамя борьбы и пал, сжимая его в руках, на пороге новой жизни.

Чтобы каждый пролетарий знал о Либкнехте немного больше, чтобы он полюбил его, я хочу представить его не

только в окровавленном мученическом образе, но таким, каким он был в жизни, со всеми его положительными чертами и недостатками не в качестве „мудреной книги", а в качестве „человека с его противоречиями". Как человек, Либкнехт должен стать великим примером для нас, примером для нашей молодежи, которая должна научиться борьбе, примером для наших жен, не позволившим жизни раздавить себя, примером для наших мужей, обветренных непогодой, если случится, что ими овладеет сомнение. Еще не настало время, когда можно приступить к подробному жизнеописанию Карла Либкнехта. В доме его печали продолжают свирепствовать солдаты контр революции, и в тот момент, когда я пишу это, еще нет доступа к его бумагам, а я сам, скрываясь в подполье, не имею возможности подобрать даже печатный материал. Но я уверен, что сумею дать общий обзор его жизни во всем ее своеобразии, и хочу нарисовать ее перед вами, сказать о нем то, что я сказал бы, если бы в день его погребения находился в стенах белокаменной Москвы.

...Героические песни были колыбельными песнями Либкнехта... Первые впечатления, воспринятые мальчиком, отражали в себе преследования, созданные законом против социалистов. Германская буржуазия и Гогенцоллерны старались в зародыше задушить первые социалистические порывы германского пролетариата. Для того, кто распространял преступное учение: „сытое брюхо не должно пожирать труда прилежных рук", кто пробуждал бедняков и бесправных, не было спокойной работы; гонимый и преследуемый, он скитался с места на место, никогда не находя покоя от сыщиков.

Вильгельм Либкнехт остался на боевом посту и не прекратил борьбы за социализм даже тогда, когда мучениями пришлось засвидетельствовать вновь, что его жизнь посвящена освобождению человечества. Вероятно, Карл, будучи мальчиком, часто спрашивал, что это за посторонние люди тайно являются в их жилище по ночам, перешептываясь между собой, как воры, вероятно, добрые люди, потому что родители встречали их дружелюбно, и они гладили мальчика по его чернокудрой головке. Так вырос он в годы преследований, сын солдата революции. Стать солдатом,

бойцом революции, таков был волшебный дар, принесенный к его колыбели.

Закон против социалистов пал. Одновременно с растущим и крепнущим капитализмом численно вырастал рабочий класс, а вместе с ростом рабочего класса вырастала германская социал-демократия, несмотря ни на какие преследования. Начался „новый курс", попытка привлечь рабочих на свою сторону социальными уступками, и хотя по внешнему виду, он уступил место новому, менее жестокому курсу, но смысл этой эпохи заключался в том, что капитализм, обеспечивая массам квалифицированных рабочих сносные условия существования, тем самым удерживал их от обострения революционной борьбы. По внешнему виду социализм оброс „красной бородой". Партийные организации росли, профессиональные союзы процветали. На партийных собраниях и съездах принимались революционные резолюции. Но на практике велась борьба только за незначительные улучшения материального положения рабочих, а не за революционный переворот. И подобно тому, как характер человека определяется его поступками, так характер партии определяется ее действиями: социал-демократическая партия стала партией реформы, а не революции, какими бы революционными фразами она ни пользовалась.

Карл Либкнехт, выросший и ставший юношей как раз в эту эпоху умеренности и окаменения партии, с величайшим вниманием следивший за политическими и социальными событиями, хотя в то время он еще не вмешивался активно в политику, был застрахован от влияния этой обуржуазившейся и механизировавшейся партийной жизни своей революционной духовной наследственностью. В семье Вильгельма Либкнехта были живы традиции 1848 г., предания о революции и борьбе за республику.

Прошло уже десять лет с тех пор, когда впервые мне удалось непосредственно познакомиться с руководящими партийными кругами и убедиться, что Карл Либкнехт—единственный „прочно стоящий" вождь, для которого республиканизм имеет значение не теоретической проповеди, но практического вопроса. Второе, что мне бросилось в глаза,—это до какой степени он был свободен от застывшей убе-

жденности, будто развитие будет совершаться медленно, будто ни государственные, ни социальные отношения не вступят в поток перемен в пределах обозримого срока времени. В данном случае дело шло для него не о теоретическом взвешивании сил, которые в скором времени должны внести возмущение в мирную, „успокоившуюся" Европу. Момент вовсе не был революционным,—необходимо было итти в массы и будить их. И тогда снова проявилась характерная черта Либкнехта. До войны ему часто ставилось в вину, что его воззрения слишком „неопределенны", что он принимает всякую форму партийной работы, если даже она не имеет существенного „принципиального" значения. Повод для такого обвинения, распространившегося в Германии, давала необычайная живость ума Либкнехта, застраховывавшая от того, чтобы отвергать какое бы то ни было средство влияния на рабочих только на основании доктринерских соображений. Этим же объясняется его выступление в пользу движения за выход из церкви. Он умел зорко подмечать новые потребности, новые, только намечающиеся формы движения.

Когда он вступил в политическую деятельность, обнаружились первые признаки усиливающегося в Германии империализма, стремление капитала выйти из „границ своего отечества" в поисках новых мест, где можно охотиться за прибылью. Партия сознавала вытекавшую отсюда опасность войны, но один только Либкнехт воспринимал ее с наглядной живостью, видя в ней Молоха, простирающего лапы, чтобы пожирать миллионы пролетарских юношей. Он принадлежал к числу немногих, поспешивших к молодежи, которой угрожала опасность, чтобы предостеречь ее. Партия отказывалась от антимилитаристской агитации. Она заявила, что воспитание пролетарской молодежи само по себе должно вооружить ее против милитаристского духа, и что вся борьба пролетариата против капитализма в своем целом является одновременно и борьбой против милитаризма. Однако, Либкнехт почувствовал фальшь этих „принципиальных" соображений. Он видел, что одного воспитания самого по себе недостаточно, но что пролетарская молодежь должна быть съагитирована против милитаризма. Ему

было хорошо известно, что милитаризм может быть разрушен ударами пролетарской революции только вместе с капитализмом, но он понимал, как важно выяснить насильно одетому в солдатскую одежду юноше, что его освобождение от милитаризма является только частью всеобщей пролетарской освободительной борьбы. Партийные лидеры качали головами по поводу сепаратных выступлений этой „забубенной головушки", но Либкнехт упорно вел свою работу. Им руководило непогрешимое революционное чутье.

Сознание грозящей международной опасности укрепило в Либкнехте унаследованное чувство интернационализма. В Германии он был в числе тех немногих, кто чувствовал живейшую потребность знать, в каком положении находятся братские партии, и не только русская или французская, но даже излюбленная им маленькая балканская партия.

Его путешествия в Америку и Францию, его близкое общение с русскими товарищами были следствием сознания неизмеримой важности международного общения. Как внимательно, как неутомимо старался он по дороге на Копенгагенский конгресс II Интернационала, куда ему случилось ехать из Берлина вместе с Львом Троцким, ознакомиться с запутанными вопросами, касающимися России. Известно, что для Либкнехта Интернационал ни в коем случае не означал формального союза различных партий, но был его настоящим отечеством, как позже говорилось в руководящих статьях „Спартака". В высшей степени ценные политические свойства Либкнехта имели своим следствием, что уже до войны определенная группа лидеров не взлюбила его, между тем как именно эти свойства создали ему огромную популярность среди рабочего класса и в Интернационале. Рамки германской партии были для него настолько тесны, что мелкие души не могут не упрекнуть его в честолюбии. К этому присоединялись его личные качества, благодаря которым он значительно отклонялся от обычного типа почтенного партийного лидера. Он любил жизнь; безудержно и безрассудно он отдавался всему, что манило его. В этом юноше—Авессаломе было так мало филистерства, так мало ханжества, так много детской жизнерадостности, что многие из-за этих качеств не замечали глубокой серьезности, нежности

и утонченности его личности. Я никогда не забуду, как однажды на прогулке у нас зашла беседа о Пер-Гинте. Он был знаком с драмой по переводу Пассарга, и я сообщил ему об изяществе перевода, сделанного Моргенштерном. Он зашел ко мне и в течение трех часов, не отрываясь,—было уже далеко за полночь,—читал перевод Моргенштерна. Когда он дошел до сцены, где Пер-Гинт в шуме листьев узнал песни, которых он не пел, слезы, которых он не проливал, борьбу, которой он не отдался, слышал жалобы, жалобы на жизнь, которая не была цельной, черты Либкнехта исказились и он сказал: „Проклятое время наполовину, и все-таки можно, должно прожить цельную жизнь". Таким он был до войны, пламенный агитатор, деятельный политик, горячий ум, живой и жизнерадостный, любимец женщин, человек,—как говорят поляки,—„способный и к борьбе, и к выпивке". По духу он был сыном своего отца, великого народного вождя, великого, живого человека, умевшего смеяться, как ребенок.

Настала война, и она выковала из всех этих элементов темперамента и характера Либкнехта героя германского рабочего класса.

II.

Настала война. Вместе с первыми известиями о ней за границей распространился слух, будто Либкнехт расстрелян вместе с Розой Люксембург. Это сообщение оказалось преждевременным, но оно свидетельствовало о том, что за границей знали, от кого надо ожидать начала борьбы против гнета войны. Либкнехт был глубоко взволнован ее потрясающими событиями. На пороге героического периода своей жизни он отдал партии последний долг,—той партии, революционная мощь которой была его рассеявшейся мечтой. Убеждение, что день 4 августа останется только печальным эпизодом, побудило его подчиниться партийной дисциплине и отказаться от открытого протеста против войны в заседании рейхстага 4 августа. Через несколько дней он понял, какая это крупная ошибка. Он сблизился с Розой Люксембург, строгая и теоретически обоснованная линия поведения которой была чужда его широкой, ищущей натуре, и оба они заключили,

несмотря на все несходства своих характеров, союз на жизнь и на смерть. В первые недели войны они пытались обратиться к рабочим массам; правительство запретило открытые собрания. Либкнехт решил при первом же голосовании кредитов поднять знамя бунта. Он пытался осуществить совместное выступление 14-ти депутатов, выступивших в заседании фракции рейхстага против голосования за военные кредиты. Либкнехт, которому позже трусы ставили в вину, будто он действовал только из тщеславия, с намерением блеснуть своим одиночеством, боролся до последнего момента, стараясь увлечь за собой по пути совместной борьбы двоих или, по крайней мере, одного из группы колеблющихся товарищей. Было печально видеть, как он исчерпал все средства логического и морального воздействия, но не в состоянии был поколебать ни одного человека из фракции, насчитывавшей в своем составе сто членов, не мог убедить, что дело идет о преодолении жалкого соглашательства. Выяснилось, что в конечном счете крушение старого партийного руководительства было моральной проблемой, Либкнехт остался в одиночестве. Черты его лица заострились, горькая складка легла у губ. Несмотря на убеждения друзей, он решился выступить единолично. В эти часы я заметил, как Либкнехт преодолел последние сомнения, как он победил слабость, как проявилась в нем великая моральная сила, уже не покидавшая его до самой смерти; железная решимость проложить путь к возрождению социализма, если бы даже пришлось направить в собственную грудь все копья врагов.

Борьба вокруг затоптанного в грязи знамени социализма была начата совершенно открыто. Вся печать старалась сломить Либкнехта, частью путем клеветы, частью посредством высмеивания его поступка. Пробовали терроризировать его угрозами, утверждениями, будто он совершенно бесполезно жертвует собой. Его заявление о мотивах голосования переписывалось и распространялось тысячами рабочих. Оно переходило из рук в руки, пробуждало чувство ответственности, объединяло для борьбы мужчин и женщин. Либкнехт стал в центре решительной оппозиции. В конце декабря 1914 г., когда я прибыл в Швейцарию, предо мной с полной ясностью во всем своем объеме открылось международное

плодотворное значение его поступка. Это был первый далеко слышный сигнал о том, что в Германии есть революционные силы. Ленин, этот человек, совершенно свободный от какой бы то ни было склонности к фразам, который, вероятно, ясней и отчетливей, чем кто бы то ни было другой, понимал всю глубину крушения Интернационала, сейчас же отметил, что решение поднять бунт против целой фракции является сигналом начала героических, вовеки непреходящих, подвигов. Имя Либкнехта стало одним из любимейших имен для растущего авангарда русского пролетариата, и точно так же обстояло дело в Италии и во Франции. В своем произведении „В огне" Барбюс создал памятник, осветивший образ единственного немца, который, как звезда во мраке ночи, сиял для последнего французского социалиста, стоящего на посту... Когда, в октябре 1915 г., рассеянные остатки старого Интернационала, еще ведущие борьбу, собрались в Циммервальде, и Ледебур, от имени своих приверженцев, (позже—независимых социалистов) отвечал на возражения слева, что еще нет никакой фракции Либкнехта, то Лев Троцкий среди бурных аплодисментов французов и итальянцев воскликнул: „Для нас есть и останется только фракция Либкнехта!"

Вынужденный, вследствие провокации социал-патриотической печати, оставаться в Швейцарии, я в этом году уже не встречался с Либкнехтом. Но по каждому его „письму Спартака", по каждому его „маленькому запросу" я мог представить себе его облик. Он был готов сделать последние выводы... На одно наше конспиративное письмо, в котором мы просили его не подвергать себя чрезмерному риску, он ответил мне открыткой из Литвы со словами своего любимого поэта Еврипида:

Ни в солнце не будь влюблен,
Ни слишком люби звезды.

Но он промолчал о следующей за ней строке:

И следуй за мною в гроб.

Героическая поза была чужда ему, потому что вся жизнь его была героическим действием. Кто был знаком с Либкнехтом до войны, а затем во время войны, тот видел и мог

буквально ощупать руками, как исполинская ответственность, возложенная на него, создавала из радостного и любящего жизнь человека, способного поэтому многое и многим простить, железного, беспощадного борца, какого требовала эпоха. Кто знал его до войны и во время войны, буквально замечал, как его характер непрерывно твердеет, словно металл.

Когда пришла весть об его заключении в Потсдамскую крепость, друзья за границей спрашивали, почему он принимал совершенно открытое участие в демонстрациях. В этом мы видели признак огромного внутреннего возбуждения, способного овладеть вождем. Но то, что гнало его на улицу, было именно сознание им своего долга. Доверие к социал-демократическим словам, вследствие измены социал-демократии, пало так низко, что тот, кто хотел создать новые революционные силы, не имел права ограничиться работой в генеральном штабе вдали от линии огня. „Легкомыслие“ Либкнехта было на самом деле глубокой мудростью, и его каторжное мученичество сделало для революции больше, чем могла сделать „благоразумная“ работа целой партии. Камера обозного солдата Карла Либкнехта стала центром средоточия нарастающих повсюду моральных сил, которых абсолютно не могло подавить умение правительства обособлять и изолировать враждебные ему силы. „Я решился!“— слова Ульриха фон-Гуттена,—раздавались по всему миру, рождали из себя пламя соревнования.

Разразилась русская революция, взбунтовалась первая империалистическая армия, впервые начал строиться социализм. Когда мы сидели в Брест-Литовске, в зале конференции, за одним столом с графом Мирбахом и генералом Гофманом, мы через их головы говорили с осужденным крепостником и его сторонниками. Германский пролетариат откликнулся на наш призыв. Никто из нас не считал победой возможное согласие германского империализма на уступки, и, тем не менее, Троцкий отказался от какого бы то ни было соглашения. Необходимо было, несмотря на величайшую опасность, засвидетельствовать перед германским пролетариатом доверие к нему. Необходимо было показать мировому пролетариату, что германский империализм может нас

буквально разгромить, но добровольно мы ни в коем случае не пойдем ни на какое соглашение с ним. Позже, когда мы все-таки были вынуждены заключить мир, принять на себя брестский крест и начать отступление, мы часто спрашивали себя с беспокойством: понимают ли Либкнехт и его сторонники наше положение и нашу тактику? И Либкнехт позже рассказывал нам, какие муки он испытывал в крепости, когда думал, что все наши жертвы могут оказаться бесполезными, что германский рабочий, быть может, не поднимет своевременно восстания для поддержки нашей борьбы. Он боялся, как бы мы не зашли слишком далеко в своих уступках, и призывал из тюрьмы своих друзей действовать, чтобы минула нас последняя и самая горькая чаша.

Из страха перед приближающейся революцией, стоящее на краю банкротства германское правительство империализма освободило его. Первым местом, куда он направился, выйдя из тюрьмы, было русское посольство. В ночь после его освобождения Бухарин сообщил нам телеграфно, что Либкнехт вполне солидарен с нами. Радость русских рабочих по случаю освобождения Либкнехта не поддается описанию. Если бы в то время он мог явиться к нам, никакой царь никогда не имел бы такого приема, какой встретил бы Либкнехт в России.

Когда, в конце декабря, я прибыл в Германию и после 4-летней разлуки получил возможность вновь пожать Либкнехту руку, он сказал спокойно, без чувства малейшего разочарования: „Мы стоим лишь в самом начале очень долгого пути". Мы были согласны с ним и с Розой Люксембург в том, что сократить наш путь к намеченной цели возможно только посредством неутомимой агитации, пропаганды и действия. Если бы кто знал, как они работали с раннего утра до поздней ночи, как решительно они порвали последние нити, еще связывавшие их с миром половинчатостей, когда основывали коммунистическую партию Германии, кто мог бы с ними пережить, как они, среди революционного замешательства, предупреждали своих собственных сторонников от увлечений, тот проникся бы глубочайшим доверием к коммунистическому движению в Германии.

Либкнехту уже не суждено было жить в новую эпоху.

Первая волна пролетарской революции унесла его дальше, чем он сам хотел, увлекла его с собой. Когда январское восстание было разбито, никто не осмелился даже подать ему мысль о бегстве, хотя было ясно, что его арест будет сопряжен со смертельной опасностью. В день, когда пуля убийцы поразила его, он предполагал на завтра созвать митинги. И в этот момент он попал в руки палачей, которые хотели поразить в его лице и в лице Розы Люксембург германскую, более того, международную революцию. Он пал в самом начале борьбы, полный уверенности в победе. Он пал, как жил, застигнутый смертью на боевом посту. И мы, знающие его близко, с его положительными и слабыми сторонами, мы понимаем неоценимую потерю, которую понесла революция, ибо из наших рядов вырван этот железный боец, и поэтому мы сказали над его могилой: „Для нас он останется примером верности социализму, чье самопожертвование и мужество были необходимым условием победы революции". Либкнехта воодушевляло глубокое понимание не только объективной необходимости победы революции, но и еще более глубокая личная тоска о полной, гармонической жизни, возможной только на почве коммунизма, и эта тоска выросла из глубочайшей любви к добру и доброты, сочувствия каждому страдающему живому существу, готовности оказать помощь,—из тех чувств, без которых социализм остается голой схемой. Общественное мнение знает Либкнехта только, как героического борца. Широкие круги пролетариата, обращавшиеся к нему, как к адвокату, встречавшие с его стороны человеческое отношение и помощь, любили его, как человека. Героический дух Либкнехта был продуктом слияния в нем любви к каждому человеку и сознания, что в современную нам эпоху нет возможности помогать страданиям личности, не ведя борьбы на жизнь и на смерть за социализм. В этой борьбе, бушующей доныне, он пал. И тысячи пошли и пойдут по его стопам на такую же мученическую смерть, до тех пор, пока человечество, голодное, в отрепьях, покрытое ранами, не погребет своих мучителей. Его отец называл себя солдатом революции. Карлу Либкнехту выпала на долю честь заслужить это почетное звание своей смертью в борьбе. В честь своего

храбрейшего сына Советская республика учредила орден Красного Знамени. Возложите его на гроб Либкнехта, и да не будет для наших друзей большей радости, как заслугой этого ордена приобщиться к духу Карла Либкнехта,—Либкнехта, вступившего на тот путь, который мы пройдем до конца, хотя бы каждому из нас пришлось получить орден Красного Знамени только в гробу.

Лео Иогихес

Он погребен рядом с Либкнехтом и Розой Люксембург, и хотя он был связан с ней союзом любви и принимал участие во всей ее идейной работе, хотя последние 4 года своей жизни он вел борьбу за германскую революцию и в течение трех десятилетий был идейно связан с германским рабочим движением, но безусловно никто из нас не думал, что он может пасть в германской революции, может найти свое последнее успокоение в немецкой земле. Жизнь Лео Иогихеса, рожденного в Литве, принадлежала польскому пролетариату. Польская рабочая революция потеряла в его лице своего лучшего вождя. Если это так, то немецкие товарищи, несмотря на свою величайшую любовь к Лео Иогихесу, несмотря на авторитет, каким он пользовался среди немецких коммунистов, не напишут, может быть, его некролога. Они знали его только в последние годы, но им неизвестно, как он развивался. Намереваясь изобразить ход развития его жизни, я исполняю долг, взятый на себя много лет назад в шутку, не подозревая, что так скоро придет час, когда придется исполнить его. Иогихес, через школу которого я прошел, чтобы заслужить рыцарские шпоры публициста, часто рассказывал мне о своей юности, о своих бесчисленных боях, и я постоянно говорил ему: „Лео, это я занесу в ваш некролог“. Он, жизнерадостный и верящий в жизнь, ругался, отвечая, что ему еще придется писать мой некролог. Случилось иначе. Теперь он лежит в немецкой земле. Польские коммунисты, чья партия была построена из прежней социал-демократической партии русской Польши, в первую очередь, Лео Иогихесом, его железной энергией,

его организаторским дарованием, его политической дальнозоркостью, могла лишь послать извещение о своей скорби ко дню его погребения. Кулак правительства Пилсудского, правительства, посаженного в седло теми самыми социал-патриотами, с которыми Лео Иогихес боролся в течение всей своей жизни, не дал возможности польскому пролетариату достойным образом помянуть в день погребения его мученическую кончину, когда о ней пришла весть. Пусть же здесь будет рассказана история его жизни, пусть польские рабочие помнят о ней, а германские рабочие пусть поймут, как случилось, что этот русский революционер, ставший организатором польского пролетариата, оказал немецким рабочим непреходящие по своему значению услуги в деле борьбы за их освобождение.

Иогихес родился в Вильне, на границе народов, где на спине литовского крестьянства польский шляхтич долго боролся за власть с русским чиновником, где после 1863 г. Муравьев-Вешатель надолго растоптал последнюю искру политической жизни. Здесь же Иогихес учился в гимназии. Окружавшую его идейную атмосферу менее всего можно назвать благоприятной. Польская молодежь, в сердцах которой было живо воспоминание об избиениях 1863 г., о поражении польского восстания, имела спокойное убежище, где она, в безопасности от самодержавных шпионов, вспоминала былую национальную борьбу. Иосиф Пилсудский, недавний президент польского правительства, бывший вождь социал-патриотов, вырос в той же атмосфере тогдашней Вильны. Русская молодежь большей частью принадлежала к семьям русских чиновников и была проникнута низкопоклонничеством. Революционные идеи, проникавшие из России, находили распространение только среди еврейской молодежи, к которой принадлежал и Лео Иогихес. В кружках, среди которых развился Лео Иогихес, вместе с блестящим французским публицистом тов. Раппопортом, с пламенным рвением изучалась русская публицистика 60-х и 70-х г.г., как и русская подпольная революционная литература. Это была эпоха борьбы русских террористов Народной Воли, наполнявшей энтузиазмом не только сердца русской молодежи, но даже сердце Маркса. Никогда еще в истории не случалось, чтобы

небольшой группой интеллигентов было принесено в жертву так много чистой человеческой любви, так много непреклонности духа во имя освобождения целого народа, как в героическую эпоху борьбы этого русского народничества. Иогихес был народником, но прежде, чем он возмужал и принял участие в борьбе, движение, стремившееся слабыми руками интеллигентов низвергнуть древнее здание царизма, чтобы заменить его крестьянским социализмом, потерпело крушение. Поражение Народной Воли не было только внешним. История доказала, что силы интеллигентов слишком слабы, что крестьянство не может стать самостоятельным революционным фактором, что оно разлагается капитализмом и медленно теряет свою прежнюю первобытно-коммунистическую организацию. Глубочайшее уныние овладело революционными кружками, увидевшими разгром своих надежд и не находивших никаких новых элементов, на которые можно было бы опереться. Небольшая заграничная литературная группа,—Плеханов, Павел Аксельрод, Вера Засулич,—начала объяснять пришедшей в отчаянье русской интеллигенции путем анализа общественных отношений в России, что то же самое историческое развитие, которое сделало бесплодными усилия Народной Воли, террористического народничества, ведет к созданию нового фактора, способного предпринять борьбу против самодержавия, борьбу за социализм с полной уверенностью в успехе рабочего класса.

Брошюра Плеханова о социализме и политической борьбе, вышедшая в 1883 г., и его книга „Наши разногласия", появившаяся в 1885 г., встретили в России только очень слабый отклик. С одной стороны, капиталистическое развитие России было еще так незначительно, что,—как однажды в шутку выразился Лео Иогихес,—Плеханов мог статистически подсчитать каждого отдельного пролетария, а с другой стороны, практические выводы, предлагаемые Плехановым революционной молодежи, так же отталкивали ее, как и те, которые ему неосновательно приписывались. Если капитализм сам создает элементы будущей борьбы, говорили одни, то ничего больше не остается, как пассивно созерцать рост капитализма или даже содействовать ему. Другие же заявляли, что борьба за буржуазную конституцию, которую Пле-

ханов выдвигал, как первый этап, вовсе не дело социализма, и отклоняли трезвое указание Плеханова и его друзей, что без этой борьбы рабочий класс вообще окажется неспособным к борьбе за социализм. Они называли это „марксистским бредом". В числе очень немногих Лео Иогихес принял марксистскую точку зрения. Путем самостоятельного углубленного изучения народнической литературы,—где-нибудь еще должна отыскаться рукопись его превосходной работы о политико-экономических идеях русских народников, написанная им несколькими годами позже, во время пребывания в Цюрихе,—он усвоил марксистский подход к решению русского вопроса. Чтобы избежать военной службы, которая угрожала ему, как политически неблагонадежному, зачислением в штрафной батальон, он скрылся в Швейцарию, где примкнул к группе Плеханова. Человек с ярко-выраженной практической складкой ума, он не удовлетворился теоретическими исследованиями, которым отдавался в высшей степени усердно, но предложил свои собственные средства на издание ряда брошюр, чтобы через их посредство сделать доступными для русских рабочих и интеллигентов важнейшие документы марксизма. Одновременно он старался установить организационную связь с работавшими в России кружками, развить ту деятельность, из-за которой Льву Дейчу пришлось отправиться в Сибирь. Как резко выраженная личность, он не мог ужиться в кружке, образовавшемся вокруг Плеханова. Плеханов занимал настолько господствующее положение в этом кружке, что до тех пор, пока еще не существовало никакого рабочего движения, на-ряду с ним не могла проявить себя никакая другая активная личность. А массового движения в то время в России еще не было.

Жаждущий активной деятельности, Иогихес обратил свое внимание на польское рабочее движение, далеко переросшее рамки кружкового пропагандистского движения. Он вступил в общение с Розой Люксембург, Юлианом Карским, Адольфом Варским, которые как раз были заграничными представителями только что возникшей социал-демократии русской Польши и имели свой партийный орган „Sprawa Robotnicza" („Рабочее Дело"). Благодаря своей железной энергии, он в кратчайший срок так хорошо изучил польский язык,

что позже устранял руссицизмы из наших рукописей, а, между тем, мы были урожденными поляками. В каждом споре с нами он разбивал на-голову грамматику Кринского или стилистику Хмелевского. В короткое время Лео Иогихес стал не только лидером польской организации, но и вдохновителем политических кампаний, проводимых польской социал-демократией. Он быстро изучил польскую историю, польскую литературу, и когда я познакомился с Иогихесом, меня буквально ошеломила глубина его познаний в области польской литературы. Если кто-нибудь из нас цитировал Николая Рея, польского поэта XVI века,—этого, если позволительно так выразиться, величайшего бесстыдника польской литературы,—то Иогихес всегда умел поразить нас каким-нибудь новым для нас местом. Польские социал-патриоты очень скоро почувствовали существование Иогихеса, и уже в 1893 г. Игнатий Дашинский предостерегал от „незримой руки", направляющей социал-демократию русской Польши, при чем он намекал, что в польское движение втерся „москаль", надо думать, царский агент. Часто впоследствии „москаль" зло смеялся над этим и говорил, что он приобрел польское право гражданства, благодаря розгам, которыми он сечет польских социал-патриотов. В 1897 г. многочисленные аресты разрушили организацию польской социал-демократии. Иогихес, на время переехавший в Берлин, посвятил себя изучению германского рабочего движения и истории марксизма, при чем, руководимый своей практической натурой, он внимательно изучал также каждую мелочь практической политики германского рабочего класса. Он принимал горячее участие в борьбе против оппортунизма и, благодаря тесному идейному общению с Розой Люксембург, оказывал сильное влияние на ее литературную деятельность. Сам он не обладал писательским дарованием, хотя Роза Люксембург, когда ей случалось говорить об отвращении Иогихеса к перу, постоянно напоминала убеждение индусов, будто обезьяна это, собственно, человек, притворяющийся обезьяной,—так и Иогихес притворяется, будто он сам не пишет. Таково было общее убеждение всех, кому приходилось иметь с ним дело, как с редактором. Объяснялось это тем, что Иогихес мог путем умелой обработки придать каждой статье форму,

наиболее соответствующую моменту, умел политически ставить точки над „i". Он оказал не только формальное влияние на литературную деятельность Розы Люксембург. Его необычайно сильно развитое критическое чутье позволяло ему мгновенно замечать слабый пункт каждого тезиса и, как рассказывала сама Роза, при чтении какой-нибудь рукописи он всегда умел отметить пункт, где ее точка зрения была недостаточно ясно выражена или не доведена до конца. Это его редакторское искусство проявилось в полной мере, когда в 1901 г. движение в русской Польше возродилось, и работавшие в Польше товарищи Розы Люксембург, Карский и Варский, обратились к нему за содействием для создания журнала, который должен был освещать теорию и тактику партии. „Социал-демократическое Обозрение", выходившее под его редакцией до революции 1905 г., несмотря на свой небольшой объем, было, несомненно, лучшим марксистским журналом среди всех выходивших в то время. Под влиянием этого органа сложилось целое поколение польских социалистов, при чем Иогихес умел привлекать в этот журнал для освещения основных проблем европейского движения его лучших представителей. Нас, идейно тогда еще молодых, он заставлял прорабатывать всю борьбу европейского социализма. Вместе с тем, „Обозрение" продолжало в блестящей форме яркую борьбу, начатую Розой Люксембург еще в 1893 г. В то время, как Роза Люксембург в теоретических статьях вела свои знаменитые атаки на польский социал-патриотизм, Адольф Варский в своих руководящих статьях давал мастерской обзор текущего момента в Польше и анализ движущих сил развития, и Роза Люксембург, как и Варский, всегда с радостью признавалась, что остроумие этих статей и их меткость в значительной мере должны быть отнесены на счет идейного сотрудничества с Лео Иогихесом. Теоретический орган партии был всецело детищем его духа.

Когда в русской Польше началась революция, руководить партией из Берлина оказалось невозможным. Иогихес переселился в Краков, в литературную штаб-квартиру партии, откуда часто нелегально приезжал в Варшаву, а затем летом 1905 г. совсем переселился в Варшаву. Он сейчас же стал центром партии. 20-летним юношей я имел счастье, от-

части в качестве его литературного секретаря, отчасти в качестве молодого сотрудника, видеть этого великого организатора за работой, и если революция 1905 г. показала мне, что такое революционная массовая политика, то работа с Иогихесом показала мне, что значит руководить партией во время революции. Иогихес глубоко продумывал не только основные линии развития и будущие этапы движения, но и ближайшие задачи партии, и притом в самой конкретной форме. Он не ограничивался ролью вдохновителя партийных политических кампаний, с которыми умел связать каждое напечатанное в газете слово; он всегда старался расширить горизонты организаторов так, что они ясно сознавали, какие задачи выдвигает перед ними текущий момент. Но и теперь, когда в нашем распоряжении были ежедневные газеты, он сам писал очень мало. Однако, то, что было им написано, было не написано, а высечено на камне. Никто из тех, кому пришлось участвовать в революции 1905 г., не забудет передовой руководящей статьи, в первом номере варшавской „Народной Трибуны", за ноябрь 1905 г., где в двухстах строках был дан очерк истории современной Польши, и на основании его сделаны выводы, написанные словно высеченными в граните словами, о задачах рабочего класса. Лео Иогихес командовал распределением партийных сил. Он умел использовать каждую силу, указывая ей место, где она лучше всего могла служить партии, и каждое замечание, какое он делал нам, молодежи, по поводу наших первых литературных опытов, было для нас политической школой. Он всегда указывал, что каждая написанная нами строка должна служить какой-нибудь конкретной политической цели, что революционная журналистика—это вовсе не литература, а борьба с пером в руках. И он доказал, что революционная газета должна быть ни в коем случае не собранием статей и хроники, но боевым органом, различные составные части которого создаются различными людьми, но все в целом служат единой конкретной цели.

В партийном руководстве, в организации он проявлял себя так же, как в газете. К сожалению, в марте 1906 г. он был оторван от организации. Хотя он был настолько конспиративен, что, согласно ходившей в партийных кругах шутке,

ему самому был неизвестен адрес его квартиры, однако, несмотря на это, его арестовали вместе с Розой Люксембург. Через 24 часа после его ареста я получил из места предварительного заключения в варшавской ратуше два письма. Одно письмо от друга, сообщавшего, что он встретил Лео Иогихеса в коридоре тюрьмы, и Лео тут же устроил ему скандал, объясняя его арест только тем, что он встречался с друзьями в одной кофейной. Лео сказал ему, что если ему нечего делать, то его долг—хорошо выспаться и после этого лучше работать, а не бегать по кофейным. Так приходилось стонать под гнетом тирании Иогихеса даже в тюрьме. Одновременно с этим я получил письмо от Лео Иогихеса с распоряжениями относительно распорядка работы в газете. Он географически и во всех подробностях разъяснил мне, где и в каких ящиках лежит весь материал, и не забыл в заключение возложить на меня ответственность за все допущенные корректором опечатки в газете. В течение долгих месяцев, пока Лео Иогихес сидел под замком, я самого себя спрашивал по поводу каждой написанной статьи, как посоветовал бы Лео установить точку зрения на данный вопрос. После строжайшего предварительного заключения Лео Иогихес был приговорен к 8-ми годам тюрьмы, при чем наказание было повышено, главным образом, за его смелое поведение на суде. Когда он был переведен в тюрьму, один из товарищей завязал знакомство с тюремным надзирателем, охранявшим Иогихеса. Благодаря своему искусству обходиться с людьми, он сумел так поставить дело с надзирателем, что тот принял участие в подготовке освобождения Иогихеса. Были подобраны нужные ключи. Лео достал платье одного из надзирателей и бежал из тюрьмы. Первым убежищем должна была послужить указанная ему квартира одного врача, сочувствовавшего партии; но когда он заметил, что врач страшно боится, он запер за собой дверь этой квартиры и без предупреждения явился на конспиративную квартиру, где находилась редакция центрального органа партии „Красное Знамя“. Смеясь, он сообщил нам, что главной мыслью, удерживавшей его от бегства, был не страх перед механическим удвоением срока наказания в случае неудачи, а необходимость перечитывать все наше литературное твор-

чество за несколько месяцев. Мы так радовались его освобождению, что простили ему это злое издевательство. Ему удалось перебраться через границу и приехать в Берлин, где он оставался некоторое время. На Лондонском съезде российской социал-демократической партии, в состав которой входила польская социал-демократия, Иогихес был избран в Центральный Комитет российской социал-демократической партии. Он переселился в Финляндию, где я встретился с ним после своего выхода из тюрьмы. Если после смерти Лео Иогихеса говорилось об его нетоварищеском отношении к друзьям, то это менее всего справедливо. В борьбе он был безжалостен и не щадил даже своих прежних друзей; но о тех друзьях, которые, со своей стороны, относились к нему по-человечески, он проявлял самую мелочную заботливость. Когда я прибыл в Териоки, он самым отеческим образом заботился, как бы устроить меня. Он даже не забывал время-от-времени приносить мне конфеты. Впрочем, это ему не помешало позже, во время партийного раскола, класть меня на обе лопатки по всем правилам искусства. На-ряду с сильными сторонами его натуры, которые обеспечат ему бессмертную страницу в истории польского социализма, он обладал, как всякая могучая и страстная натура, чрезвычайно значительными темными сторонами.

Он отличался невероятной самоуверенностью именно потому, что он обладал сверхчеловеческой энергией. Когда польская социал-демократия прекратила свое существование, как массовое рабочее движение, вследствие арестов с 1897 по 1901 г., то, за исключением кружка основателей партии, в ней оставались только совсем зеленые юноши, над которыми Иогихес чувствовал свое превосходство во всех отношениях. Когда внутри партии возникли разногласия и юные интеллигенты выступили в качестве представителей появившихся в партии течений, то Лео Иогихес проглядел, что дело не исчерпывалось бестолковостью этих юношей, не умевших достаточно умело отвечать на нападки, но что надо было считаться и с разногласиями внутри массы рядовых членов партии. Всякую партийную оппозицию он рассматривал, как бунт против себя. Это привело к трениям уже в период массового революционного движения и стало источ-

ником раскола, когда после разгрома первой русской революции партия перешла на совершенно нелегальное положение и окончательно была загнана в подполье. Разногласия отчетливо обозначались уже на нелегальном партийном съезде в Праге в 1908 г. В центре разногласий стал замечательный доклад Лео Иогихеса о политическом положении и задачах партии. Эти разногласия еще более обострились, когда, после нашего бегства из Финляндии, Центральный Комитет находился в Берлине и отсюда осуществлял руководство как нелегальной и легальной печатью, так и организацией. Как ни была ослаблена партия, вследствие массовых арестов, вследствие крушения революции, но, кроме того, за годы революции рабочие приучились к самодеятельности, и все это, вместе взятое, делало невозможным руководство партией из Берлина, и даже мы, молодые партийные офицеры, имели пятилетний опыт массового движения в своем прошлом. Диктатура, и притом такой сильной личности, становилась пережитком. Лео не понял, что надо подчиниться. Борьба все более обострялась, приняла самые ожесточенные формы, выродилась в грубейшие личные обвинения и кончилась расколом партии в 1912 г. Борьба, которая велась между двумя составными частями социал-демократии Польши и Литвы, до сих пор непоколебимой, как гранитная скала, политически не имела положительных результатов. Однако обнаружилось показательное явление: хотя все основатели партии стояли на стороне Лео Иогихеса, хотя их поддерживал авторитет Розы Люксембург, но практически на польской почве они потерпели поражение. Как показал исход выборов 1914 г. в больничные кассы в Варшаве, рабочие стояли на стороне так называемой организации раскола. Понятно, эта борьба велась довольно бестолково, но и сейчас еще я могу поставить себе в заслугу, что в своей ответной брошюре, в которой, ведя борьбу за свое политическое существование, я, конечно, не мог обходиться особенно нежно со своим прежним учителем и тогдашним противником, я, во всяком случае, безусловно признавал его огромное историческое значение для движения. В воззвании, написанном мной по поручению варшавской организации после раскола, мы, между, прочим, говорили, что Лео и его

друзья выполнили такую огромную просветительную работу среди польского пролетариата, что даже они сами уже не в состоянии направить рабочих на ложный путь. И именно потому, что мы были такого высокого мнения о заслугах и способностях Иогихеса, мы питали уверенность, что как только предметы разногласий будут изжиты историческим развитием, мы сможем снова работать совместно с ним. Случилось иначе.

Разразилась война, и ее фронты отрезали Иогихеса от польского пролетариата. Он жил в Берлине, но это означало только, что он все свои силы посвятил немецкому движению. До тех пор, пока Карл Либкнехт и Роза Люксембург находились на свободе и оппозиция только начала шевелиться, он оставался на втором плане. Он помогал Мерингу, Люксембург, Карскому ориентироваться в движении. Час его выступления пробил, когда Роза Люксембург и Карл Либкнехт исчезли за тюремной стеной, а среди рабочих продолжало нарастать оппозиционное движение. Лео Иогихес стал организатором союза „Спартак", и если эта организация в течение войны начала возбуждать к действию все более широкие массы рабочего класса, если она сумела построить путем нелегальной работы сеть своих связей, то, несомненно, в первую очередь это было заслугой неустрашимости и организаторского дарования Лео. Его знакомство с Германией, — он в совершенстве владел немецким языком и был осведомлен о германской политической жизни во всех мелочах, по крайней мере, так же хорошо, как руководящие немецкие товарищи, стоящие во главе партии, — позволило ему в течение двух лет работать политически, находясь на нелегальном положении в атмосфере выслеживания. На основании нашептываний, исходящих из социалистических кругов большинства, политической полиции превосходно было известно, что главным организатором союза „Спартак" является какой-то „таинственный иностранец". Она рыскала в поисках его, между тем как ему приходилось не только вступать в конспиративное общение с сотнями товарищей, но даже иметь дело с типографиями, где он печатал орган „Спартака". Позже я, к великой моей радости, узнал от товарищей, помогавших ему в этом деле, что он так мало из-

менился, что, когда ему приходилось вести героическую борьбу, каждая лишняя марка, которую старались вытянуть у него владельцы типографий за печатание подпольных произведений, была предметом борьбы, продолжавшейся по целым часам. Иогихес, видите ли, держался мнения, что если буржуа ради прибыли соглашается печатать революционные произведения, то это еще не дает ему права извлекать из этого дела больший доход, чем мог бы обеспечить ему приличный контрагент каким бы то ни было иным способом. „Мы существуем вовсе не для того, чтобы эти свиньи кормились на наш счет",—заявлял он неизменно, когда друзья старались предупредить его от обострения отношений с владельцами типографий. Долг немецких товарищей, работавших с ним в этот период, рассказать об этой борьбе. Я имел возможность только издалека, из Цюриха или Стокгольма, на основании какого-нибудь ярко-написанного воззвания или статьи в „Спартаке" вывести заключение: „А, жив курилка!" Когда победила русская революция, и нам не удалось установить непосредственного личного общения с руководителями союза „Спартак", нам, однако, было известно, что Лео жив, и что революционная партия сделала в Германии все, что было в ее силах. Хотя Лео Иогихес, который раньше, в качестве члена Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П., всегда шел с большевиками, а потом, вследствие раскола партии, вступил в разногласие с ними, все же мы знали, что он исполнит свой долг социалиста-интернационалиста, который выдвинут историей на чрезвычайно ответственный пост вождя первой революционной организации в новой, родившейся на полях сражений, Германии. Когда в Брест-Литовске мы получили известие об январской забастовке в Германии, то первая наша мысль была о Лео Иогихесе. Мы знали, что там, презирая все опасности, нашими немецкими товарищами руководит человек, всем своим существом связанный с нашей борьбой. После январской забастовки полиции удалось арестовать Лео Иогихеса и держать его в тюрьме до момента взрыва революции. В начале ноября мы получили через Стокгольм телеграмму, подписанную, кроме Люксембург и Либкнехта, коротким именем Лео. И снова мы радостно повторили: он опять в работе!

Когда я прибыл в Берлин, мне пришлось там услышать хвалебные гимны Лео и изъявления радости, что он снова взял в свои львиные когти всю партийную работу и что среди одной части партии он завоевал глубокую любовь и уважение, между тем как другая не в состоянии говорить об его менее всего мягких манерах обхождения, не выражая самого ужасного возмущения. Ежедневно через его комнату в бюро союза „Спартак" проходила чуть ли не вся партия. Каждого делегата из провинции отправляли в эту реторту, и он выходил оттуда с мнением, соответственно своему темпераменту: или что партийная организация находится в вернейших руках, или что она стонет под гнетом диктатуры. И если бы пуля палача Носке не положила конца его жизни, ему, с его могучей натурой, пришлось бы выдержать еще одну тяжелую борьбу, пока он не понял бы, что широкое революционное движение требует совершенно иных способов работы, чем маленькая нелегальная партия.

Тот факт, что он начал приспособляться к новой ситуации, был сейчас же замечен мной по его обращению со мной, когда мы встретились в работе. Он уже научился относиться с уважением к чужой литературной индивидуальности, и, после множества ударов, нанесенных им другим и испытанных на самом себе, он понял масштаб руководства, какого требовало большое движение. Во время январских тревожных дней он был арестован. Когда ему удалось бежать из тюрьмы, он уже не застал в живых ни Либкнехта, ни Люксембург. Он не сказал ни слова об этом; но каждый, кто знал его, понимал, каким это было ударом для него. Когда в декабре я прибыл в Берлин в качестве представителя Центрального Комитета русских коммунистов, не было сказано ни слова о нашей личной борьбе. Теперь над трупом Розы Люксембург, когда каждый, кто связан был с историей российско-польской социал-демократии, подавил в себе свои чувства, он со странной дрожью в голосе начал беседу о старых разногласиях словами: „Роза мертва. Нам всем надо стать ближе друг к другу"... И когда против меня началась травля, когда на улицах появились плакаты с обещанием награды за мою голову, он всеми силами старался уговорить меня уехать в какой-нибудь тихий провинциальный город.

Я спросил его, разве он не боится за себя самого, разве не ясно, что социал-патриоты, превосходно осведомленные об его роли, теперь направят против него оружие, еще дымящееся от крови Розы и Карла? Он полагался на свое старое конспиративное искусство и сказал мне, стараясь убедить меня: „Вы обещали написать мой некролог, но, ведь, я-то не давал вам такого обещания". Это была наша последняя беседа, в ночь на 12-е февраля. 12 февраля я был арестован, а через шесть недель узнал из заметки в „Vossische Zeitung", что Иогихес застрелен при попытке к бегству из Моабитской уголовной тюрьмы. Каждый, кому было знакомо железное хладнокровие Иогихеса, заранее знал, что это—басня. Агенты правительства Носке застрелили его, ибо знали, что в его лице имеют дело с главным организатором союза „Спартак". Могила Лео Иогихеса находится на немецкой земле, и германские пролетарии сумеют сохранить память об этом человеке, который в тягчайший час, чуждый им по национальности, доказал свою величайшую преданность им, не уступающую тем людям, которые в течение многих лет называли себя вождями германских рабочих. Они будут думать о нем, как о человеке, который в ночь самой беспросветной реакции отдал в их распоряжение опыт своей боевой жизни и помог им создать их первую боевую организацию.

Как ни глубоко чувствуем мы, польские и русские коммунисты, наше полное единение с германским коммунистическим движением, однако, мы обратимся с просьбой к германским рабочим, как только им удастся очистить свою землю от своры паразитов, вернуть нам одного из этих великих, выросших на почве польского движения и совместно прошедших в борьбе свою жизнь,—Лео или Розу. Из мысли рождается действие; но действие ближе к земле, чем мысль, и поэтому польской земле принадлежит Лео Иогихес, глубоко вспахавший ее, выполняя свой долг организатора польской социал-демократии. Величие Розы Люксембург создалось не на польской почве. Она—детище германской духовной культуры. Она принадлежит международному рабочему классу. Ее друг Лео приобрел свое величие в борьбе польского пролетариата, стоя во главе его, и да соблаговолят немецкие товарищи позволить нам когда-нибудь, в будущем, воз-

двигнуть памятник на склонах варшавской цитадели, где уже покоится прах его друга Мартина Каспшака, его предшественника в деле организации польского рабочего класса. А мы, работавшие совместно с ним, сохраним о нем любовное воспоминание не только как о великом борце-революционере, но и как о человеке, который был не „мудреной книгой", а „человеком с его противоречиями". Но, как говорит Шекспир, когда дело идет о великом человеке, надо „приять все вместе со всем".

Март 1919 г.

Института В. И. Ленина

Цена 2 руб.

5264

6